

КРЫМ  
В САРМАТСКУЮ  
ЭПОХУ





**НАСЛЕДИЕ**  
**тысячелетий**  
благотворительный фонд



Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий»  
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»

# КРЫМ В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ (II в. до н. э. – IV в. н. э.)

## II

### **20 лет исследований могильника Нейзац**

Сборник научных статей

Симферополь  
Наследие тысячелетий  
2016

**ББК 63.4(49Кр.-6)273.1**  
**К 852**

**Рекомендовано к изданию Ученым советом  
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»  
(протокол №3 от 24.10.2016 г.)**

**Рецензенты:** д. и. н. С. И. Лукьяшко, д. и. н. А. П. Медведев

**Редколлегия:**

*А. С. Гаджиев, д.и.н. (Махачкала)*  
*М. М. Казанский, д.и.н. (Париж, Франция)*  
*В. Кульчар, к.и.н. (Сегед, Венгрия)*  
*В. В. Майко, д.и.н. (Симферополь)*  
*В. Ю. Малашев, к.и.н. (Москва)*  
*А. М. Обломский, д.и.н. (Москва)*  
*А. С. Скрипкин, д.и.н. (Волгоград)*  
*А. А. Стоянова, к.и.н. (Симферополь, ответственный секретарь)*  
*А. Д. Таиров, д.и.н. (Челябинск)*  
*И. Н. Храпунов, д.и.н. (Симферополь, **ответственный редактор**)*

Состав редколлегии утвержден Ученым советом  
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» (протокол №3 от 24.10.2016 г.)

**К 852**

Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). II. 20 лет исследований  
могильника Нейзац. Сб. научных статей / Отв. ред. И. Н. Храпунов.  
Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. – 236 с., ил.

**ISBN 978-5-9906988-8-8**

В сборнике представлены статьи, посвященные результатам исследований  
могильника Нейзац II – IV вв. н.э., расположенного в центральной части крымских  
предгорий.

Издание предназначено для археологов, историков, студентов и всех интересую-  
щихся прошлым Крымского полуострова.

*На первой странице обложки — лепной сосуд в виде барана из могильника Нейзац*

**ISBN 978-5-9906988-8-8**

© Авторы, текст, 2016

© Храпунов И. Н., сост., 2016

© Фонд «Наследие тысячелетий»,  
оригинал-макет, 2016

“Heritage of Millennia” Non-Profitable Foundation  
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences

**THE CRIMEA  
IN THE AGE OF THE SARMATIANS  
(200 BC – AD 400)  
II**

**20 Years of Researches at the  
Cemetery of Neyzats**

Collected papers

Simferopol  
Heritage of Millennia  
2016

**ББК 63.4(49Кр.-6)273.1**  
**K 852**

**Recommended for publication by the Scholarly Council of the Institute of  
Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences  
(Protocol no. 3 of 24.10.2016)**

**Reviewers:** DSc S. I. Luk'yashko, DSc A. P. Medvedev

**Editorial board:**

*A. S. Gadzhiev, DSc (Makhachkala)*  
*M. M. Kazanski, DSc (Paris, France)*  
*V. Kulcsár, CSc (Szeged, Hungary)*  
*V. V. Mayko, DSc (Simferopol)*  
*V. Yu. Malashev, CSc (Moscow)*  
*A. M. Oblomskiy, DSc (Moscow)*  
*A. S. Skripkin, DSc (Volgograd)*  
*A. A. Stoyanova, CSc (Simferopol, executive secretary)*  
*A. D. Tairov, DSc (Chelyabinsk)*  
*I. N. Khrapunov, DSc (Simferopol, editor-in-chief)*

The Editorial Board's composition is approved by the Scholarly Council of the Institute  
of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences  
(protocol no. 3 of 24.10.2016)

**K 852**

The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400. II. 20 Years of  
Researches at the Cemetery of Neyzats. Collected papers / Edited by Igor'  
Khrapunov. Simferopol: "Heritage of Millennia" Foundation, 2016. — 236 p., ill

**ISBN 978-5-9906988-8-8**

This volume publishes the results of researches conducted at the cemetery of Neyzats  
in the central area of Crimean foothills, which dated from the second to fourth centuries AD.

This book is intended for archaeologists, historians, university students, and all those  
who are interested in the history of the Crimean Peninsula.

*Cover photo: hand-made ram-shaped vessel from the cemetery of Neyzats*

ISBN 978-5-9906988-8-8

© The authors, 2016  
© Igor' Khrapunov, the editor, 2016  
© "Heritage of Millennia" Foundation, 2016

## Содержание Contents

<b>От ответственного редактора</b> . . . . .	<b>8</b>
<i>Editor-in-Chief's Preface</i>	
<b>И. Н. Храпунов. Исследования могильника Нейзац в 2011 – 2015 гг.</b> . . . . .	<b>11</b>
<i>I. N. Khrapunov. Researches at the Cemetery of Neyzats in 2011 – 2015</i>	
<b>С. А. Мульд. Погребальные сооружения могильника Нейзац</b> . . . . .	<b>37</b>
<i>S. A. Mul'd. Burial Structures of the Cemetery of Neyzats</i>	
<b>Р. Maćzyński, В. Polit. Fire Striking Tools from the Neyzats and Druzhnoe Cemeteries</b> . . . . .	<b>76</b>
<i>П. Мончинский, Б. Полит. Орудия для высекания огня из могильников Нейзац и Дружное</i>	
<b>И. Н. Храпунов. Серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац</b> . . . . .	<b>97</b>
<i>I. N. Khrapunov. Silver and Bronze Buckles from the Cemetery of Neyzats</i>	
<b>А. А. Стоянова. Подвески из могильника Нейзац</b> . . . . .	<b>122</b>
<i>A. A. Stoyanova. Pendants from the Cemetery of Neyzats</i>	
<b>С. Б. Шабанов. Стекланный кубок группы Nuppengläser из погребального комплекса позднеримского времени могильника Нейзац</b> . . . . .	<b>166</b>
<i>S. B. Shabanov. A Glass Beaker of the Nuppengläser Group from a Later Roman Burial Assemblage in the Cemetery of Neyzats</i>	
<b>В. Ю. Радочин. Палеоантропология могильника Нейзац</b> . . . . .	<b>179</b>
<i>V. Yu. Radochin. Palaeoanthropology of the Cemetery of Neyzats</i>	
<b>И. Н. Храпунов, М. М. Казанский. Погребения эпохи переселения народов в могильнике Нейзац</b> . . . . .	<b>194</b>
<i>I. N. Khrapunov, M. M. Kazanski. Graves from the Great Migration Period in the Cemetery of Neyzats</i>	
<b>Библиография исследований могильника Нейзац</b> . . . . .	<b>230</b>
<i>Bibliography of Researches of the Cemetery of Neyzats</i>	
<b>Список сокращений</b> . . . . .	<b>234</b>
<i>Abbreviations</i>	
<b>Сведения об авторах</b> . . . . .	<b>235</b>
<i>Contributors</i>	

## От ответственного редактора

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках второй том сборника статей «Крым в сарматскую эпоху». Издание решено сделать регулярным, создана редколлегия, оно зарегистрировано в РИНЦ.

Во всех статьях настоящего сборника публикуются результаты исследования могильника Нейзац. Памятник расположен в 15 – 20 км к востоку от Симферополя, в 1,5 км к юго-востоку от с. Баланово Белогорского района Республики Крым, в предгорной зоне, в долине р. Зуя (рис. 1). Могильник раскапывался в течение 20 лет — с 1996 по 2015 год.<sup>1</sup> Всего на площади около 8000 м<sup>2</sup> исследовано 599 погребальных сооружений (рис. 2). Теперь его раскопки прекращены на неопределенное время. Пора подвести некоторые итоги.

В первой статье сборника И. Н. Храпунов публикует наиболее важные результаты последних лет раскопок. С. А. Мульд знакомит читателей с детальным исследованием погребальных сооружений могильника. Польские коллеги Петр Мончинский и Беата Полит обратили внимание на внешне не очень презентабельную группу находок, которые ранее интерпретировались

как железные шилья. По мнению авторов статьи, эти предметы являлись деталями огнив. В статье И. Н. Храпунова публикуется значительная коллекция пряжек, служивших деталями амуниции и конской сбруи. А. А. Стоянова собрала сведения о более чем 300 экземплярах подвесок из различных материалов, обнаруженных при раскопках могильника. В большой коллекции стеклянных сосудов выделяется кубок, украшенный разноцветными каплями. Его публикует С. Б. Шабанов. Все годы раскопок могильника палеоантропологический материал из него изучал В. Ю. Радочин. В данном сборнике он делится с читателями наиболее важными результатами своих исследований. На территории могильника открыты два погребения начала эпохи Великого переселения народов. О них идет речь в статье И. Н. Храпунова и М. М. Казанского. Завершается сборник библиографией исследований могильника, которая насчитывает более 70 названий.

Редколлегия надеется, что сборник не разочарует читателей, а некоторые из них превратятся в авторов будущих томов «Крыма в сарматскую эпоху».

<sup>1</sup> Первый сборник с результатами исследований памятника: Исследования могильника Нейзац. Симферополь: Издательство «Доля», 2011.



Рис. 1. Место расположения могильника Нейзац

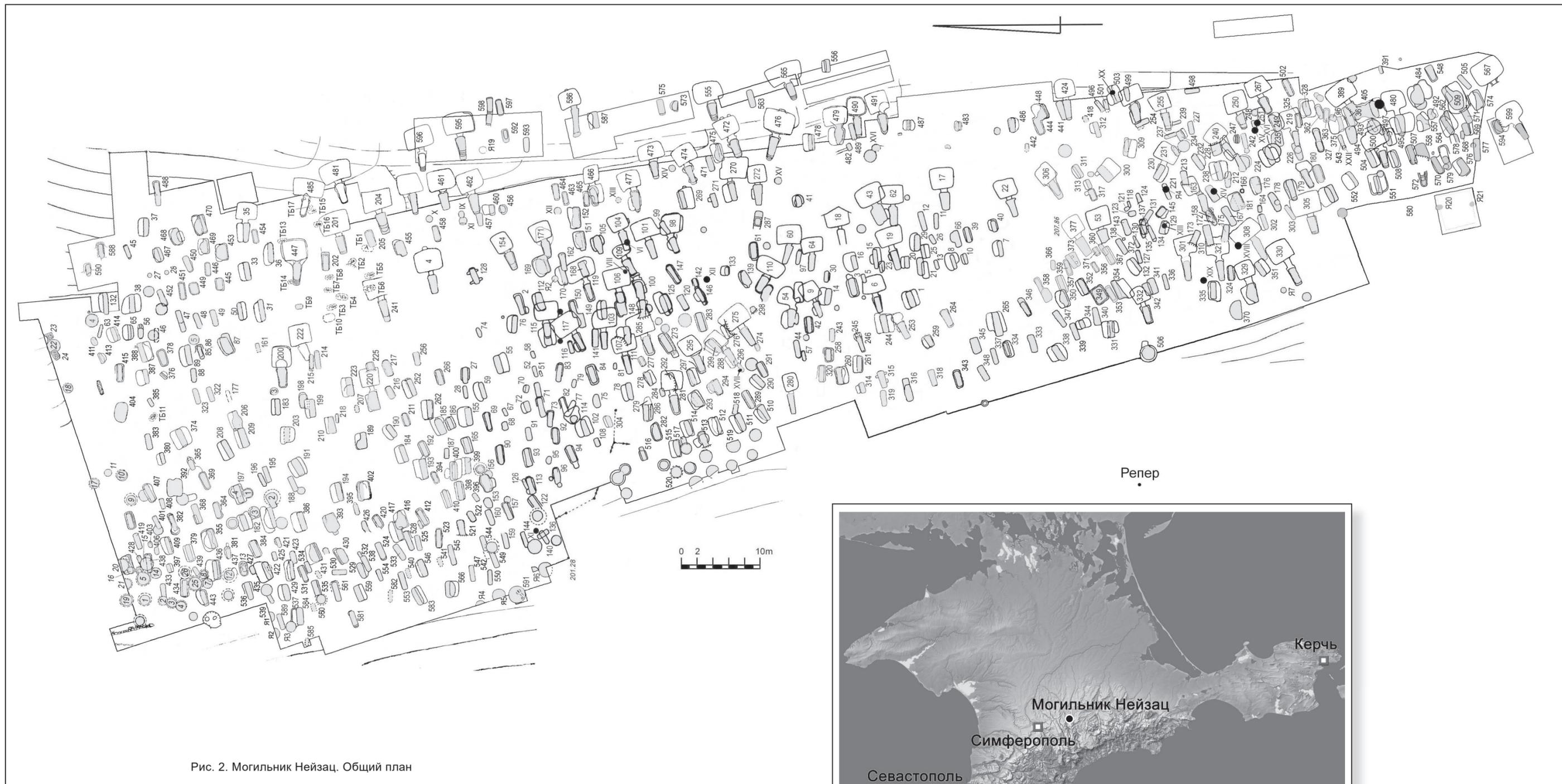


Рис. 2. Могильник Нейзац. Общий план



И. Н. Храпунов

## Исследования могильника Нейзац в 2011 – 2015 гг.

*Ключевые слова:* Крым, могильник Нейзац, погребальные сооружения, погребальный инвентарь, склеп, подбойная могила

*Key words:* Crimea, cemetery of Neyzats, burial constructions, grave goods, burial vault, undercut grave

Могильник Нейзац систематически исследуется с 1996 г. Некоторые итоги раскопок до 2010 г. включительно подведены в предыдущем сборнике, целиком посвященном исследованию памятника (Храпунов 2011). В 2011–2015 гг. раскопки продолжались. Причем 2015 г. стал последним годом археологического изучения некрополя, по крайней мере, в обозримой перспективе. Дело в том, что южная часть могильника перекрыта насыпью, созданной во время строительства Балановского водохранилища в 1960-ые гг. Насыпь состоит из земли и камней, высота ее достигает четырех метров от уровня погребенной почвы. Снести ее удастся только с помощью техники. Это очень затрудняет и удорожает работы. Кроме того, с учетом слоев, перекрывающих материк под насыпью, и глубины погребальных сооружений в про-

цессе раскопок возникают борта раскопов и бровки семиметровой высоты. Они постоянно осыпаются и рушатся, делая раскопки опасными. Поэтому было принято решение прекратить археологические исследования могильника.

Общая площадь раскопов 2011–2015 гг. составила 1200 м<sup>2</sup>. Всего с 1996 г. раскопано 8000 м<sup>2</sup>. Раскопы располагались со всех четырех сторон от ранее исследованной части могильника с целью поиска его границ (рис. 1). В результате три границы, кроме южной, обнаружены. Нельзя, конечно, исключить, что при продолжении раскопок будут обнаружены отдельные могилы, но это маловероятно. Раскопы, в которых нет могил, располагаются к востоку, северу и западу от исследованных участков. Они вполне достоверно указывают на границы памятника. В южном направлении могилы

уходят под насыпь. Как далеко к югу продолжается могильник, невозможно даже предположить.

За пять последних лет исследований раскопано 138 могил, в том числе 25 склепов, 29 подбойных и 84 грунтовых (четыре из них предназначались для погребения лошадей и одна — собаки). Таким образом, всего с 1996 г. открыто 599 погребальных сооружений, включая 88 склепов, 195 подбойных и 316 грунтовых могил.

Между могилами располагались ямы, заполненные сосудами, а также так называемые скопления сосудов. Последние представляют собой, по всей вероятности, те же ямы с сосудами, только выкопанные выше уровня материка, из-за чего в процес-

се раскопок не были прослежены их стены. За пять лет обнаружено 9 ям с сосудами и 3 скопления сосудов, всего с 1996 г. — 21 яма и 22 скопления.

Таблица 1 дает представление о количестве наиболее распространенных категорий погребального инвентаря. При этом нужно иметь в виду, что многие фрагменты лепных и краснолаковых сосудов не принимались во внимание, учитывались только целые или археологически целые экземпляры. Кроме того, в подсчеты не включен погребальный инвентарь из захоронения гуннского времени, о котором речь пойдет ниже. Понятно, что в могильнике найдено множество категорий вещей, не включенных в таблицу.

**Таблица 1. Количество некоторых категорий погребального инвентаря**

Наименование находок	Кол-во в 1996–2010 гг.	Кол-во в 2011–2015 гг.	Всего
Амфоры	18	4	22
Лепные сосуды	913	306	1219
Краснолаковые и прочие гончарные сосуды	447	130	577
Стеклянные сосуды	114	23	137
Фибулы	189	34	223
Пряжки серебряные и бронзовые	189	43	232
Пряжки железные	106	43	149
Наконечники ремней	77	11	88
Мечи и кинжалы	33	8	41
Наконечники копий	4	3	7
Зеркала	Более 40	15	Более 55
Бусы	Приблизительно 40000	10180	Более 50000
Костяные гребни	8	7	15
Монеты	29	7	36

В целом, можно сказать, что основные типы погребальных сооружений, обрядов и инвентаря, зафиксированные в 2011–2015 гг., не отличаются от охарактеризованных ранее (Храпунов 2011). Ниже остановимся на тех из них, что не были отмечены в предыдущие годы раскопок.

Пожалуй, наиболее интересным и неожиданным открытием последних лет можно назвать удревнение времени возникновения могильника. Первые, открытые в 1996 г., могилы были датированы концом II – первой

половиной III в. н. э. Они содержали инвентарь, который можно назвать позднесарматским. Более чем через 10 лет на северной окраине могильника обнаружился участок с могилами среднесарматского времени, приблизительно второй–третьей четверти II в. н. э. (Храпунов 2015). В последние годы раскопок нашлись могилы №№ 368 (Шабанов 2010), 421 (Стоянова 2013, с. 83-85), 415, 416, 441, 577 и 578 (Храпунов, Стоянова 2016), сооруженные на рубеже I – II или в начале II в. н. э.

Погребения в этих могилах не только самые ранние в могильнике Нейзац, но и, судя по опубликованным материалам, во всех других однокультурных памятниках предгорного Крыма. Открытие столь ранних погребений, по всей видимости, позволят по-новому осмыслить проблему проникновения сарматов в предгорный Крым, процесс их седентаризации.

Раскопки склепа № 473 привели к выводу о существовании неизвестного ранее обряда опустошения склепов. Погребальную камеру тщательно очистили от костей и инвентаря. Затем ее, дромос и входную яму частично засыпали землей. На земляной подсыпке во входной яме и дромосе совершили захоронение. Следы подобного обряда зафиксированы и при раскопках других склепов (подробно см.: Храпунов 2013, с. 90).

Совершенно необычно выглядит **могила № 513**. В стене прямоугольной могильной ямы вырубили нишу размером 1,1 x 0,9 м. Пол ниши и дно могилы находятся на одном уровне. На высоте 0,2 м от пола, в нише рядом друг с другом и друг в друге, стояли три лепных и семь краснолаковых сосудов. Рядом с ними найдены железные удила и пряжка, в одном из сосудов обнаружена яичная скорлупа. Нишу отгородили от могилы закладом из плит. На дне могилы похоронили коня (рис. 2).

Единственное в могильнике погребение в амфоре совершили в **могиле № 526**. Прямоугольная в плане могила ориентирована с юго-запада на северо-восток. Ее размеры 1,0 x 0,45 м, глубина 1,15 м (рис. 3). Погребение ребенка возрастом около двух лет<sup>1</sup> совершили в амфоре, лишенной горла, ручек и части стенок (рис. 4, II, 4). Ее положили дном в юго-западном направлении. Амфора коричневоглиняная колхидского производства. Ножка характерна для варианта Кх н 1В6 по С. Ю. Внукову (2003, с. 187, рис. 73, 9). Ребенок был ориентирован голо-

вой на северо-восток (рис. 4, I). На костях в районе груди расчищены бусы. 11 из них шаровидные поперечно сжатые из глухого белого стекла, одна — бочковидная поперечно сжатая из глухого белого стекла, 9 и фрагменты — шаровидные из прозрачного синего стекла (рис. 4, I, 1; II, 1–3). Могилу перекрыли мелкими камнями.

На западной окраине могильника, за пределами участка с обычными могилами, обнаружено несколько, располагавшихся на значительном расстоянии друг от друга, ям. В некоторых из них совершены захоронения людей без соблюдения обычных норм погребальной обрядности. Можно сказать, что эти ямы ограничивали могильник с запада.

**Могила № 506** (рис. 5). Круглая в плане яма немного расширяется ко дну. Ее диаметр на уровне материка 1,7 м, по дну — 2,15 м, глубина от уровня материка — 1,9 м, от современной дневной поверхности — 3,0 м. Северо-восточная стена ямы частично разрушена грабительским шурфом.

На глубине 0,6 м от уровня материка, примерно в центре ямы, обнаружено погребение I. Позвоночник погребенного согнут почти под прямым углом, ноги согнуты в коленях, правая рука согнута в локте. Левая вытянута. Череп лежал лицевой частью вниз. В районе шеи найден фрагмент железного предмета (рис. 5, I, 1; 5, II, 1), под костями — фрагментированный лепной сосуд (рис. 5, I, 2; 5, II, 2). У ног погребенного обнаружено погребение собаки. Она была положена на левый бок, головой на запад. На костях собаки лежал череп коровы.

На глубине 1,7 м от материка у западной стены ямы обнаружено погребение II. Погребенный лежал на спине, согнутый вдоль стены ямы. Его правая рука была вытянута вдоль тела, кости левой руки отсутствовали. Правая нога была отставлена в сторону, кости левой ноги найдены не *in situ*, на разных уровнях.

<sup>1</sup> Определение В. Ю. Радочина.

**Могила № 519** (рис. 8). Погребение ребенка обнаружено на дне округлой в плане ямы. Ее диаметр составлял 2,5 м, глубина — 1,3 м. Большая часть погребения разрушена рабочими. *In situ* сохранился только череп. Судя по его положению, погребенный был ориентирован головой на юго-восток. У черепа лежала бусина (рис. 6, II, 1), под ним — обломок бронзового зеркала (рис. 6, II, 2).

**Могила № 520** (рис. 7). Погребение совершено в верхней части заполнения ямы. Яма округлая в плане. Ее диаметр составлял 1,7 м, глубина 1,85 м. Погребенный находился в сидячем положении. Спину его прислонили к стене ямы. Голова находилась на уровне верхнего края ямы. Руки были согнуты в локтях в левую сторону. Лучевые кости и кисть правой руки располагались на костях таза и на левой бедренной кости. Левая рука неестественно согнута в локте. Погребенный был ориентирован головой на северо-восток.

На дне ямы обнаружено погребение собаки. Она была положена на левый бок, головой на северо-восток.

**Могила № 591** (рис. 8). Для погребения использовали круглую в плане яму. Ее диаметр 2,3 м, глубина от уровня материка 1,2 м. Погребение совершено на дне ямы. Погребенного положили в вытянутом положении на спине головой на северо-восток. Череп лежал в ногах, кости ног ниже колен отсутствовали. Руки были разведены и согнуты в локтях «ромбом». Кисть правой руки лежала на головке бедра. Под правой бедренной костью находился камень.

Уникальной особенностью могильника Нейзац является наличие выкопанных между могилами ям, заполненных сосудами. Только одна из них, яма с сосудами № 15, была перекрыта каменными плитами. Диаметр округлой в плане ямы составляет 0,85 м, глубина от уровня материка 0,2 м, от современной дневной поверхности — 0,9 м. В ней находилось 8 краснолаковых сосудов, 21 лепной и два стеклянных. Обнару-

жен также гончарный без следов красного лака сосуд и обломки краснолаковой миски (рис. 9). В одной из мисок сохранилось семь куриных яиц и задняя часть куриной тушки. Курица мелкой породы, близкая к дикому типу банкивской курицы.<sup>2</sup> Яма с сосудами № 15, как и все другие ямы с сосудами, датируется IV в. н. э.

В нескольких погребениях, относящихся практически ко всему времени существования могильника, обнаружены бляшки из золотой фольги, служившие для расшивки одежды. Во всех случаях могилы разграблены и определить место расположения бляшек *in situ* невозможно. Имеется только одно исключение. В одном из погребений склепа IV в. н. э. № 485 бляшки расчищены в определенном порядке на месте груди погребенной (Храпунов, Стоянова 2014, с. 183). По всей вероятности, ими был расшит ворот платья. Обнаружены бляшки следующих типов

— полусферической формы с рубчатым валиком по краю и орнаментом в виде радиально расположенных насечек в центре — 30 экз. (рис. 10, 4–31, 35, 63);

— треугольной формы с рубчатым валиком по краю — 17 экз. (рис. 10, 36–43, 49, 55–62);

— миндалевидной формы, выпуклые, с рубчатым валиком по краю, завершающимся двумя спиралевидными завитками, направленными в противоположные стороны — 10 экз. (рис. 10, 44–48, 50–54).

Вместе с бляшками находились две пронизи из свернутой в трубочку золотой фольги с поперечным рифлением (рис. 10, 3, 32), две 14-гранные бусины из прозрачного темно-синего стекла (рис. 10, 2, 33), две маленькие округлые бусины из темно-синего стекла (рис. 10, 1, 34).

В качестве единственной, приблизительно синхронной, крымской аналогии можно привести сохранившиеся на месте груди погребенной золотые бляшки из склепа второй половины IV – первой половины V в. н. э.

<sup>2</sup> Определение ведущего специалиста кафедры зоологии Крымского федерального университета Д. Б. Старцева.

некрополя Сувлу-Кая (Masyakin, Voloshinov, Nenevolja 2013, S. 377, 378. Abb. 10).

К 29 монетам, найденным в могильнике Нейзац ранее, за последние пять лет раскопок добавились еще семь. Две пробитые бронзовые монеты из могилы № 478 найдены на груди погребенной вместе с бусами. Они использовались как подвески. Одна из монет чеканена при Констанции II (348–355), вторая очень плохой сохранности, поэтому ее эмитент и дата под вопросом. Скорее всего, это Константин I (305–337).<sup>3</sup> Погребальный инвентарь из могилы № 478 датируется IV в. н. э.

Две бронзовые монеты обнаружены в северо-западном подбое могилы № 503. Подбой, судя по размерам, предназначался для погребения ребенка, но в нем не сохранилось ни одной кости. Одна монета боспорская, чеканена при Фофорсе (586 г. б. э. = 289/290 г. н. э.) (рис. 11, 2), другая — римская, чеканена при Константине I (ок. 311 г.) (рис. 11, 1). По погребальному инвентарю могила датируется IV в. н. э.

Одна бронзовая монета найдена в подбое, сделанном в южной стене входной ямы склепа № 480. Она лежала в районе тазовых костей погребенного. Монета плохой сохранности, римская, датируется временем около 294–337 гг. н. э. По инвентарю погребение в подбое относится к IV в. н. э.

Две монеты обнаружены в могиле № 552. Они находились у правой берцовой кости погребенного. Одна монета плохой сохранности, биллоновая, римская, возможно, чеканилась при Каракалле или Гете (конец II – начало III в. н. э.). От второй бронзовой монеты сохранился неопределимый фрагмент. По погребальному инвентарю могила датируется первой половиной III в. н. э.

Монеты, обнаруженные до 2011 г., опубликованы (Храпунов Н. 2009; Khrapunov N. 2013). Из новых находок следует отметить монету Констанция II (348–355). Все остальные монеты из могильника Нейзац, как и

монеты из других предгорных могильников, кроме расположенных вблизи Херсонеса, датируются, самое позднее, первой половиной правления Константина Великого. Многочисленный погребальный инвентарь показывает, что могильник интенсивно использовался до конца IV – начала V в. н. э. Объяснить отсутствие монет, синхронных поздним фазам существования могильника, не удастся. Монета Констанция II самая поздняя из найденных в некрополе.

Погребальный инвентарь, обнаруженный за последние пять лет раскопок, соответствует тому, что был получен в предыдущие годы. Однако сделаны некоторые необычные находки.

В могиле IV в. н. э. № 478 обнаружен лепной сосуд, кажется, не имеющий аналогий. Он состоит из двух биконических чаш, соединенных общей стенкой с отверстием. Его верхняя часть не сохранилась (рис. 11, 3).

Впервые обнаружены глиняные грузила, использовавшиеся в качестве погребального инвентаря. Одно из них найдено в разграбленном склепе IV в. н. э. № 476 (рис. 12, 1). Еще одно лежало отдельно от другого погребального инвентаря в ногах погребенных в подбое IV в. н. э., выкопанном в стене входной ямы склепа № 480 (рис. 12, 4). Глиняные грузила обнаружены в производственном помещении, находившемся буквально рядом с могильником (Храпунов, Смекалова, Власов 2010, с. 12, рис. 31, 6; 32; 33), а также в расположенном напротив могильника, на левом берегу р. Зуя, поселении в Барабановской балке (Храпунов 2016, с. 28, рис. 102, 25-28; 103, 1, 2).

В разграбленном склепе IV в. н. э. № 474 найдено изделие из рога (рис. 12, 6). Эта находка уникальна для Крыма, но имеет достаточно много аналогий в ареале германских культур (Kokowski 2004, с. 28-30, 45; Магомедов 2001, с. 74). Изделия из рога называют иногда браслетами, иногда амулетами. В любом случае очевидно,

<sup>3</sup> Все монеты определены Никитой Храпуновым

что оно представляет собой свидетельство контактов населения крымских предгорий с германцами. находка опубликована (Khrapunov 2013, p. 186, fig. 8,4).

В склепе IV в. н. э. № 485 найдена бронзовая шарнирная Т-образная фибула (рис. 12, 2). Соответствует типу 3/4 по Келлеру/Претелю (Keller 1971, S. 37-41; Prötzel 1988, S.357) и группе 9, типу 4 по херсонесской классификации (Костромичев 2012, с. 98-107). Датируется фибула в пределах 330–400 г. н. э.

Такие застежки служили для закрепления тяжелого плаща на плече военнослужащих римской армии. Поэтому их повсеместно много в местах дислокации римских войск, к варварам попадали единичные экземпляры. Аналогичная ситуация наблюдается в Крыму. В Херсонесе, месте дислокации римского гарнизона, найдено 77 Т-образных фибул, в некоторых варварских могильниках, в том числе и в Нейзацком, по одной (Костромичев 2012, с. 74–122).

Кроме Т-образной фибулы, в могильнике Нейзац найдено только две металлические вещи римского производства. Это накладки на ремень, использовавшиеся, по-видимому, вторично в погребении III в. н. э. (Храпунов 2016а, с. 140, 145, рис. 6, 13, 14).

В подбое IV в. н. э., выкопанном в стене входной ямы склепа № 480, сделана необычная для Крыма находка. Это фрагмент так называемой перекладчатой фибулы (рис. 12, 3). Основной ареал таких застежек — лесостепное Среднее Поднепровье, Днепровское левобережье и Верхнее Подонье. Наша находка относится к финальному этапу развития перекладчатых фибул. Он характеризуется отсутствием гнезд с эмалью, слабой профилировкой, разнообразными прорезями. Нижняя хронологическая граница этапа находится в пределах второй половины III в. н. э., верхняя граница относится к IV в. н. э., но более точно пока не установлена (последняя работа о перекладчатых

фибулах, с историографией: Обломский, Терпиловский 2007, с. 113–124).

Отметим, что это весьма массивная застежка, фрагмент ее сохранился очень хорошо. Отсутствие части фибулы выглядит довольно странно, если не предположить, что в могилу положили не целый экземпляр, а только его обломок.

Вещи «круга эмалей» в небольшом количестве находили в Крыму и ранее (Khrapunov 2008, p. 196–198). Среди них перекладчатая фибула из могильника Чатыр-Даг (Щукин 2002; Мыц и др. 2006, с. 132,133).

В склепе № 509 найден серебряный щиток серьги. Он каплевидной формы, покрыт позолоченной фольгой, орнаментированной тисненным жгутиком. В центре щитка напаяно гнездо каплевидной формы, в него вставлен сердолик (рис. 12, 7). Украшение сделано в стиле, весьма распространенном на юге Восточной Европы во второй половине III–IV в. н. э. Ранее в могильнике Нейзац из вещей, изготовленных в этом стиле, были найдены только две серьги, украшенные сердоликовыми вставками (Храпунов 2011, с. 44).

В подбое, сделанном во входной яме склепа № 480, в погребении конца II – первой половины III в. н. э. найдена костяная пиксида (рис. 12, 8). Это единственная такая находка в могильнике. Костяные пиксиды во множестве производились в античных городах Северного Причерноморья, но иногда попадали и к варварам (Петерс 1986, с. 68–70). В частности, пиксида найдена в расположенном рядом с могильником Нейзац поселении в Барабановской балке (Храпунов 2016, с. 31, рис. 111, 9).

В могиле № 468, в подбое, предназначенном для погребения двух детей, обнаружена антропоморфная статуэтка, сделанная из слабо обожженной глины. Она конусовидной формы с плоской лицевой стороной, на которой рельефом показан нос, а с помощью точек и врезных линий изображены глаза, рот и руки (рис. 12, 5). Эта находка пополняет чрезвычайно

малочисленную коллекцию предметов, которые можно отнести к произведениям, пусть примитивного, но искусства.

Могила № 586 представляет собой склеп обычной для могильника Нейзац конструкции. Подавляющее большинство таких склепов выкопали в IV в. н. э. Приблизительно во второй трети V в. н. э., когда могильник уже некоторое время не использовали, склеп очистили от костей погребенных ранее, а также от погребального инвентаря, и совершили там одно захоронение. Вероятно, готовое, но принадлежавшее людям чуждой для них культуры, погребальное сооружение использовали проникшие в предгорья степные кочевники (подробно см. в статье И. Н. Храпунова и М. М. Казанского в этом сборнике).

Особенностью, отличающей могильник Нейзац от всех других известных памятников, является наличие культурного слоя, перекрывавшего значительную часть погребений (см. об этом специальную работу: Власов, Смокотина, Храпунов 2011). Раскопками 2013 г. культурный слой открыт в северо-западной части могильника. Под дерном в этом месте залегал слой темной гумусированной земли мощностью 0,3–0,5 м. Он перекрывал слой желтоватого суглинка, залегавший на материке. Мощность слоя суглинка составляла 0,4–1,2 м (рис. 13, 1). Слой темной земли насыщен обломками керамических сосудов и костями животных. В слое суглинка находки встречаются значительно реже. Среди находок, сделанных в слое темной земли, отметим фрагменты лепных сосудов (рис. 13, 3–5), пряслице (рис. 13, 6), обработанный кремь (рис. 13, 2).

В материке обнаружено несколько ям. Они округлые в плане, глубиной 0,2–1,1 м. Одна из ям явно отличается от остальных. В плане она неправильных очертаний. Стенки ее почти вертикально опускаются ко дну. Размеры ямы 2,2 x 2,0 м, глубина от уровня материка 0,7 м, от современной дневной поверхности — 0,9 м. В юго-запад-

ной части границы ямы не прослежены, т. к. они уходят в борт раскопа. В дне ямы выкопано несколько углублений, очевидно, для установки сосудов (рис. 14, 1). Четыре фрагментированных лепных сосуда лежали на дне ямы (рис. 14, 2, 3; 15, 1, 2), еще три обломка найдены в заполнении (рис. 14, 4–6).

Впервые на территории могильника открыта каменная стена. Она впущена через залегающий под дерном слой темной земли в подстилающий его слой суглинка, ориентирована с юга на север и уходит в северный борт раскопа. Южная часть стены не сохранилась. Длина стены в пределах раскопа составляет 2,8 м. Она сложена из разномерных необработанных камней. Сохранилась в высоту на один ряд (0,2–0,4 м). Стена была двухпанцирной с забутовкой. Внутренний панцирь, сложенный из более мелких камней, чем внешний, и забутовка сохранились только в некоторых местах. Толщина двухпанцирной стены составляла 0,7 м. К лицевой части стены в нескольких местах примыкали участки плотной глиняной обмазки. Размеры наибольшего из таких участков 0,8 x 0,6 м.

Стена перекрыла яму. Яма округлая в плане, ко дну она расширяется. Ее диаметр на уровне материка 1,0 м, дна — 1,6 м, глубина — 1,1 м.

Яма была плотно забита камнями. Вероятно, это сделано специально, чтобы предотвратить просадку стены.

Перед стеной, к западу от нее, на расстоянии 0,8–1,0 м, была выкопана траншея с рядом стоящих на ребре необработанных камней. Ширина траншеи 0,4 м, глубина 0,2 м, прослежена в длину на 1,4 м, далее она уходит в северный и западный борта раскопа. Траншея ориентирована с юго-запада на северо-восток (рис. 16, I). В ней найдено несколько мелких обломков керамики, кости животных, а также сохранивший полный профиль лепной сосуд (рис. 16, II).

Насыщенный находками культурный слой и ямы различного хозяйственного

назначения уходят в северный борт раскопа. В том же направлении продолжается единственная каменная стена. Если северная граница могильника открыта нашими раскопками, то это нельзя сказать о культурном слое и связанных с ним сооружениях. Поселение, назначение которого, по-прежнему, остается неясным, располагалось не только на части могильника, но и к северу от него.

### Список использованной литературы

- Власов В. П., Смокотина А. В., Храпунов И. Н. Культурный слой на могильнике Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
- Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология). М., 2003.
- Костромичев Д. А. Римские фибулы Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. XVII. Севастополь, 2012.
- Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В. Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (Дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.). М., 2007.
- Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
- Стоянова А. А. Плитовые могилы из некрополя Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. I. Симферополь; Бахчисарай, 2013.
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
- Храпунов И. Н. Особенности могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. I. Симферополь; Бахчисарай, 2013.
- Храпунов И. Н. Погребения II в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. Вып. 1 (47).
- Храпунов И. Н. Поселение в Барабановской балке (II–IV вв. н. э.). Симферополь, 2016.
- Храпунов И. Н. Две подбойные могилы III в. н. э. из некрополя Нейзац (Крым) // РА. 2016а. № 2.
- Храпунов И. Н., Смекалова Т. Н., Власов В. П. Археологические разведки в предгорном Крыму между долинами рек Биюк-Карасу и Бельбек. Симферополь, 2010.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Об имущественной и социальной дифференциации населения предгорного Крыма позднеримского времени // КСИА. 2014. Вып. 234.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Ранние погребения в могильнике Нейзац // История и археология Крыма. Вып. III. Симферополь, 2016.
- Храпунов И. Н. Монеты из могильника Нейзац (находки 1996–2008 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 3.
- Шабанов С. Б. Детское погребение с бальзамариями из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. XXIV. Симферополь; Керчь, 2010.

- Щукин М. Б. Об одной интересной находке из могильника на склоне Чатыр-Дага // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.
- Keller E. Die spätrömischen Grabfunde in Südbayern // Veröffentlichungen der Kommission zur archäologischen Erforschung des spätrömischen Raetien. 1971. 8.
- Khrapunov I. N. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea // *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period.* Lublin, 2008.
- Khrapunov I. Germanic Artefacts in the Cemetery of Neyzats // *Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea.* Kristiansand; Simferopol, 2013.
- Khrapunov N. Coins in the Cemetery of Neyzats (1996–2008 finds) // *Exploring the Cemetery of Neyzats.* Simferopol; Kristiansand, 2013.
- Kokowski A. Przyczynek do historii kontaktów germanów i sarmatów w świetle badań archeologicznych // *Sarmaci i germanie.* Lublin, 2004.
- Masyakin V., Voloshinov A., Nenevolja I. Die Nekropole von Suvlu-Kaja // *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten.* Bonn, 2013.
- Pröttel P. M. Zur Chronologie der Zwiebelknopffibeln // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz.* 1988. 35.

*I. N. Khrapunov*

## **Researches at the Cemetery of Neyzats in 2011 – 2015**

### ***Abstract***

Systematic researches of the cemetery of Neyzats started in 1996. Some results of the excavations before the year of 2010 inclusive have been summarized in previous volume dedicated to the investigations of this site (Храпунов 2011). In 2011 – 2015, the excavations continued. New excavation trenches occurred from every four quarters of the cemetery area investigated before, with the aim of searching for its borders. In result, three of its borders except for the southern one have been discovered. Five recent years of research excavated 138 graves, including 25 burial vaults, 29 undercut graves, and 84 graves in simple pits (four of them were intended for burials of horses and one for a dog). This way, from 1996 on we excavated 599 burial structures, including 88 burial vaults, 195 undercut graves, and 316 pit graves. Generally, one could say that the main types of burial structures, funeral rites, and grave goods documented in the years of 2011 – 2015 do not differ from those uncovered earlier.

Perhaps the most interesting and surprising discovery of recent years is that the cemetery appeared earlier than considered before. In recent years, we discovered graves constructed at the turn of the first and second centuries or in the early second century AD. Burials made into these graves were the earliest both in the cemetery of Neyzats and, according to the published materials, in other sites of the same culture discovered in Crimean foothills.

The only in this cemetery amphora burial was made into grave no. 526 (fig. 3; 4).

On the western edge of the cemetery, outside the area with typical graves, there were a few pits located at considerable distance from each other. Some of them contained burials of humans, which did not follow traditional norms of funeral rite. One could say that these structures limited the cemetery on the west (fig. 5–8).

Several burials, which date through almost entire period when the cemetery functioned, contained badges made of gold foil and used to decorate cloths. One of the burials in fourth-century vault no. 485 had such badges forming an order on the dead woman's chest. Most likely, they ornamented the collar of a robe (fig. 10).

Last five years of research added seven more coins to 29 specimens discovered in the cemetery of Neyzats before. Among the recent finds, a coin of Constantius II (348-355) should be mentioned as the latest coin discovered in this cemetery.

Grave no. 478 dating to the fourth century AD contained a hand-made vessel which seemed to have no parallels (fig. 11.3). For the first time, clay loom-weights were discovered amidst grave goods (fig. 12.1,4). Plundered vault no. 474 from the fourth century AD contained a worked antler (fig. 12.6). Unique for the Crimea, this find possesses a number of parallels in the area of Germanic cultures. The cemetery contained sole specimens of the fourth-century brooches: T-shaped Roman clasp (fig. 12.2) and the so-called crossbar brooch, the latter from the "circle of enamels" (fig. 12.3). In an undercut of grave no. 468 there was an anthropomorphic statuette of ill-baked clay (fig. 12.5).

A feature distinguishing the cemetery of Neyzats from the other known sites is a cultural layer overlaying a great part of the graves. 2013 excavations discovered this cultural layer in the north-western cemetery area. Several pits in bedrock were excavated. For the first time in the cemetery area, a stone wall was uncovered. The cultural layer saturated with finds, the pits having various economic purposes, and the stone wall, they all go into the northern side of the excavation trench. Therefore, although our excavations have discovered the northern border of the cemetery, this does not matter for the cultural layer and related constructions. The settlement, which purpose still remains unclear, occupied both a part of the cemetery and an area to the north of it.

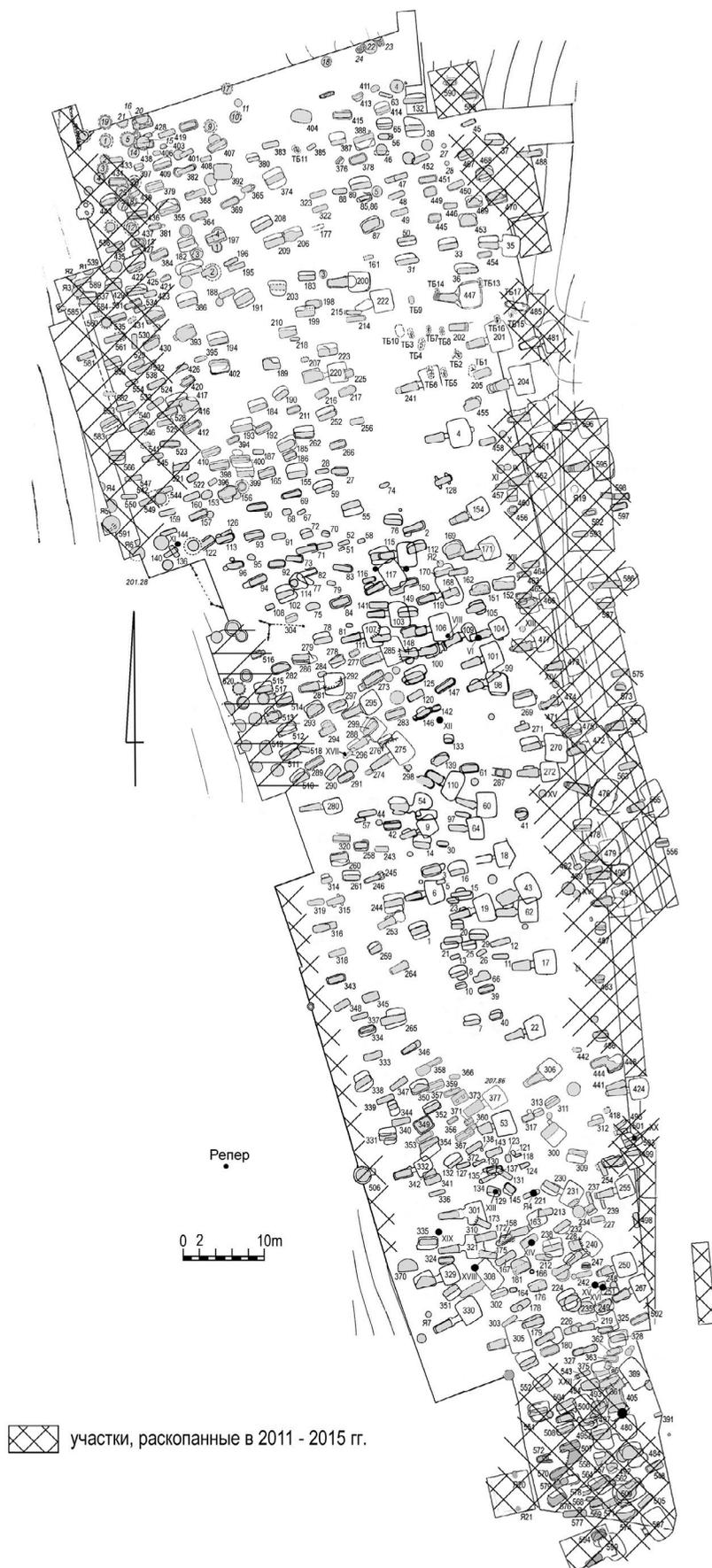


Рис. 1. План могильника Нейзац

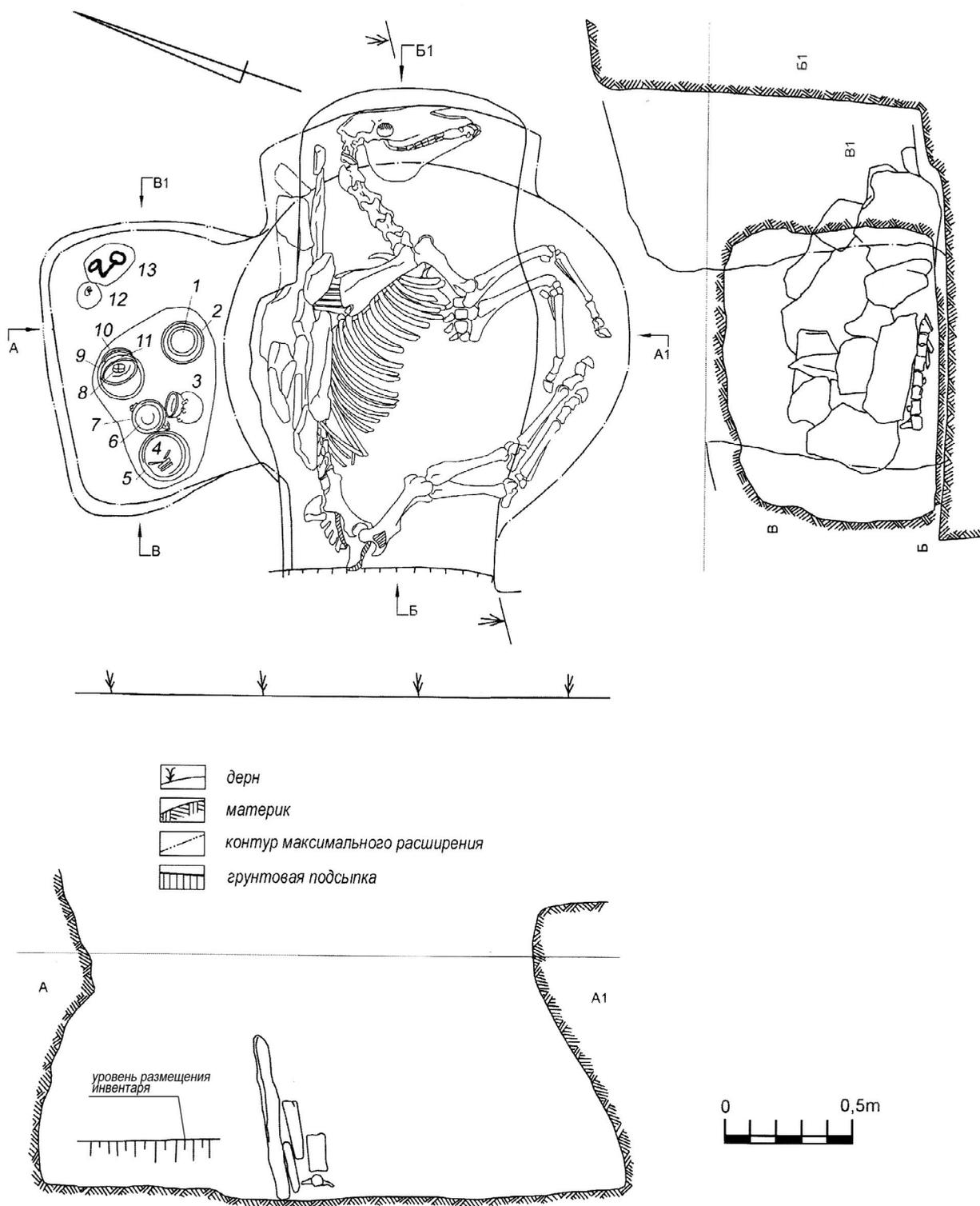


Рис. 2. Могила № 513. План и разрезы. 1, 4-6, 9-11 — сосуды краснолаковые; 2, 3, 7 — сосуды лепные; 8 — скорлупа яичная; 12 — пряжка железная; 13 — удила железные

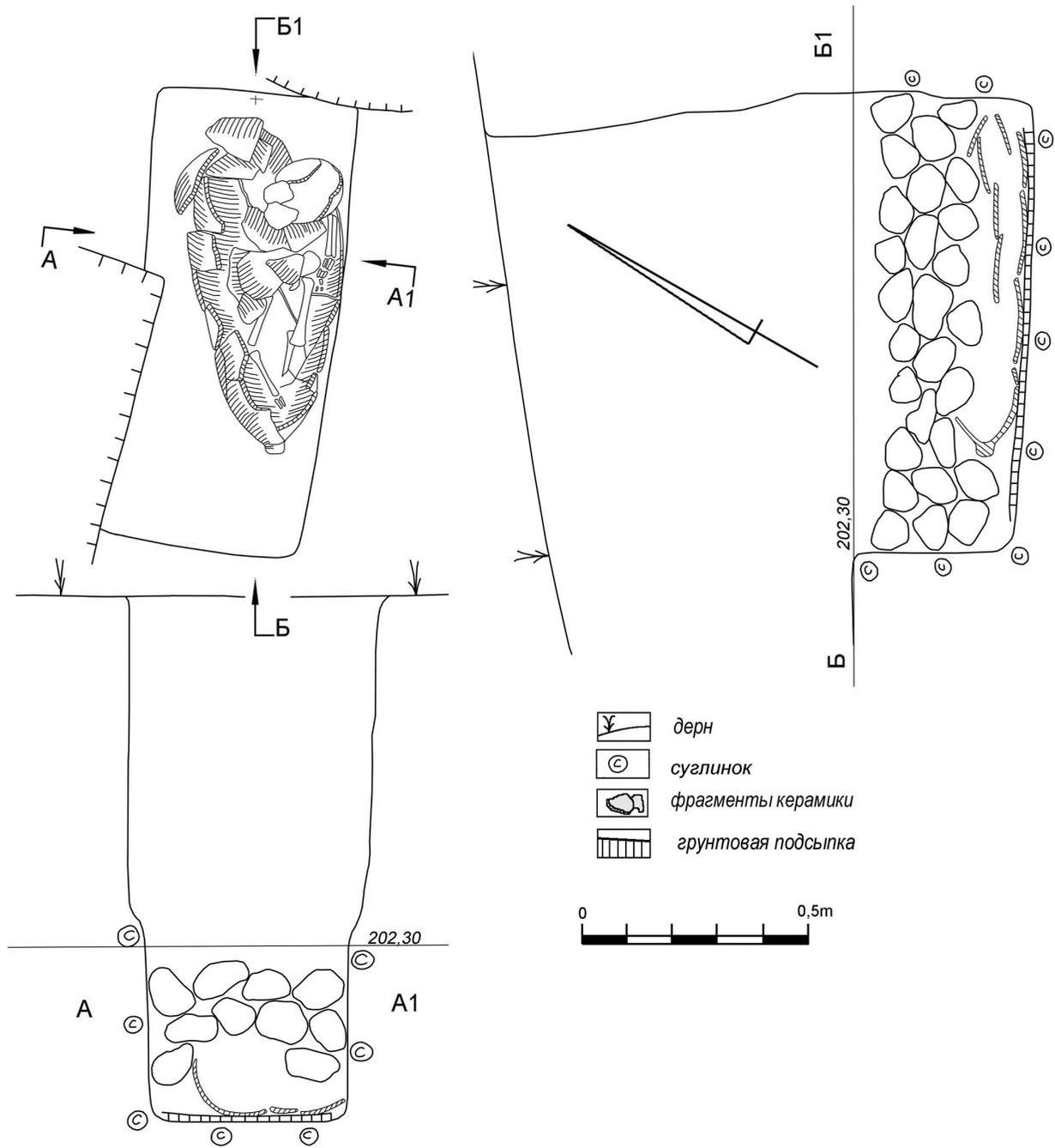


Рис. 3. Могила № 526. План и разрезы

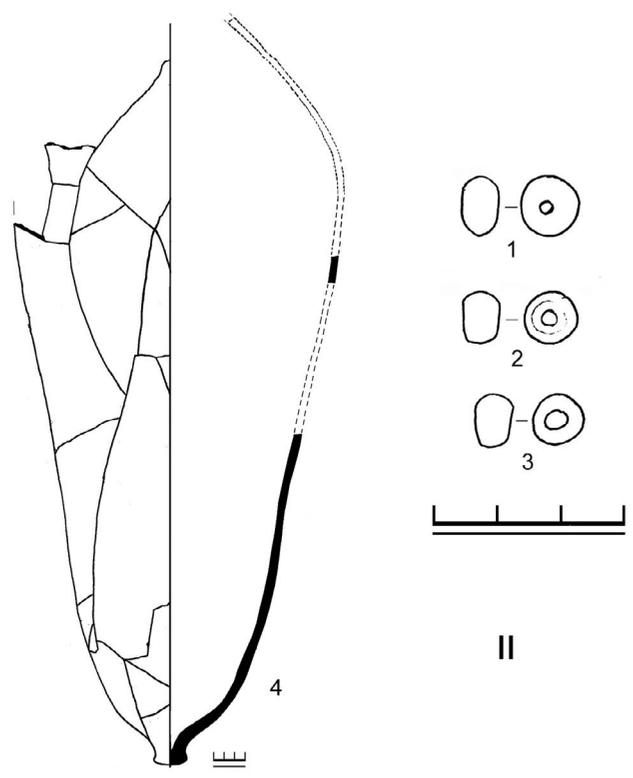
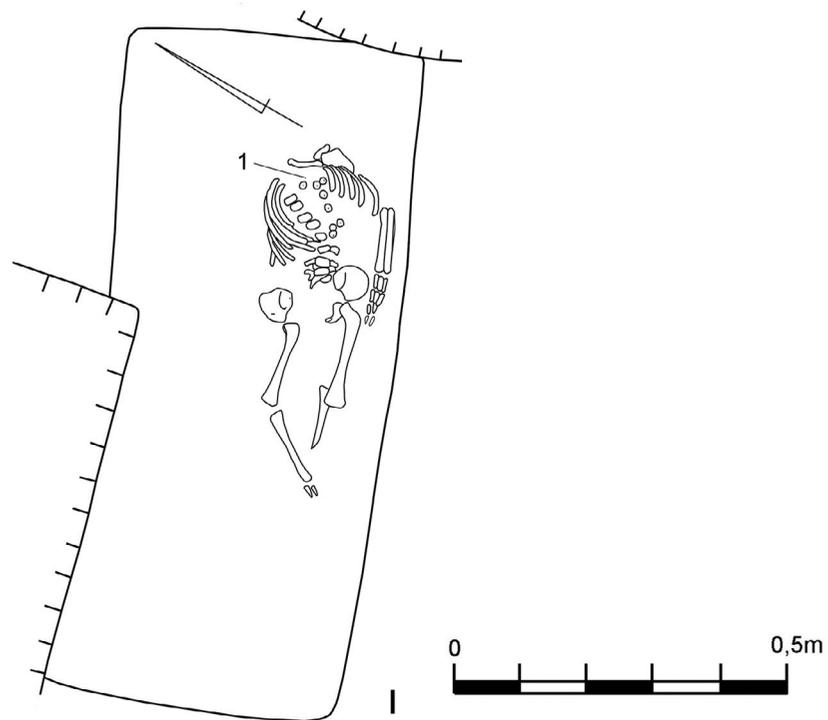


Рис. 4. Могила № 526. I — погребение ребенка: 1 — бусы; II — погребальный инвентарь: 1-3 — бусы, 4 — амфора

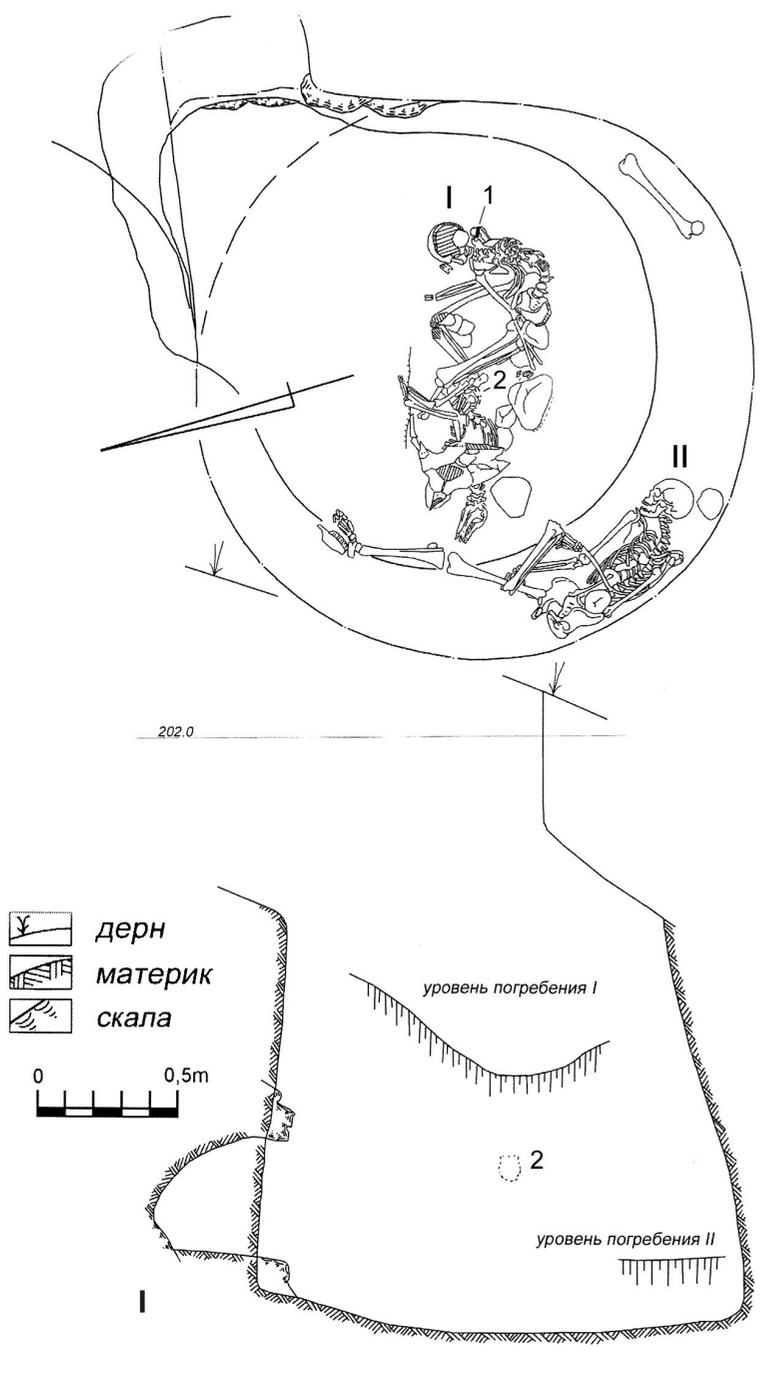


Рис. 5. Могила № 506.

I — план и разрез

(I, II — номера погребений):

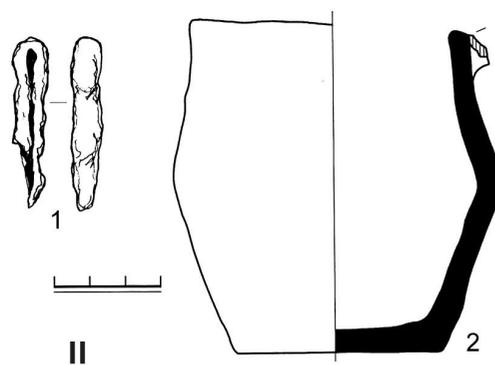
1 — предмета железного фрагмент,

2 — сосуда лепного фрагмент;

II — погребальный инвентарь:

1 — предмета железного фрагмент,

2 — сосуда лепного фрагмент



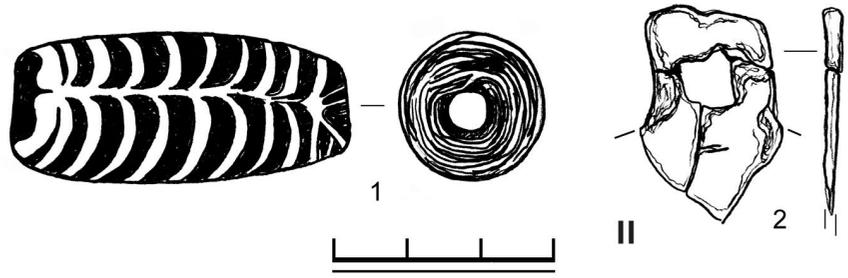
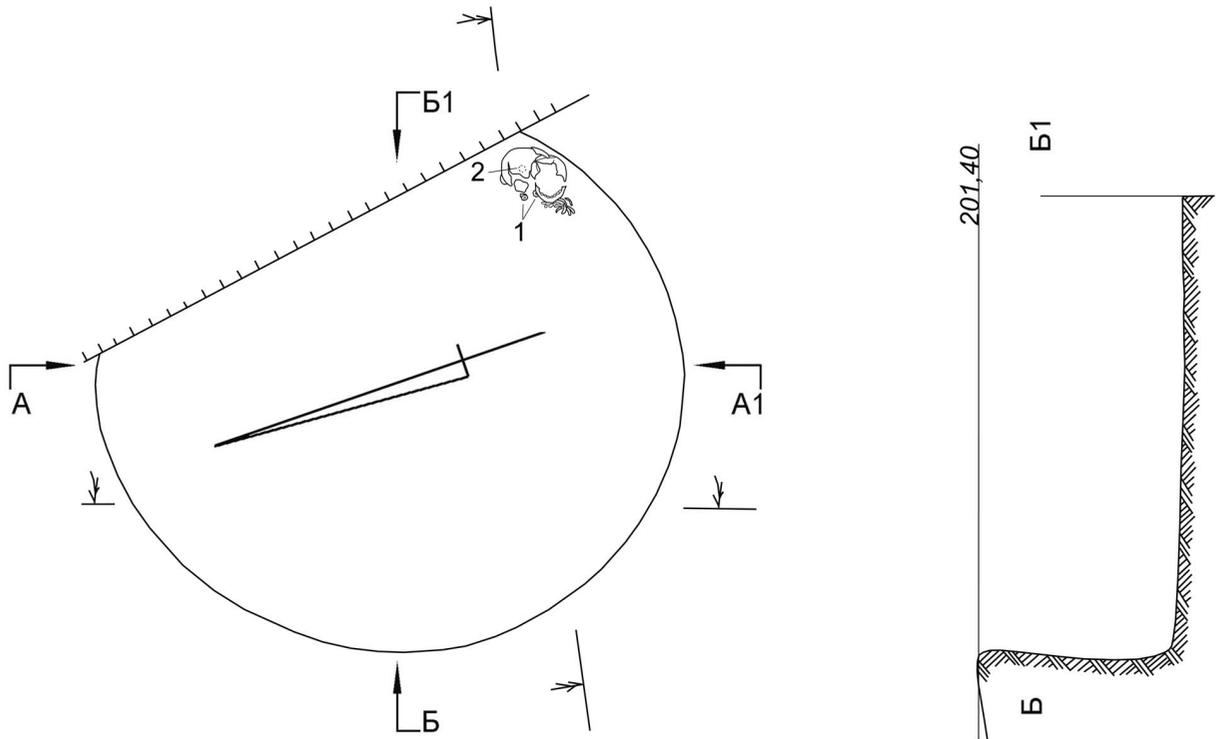


Рис. 6. Могила № 519. I — план и разрезы; II — погребальный инвентарь:  
1 — бусина, 2 — фрагмент зеркала

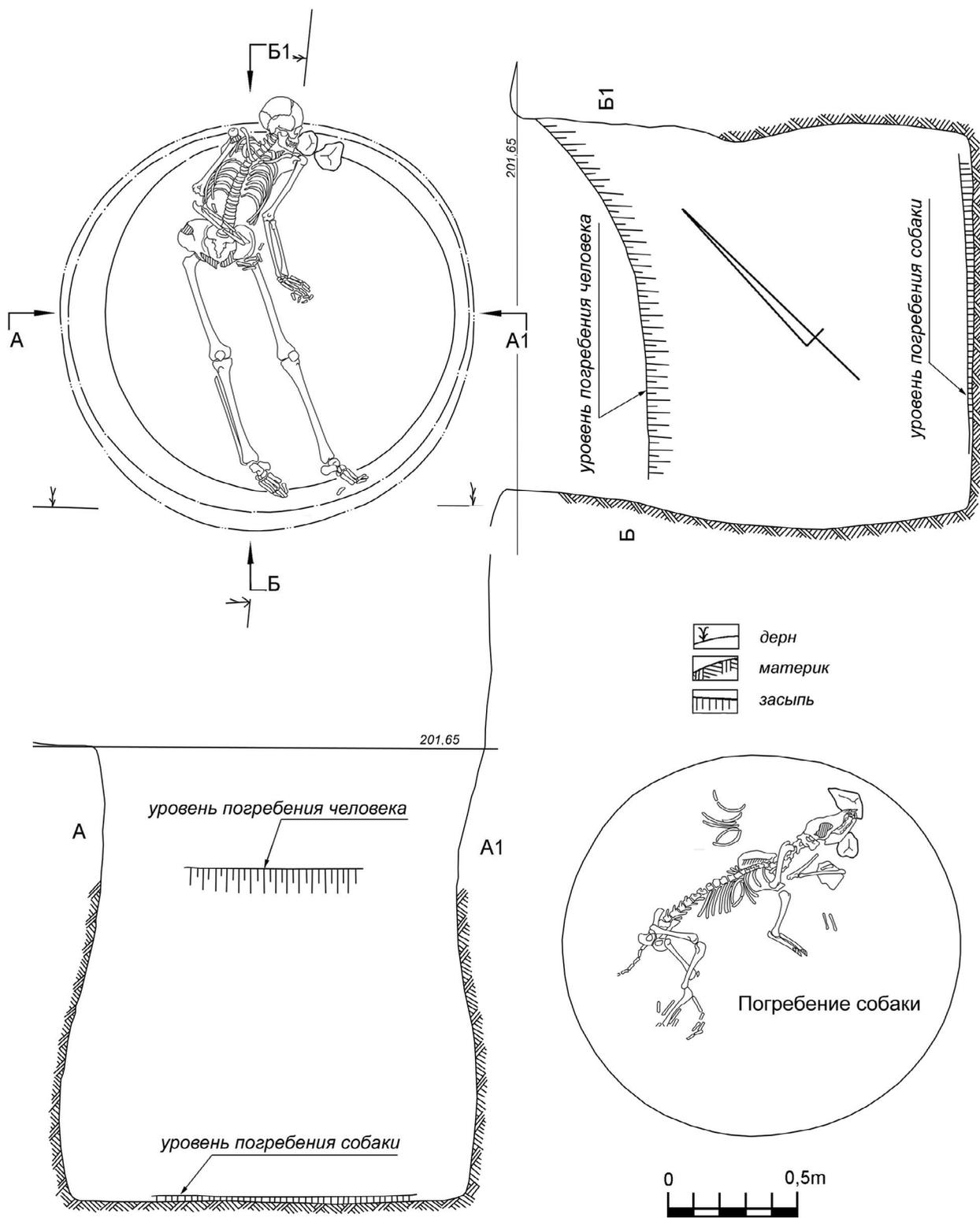


Рис. 7. Могила № 520. Планы и разрезы.

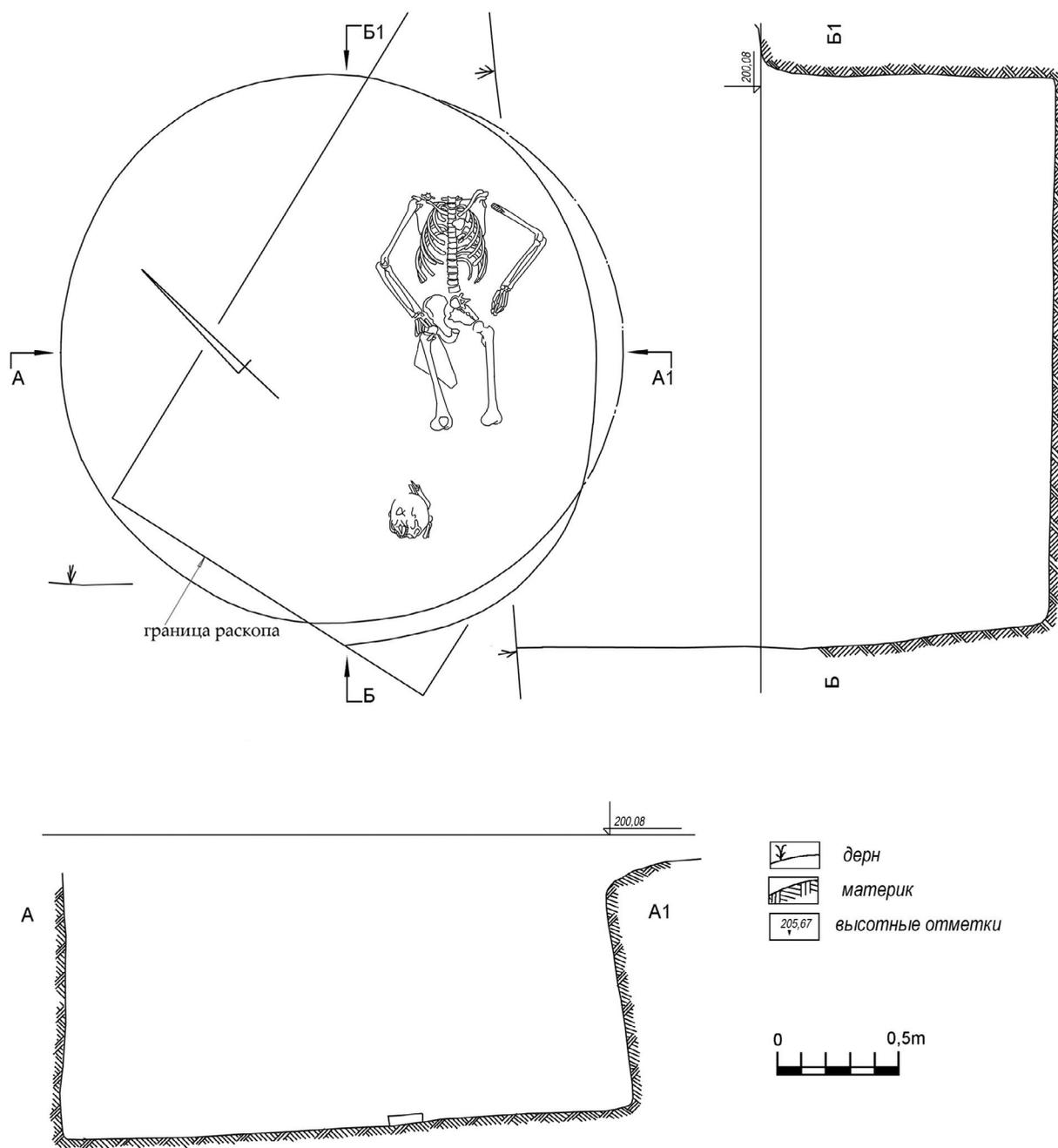


Рис. 8. Могила № 591. План и разрезы

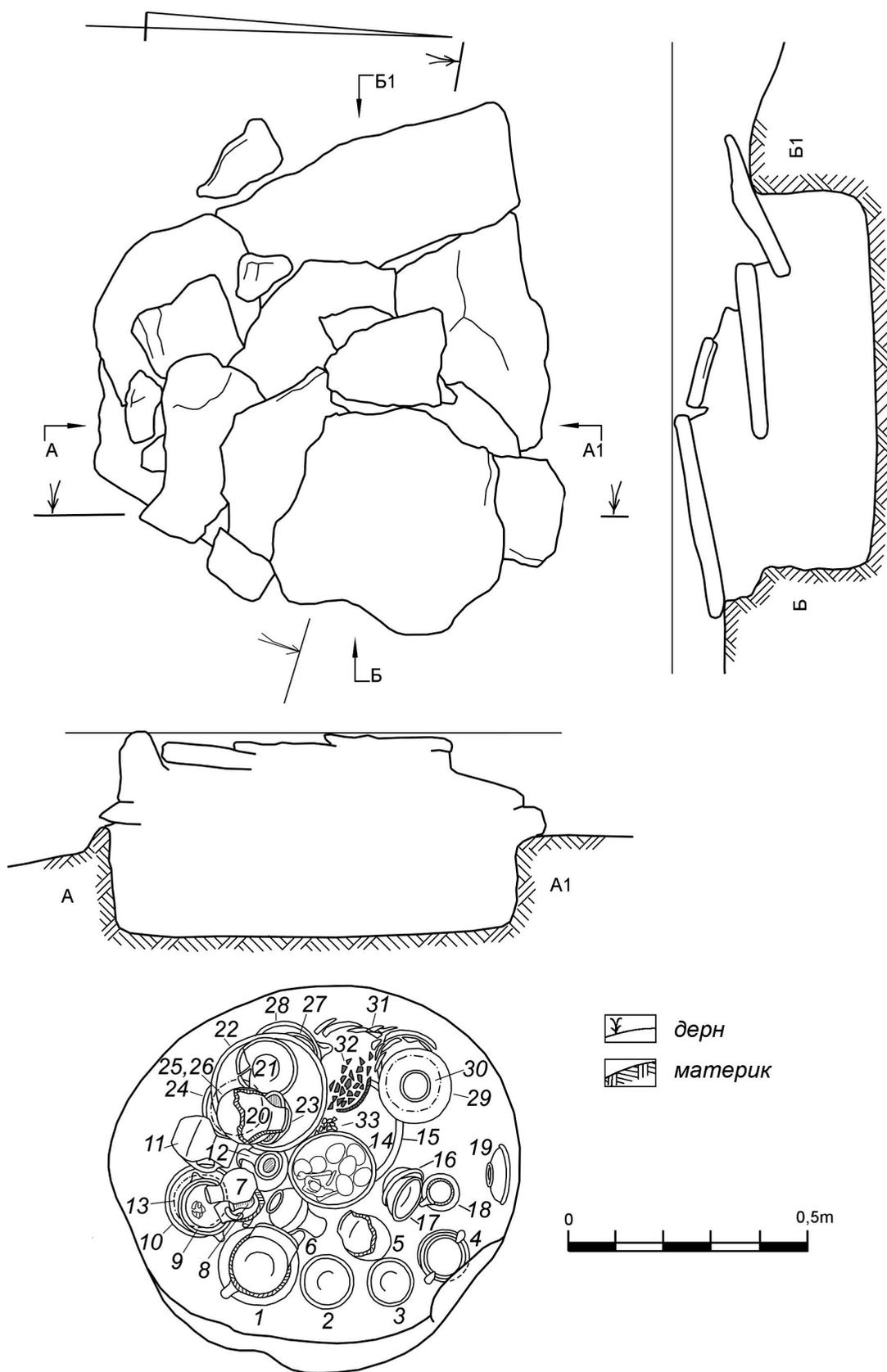


Рис. 9. Яма с сосудами № 15. План и разрезы. 1, 2, 3–11, 13, 16–18, 20, 21, 23–26, 28, 30 — сосуды лепные; 3, 12, 14, 15, 19, 22, 27, 29, 31 — сосуды краснолаковые; 32, 33 — сосуды стеклянные

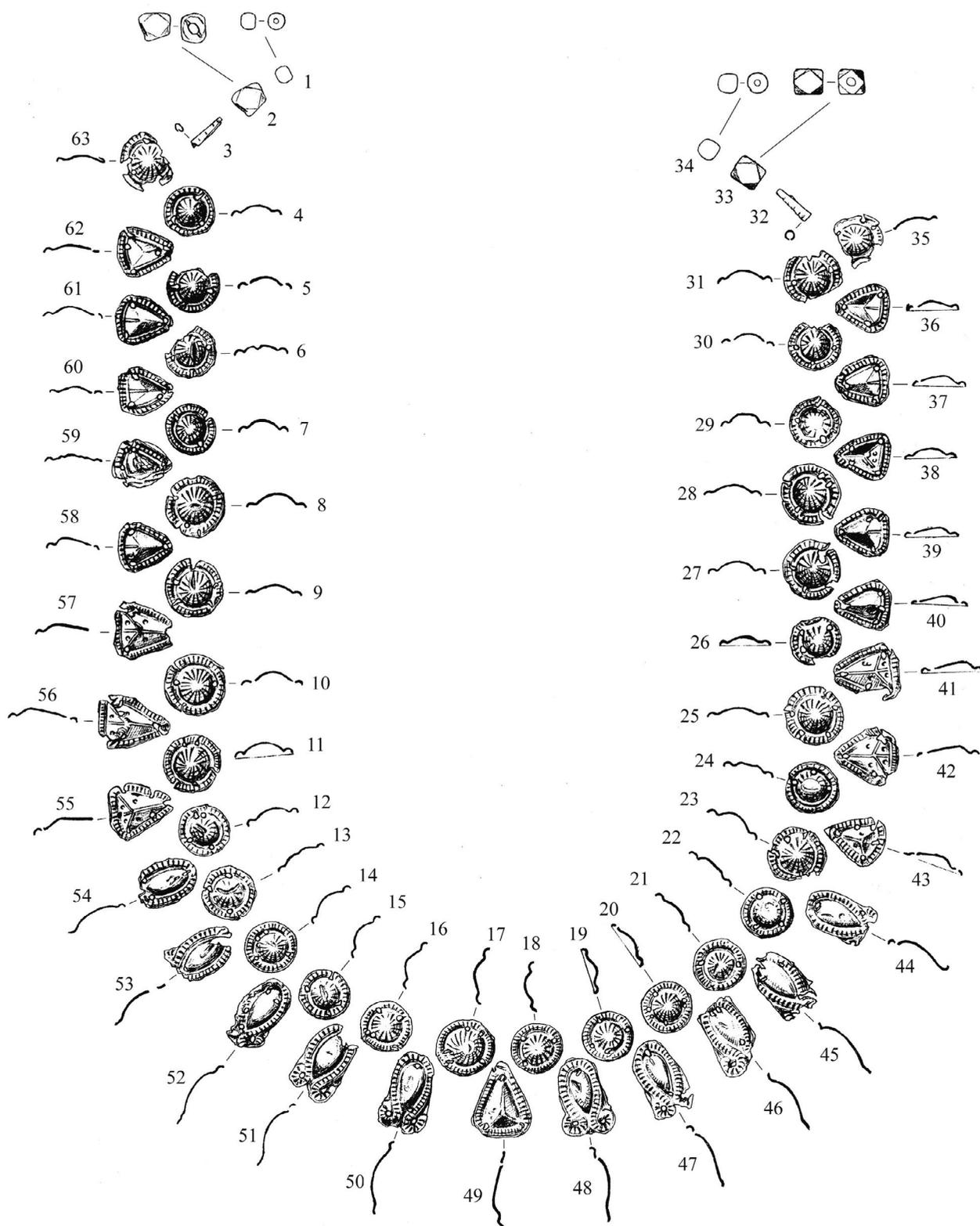


Рис. 10. Могила № 485. Украшение ворота платья из золотых бляшек и пронизей, стеклянных бус

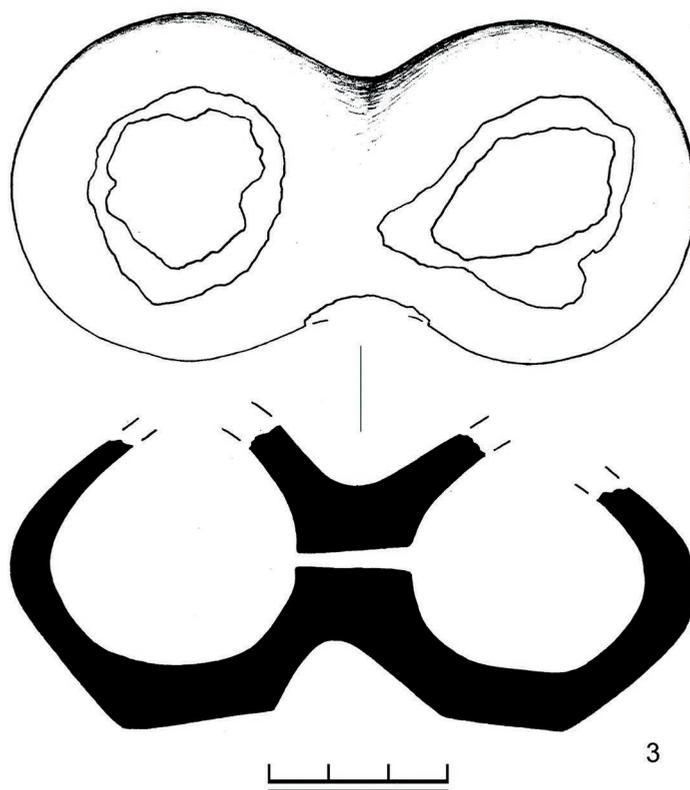


Рис. 11. Погребальный инвентарь: 1 — монета Константина I; 2 — монета Фифорса;  
3 — лепной сосуд (1, 2 — могила № 503; 2 — могила № 478)

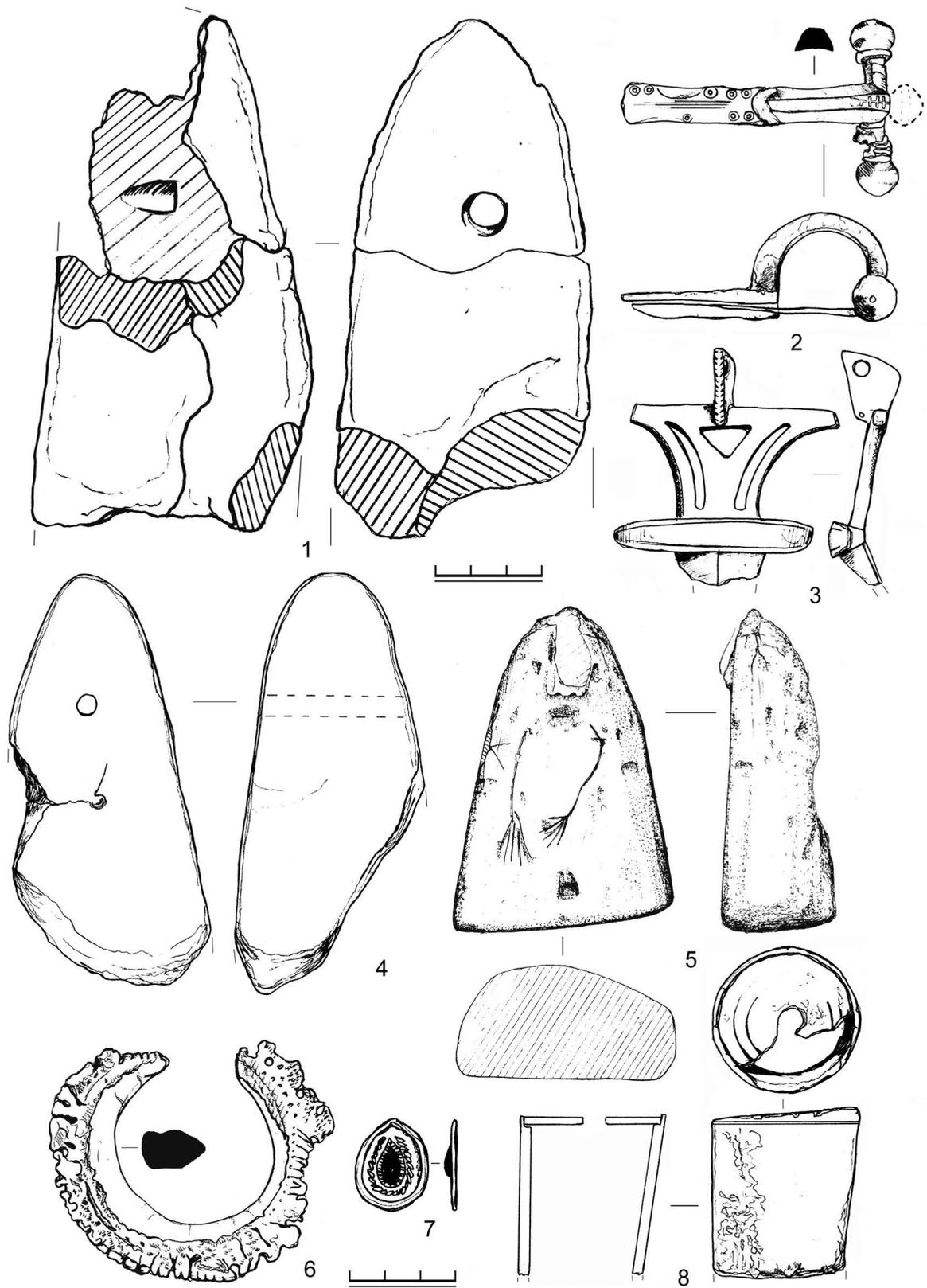


Рис. 12. Погребальный инвентарь: 1, 4 — глиняные грузила; 2, 3 — бронзовые фибулы; 5 — глиняная статуэтка; 6 — изделие из рога; 7 — серебряная серьга с сердоликом; 8 — костяная пиксида (1 — могила №476; 2 — могила №485; 3, 4, 8 — могила № 480; 5 — могила № 468; 6 — могила № 474)

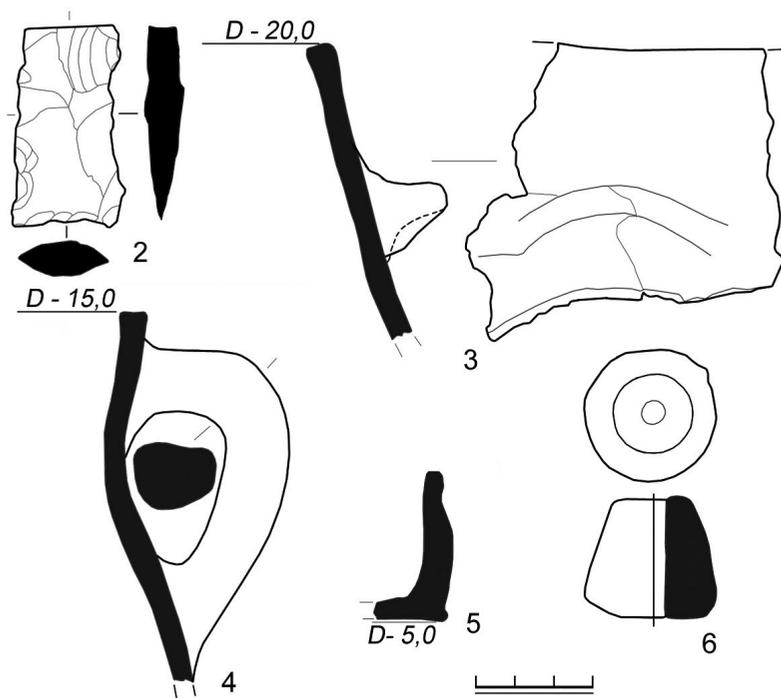
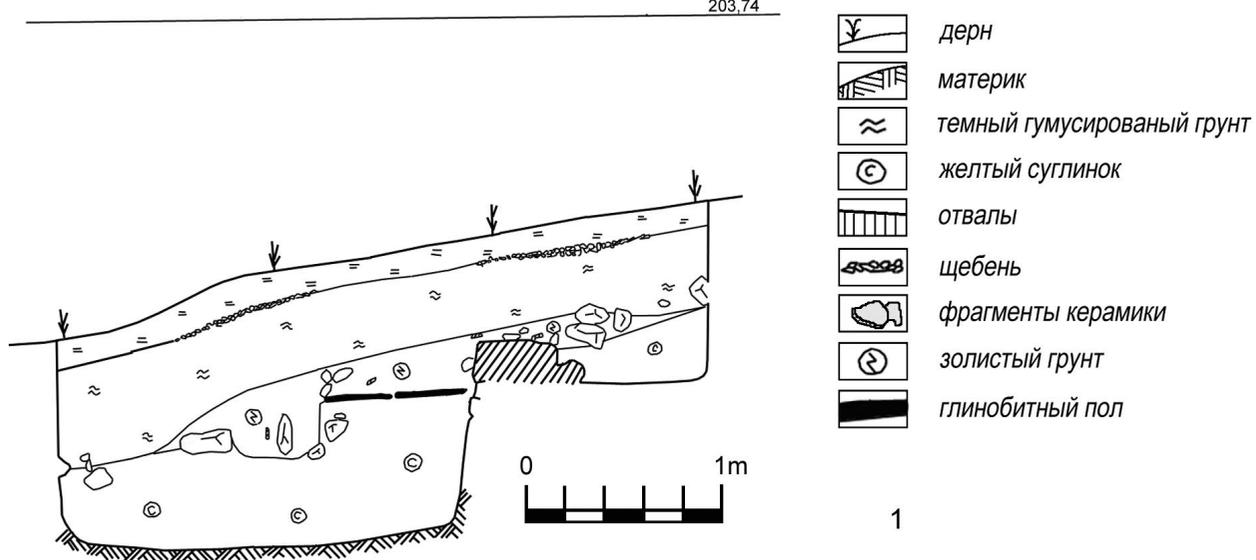
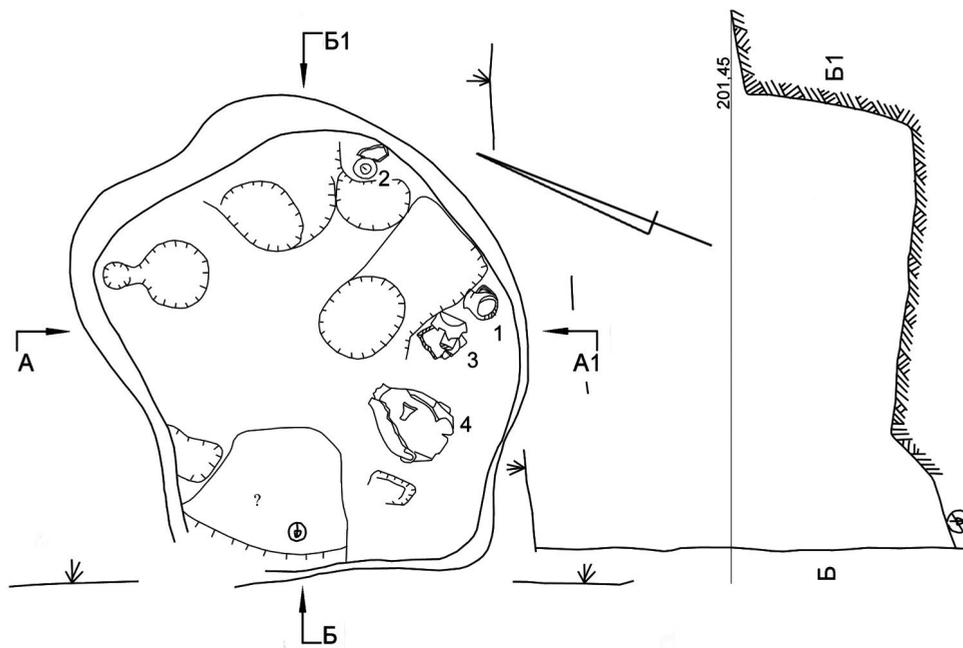
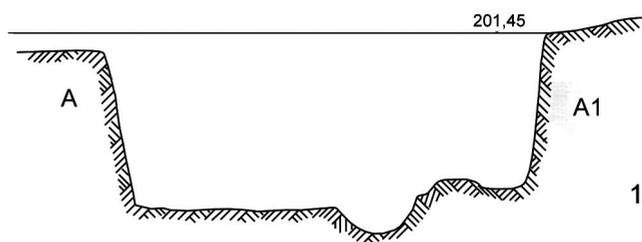


Рис. 13. 1 — стратиграфия северного борта раскопа; 2–6 — находки из культурного слоя: 2 — обработанный кремень; 3–5 — фрагменты лепных сосудов; 6 — пряслице керамическое



1-4 - сосуды лепные



дерн

материк

0 0,5m

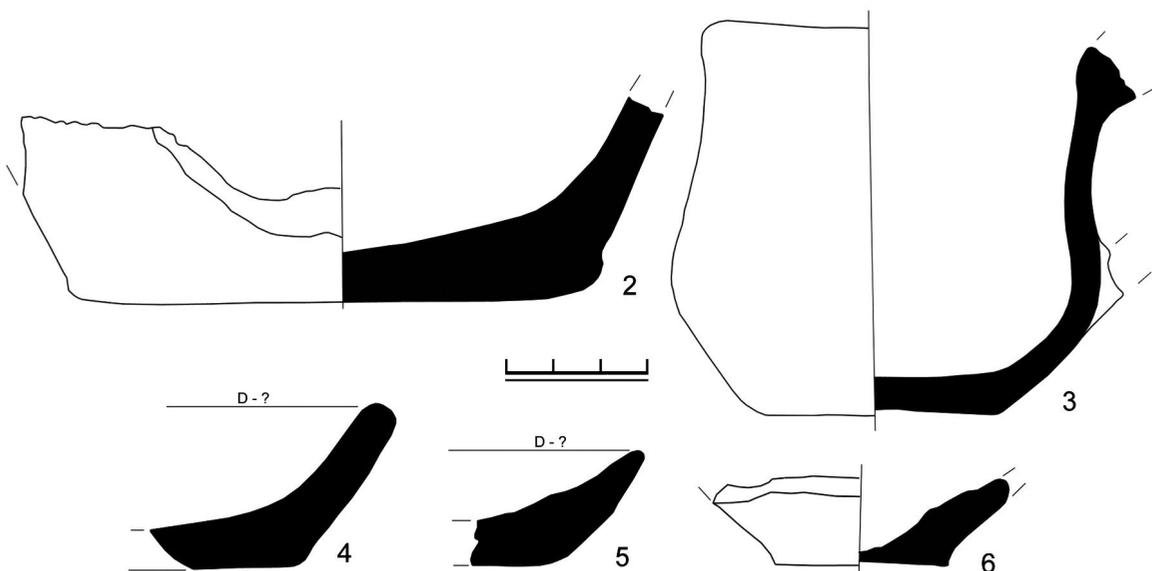


Рис. 14. 1 — яма для установки сосудов, план и разрезы; 2–6 — фрагменты лепных сосудов из заполнения ямы

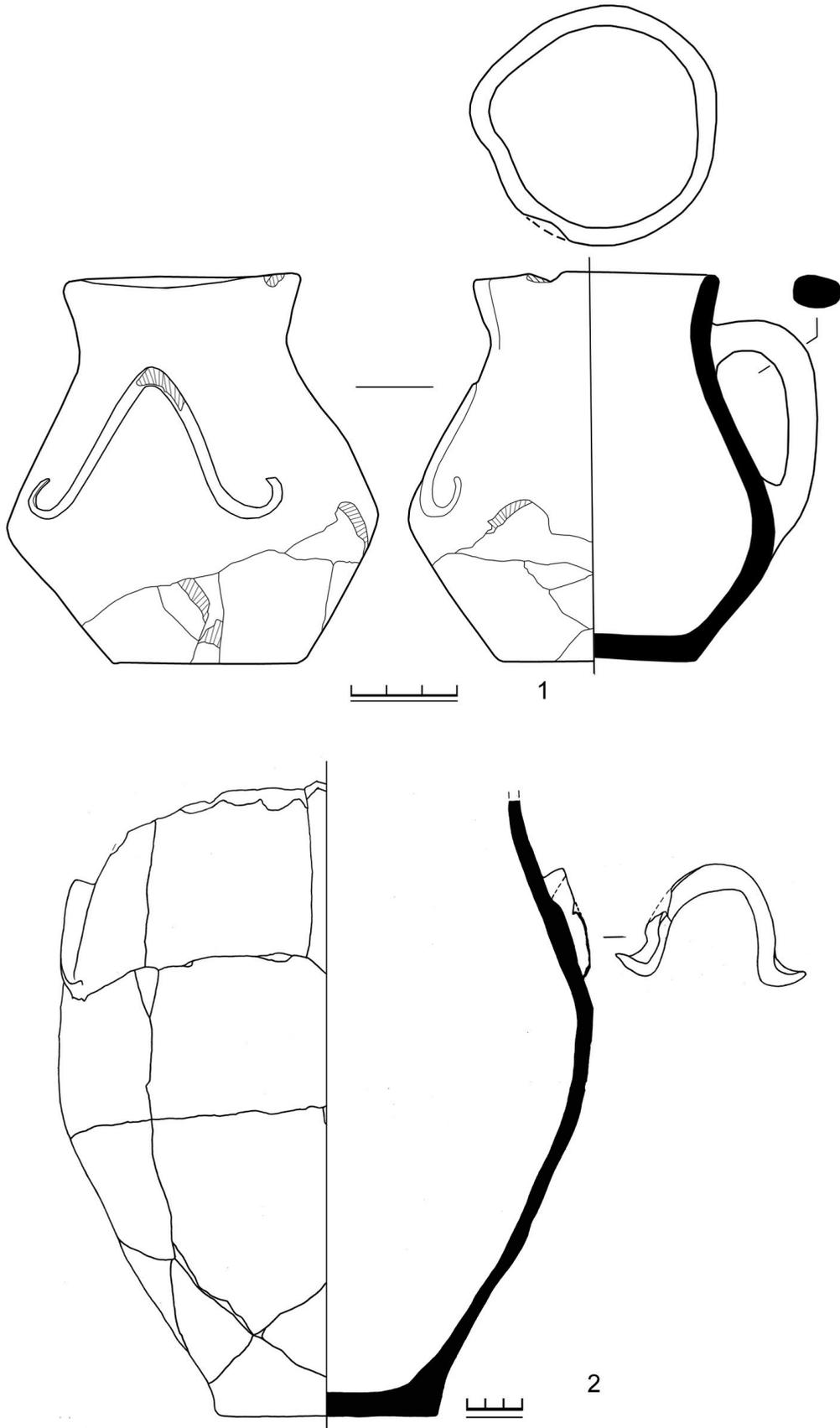


Рис. 15. 1, 2 — лепные сосуды из заполнения ямы

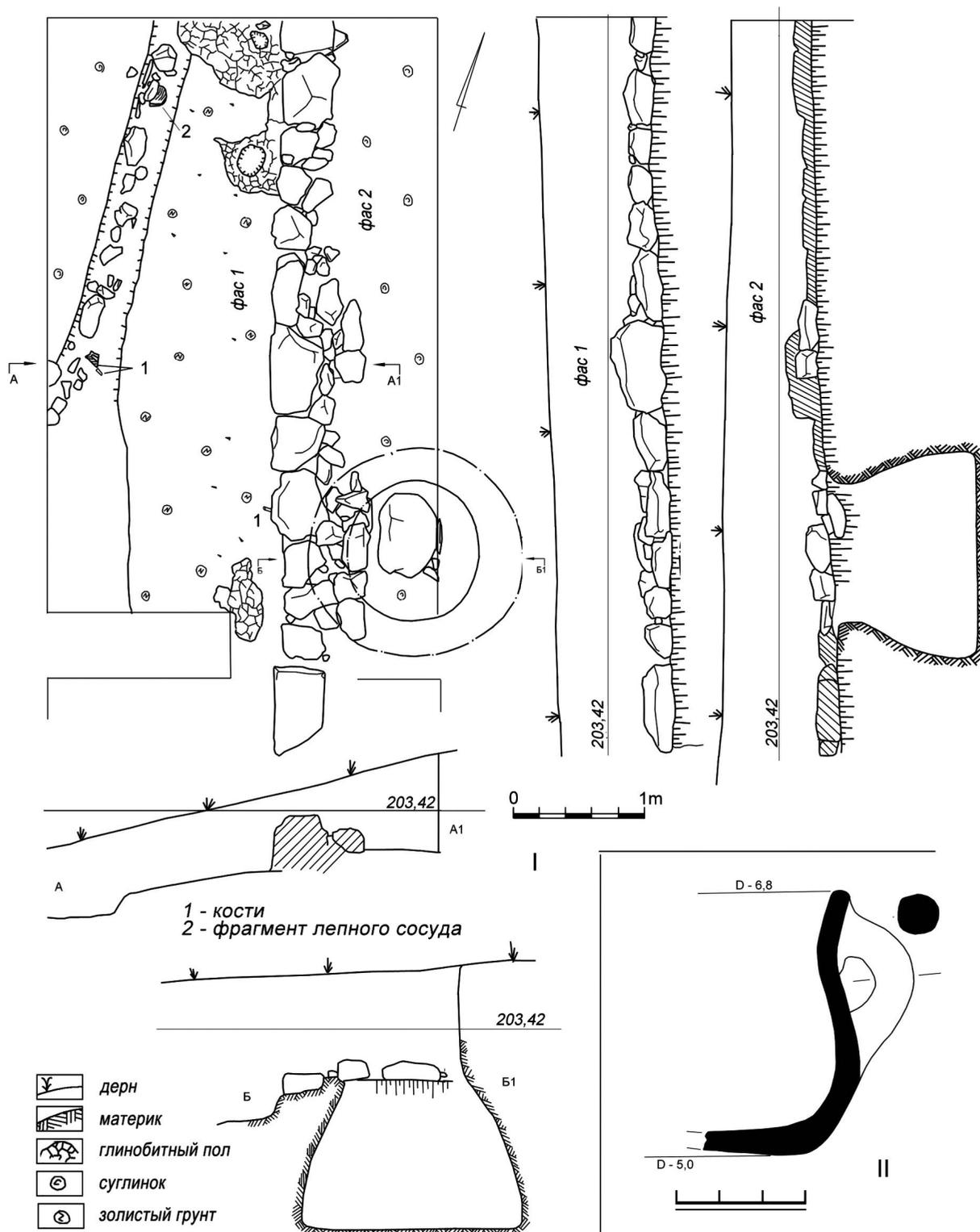


Рис. 16. I — северная часть раскопа. План, разрезы и фасировка кладки; II — фрагмент лепного сосуда из заполнения траншеи

С. А. Мульд

## Погребальные сооружения могильника Нейзац<sup>1</sup>

*Ключевые слова:* Крым, могильник Нейзац, погребальные сооружения, склеп, подбойная могила, грунтовая яма, плитовая могила

*Key words:* Crimea, cemetery of Neyzats, burial constructions, burial vault, undercut grave, grave pit, slabbed grave

### Введение

Могильник Нейзац, функционировавший во II–IV вв. н. э., исследовался на протяжении 19 полевых сезонов экспедицией Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (ранее Симферопольского государственного университета, затем Таврического национального университета) под руководством И. Н. Храпунова<sup>2</sup>. Работы носили охранный характер, поскольку в течение всего этого времени памятник с разной степенью интенсивности подвергался уничтожению действиями грабителей. Раскопанная площадь и количество могил позволяют говорить о том, что на сегодняшний день для своего круга памятников это

наиболее полноценно исследованный объект на территории Крымского полуострова.

Раскопки могильника закончены, и в преддверии появления обобщающего труда встает острая необходимость тщательного анализа всех составляющих полученной информации. В первую очередь это касается конструкций погребальных сооружений. Ранее должного внимания им уделено не было. Типы могил перечисляются во вводных частях публикаций, более детально рассмотрены в описаниях отдельных комплексов, и в анализе некоторых конструктивных элементов (см. библиографию исследований могильника Нейзац в этом сборнике).

<sup>1</sup> Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

<sup>2</sup> Выражаю искреннюю признательность И. Н. Храпунову за взаимопонимание в течение всех лет исследования могильника Нейзац и оказанную помощь в написании статьи.

С самого начала работ на памятнике велась сплошная нумерация могил. Однако сложная планиметрия могильника отчасти стала причиной некоторых разночтений в определении количества исследованных погребальных сооружений. Последняя раскопанная могила получила порядковый номер 599. В это число входят шесть могил — №№ 19, 71, 110, 176, 316, 327, — каждая из которых состояла из двух перерезающих друг друга погребальных сооружений, что дало ошибочное основание видеть в них одну конструкцию. Соответственно, эти могилы должны рассматриваться отдельно, увеличивая общее число раскопанных объектов<sup>3</sup>. Особо под-

черкнем, что речь идет именно о случайном попадании поздних конструкций на ранние, поскольку значительное количество ранних могил целенаправленно использовали для сооружения конструкций иного типа. В двух случаях впускные погребения получили отдельные номера, отличные от могилы, в которую они были подзахоронены (могилы № 85 и № 229). Еще один объект, которому был дан № 166, следует исключить из общей нумерации, поскольку он представлял собой скопление разрозненных костей, обнаруженных в надматериковом грунте. Таким образом, итоговым числом исследованных могил может считаться 602.

### Топография и планиметрия могильника

Могильник расположен в нижней части западного склона горы Ташлы-Баир и, отчасти, у ее подножья. Исследованная территория представляет собой полосу, тянущуюся по линии север – юг на 190 м (рис. 2; общий план см. на с. 9) В северной части ширина этой полосы достигает 63 м, в южной — 23 м. Таким образом, общая площадь раскопок составляет чуть более 8000 м<sup>2</sup>. Восточная граница памятника практически совпадает с участком тропы, ведущей из деревни Красногорское (быв. Нейзац) к плотине Балановского водохранилища, а до ее сооружения — к деревне Тау-Кипчак. Западная граница проходит на стыке склона и долины реки Зуя. На севере погребения заканчиваются на краю балки, разрезающей гору с запада на восток до ее вершины. Южная часть могильника уходит под искусственную насыпь, образовавшуюся в результате строительства водохранилища. Максимальный перепад высот раскопанных участков составляет с востока на запад 15,5 м.

До начала раскопок территория памятника была покрыта густой растительностью, в том числе разновозрастными деревьями и кустарниками. Лишь северо-западный

участок, переходящий в долину, был лишен деревьев и кустарников, отчасти благодаря проводившимся здесь сельскохозяйственным работам. Множество грабительских шурфов и сопровождающих их отвалов делали поверхность неровной. Упомянутая тропа тянется вдоль всего могильника. Вероятно, во время строительства плотины водохранилища, ее расширили с помощью бульдозера, по сути, превратив в грунтовую дорогу. Со временем растительность и оползни сузили ее до 1–1,5 м. От нее, вниз по склону, спускались еще две тропы. У западной границы могильника установили опоры линии электропередачи.

Подавляющее большинство могил ориентировано в секторе, ограниченном линиями СВ-ЮЗ и В-З. В ходе исследований выяснилось, что в древности склон пересекали несколько балок, впоследствии в результате оползней и дождевых потоков, заполнившихся натечным грунтом. Они были достаточно глубокими, что вынудило людей, совершавших на их склонах захоронения, изменять ориентировку могил. На этих участках есть могилы, расположенные по линии СЗ-ЮВ.

<sup>3</sup> Для того чтобы не менять нумерацию, использованную в отчетной документации, к номерам могил, объединивших по две конструкции, добавлены буквенные обозначения.

Планиметрию памятника усложняют обнаруженные на нем объекты, принадлежащие различным археологическим культурам и даже эпохам. Так, в северо-восточной части могильника был исследован участок с 17 погребениями эпохи бронзы. Этот комплекс получил название «Могильник Ташлы-Баир» (Храпунов, Власов 2005). Погребения располагались компактной группой. Часть из них была перерезана могилами позднеримского времени. Кроме этого, могильник Нейзац занял часть поселения, относящегося к кизил-кобинской археологической культуре (Власов 2011). От него сохранились нижние части хозяйственных ям, в некоторых случаях также перерезанные погребальными сооружениями могильника. Собственно культурный слой поселения был разрушен оползнями или во время обустройства некрополя. Фрагменты керамических сосудов, типичных для этой культуры, встречались в надматериковых слоях на разных участках памятника и в заполнении некоторых могил. Еще более усложнили картину культурных напластований остатки поселения, существовавшего одновременно с финальной частью функционирования могильника в IV в. н. э. (Власов, Смокотина, Храпунов 2011). Надматериковые слои с фрагментами керамической посуды, большое количество хозяйственных ям, ямы с углублениями для установки сосудов, остатки очагов, и даже погребение младенца в золистом грунте составляли культурный слой, перекрывший могилы II – первой половины III вв. н. э. Несколько из этих могил были перерезаны хозяйственными ямами. Наиболее концентрированы следы поселения проявились в северо-западной части могильника и вдоль западной границы памятника.

На исследованной территории, помимо погребальных сооружений, было открыто 43 ямы для размещения в них сосудов с пищей в ритуальных целях (рис. 14, 3). Ямы круглые в плане, до 1 м в диаметре. В шести случаях они были перекрыты плитами. Ямы

неглубокие и по этой причине у части из них не были определены границы. Некоторые из них перерезали более ранние могилы.

В ходе раскопок выявлено большое количество потревоженных могил. Часть из них ограблена в недавнее время, часть в древности. Известно, что два склепа были раскопаны в 20-х годах XX в. местными жителями, еще три — сотрудниками Института археологии АН УССР в 50-60-х годах, но идентифицировать их на местности в ходе исследований не удалось (Высотская, Махнева 1983; Эрнст 2011). Только подбойная могила № 169 по обнаруженному в ней материалу может быть соотнесена с одним из «склепов», описанных Н. Л. Эрнстом (Эрнст 2011).

Геологическая стратиграфия памятника в целом несложная, но отличающаяся на разных участках. Материковую основу составляет песчаник желтого, светло-серого или светло-зеленого оттенков и разной плотности. Довольно часто он разрезан пластами известняка и, реже, слоями вязкой глины. Сверху материк перекрыт суглинком, гумусным слоем и дерном. На отдельных участках материк обнаруживался сразу под гумусным слоем. Толщина надматерикового слоя уменьшается от 1,5 м до 0,5 м вверх по склону. Известняк участками очень твердый, поэтому при его описании иногда используются выражения «скальный выход» или «скальные козырьки». Эту особенность местности учитывали в древности при сооружении склепов. Входную яму и камеру вырубали в песчанике, известняковый пласт оказывался в положении свода.

Рассматривая план могильника, легко заметить различную концентрацию объектов. Эта ситуация во многом объясняется геологическими переходами от поверхностного залегания скальной породы к более глубокому. Участки с близко расположенным к поверхности известняком строители, как правило, обходили. В целом можно сказать, что они испытывали определенные трудности в поиске удобных для сооружения

площадей. Особенно этот факт подчеркивает большое количество «наползающих» друг на друга сооружений. Иногда выстраивался целый ряд из последовательно перерезающих друг друга могил. Наибольшая цепочка, тянущаяся вверх по склону, состо-

ит из пяти могил №№ 285, 148, 100, 109, 104 и ямы с сосудами VI. Самый большой ряд, расположенный поперек склона, состоял из 13 могил (№№ 224, 235, 249, 219, 325, 328, 362, 363, 375, 361, 389, 405, 480) и ямы с сосудами VIII.

### Типология погребальных сооружений

Погребальные сооружения могильника Нейзац делятся на три основных типа: склепы, подбойные могилы и могилы в простых грунтовых ямах. К отдельной группе погребений отнесены недостроенные объекты, могилы, не получившие однозначную интерпретацию из-за сохранности или особенностей конструкций, а также захоронения, совершенные в хозяйственных ямах.

#### Склепы

На территории памятника открыто 87 склепов (14,45% от общего числа могил). Они представляют собой сооружения, состоящие из трех основных элементов, — входной ямы, подземной погребальной камеры и связывающего их небольшого коридора-лаза или дромоса. Конструкции могил имеют Т-образную планировку, при которой длинная ось входной ямы расположена перпендикулярно длинной оси камеры. Два склепа имели продольную планировку. Все склепы могильника имеют одну камеру, расположенную вверх по склону относительно входной ямы. 20 могил не были потревожены грабителями, один склеп использован в гуннское время (могила № 586). Насыпь, перекрывшая южную часть могильника, не позволила исследовать погребальную камеру склепа № 572, и входную яму склепа № 567.

Верхний контур *входной ямы* прямоугольной или трапециевидной формы в плане. Его очертания часто нарушают либо разрушенные вследствие многократного использования могилы края, либо грабительские шурфы. Размеры по верхнему краю варьируют от 2 м до 3 м в длину, ширина по торцевой стенке, противополож-

ной входу в камеру, — 0,7–0,9 м, у входа — 0,8–1,2 м. Нижний контур ямы на уровне дна с верхним, как правило, не совпадает. Чаще всего торцовый борт, расположенный выше по склону, и прилегающие к нему длинные стенки отступают от вертикальной проекции верхнего края, расширяя яму книзу и придавая дну форму, близкую к трапециевидной в плане. Противоположная торцовая стенка в продольном вертикальном разрезе, наоборот, сужает яму ко дну. В ее нижней части на всю ширину входной ямы иногда оставались одна-две ступеньки для облегчения спуска. В могиле № 476 таких ступенек оказалось три (рис. 5, 4). Максимальная их высота от дна составляет 0,65 м. В единичных случаях в этих бортах имелась подрубка в виде ниши, позволяющая ставить ногу для более легкого спуска и подъема (рис. 4, 3). В могилах №№ 466, 472 и № 491 таких подрубок по две (рис. 2, 2). Размеры входных ям по дну: длина 1,5–2,6 м, ширина у торцевой стенки, противоположной входу в камеру, — 0,7–0,9 м, у входа в камеру — 1,0–1,6 м.

Чаще всего дно входной ямы понижается в сторону камеры. Перепад может составлять до 0,6 м. Восемь ям в продольном вертикальном разрезе имели горизонтальное дно (рис. 1, 2; 3, 3; 5, 3). Из-за выходов скальных пород некоторые ямы имели изломанную поверхность дна (рис. 4, 3). Глубина от современной дневной поверхности составляла 1,5–3,0 м, от уровня материка — 0,4–2,5 м. Не исключено, что входная яма склепа № 18 изначально не имела торцевой стенки. Ее дно, представляющее собой подчищенную скалу, горизонтальной

линией продолжалось вплоть до задернованной поверхности склона (рис. 1, 2).

В длинных стенках входных ям двадцати склепов имелись подбойные камеры. Ранее предполагалось, что эта конструктивная деталь появлялась одновременно со строительством склепа или несколько позже (Мульд 1999, с. 181–183). Новые исследования внесли в это предположение коррективы. Раскопки могил № 106 и № 115 показали, что входные ямы склепов перерезали входные ямы ранних подбойных могил. Это подтверждали несовпадающие контуры входных ям, незначительное отклонение осевых линий могил, более углубленное дно входной ямы склепа (рис. 4, 1). В склепе № 115 входная яма перерезала могилу с двумя подбоями (рис. 4, 2). Полностью сохранился каменный заклад одной камеры, а часть заклада второй и часть погребений, находившихся в ней, были срезаны точно по линии контура входной ямы склепа. Потревоженные кости сложили у торцевой стенки входной ямы подбойной могилы и закрыты плитами из разрушенного заклада. Таким образом, эти плиты превратились в торцевую стенку входной ямы склепа. Надежным подтверждением факта разрушения склепом подбойной могилы стал и датирующий инвентарь, разнящийся в обоих погребальных сооружениях примерно на столетие (Храпунов 2005, с. 173–179).

При более внимательном рассмотрении оставшихся 18 склепов с подбоями во входных ямах, у 12 удалось выявить детали, говорящие о том, что и здесь имеет место разрушение более ранних погребений. Контуры входных ям этих склепов и подбойных могил очень точно совпадают. Таким образом, склепы не случайно перерезают более ранние сооружения, а целенаправленно используют их в качестве своеобразной заготовки. Строителям гораздо легче было вынуть рыхлый грунт заполнения из старой могилы, чем вырубать новую входную яму. Иногда, видимо, приходилось удлинять яму, в результате чего появлялась асимметрия

в поперечных осевых линиях ямы и подбоя, которую легко заметить на планах склепов №№ 240, 263, 288, 477 (рис. 5, 2).

Веским аргументом в защиту высказанной мысли является и тот факт, что в некоторых сооружениях сохранились конструктивные детали, характерные для подбойных могил. К ним можно отнести ступеньку, которую довольно часто вырубали вдоль длинной стенки входной ямы на уровне дна. Частично срезанные при углублении дна, эти ступеньки видны во входных ямах склепов №№ 35, 263, 466, 479 (рис. 2.2; 4.4; 15, 7). В подбойных могилах дно ямы часто обрывается ступенькой к полу камеры не по линии длинной стенки, в которой вырублен подбой, а ближе к ее длинной оси. Такое углубление дна выглядит совершенно не уместным во входных ямах склепов №№ 230, 240, 288, 480 (рис. 4, 3). И без того неширокое дно сокращалось на 0,3–0,6 м за счет ступеньки высотой 0,15–0,3 м, что безусловно создавало определенные неудобства и для строителей, и для людей, совершавших захоронения в склепе. Во входных ямах склепов № 230 и № 288 ступенька отчасти нивелирована при углублении дна входной ямы (рис. 5, 2).

В могиле № 98 подбой находился на 0,8 м выше дна входной ямы, а в могиле № 272 выше на 0,3–0,4 м. Причем в последнем случае подбойная камера ассиметричная в плане, как будто срезана под углом длинным бортом входной ямы склепа. Пол еще одной подбойной камеры оказался выше дна входной ямы могилы № 270 на 0,3–0,7 м в (рис. 5, 1). Подбой вторично использован для погребения лошади, которую уложили на бок на грунтовую прослойку мощностью 0,25 м. В могиле № 220 часть закладных плит подбоя была использована в закладе камеры склепа (рис. 2, 1).

Оставшиеся пять склепов с подбоями во входной яме не имеют признаков вторичного использования ранних конструкций. Поэтому окончательно отказаться от предположения, что какая-то часть подбоев все же

делалась одновременно со строительством склепа или позже, мы пока не можем.

Отметим еще несколько моментов, связанных с подбоями во входных ямах. Кроме описанного склепа № 115, еще три могилы (№№ 43, 54, 480) имели по два подбоя, расположенных в противоположных стенках ямы (рис. 1.3; 3.2; 4.3). У двух склепов № 230 и № 466, в отличие от остальных, подбой находился в борту справа от входа (рис. 2, 2). Нетронутыми погребения были в шести подбойных камерах (могилы №№ 54, 288, 329, 466, 479, 480) причем в двух из них было по два погребения. Самый широкий подбой обнаружен в юго-восточном борту входной ямы склепа № 480. Его ширина составила 1,3 м (рис. 4, 3). Кроме могилы № 270 погребение лошади совершено в подбое склепа № 35.

Принимая версию с использованием подбойных могил для сооружения склепов, логично было бы предположить, что для этой цели могли служить и простые грунтовые могилы соответствующих размеров. Возможно, это так и было, однако детали такой работы проследить гораздо сложнее. По сути, входная яма склепа полностью должна была поглотить грунтовую могилу. Тем не менее, один пример является подтверждением этой версии. Речь пойдет о самом нестандартном варианте конструкции данного типа — склепе № 180 (рис. 3, 1). Для его сооружения строители использовали могилу в виде простой грунтовой ямы с горизонтальными пазами для устройства перекрытия (более детальное описание могил с пазами см. в специальном разделе). Контур ранней могилы изменен не был, по крайней мере, по верхнему краю. Ее размеры — 2,5 x 0,7 м, глубина от уровня материка — 0,75–2,1 м. Вероятно, выходы известняка помешали придать склепу планируемую форму. В результате в конструкции нет дромоса, угол и часть длинной стенки справа от входа обрушились, камера получилась маленькой (1,8 x 1,1 м), ассиметричной формы в плане. Попытка углубить дно в сторо-

ну камеры не удалась из-за выхода скалы. Вход снаружи был перегороден двумя массивными плитами, установленными вертикально. Чтобы закрыть довольно широкое отверстие, их поставили рядом внахлест. Вывал в углу заложили десятью рядами мелких уплощенных камней. В камере по диагонали совершили погребение ребенка в гробу, сопроводив его восемью сосудами. На дне входной ямы совершили погребение женщины.

Погребения обнаружены во входных ямах еще восьми склепов. В шести случаях это были захоронения животных. В могиле № 377 найдена одна лошадь, в могиле № 17 — две, похороненных друг на друге. Причем верхнее погребение разрушило нижнее. В обеих ямах лошади уложены на правом боку с подогнутыми ногами непосредственно на дно. Еще две лошади (могилы № 219 и № 330) обнаружены на середине высоты входных ям. Уникальным случаем можно считать погребение козули в склепе № 389. Костяк располагался на высоте 1,2 м от дна входной ямы. В могиле № 104 погребения лошади и собаки совершили практически на уровне материка и отчасти перекрыли дромос (рис. 5, 3). Погребение человека было зафиксировано на 0,5 м выше дна входной ямы в склепе № 332. Необычное погребение женщины исследовано в могиле № 437. Она была втиснута в дромос головой и уложена на грунтовую засыпь, которая под крутым углом вела из входной ямы в камеру.

Нестандартная ситуация зафиксирована раскопками склепа № 22 (Мульд 1999, с. 184–185, рис. 3, 2). Его входная яма была искусственно заужена. Для этого вертикально установили в ряд четыре массивные плиты параллельно южной стенке на всю длину ямы (2,2 м). Еще одну плиту поставили у торцевой стены справа от входа, причем в углу ямы для нее пришлось вырубить вертикальный паз глубиной 0,2 м. Все получившееся пространство шириной 0,4 м забутовали мелким камнем на высоту

плит — 0,6–0,8 м. Какую цель преследовали строители, остается неизвестным.

Любопытная деталь обнаружена в склепе № 474 (рис. 2, 3). В длинных стенах в начале и в конце входной ямы, друг напротив друга, на высоте 1,0 м от дна были вырублены ниши шириной 0,6 м, глубиной 0,25 м, высотой до 0,3 м. Логично предположить, что такие ниши-пазы служили для крепления концов каких-то деревянных конструкций. Аналогичные детали зафиксированы во всех типах погребальных сооружений, но в единичных случаях.

Засыпали входную яму грунтом, который при зачистке чаще всего отличался по цвету и плотности от материкового. В могиле № 301 верхняя часть засыпи состояла из небольших камней. В могиле № 241 камнями заполнена западная часть входной ямы на протяжении 0,7 м. На дневной поверхности могилы обозначали вертикально установленными камнями или плитами (рис. 15, 2).

*Дромос* и погребальная камера вырубались в торцевой стенке, расположенной выше по склону с уровня дна входной ямы. Для этого строители отступали от углов, образованных торцевой и длинными стенками ямы на 0,1–0,25 м. В плане дромос прямоугольной или трапециевидной формы, причем в последнем случае основание трапеции обращено в сторону камеры. Свод в поперечном разрезе имел арочную форму. Пол в продольном вертикальном разрезе продлевал линию дна входной ямы. Только в шести случаях (№№ 17, 53, 104, 204, 220, 377) его уровень был выше на 0,1–0,4 м, образуя, таким образом, порог, отделяющий дно входной ямы от пола камеры (рис. 2, 1; 3, 3; 5, 3). Самым длинным оказался дромос в могиле № 330. Его длина составила 1 м. Обычные размеры дромоса были в следующих пределах: расстояние от входа до погребальной камеры 0,25–0,55 м, расстояние между стенками — 0,7–1 м, высота — 0,6 м.

*Каменный заклад* входа в дромос состоял из одной или нескольких массивных

плит, поставленных на ребро вертикально или с небольшим наклоном в сторону камеры. Более мелкие камни различной формы использовались для заделывания щелей, если таковые оставались между устьем дромоса и плитой.

*Погребальная камера* сооружалась с таким расчетом, чтобы похоронить нескольких человек на одном уровне с небольшим промежутком между ними. Сохранившиеся в нескольких случаях органические остатки от колод или гробов позволяют предположить, что использование этих конструкций в обряде захоронения также учитывалось при вырубке камеры. В поздних погребениях в качестве сопровождающего инвентаря использовалось большое количество посуды, что, также требовало достаточного пространства (рис. 1, 1). В нескольких склепах площадь камеры позволяла разместить только двух–трех погребенных. Все захоронения совершались на полу, как исключение и во втором ярусе. Еще в нескольких случаях, возможно связанных с вторичным использованием могил, погребения совершены на грунтовых прослойках. Вероятно, оставаясь какое-то время открытой, погребальная камера склепа № 466 заполнилась грунтом мощностью 0,4 м, после чего на этом уровне совершили захоронения (рис. 2, 2). Максимальное количество погребенных в камере склепа составляло восемь человек (могила № 306).

Как правило, погребальная камера имеет прямоугольные или трапециевидные очертания в плане. Однако геологические особенности в каждом конкретном случае придавали ей индивидуальные черты. Эта же причина влияла и на отдельные элементы камеры — горизонтальность пола, вертикальность стен, форму свода, симметричность камеры и ее соотношение с входной ямой. Причудливую форму имела камера склепа № 54 (рис. 1, 3). Скальный выход напротив входа в виде выступающего в горизонтальной плоскости монолита эллипсоидной формы не позволил

строителям расширить ее симметрично. Оставив попытку обойти выступ справа, они сильно расширили камеру влево, где им удалось сделать единственный прямой угол конструкции. В эту же сторону сильно понижался и пол камеры. Как исключение из правил выглядит камера склепа № 204 трапециевидной формы в плане с исключительно ровными стенами и четкими углами, размером 3,7 x 2,5 – 2,9 м.

Стенки камер в поперечном вертикальном разрезе чаще всего имеют наклон, придавая всей конструкции форму усеченной пирамиды. Но встречаются и вертикальные стенки. В могиле № 332 стенки не имели четких контуров, соединяя плавной дугой пол камеры и свод. Поверхность стен плоская или выпуклая, часто со следами подтески. Переходы от стенок к полу или своду варьировали от четких углов до плавных, скругленных. Углы камеры чаще всего скруглены. Высота не поврежденных стен не превышает 1,1 м. В могиле № 270 скальный выход в боковой стенке слева от входа не позволил сделать камеру симметричной относительно осевой линии всей конструкции (рис. 5, 1). Начиная от ее северо-западного угла, на высоте 0,65 м от пола удалось вырубить нишу-полку длиной 1,45 м, высотой 0,3 м, глубиной 0,5 м. Была ли она использована для погребения, установить не удалось, т.к. могила полностью ограблена.

В камерах 16 склепов в стенках были вырублены ниши, в двух случаях по две. Почти все они расположены в дальней от входа стенке посередине ее длины и в верхней трети ее высоты (рис. 2, 4; 5, 4; 15, 4). В плане ниши прямоугольной или трапециевидной формы, в фас имеют прямоугольную, трапециевидную, треугольную и арочную форму. В могиле № 275 в нише стояла лепная и краснолаковая посуда (рис. 15, 3). В остальных случаях ниши оказались пустыми и без каких-либо следов, свидетельствующих об их назначении. Размеры ниш: ширина — 0,2–0,8 м, высота — 0,2–0,35 м, глубина — 0,15–0,35 м.

В дальней стенке камеры склепа № 491 сделана подрубка прямоугольной в плане формы. Она начиналась от пола, где ее глубина была 0,15 м, далее до высоты 0,75 м сходила «на нет». Ширина этой подрубки 0,65 м. Вероятно, таким образом расширили камеру для помещения гроба.

При сооружении склепа часто использовали выходы скалы, рассчитывая устройство камеры таким образом, чтобы прочный скальный козырек становился естественным сводом. Со временем некоторые своды трескались и обваливались (рис. 1, 2). Иногда это обстоятельство препятствовало попыткам разграбления. Не обрушенные своды камер, вырубленные в песчанике, плоские, со следами подтески (рис. 15, 4).

Пол камеры чаще всего расположен ниже пола дромоса. Переход оформлен в виде ступеньки, высотой 0,1–0,4 м. В склепе № 461 вырубili две ступеньки. В могиле № 321 дно ямы и пол камеры находились на одном уровне. В могиле № 599, начав вырубку камеры, строители наткнулись на выход скальной породы, из-за чего уровень пола камеры сделали на 0,5 м выше запланированного (рис. 1, 4). До этого уровня пришлось засыпать уже вырубленные входную яму, дромос и часть камеры. Аналогичная ситуация возникла и при сооружении склепа № 301. Дно входной ямы у дромоса оказалось на 0,6 м ниже пола камеры. В самой же камере строителям удалось углубить часть пола справа от входа на 0,3 м и в этом углублении совершить два погребения, одно над другим.

Любопытная деталь обнаружена в камере склепа № 461. В полу слева от входа вырублена круглая в плане яма диаметром 0,55 м и глубиной 0,4 м. Ко дну она сужалась, приобретая форму овала размером 0,3 x 0,4 м. Яма была использована для установки лепного горшка.

Есть некоторые основания полагать, что для сооружения погребальной камеры склепа № 280 использовали подбойную могилу. Основным аргументом является план

камеры, который идентичен плану стандартной могилы с одним подбоем (рис. 3, 4). У нее прямоугольные очертания с прямыми и четкими углами по одной длинной стороне и подкругленными — по противоположной, которая могла быть задней стенкой подбоя. Над дальним от входа подкругленным углом нависал небольшой козырек свода. В остальной части свод отсутствовал. Такая ситуация могла быть вызвана тем обстоятельством, что вся конструкция расположена в тальвеге древней балки на глубине 1,6–3,1 м от современной дневной поверхности и всего 0,2–0,85 м в материке. Кроме этого, длинная ось камеры вытянута вдоль склона, т. е. в одном направлении с продольной осью входной ямы склепа, что является исключением для склепов и нормой для подбойных могил некрополя. На общем плане могильника хорошо видно, что могила вписывается в расположенный в нижней части склона ряд подбойных могил и других склепов на этом уровне нет. Пол камеры испещрен следами от рубящих инструментов. Удары наносились под углом в направлении входа, хотя при сооружении обычного склепа они должны быть направлены в противоположную сторону. Нельзя однозначно сказать, было ли случайным попадание строителей склепа в соседнюю могилу. Входная яма такая же, как у обычных склепов, только вход в погребальную камеру расположен не в центре стены, а смещен к ее северо-западному углу. Дно неровное, имеет углубление, как будто яму намеревались делать глубже. В продольном разрезе переход от дна к полу камеры выглядит как невысокий порожек. Для установки закладной плиты сделали подрубку в углу справа от входа. Ее ширины оказалось недостаточной, и поэтому плита уперлась в стенки и зависла на высоте 0,15 м от дна. В камере совершенно единственное погребение женщины вдоль длинной стенки, где предположительно ранее мог находиться подбой. Возможно, вырубленный в отчасти уже копаном грунте свод рухнул, не дав

использовать могилу для большего числа погребений.

В могиле № 163 длина камеры была 2,2 м, ширина — 1,9 м (рис. 2, 4). Такие пропорции видимо явились результатом плотности грунта в юго-западной части камеры, не позволившей строителям придать ей нужные параметры. Об этом свидетельствует сильная асимметрия всей конструкции. Стенка дромоса оказалась на одной линии с боковой (юго-западной) стенкой камеры, что фактически делает планировку склепа Г-образной.

### **Подбойные могилы**

В Нейзацком могильнике исследована 191 подбойная могила (31,73% от общего количества погребальных сооружений). Конструкции, использованные для сооружения склепов, в это число не входят. Они состоят из двух основных конструктивных элементов — входной ямы и погребальной камеры или подбоя, вырубленного в ее длинной стенке. В 29 случаях камеры вырублены в двух противоположных бортах ямы. Для погребения детей сооружались могилы небольших размеров. Исследовано 28 таких конструкций. Грабителями в разной степени потревожено 83 могилы.

*Входная яма*, как правило, вытянутой прямоугольной формы в плане по верхнему контуру и чаще всего усложненной различными деталями формы по дну. Исключения составляют могилы с рушенными от многократного использования бортами, разбитые грабительскими шурфами, перерезанные соседними могилами и скальными выходами. Длинные стенки ямы вертикальные, торцевые часто с наклонами и различными неровностями в поперечном вертикальном сечении. Дно горизонтальное или понижается в сторону камеры. Иногда вдоль длинной стенки, противоположной камере, оставляли ступеньку. Размеры входной ямы в могилах, предназначенных для погребения взрослых, варьируют от 1,9 м до 3,3 м в длину, от 0,6 до 1,15 м в ширину. Глубина от дневной поверхности 1,4–3 м, в материке — 0,8–2,5 м.

Во входных ямах могил №№ 40, 107, 299 в длинном борту, противоположном камере, примерно на середине его высоты в материке, был вырублен горизонтальный паз (рис. 7, 3). Он тянулся на всю длину ямы. Его высота и глубина были в пределах 0,15–0,2 м. Пазы для перекрытия, симметрично расположенные в бортах ямы, составляют характерную особенность целой группы могил в простых грунтовых ямах, о которых речь пойдет ниже. Чем объяснить необходимость одного паза в подбойных конструкциях, не совсем понятно. Возможно, в этих случаях кроме основного заклада сооружалось еще и горизонтальное перекрытие, которое с одной стороны фиксировалось в пазе, с другой — опиралось на верхний край закладных плит или деревянной конструкции заклада. В могиле № 107 борт над подбойной камерой не сохранился и осталось сомнение по поводу реконструкции ее перекрытия.

Редко во входных ямах вырубали ниши различных форм и различного назначения. Так, в могиле № 300 в стене входной ямы, противоположной камере, на высоте 0,8 м от дна обнаружена ниша размером 0,5 x 0,5 x 0,5 м. В ней находились железные удила. В торцевой стенке могилы № 351 на уровне дна в нише лежал фрагмент человеческого черепа.

Необычная деталь конструкции обнаружена в торцевой стенке могилы № 125 (рис. 6, 6). С уровня древней дневной поверхности вырубил углубление прямоугольной в плане формы размером 0,55 x 0,45 м, глубиной в материке 0,15–0,3 м, оно было открыто в сторону ямы. В нем в линию с осевой входной ямы могилы были вертикально поставлены две плоские плиты, высотой 0,4 м, разделившие площадь углубления на две части, одну из которых заполнили десятком плиток, положенных плашмя друг на друга. Назначение этой детали интерпретировать не удалось.

Одна из торцевых стенок входной ямы могилы № 393 была облицована камнем

(рис. 6, 2). Могила двухкамерная, верхняя часть входной ямы не сохранилась, не было и каменных закладов. О ширине ямы можно судить только по одному торцевому борту, несколько выступающему за пределы контуров торцевых стенок подбоев. Вплотную к нему была выстроена стена из необработанных камней в технике иррегулярной кладки с наклоном, сужающим яму ко дну. Ее размеры 0,55 x 0,8 м, высота 1 м (10 рядов кладки). Возможно, строители были вынуждены таким способом укрепить разрушающуюся грунтовую стену.

В детских подбойных могилах зафиксированы случаи, когда между дном входной ямы и полом камеры по всей длине оставалась невысокая перемычка или порожек. В могиле № 314 высота и ширина порога были по 0,1 м. В двухкамерной конструкции могилы № 487 ширина перемычки составляла 0,2 м, а высота в сторону одной камеры 0,12 м, другой — 0,2 м (рис. 6, 1). В могиле № 247 между входной ямой и подбоем на всю длину могилы вырезано углубление шириной 0,1 м, глубиной 0,1 м (рис. 6, 7). Вероятно, оно служило для укрепления нижней части заклада, и, судя по тому, что могила не была ограблена, а каменный заклад отсутствовал, он был деревянным. Пол подбоя был углублен на 0,05 м. Между ним и вырубкой для заклада оставлена перемычка-порог высотой 0,1 м.

В детской могиле № 145 устье подбоя было заужено на 0,45 м за счет боковых перемычек, оставленных между торцевыми стенками входной ямы и камеры (рис. 6, 4). Толщина перемычек 0,15–0,2 м.

Во входных ямах девяти подбойных могил обнаружены погребения лошадей, а в могиле № 194 кроме лошади погребена собака. Как правило, захоронения животных находились выше дна ямы. Впускные погребения людей и собак обнаружены во входных ямах могил № 355 и № 440. Подзахоронения людей также зафиксированы во входных ямах могил №№ 208, 286, 309, 380, 546. А входные ямы могил № 302 и

№ 440 для этой цели использовались дважды. Погребенный во входной яме могилы № 351, судя по его положению, был просто сброшен вниз лицом. Лежавший на ступеньке входной ямы могилы № 354 костяк частично разрушен, а погребенный в камере находился на толстой прослойке грунта, что указывает на многократное использование могилы.

Наиболее распространенным вариантом *заклада* можно считать каменные плиты, установленные в ряд на ребро. Количество плит и их размеры зависели от размеров погребального сооружения. Для заделывания щелей использовались более мелкие камни. Часто плиты устанавливались в два-три ряда. Иногда укладывали горизонтальный ряд уплощенных камней, для того чтобы установленным на них вертикально плитам хватило высоты закрыть устье подбоя. Несмотря на всю тщательность исполнения закладов, в могильнике Нейзац не зафиксировано ни одного случая, когда камера осталась бы не заполненной грунтом.

Многократное использование могилы № 307 объясняет необычное положение каменного заклада (рис. 7, 2). Он состоял из плит, положенных горизонтально в два ряда и плит, поставленных на них вертикально также в два ряда. Подошва заклада находилась на 0,55 м выше пола подбоя. Заклад установлен в последний период использования могилы, содержащей шесть ярусов погребений. На высоте 0,25 м от пола сохранились плиты заклада, использовавшегося в более раннее время.

В частично ограбленной могиле № 388 входная яма отделена от подбоя закладом, сложенным из камней небольших размеров (рис. 7, 5). В поперечном вертикальном сечении заклад напоминал двухпанцирную кладку шириной 0,6 м, сложенную в иррегулярной технике и сохранившейся на высоту три-четыре ряда. Похожий заклад из разновеликих камней был и в могиле № 208. Несмотря на то, что могила не была огра-

блена, заклад плохо сохранился, вероятно, из-за своей непрочности.

Заклад из небольших уплощенных камней, положенных друг на друга в могиле № 334, был разрушен грабителями. На сохранившихся у торцевых стенок участках он достигал высоты в 10 рядов.

Каменные заклады обнаружены в 104 могилах. В 55 случаях, когда могилы не были потревожены грабителями, каменные заклады отсутствовали. Логично предположить, что вместо них использовались деревянные загородки. Только в двух могилах удалось проследить их остатки. В детской могиле № 344 два подбоя закрывали сгоревшие деревянные заклады, следы которых прослежены на всю глубину входной ямы и даже несколько выше уровня материка (рис. 6, 8). Тлен от нижней части деревянного заклада одного из подбоев сохранился в могиле № 564.

*Погребальная камера* прямоугольной или овальной формы в плане. Границы пола часто не совпадают с контуром максимального расширения камеры, линия которого обычно проходит в нижней трети высоты стенок. Скальные выходы иногда придавали подбою нестандартную форму. Стенки вертикальные или имеют наклон, расширяя подбой книзу. Они выпуклой формы, реже ровные в поперечном вертикальном разрезе. Переходы от пола и свода округлые, реже они с четко выраженными углами. В торцевой стенке подбоя могилы № 269 на высоте 0,2 м от пола вырубили нишу 0,4 x 0,2 x 0,3 м. Это единственный случай использования такой детали, более характерной для погребальных камер склепов.

Пол подбоя горизонтальный. Он расположен либо на одном уровне с дном входной ямы, либо ниже его, отделенный ступенькой. Как исключения встречаются сооружения, где пол камеры выше дна входной ямы (могилы № 328, № 400). В поперечном разрезе свод плоский с понижением к задней стенке или полуарочный — плавной дугой переходящий в стенки.

Размеры камеры для взрослого погребения варьируют в пределах 1,9–2,5 м в длину и 0,5–1,0 м в ширину. Как исключения зафиксированы подбой длиной до 3,2 м (могилы № 269, № 300) и шириной до 1,5 м (могилы № 300, № 307). Таким образом, с учетом размеров входной ямы, общая ширина подбойной могилы с одной камерой достигала 1,3–2,55 м, с двумя камерами — 2,2–2,6 м. Высота свода подбоя не превышает 1,2 м.

Конструкция подбойной могилы предназначена для индивидуального погребения. Размер камеры позволял расположить умершего в вытянутом положении в сопровождении погребального инвентаря. В нескольких могилах удалось зафиксировать остатки органического тлена от гробов или колод (рис. 6, 3, 6, 6). Возможно, для погребения в таких деревянных конструкциях сооружались камеры, у которых размеры значительно превосходили длину костяков, обнаруженных в них. Как исключение встречаются могилы с широкими подбоями, в которых погребенные лежали по двое рядом (могилы № 300, № 350). Уникальная ситуация зафиксирована в могиле № 307 (рис. 7, 2). В ее подбойной камере было совершено восемь погребений, располагавшихся в шесть ярусов и отделенных грунтовыми прослойками. При повторных захоронениях погребенного укладывали поверх предыдущего, но в каких-то случаях ранний костяк сдвигали. В могиле № 87 кости предшествующего погребенного перенесли во входную яму.

По соотношению размеров входной ямы и камеры есть три варианта конструкций: 1) длины обеих частей равны, 2) длина камеры больше и 3) длина камеры меньше. Поперечные оси входной ямы и подбоя могут находиться на одной линии (симметричное расположение), но могут быть смещены (ассимметричное расположение). Количество вариантов увеличивается за счет двухкамерных конструкций, в которых подбой одной могилы могут отличаться и пропорциями, и пространственным соотношением частей.

В этой связи интересна конструкция могилы № 156, демонстрирующая вторичное использование погребального сооружения (рис. 7, 4). Первоначально она представляла собой однокамерную конструкцию с пропорционально расположенными входной ямой и подбоем длиной 2,4 м. Погребение и каменный заклад были разрушены, когда могилу использовали для сооружения детского подбоя размером 1,6 x 0,6 м. Его вырубил в центре противоположной имеющейся камере стенке, углубив ниже дна входной ямы на 0,25 м. От последней камеру отделял каменный заклад. Не исключено, что плиты для него были взяты из разрушенной конструкции. Часть плит «старого» заклада были в заполнении могилы, а также на краю входной ямы, на уровне древней дневной поверхности. Хронологический перерыв между совершениями погребений подтверждает и обнаруженный в могиле инвентарь (Храпунов 2003, с. 343–345; Храпунов 2006, с. 193–194).

Возможно, одна из двух погребальных камер могил № 328 и № 400 вырублена позже основного погребения (рис. 7, 1; 6, 5). Подтверждают это предположение асимметричное расположение погребальных камер в плане относительно всей конструкции, а также уровень пола, находящегося выше дна входной ямы в первом случае на 0,8 м, во втором — на 0,5 м.

Погребение в простой грунтовой яме послужило основой для сооружения детской подбойной могилы № 96. Входная яма последней почти полностью совпала с длинными стенками ранней могилы, оставив нетронутой лишь ее часть длиной 0,5 м, в которой сохранились *in situ* кости ног погребенного.

Поскольку мы имеем примеры использования подбойных могил для сооружения склепов и для более поздних погребений можно полагать, что могилы оставались заметными на дневной поверхности. Известны примеры использования вертикально установленных камней для обозначения

могилы. Такие «стелы» обнаружены в заполнении могил №№ 335, 344, 354, 529, 566.

### **Погребения в грунтовых ямах**

К этому типу относится 256 могил (42,52% от общего количества погребальных сооружений). Общими чертами для них являются удлиненные прямоугольные пропорции, вертикальные борта, нередко со скругленными углами и в плане, и в разрезах, а также горизонтальное дно (рис. 8, 1). Отсутствие или наличие иных конструктивных деталей позволяет разделить их на варианты: простые грунтовые ямы, ямы с перекрытием, плитовые могилы, специальная конструкция для погребения лошади. Довольно много погребений было совершено в надматериковом грунте или частично впущено в материковый слой. Часто форма могилы зависела от возможностей строителей справиться с выходами скалы или, наоборот, с мягкими лагунами грунта. Все эти обстоятельства затрудняют определение границ погребального сооружения или его деталей. Поэтому некоторое количество могил отнесены к тому или иному варианту с оговорками.

**Простые грунтовые ямы.** К этому варианту относится 164 погребальных сооружения. Из этого числа 46 могил предназначались для погребения детей и имели соответствующие размеры. Семь детских конструкций имели овальные очертания в плане. В 32 могилах были захоронены лошади, в одной — собака. Пять конструкций этого варианта (могилы №№ 136, 237, 239, 254, 530) имели ориентировку, отличную от всех остальных, по линии север-юг и располагались соответственно поперек склона. 30 грунтовых могил были в той или иной степени потревожены грабителями. Могила № 212 не имела следов ограбления, но оказалась абсолютно пустой. Еще в четырех могилах (№№ 13, 48, 524, 534) ни в грабительском заполнении, ни в нетронутых частях не было найдено ничего.

Размеры могил с погребениями взрослых людей следующие: длина 1,5–2,6 м,

ширина 0,5–0,9 м, глубина от современной дневной поверхности 0,6–2,5 м, в материке — 0,1–2,0 м.

Верхний контур ямы чаще всего совпадает с нижним по длинным сторонам и, редко, по торцевым. Скорее всего эта ситуация связана с небрежным сооружением могилы. В некоторых случаях помехой становились скальные слои. Так, в могиле № 343 из-за известнякового пласта, который удалось пробить полосой, проходящей по диагонали от уже начатого прямоугольного верхнего края, нижний прямоугольный контур сместился и по продольной и по поперечной осевым линиям (рис. 8, 2).

Какие обстоятельства вынуждали строителей сооружать неглубокие могилы в мягком надматериковом грунте, мы не знаем. Однако есть примеры, иллюстрирующие ситуацию, когда, видимо, негативное отношение к погребенному становилось причиной некачественной работы могильщиков. Так, дно могилы № 136 в продольном вертикальном разрезе было неровным — оно понижалось от одной торцевой стенки на 0,3 м к центру могилы и далее поднималось на 0,2 м к другому торцевому борту (рис. 8, 5). Максимальная глубина от современной дневной поверхности составляла 0,8 м. Погребенный лежал в позе, говорящей о том, что его попросту сбросили в яму.

Могила № 130 представляла собой очень узкую яму, сужающуюся к ногам (рис. 8, 3). Максимальная ширина достигала 0,4 м. Ее выкопали в суглинке на краю древней балки. Глубина могилы от современной дневной поверхности 1,7–2,1 м. На уровне дна строители наткнулись на каменный выступ и не стали расширять конструкцию. В результате не удалось уложить правую руку погребенного вдоль туловища. Ее пришлось отвести в сторону, согнуть в локте, так что кисть оказалась прижатой к туловищу на уровне грудины.

Могила № 126 в длину была короче, чем требовалось для умершего (рис. 8, 4), из-за чего его ноги согнули коленями

вверх. Напротив, площадь могил № 254 (1,7 x 0,7 м) и № 571 (2,1 x 0,85 м) позволила расположить двух умерших рядом (рис. 8, 8). В обоих случаях, поверх первых двух погребенных захоронили третьего.

Не находит объяснения обнаруженная в нескольких могилах деталь в виде подрубки, удлиняющей яму по верхнему краю на всю ширину торцевой стенки. В продольном вертикальном разрезе она выглядит как очень высокая ступенька. Глубина ее от уровня материка варьировала в пределах 0,2–0,45 м. В двух случаях она удлиняла могилу вверх по склону на 0,15 м (детская могила № 243) и на 0,3 м (могила № 202). В могилах № 146 и № 253 таких подрубок было по две — в противоположных концах конструкции, длиной 0,2–0,3 м. Можно было подумать, что яма перерезает раннюю неглубокую могилу, но в могиле № 146 именно такая ступенька перерезала детскую грунтовую могилу № 142 (рис. 8, 12).

В могилах № 12 и № 218 подобные подрубки имели в плане трапециевидную форму и были шире торцевых бортов (рис. 8, 7). В этих случаях видно, что начинали вырубку одной конструкции, как кажется входной ямы склепа, но в итоге ограничились сооружением простой грунтовой ямы. Возможно, не удалось довести до конца задуманное и в могилах № 69 и № 146. В них обнаружены подрубки, более напоминающие начатые подбои.

В детской могиле № 231 в одной из длинных стенок на высоте 0,15 м от дна вырублена ниша размером в плане 0,32 x 0,18 м, высотой 0,18 м (рис. 8, 11). Это единственный случай использования подобной детали в данном типе погребальных сооружений.

В верхней части заполнения четырех могил (№№ 243, 353, 581, 577) обнаружены камни, обозначающие могилу на поверхности. Возможно отсутствие таких «стел» у ранних захоронений (могилы №№ 142, 245, 316) стало причиной, когда их перерезали более поздние конструкции. Могила № 516 была сооружена над дет-

ским погребением, полностью перекрыв его (рис. 8, 6). Еще четыре могилы №№ 433, 539, 544, 549 частично разрушены хозяйственными ямами. В свою очередь шесть могил №№ 226, 236, 401, 493, 497, 535 разрушили хозяйственные ямы. В двух могилах № 339 и № 561 совершены подзахоронения, причем значительно выше, чем основное погребение.

Уникальной является ситуация, исследованная в могиле № 368 (рис. 8, 9). Ее размеры 2,6 x 0,9 м, глубина от современной дневной поверхности 2,1 м. В одном из углов могилы выкопана яма прямоугольной в плане формы (1,3 x 0,45 м), глубиной 0,2 м, в которой было совершено погребение ребенка. Контур этой ямы по длинной стенке выходил на 0,1 м за границу контура длинной стенки могилы. Погребение взрослого было разрушено современными грабителями, детское осталось не замеченным и по сопровождающему его инвентарю отнесено к наиболее ранним погребениям могильника Нейзац (Шабанов 2010).

Могила № 526 выкопана в надматериковом грунте (рис. 8, 10). В ней совершили погребение младенца в амфоре. Сверху ее заполнили мелкими камнями, по которым удалось определить границы конструкции.

Для погребения лошадей, кроме описанных выше случаев использования входных ям склепов и подбойных могил, сооружали отдельные могилы. В большинстве они конструктивно не отличаются от могил, предназначенных для погребения людей. Обрядом фиксируется два основных положения животных в могиле: на брюхо и на бок, с подогнутыми ногами в обоих вариантах (рис. 9, 1, 2). Голова находится в вертикальном положении, опираясь на торцевую стенку, или на боку в плоскости дна. Размеры могил в обоих случаях варьируют в одних и тех же пределах: длина — 1,6–2,2 м, ширина — 0,6–0,9 м, глубина в материке — 0,4–1,2 м, максимальная глубина от современной дневной поверхности 2,4 м.

В шести могилах совершены повторные захоронения, причем в трех случаях ранние костяки были разрушены. В восьми могилах кроме лошадей находились собаки, а в трех из них — по две (рис. 9, 2). Семь лошадей были уложены на брюхо, восемь на правый бок, двадцать две — на левый.

В восьми захоронениях (могилы №№ 148, 168, 251, 271, 294, 315, 317, 513) обнаружена ниша-подбой — конструктивная деталь, сопровождающая исключительно погребения лошадей, причем похороненных только в положении на боку (рис. 9, 4). Вырубались ниши-подбои в одной из длинных стенок ямы. В плане они округлой или прямоугольной формы, шириной 0,55–1,3 м, глубиной 0,55–0,9 м, высотой 0,3–0,6 м. Их пол располагался на одном уровне с дном могилы или немного ниже. Кроме одного случая (могила № 271) ниши-подбои имели каменные закладки, состоящие из одной или нескольких плит, установленных на ребро. В них найдены детали конской упряжи и керамические сосуды в разном количестве и сочетании, позволяющие датировать эти погребения IV в. н. э.

Для погребения лошади (могила № 148) использовали раннюю могилу с пазами (рис. 9, 8). Для этого были удалены каменные плиты перекрытия, на уровне дна сооружена ниша-подбой для размещения сопровождающего инвентаря, погребения людей при этом нарушены не были.

Могила № 513 перерезала хозяйственную яму диаметром 1,6 м, что позволило строителям использовать ее площадь для более свободного положения животного на боку — ноги не были поджаты как обычно (рис. 9, 4). В свою очередь есть могилы, перерезанные более поздними конструкциями: могилу № 176 почти полностью разрушила входная яма недостроенного склепа (рис. 12, 7). В верхней части могилы № 251 обнаружена яма с сосудами XVI. Конские могилы № 11 и № 372 использовали вторично для погребения людей.

В торцевых стенках четырех могил (№№ 97, 214, 365, 381) на высоте 0,25–0,4 м от дна были вырублены ниши шириной 0,35–0,6 м, глубиной 0,2–0,35 м и высотой 0,25–0,4 м (рис. 9, 6). В могилах № 395 и № 530 вдоль торцевой стенки оставлена ступенька размером в одном случае 0,25 x 0,25 м, во втором — 0,2 x 0,2 м. Хотя не исключено, что это тоже ниши, у которых не сохранился свод. Не вызывает сомнений, что эти детали предназначались для размещения головы животного.

В длинных стенках двух могил были вырублены вертикальные пазы, расположенные друг против друга. В могиле № 128 их было по два с каждой стороны ближе к торцевым стенкам (рис. 9, 3). Длина пазов 0,35–0,5 м, ширина 0,2 м, глубина в материке 0,3–0,45 м. В могиле № 315 имелось два паза у восточной торцевой стенки. Один из них был открытым длиной 0,3 м, шириной 0,15 м, глубиной в материке 0,4 м, второй — с нависающим козырьком длиной 0,35 м, шириной 0,25 м, высотой 0,4 м. Возможно, они предназначались для балок, уложенных поперек могилы и служивших для сооружения перекрытия.

Могила № 482 представляла собой единственное отдельное погребение собаки (рис. 9, 7). Размеры прямоугольной в плане ямы, в которой совершено захоронение животного, 0,9 x 0,45 м, глубина от уровня материка — 0,35 м, от современной дневной поверхности — 0,8 м. Собаку положили на грунтовую прослойку мощностью 0,05–0,2 м.

**Специальную конструкцию для погребения лошади** представляет собой могила № 56 (рис. 9, 5). Яма прямоугольной в плане формы размером 1,8 x 0,7 м. У ее северо-восточной торцевой стенки оставлена широкая ступенька высотой 0,3 м. В ней по осевой линии могилы проделано углубление-желоб для лучшей фиксации головы лошади в вертикальном положении. В могиле последовательно совершено два погребения, кости раннего оказались

смещенными. Поверх них в положении на боку с подогнутыми ногами была уложена лошадь. Судя по конструкции, раннее погребение было совершено на брюхе с подогнутыми ногами, головой на ступеньке.

**Ямы с перекрытием.** 94 могилы в простых грунтовых ямах имели перекрытие: каменное из горизонтально уложенных известняковых плит или деревянное, конструкция которого нам не известна, поскольку органический материал не сохранился. К этим могилам относятся ямы с горизонтальными пазами и ямы с уступами или заплечиками. Есть также конструкции, названные в публикациях и отчетной документации «могилами с плитовым перекрытием». Надо полагать, что у этих могил перекрытие также фиксировалось с помощью пазов или заплечиков, но эти детали не сохранились. Именно плохая сохранность части могил этого варианта делает наиболее спорными моменты соотнесения их с той или иной группой.

**Ямы с пазами для перекрытия.** В длинных стенках могилы на всю их длину и на одном уровне вырубались горизонтальные углубления глубиной 0,15–0,35 м и высотой 0,15–0,25 м. Поскольку предназначались они для крепления концов перекрытия, логично было назвать их пазами. В трех могилах №№ 3, 384, 463 пазы вырублены в трех стенках, а в могиле № 463 — во всех четырех. Могил этого варианта открыто 58 (в это число не входят конструкции, использованные для сооружения склепа № 180, грунтовых могил № 148 и № 516). Десять могил №№ 39, 82, 178, 196, 225, 289, 325, 502, 528, 580 имели плитовые перекрытия (рис. 10, 1). В 48 могилах, из которых 29 не потревожены грабителями, перекрытие, вероятно, было деревянным. Шесть из этих могил (№№ 91, 142, 277, 394, 420, 463) предназначались для погребения детей. Две могилы № 142 и № 580 перерезаны другими погребениями, три — №№ 122, 407, 438 — хозяйственными ямами. В могилах № 90 и №361 у торцевых стенок обна-

ружены камни, вероятно, возвышавшиеся над древней дневной поверхностью и обозначавших таким образом место погребального сооружения. Двадцать одна могила в той или иной степени потревожена грабителями (рис. 10, 2).

В некоторых могилах этого варианта обнаружены детали конструкций не известного назначения. Могила № 3 имела подбой, вырубленный на уровне дна в торцевой стенке (рис. 10, 3). Размер его 0,9 x 0,85 м в плане, высота 0,85 м. Длинной всего 0,3 м был аналогичный подбой в могиле № 61. Могилы № 94 и № 273 имели продлевающие их вниз по склону части, вырубленные выше дна ямы (рис. 10, 4, 5). Они выглядели как ступени высотой 0,25 м (могила № 94) и 0,65–0,7 м (могила № 273). В могиле № 94 эта часть была трапециевидной в плане формы (0,7 x 0,55–0,8 м), в могиле № 273 — прямоугольной (0,8 x 1,1 м). От основной части могилы их отделяли с помощью небольших плит. В могиле № 94 эти плиты были уложенных в шесть рядов плашмя друг на друга. В могиле № 273 камни заклада установили на ребро в вертикальные пазы, вырубленные в длинных стенках. Никакого материала в этих пристройках обнаружено не было.

Не исключено, что количество могил этого варианта могло быть и больше, поскольку в отдельных случаях определить наличие пазов было чрезвычайно трудно. И речь не только о разрушенных грабительскими шурфами сооружений. Пазы редко находились на середине высоты стенок могилы, чаще всего в верхней половине и даже в верхней трети высоты. Из-за перепада материковой поверхности их начинали рубить у торцевой стенки, расположенной выше по склону в материке, но далее их горизонтальная линия выходила в надматериковый грунт или была очень близко к нему (рис. 15, 1). Козырек у таких пазов, как правило, со временем, а возможно и во время сооружения рушился. И только по фрагментам вырубки в углах ямы можно

было догадаться о принадлежности могилы к этому варианту. Иногда грунтовое заполнение могилы и особенности материкового грунта делали пазы малозаметными. Исходя из этих нюансов, к могилам с пазами гипотетически можно отнести еще 13 погребальных сооружений с плитами перекрытия. Их разрушенные верхние края не дают возможности определить, вставлялись ли плиты в пазы или лежали на заплечиках. Из этого числа пять конструкций имели заплечики (могилы №№ 172, 197, 326, 363, 523), у остальных плиты лежали на материковой поверхности, перекрывая могильную яму (могилы №№ 167, 174, 242, 327а, 327б, 356, 444) или непосредственно на костях погребенного без контуров могильной ямы (могила № 207).

Что касается могил с заплечиками, у которых отсутствовало плитовое перекрытие, то из восьми определенных в эту группу конструкций только могилы № 268 и № 382 имели хорошую сохранность и заплечики по трем сторонам (рис. 11, 4). В первом случае их ширина была 0,15 м, а во втором — всего 0,1 м. В могиле № 71а и № 245 заплечики в сохранившихся частях имели ширину 0,2 м. Могилы №№ 364, 550, 561, 577 из-за плохой сохранности отнесены в эту группу условно.

В заполнении шести могил (№№ 5, 116, 131, 303, 362, 579) в простых грунтовых ямах были обнаружены плиты, размер и количество которых показывает, что они не могли составлять полноценное перекрытие (рис. 11, 3). Вместе с тем они были уложены аккуратно в одной плоскости, что позволяет предположить имитацию перекрытия. В заполнении могилы № 505 большое количество плит располагалось хаотично. Возможно, такая ситуация могла возникнуть при вторичном использовании могилы с плитовым перекрытием.

Плитовые могилы. Три конструкции этого варианта обнаружены в могильнике Нейзац. Могилы № 371 и № 421 были детскими (рис. 11, 2). Прямоугольные в плане ямы (1,15 x 0,65 м; 1,25 x 0,6 м) обложены

по трем сторонам вертикально стоящими, а сверху перекрыты горизонтальными плитами. В могиле № 371 использованы крупные плиты, в могиле № 421 — мелкие. Могила № 441 представляла собой более фундаментальное сооружение (рис. 11, 1). Прямоугольная в плане яма 2,5 x 0,8 м обложена по длинным сторонам массивными плитами высотой до 0,9 м и перекрыта горизонтальным рядом плит. Одна из длинных стен разрушена при сооружении соседнего склепа № 424. Причем нетронутый вертикальный ряд плит, по сути, стал облицовкой верхней половины борта входной ямы склепа.

### **Прочие конструкции**

В эту группу погребений включено 68 могил (11,3% от общего количества погребальных сооружений): 32 недостроенные могилы, 30 могил, тип которых невозможно определить, 5 погребений в хозяйственных ямах и одна детская могила, разрушенная рабочими.

Недостроенные могилы. Причины прекращения сооружения могилы в некоторых случаях очевидны — это либо выходы скальной породы, либо попадание в соседние могилы. К недостроенным могилам относятся входные ямы склепов. Они выполнены в полном объеме, в некоторых случаях даже начаты дромосы (рис. 12, 1), а иногда и камеры (рис. 12.2). Размеры ям: длина 1,6–3,2 м, ширина 0,65–1,0 м, глубина в материке 0,8–2,2 м. В могильнике Нейзац их открыто 11. Две из них оказались пустыми (могилы № 457 и № 464), в двух (могилы № 488 и № 593) совершили погребения лошадей (рис. 12, 6), в могиле № 2 сделали нишу-подбой для сосудов (рис. 12, 3), остальные были приспособлены для погребения людей (могилы №№ 73, 100, 162, 176б). Как правило, дно, имеющее наклон в сторону предполагаемой камеры, выравнивали с помощью грунтовой подсыпки. Мощность ее могла достигать 1,1 м. Именно такой оказалась засыпь в могиле № 100 (рис. 12, 2). На ней было совершено погребение и практически с этого уровня

в одной из длинных стенок ямы соорудили подбой, в котором похоронили еще одного человека. Подбой закрыли закладными плитами, установив их вертикально на засыпь. Четыре погребения были совершены без изменений конструкции (№№ 73, 176б, 162, 264). Правда в могиле № 176б ситуация была усложнена тем, что при ее сооружении перерезали могилу с лошадьёю № 176а (рис. 12, 7). Интересно, что в самой яме один погребенный брошен на дно лицом вниз и еще одно погребение совершено на уровне материка.

Недостроенная могила № 598 состояла из двух частей, разделенных тонкой материковой перемышкой (рис. 12, 5). Ее размеры: общая длина 3,5 м, ширина 0,7 м, глубина от уровня материка до 1,8 м, от современной дневной поверхности до 2,5 м. Предположительно это также недоделанная входная яма склепа.

Восемь недостроенных конструкций (могилы №№ 49, 75, 77, 221, 227, 287, 588, 590) внешне выглядят как простые грунтовые могилы, но об окончательном замысле строителей остается только догадываться (рис. 12, 4). Почти все они имеют прямоугольные или овальные очертания в плане, неровные стены и дно, и за редким исключением небольшую глубину. В заполнении этих могил ничего не обнаружено. Их размеры: длина 1,2–2,2 м, ширина 0,6–1,0 м, глубина в материке 0,1–1,8 м. Могилу № 221 перерезала яма с сосудами IV.

Могилы, тип которых невозможно определить. К этой группе мы отнесли 19 погребений без контуров могильной ямы (могилы №№ 46, 63, 118, 123, 124, 177, 257, 360, 370, 418, 422, 437, 527, 540, 542, 560, 582, 585, 589), две разрушенные конструкции (могилы № 427 и № 437) и девять могил, которые невозможно однозначно интерпретировать (могилы №№ 66, 179, 341, 342, 358, 373, 486, 509, 557). Первая группа представляет собой погребения, совершенные большей частью в надматериковом слое, — 13 взрослых и 6 детских. Особенности грунта не

позволили определить границы погребального сооружения. Вероятнее всего, эти могилы представляли собой погребения в простых грунтовых ямах. В этом ряду особо выделяется детское погребение № 422, совершенное в культурном слое, перекрывающем могилы. Сверху младенец был накрыт крупными кусками стенок амфоры. Скорее всего, погребение следует рассматривать в контексте с поселением IV в. н. э.

Детская могила № 427 разрушена вследствие обрушения камеры соседней подбойной могилы, над которой она была сооружена. Еще одна детская могила № 437 разрушена хозяйственной ямой. По оставшимся частям могил невозможно сказать, были ли они подбойными или погребения совершены в простой грунтовой яме.

Могилы, не имеющие однозначной интерпретации, в каждом случае весьма специфичны и требуют детального описания. Ограничимся лишь самыми общими спорными моментами.

Могила № 66 состоит из входной ямы размером 2,2 x 0,8 м и небольшой подбойной камеры 1,2 x 0,45 м (рис. 13, 1). Свод подбоя рухнул, сохранив остатки погребения ребенка. Поверх него и отчасти на площади входной ямы совершено погребение взрослого человека, уложенного довольно небрежно. В выступающей за пределы подбоя части входной ямы, на небольшой грунтовой прослойке найдены остатки погребений лошади и собаки. Вероятно, изначально могила предназначалась именно для погребения животных.

Могила № 179 изначально имела плитовое перекрытие (рис. 13, 3). Позже ее пытались использовать для сооружения склепа. Для этого убрали большую часть плит, сдвинули кости погребенного, начали удлинять и расширять яму. Работу не довели до конца, но расчищенное пространство использовали для нового погребения. Лежало ли перекрытие на заплечиках или было вставлено в пазы, сказать невозможно из-за сильной деформации бортов.

Могилы № 341 и № 342 непосредственно примыкали друг другу длинными сторонами, хотя контуры сооружений местами не прослежены (рис. 14, 2). В одной было погребение лошади на правом боку с подогнутыми ногами, во второй — два погребенных, лежащих рядом. Конечности лошади отчасти перекрывали ближайший костяк. Предположительно подбойную могилу перерезала могила с лошадью.

Могила № 358 представляет собой длинную (3,65 м) прямоугольную яму, у одного из концов которой сделан детский подбой (рис. 13, 2). Обнаружено два погребения — детское в камере и взрослое во входной яме. Сложно понять последовательность действий: либо входную яму подбойной могилы использовали для сооружения склепа, либо в недостроенной входной яме склепа соорудили подбой.

Могила № 373 по всем признакам подбойная, но с необычно высокой ступенькой (0,65 м), соединяющей дно входной ямы с полом камеры (рис. 13, 6). В краю ступеньки и в противоположной стенке камеры вырублены вертикальные пазы. Сохранившиеся после ограбления несколько плит заклада стояли на ступеньке. Можно предположить, что в пазы были установлены балки, которые стали основой для перекрытия и на нем было совершено еще одно погребение, закрытое в свою очередь закладными плитами.

Могила № 486 представляет собой конструкцию, сочетающую элементы подбойной могилы и могилы в простой грунтовой яме с пазами для перекрытия (рис. 13, 4). И в подбое, и во входной яме находилось по одному костяку. Могила была перекрыта плитами. Заклад подбойной камеры отсутствовал.

Могила № 509, вероятно, объединила в себе подбойную могилу и разрушившую ее камеру склепа (рис. 14, 1). От подбоя

осталась часть входной ямы, отделенная остатками каменного заклада. В плане конструкция получилась неправильной формы. Ее максимальные размеры 4,0 x 2,6 м, глубина от современной дневной поверхности — около 5,5 м. Усложняет понимание ситуации тот факт, что на месте ожидаемой входной ямы склепа оказалась грунтовая могила № 571 с горизонтальным дном и тремя погребенными.

Могила № 557 состоит из трех разновременных погребений, объединенных одной входной (?) ямой, что не дает возможности окончательно определить типы этих сооружений (рис. 13, 5).

В пяти случаях в качестве погребальных сооружений использовали хозяйственные ямы. В могиле № 506 на разных уровнях обнаружено два захоронения, одно из которых совершено практически в сидячем положении. В могиле № 519 похоронили ребенка. В могиле № 520 в верхней части ямы находилось погребение взрослого человека, на дне погребение собаки (рис. 14, 4). В могиле № 591 обнаружено погребение человека с отдельно лежащими черепом и некоторыми костями ног.

Еще одна хозяйственная яма послужила основой для погребения «постгуннского» времени (могила № 114). На уровне дна в стенке вырубили подбой прямоугольной формы в плане 2,15 x 0,7 м, пол углубили на 0,1 м. В нем похоронили женщину. На дне ямы лежал костяк лошади в положении на правом боку с подогнутыми ногами. Еще одну нишу для погребения жеребенка проделали в стенке, попав в соседнюю могилу. По погребальному инвентарю, захоронение датируется приблизительно 430/470–530/570-ми гг. и демонстрирует тот факт, что могильник после окончания функционирования еще как минимум на протяжении столетия оставался видимым на поверхности (Храпунов, Казанский 2015).

## Заключение

За все годы раскопок в могильнике Нейзац не было найдено ни одного инструмента, предназначенного для сооружения могил. Представление об этих предметах дают следы, оставленные в песчанике при устройстве могил. Они двух видов. Первые рубящие или скалывающие в виде коротких плоских засечек шириной 0,02–0,1 м (рис. 15, 5, 6). Вторые — подтесывающие или выравнивающие, представляют собой вытянутые полосы шириной 0,06–0,1 м и длиной до 0,5 м (рис. 15, 4). Край инструмента заостренный, плоский, иногда со стесанными краями, что придает полосам некоторую вогнутость. Такой след могли оставлять тесла или плоские зубила.

Все типы погребальных сооружений могильника Нейзац хорошо известны, благодаря раскопкам однокультурных памятников Крыма. К их числу относятся некрополи позднеримского времени Дружное, Инкерманский, Килен-Балка, Курское, Озерное III, Опушки, Перевальное, Суворово, Чернореченский и др. Большое количество аналогий есть и в памятниках позднескифской археологической культуры на позднем этапе ее существования. Остановимся на особенностях могильника Нейзац, которые выделяют его из этого ряда.

В первую очередь, это могилы с пазами, впервые открытые в Крыму. Им удалось найти несколько аналогий. В одном из погребений Мечет-Сайского курганного могильника раннесарматского времени в Южном Приуралье имелись пазы во всех четырех стенках ямы (Смирнов 1975, с. 110, рис. 38, 7). Они были вырублены чуть ниже середины высоты бортов грунтовой могилы. Глубина их в некоторых местах достигала 0,35 м, а высота — 0,15 м. В них сохранились остатки деревянного перекрытия. Любопытно, что в этой же могиле имелось удлинение одной из торцевых стен на 0,4 м и глубиной 0,3 м, как в погребениях №№ 146, 202, 243, 253 могильника Нейзац. Пазы в длинных стенках могилы имелись во

впускном сарматском погребении № 6 кургана 6 Васильевского могильника, расположенного в Днестро-Дунайском междуречье (Субботин, Дзиговский 1990, с. 5, рис. 4.1). В позднескифском могильнике Балта-Чокрак могила № 39 имела плитовое перекрытие, которое одним краем опиралось на вертикально поставленные вдоль длинного борта плиты, а вторым было вставлено в паз (Зайцев и др. 2005, с. 175, рис. 18). Это уникальная сама по себе конструкция, пожалуй, единственный похожий случай, известный нам среди крымских некрополей. Возможно, причина заключается в том, что могилы с пазами часто разрушались, приобретая форму могил с заплечиками. Последний довольно распространенный в I–III вв. н. э. тип погребального сооружения в могильниках юго-западного и центрального Крыма (Пуздровский 2007, с. 108).

Наиболее ранние погребения могильника были совершены в подбойных могилах и в простых грунтовых ямах в первой половине II в. н. э. (Храпунов 2015). Одной из самых ранних могил некрополя оказалась детская плитовая могила № 421 (Стоянова 2013). К этой же группе можно отнести и единственную специальную могилу для погребения лошадей № 56. Точнее будет сказать, что сама конструкция указывает на возможно раннюю дату ее сооружения. Аналогичные могилы типичны для позднескифских некрополей Крыма, где они датируются I–II вв. н. э. (Высотская 1994, с. 72; Храпунов, Масякин, Мульд 1997; Мульд 2009). В большом количестве они исследованы в могильниках Левадки и Опушки, где прослежены отдельные участки с погребениями лошадей (Мульд 2014). Во всех случаях тушу животного в обязательном порядке обкладывали камнями для придания вертикального положения и полностью забутовывали все свободное пространство, а в некоторых случаях создавали надмогильный холм. Как правило, погребения совершались с уздой, в состав которой могли

входить удила, кольца, распределители ремней, пряжки. Возможно, именно по такому обряду было совершенно первое погребение в могиле № 56, но последующее захоронение полностью разрушило его, оставив *in situ* лишь несколько костей на дне. Второе погребение лошади сильно завалено на правый бок, голова уложена на полку, но уже не в желоб, который к этому времени был нивелирован грунтом заполнения. Во рту у лошади были железные удила. Таким образом, отсутствие каменной забутовки и сам факт вторичного использования могилы отличает это погребение от приведенных аналогий и возможно говорит о более поздней дате захоронения. Еще семь лошадей в могильнике Нейзац погребены на брюхе в простых грунтовых ямах (могилы № 143, 214, 215, 359, 381, 454, 530). Только в трех из них были ниши для головы животного. В одном погребении обнаружен колокольчик, который с помощью кольца, вероятно, крепился к уху животного (могила № 359). Более никаких предметов с этой группой обнаружено не было. Две могилы № 381 и № 530 расположены на раннем участке могильника, перекрытым слоем поселения IV в. н. э. Еще два погребения № 214 и № 215 расположены вплотную к склепу № 222, датированному первой половиной III в. н. э. (Храпунов 2006). Разительное отличие от обряда погребения лошадей позднего этапа существования могильника, позволяет осторожно предположить, что эти захоронения могли быть совершены в течении III в. н. э., и возможно, в первой его половине.

В первой половине III в. к перечисленным типам погребальных сооружений добавляются склепы (Храпунов, Мульд 2004; Мульд 1999, с. 192). Интересно отметить ряд конструктивных и обрядовых элементов, отличающих эти склепы от более поздних. К ранним склепам мы с большей или меньшей уверенностью относим 11 могил. У них относительно широкие входные ямы 1,0–1,5 м, что позволило в двух из них (№ 17 и № 377)

совершить погребения лошадей на боку с полусогнутыми ногами (рис. 3, 3). В девяти склепах дно в продольном вертикальном разрезе было горизонтальным или с незначительным понижением в сторону камеры. Наиболее яркой деталью является наличие порога высотой 0,1–0,4 м между дном ямы и полом камеры. Он зафиксирован в семи могилах №№ 17, 18, 53, 104, 204, 220, 377. Погребальные камеры небольшие, только в трех случаях один из параметров превышает 3 м. Склеп № 62 оказался перерезан более поздним склепом № 43 (рис. 3.2). Над частично рухнувшим сводом камеры склепа № 104 было совершено погребение лошади и собаки. Камера до этого события была ограблена (рис. 5, 3). Очевидно, что соплеменники не могли себе позволить ни ограбления могилы, ни использования ее в качестве заготовки для погребения животных и, следовательно, это произошло с приходом людей иной культурной принадлежности (Храпунов 2006; Храпунов, Мульд 2004).

Судя по обнаруженному материалу, комплексов второй половины III в. н. э. не много (Храпунов 2003; 2004; 2011, с. 16–17). Видимо, продолжают подзахоронения в некоторые ранние склепы и подбойные могилы (Храпунов 2003; 2006а). Не исключено что ранний участок могильника приходит в запустение и это становится причиной того, что уже на рубеже III–IV веков здесь возникает поселение, связанное с появлением нового населения, как принято сейчас полагать — северокавказскими аланами. Невозможно себе представить, чтобы при живых родственниках или соплеменниках было допустимо такое обращение с могилами предков. В непосредственной близости начинает функционировать по сути новый могильник с погребениями в склепах, в простых грунтовых ямах, в том числе и с погребениями коней на боку, и ритуальными ямами с посудой. К этой же группе относится детская плитовая могила № 371 (Стоянова 2013, с. 83). Очевидно также, что

если не все, то значительная часть ранних могил не утратили своих внешних ориентиров. Поэтому в них активно совершаются новые захоронения. Причем речь идет не о простом сдвигении погребенных для очередного подзахоронения, а о частичной или полной перестройке самого погребального сооружения. Использование одной конструкции для сооружения другой в таких масштабах, как это показывает материал могильника Нейзац, пожалуй, отмечено впервые. Вместе с тем один из участков могильника Опушки демонстрирует такую

же картину (материал не опубликован). В довольно плотное расположение подбойных могил вклиниваются более поздние склепы, разрушая или используя их в качестве входных ям (могилы №№ 2, 124, 134). Последние захоронения в могильнике Нейзац совершены конце IV или в начале V в. н. э. (Храпунов 2005).

Совокупный анализ конструкций погребальных сооружений, погребального инвентаря и деталей обряда в дальнейшем позволит дать более детальную характеристику могильника.

### Список использованной литературы

- Власов В. П. Таврское поселение на склоне горы Ташлы-Баир // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
- Власов В. П., Смокотина А. В., Храпунов И. Н. Культурный слой на могильнике Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
- Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
- Высотская Т. Н., Махнева О. А. Новые позднескифские могильники в центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев, 1983.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева И. И., Неневоля И. И., Фирсов К. Б., Радочин В. Ю. Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистое Бахчисарайского района АРК // Херсонесский сборник. Вып. XIV. Севастополь, 2005.
- Мульд С. А. Необычные конструкции и детали погребальных сооружений могильников первых веков нашей эры в Центральном Крыму // Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь, 1999.
- Мульд С. А. Конские погребения из могильников варварского населения Крыма первых веков нашей эры // Боспорских чтения. Вып. X. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009.
- Мульд С. А. Погребения коней из могильника Левадки в Центральном Крыму // Боспорские чтения. Вып. XV. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014.
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
- Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975.
- Стоянова А. А. Плитовые могилы из некрополя Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. I. Симферополь; Бахчисарай, 2013.
- Субботин Л. В., Дзиговский А. Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. III. Курганные могильники Васильевский и Кубей. Киев, 1990.

- Храпунов И. Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. Вып. III. Симферополь, 2003.
- Храпунов И. Н. Подбойная могила позднеримского времени из некрополя Нейзац // Херсонесский сборник. Вып. XIII. Севастополь, 2004.
- Храпунов И. Н. Последние погребения в могильнике Нейзац // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь, 2005.
- Храпунов И. Н. Погребения детей в могильнике Нейзац // МАИЭТ. Вып. XII. Ч. 1. Симферополь, 2006.
- Храпунов И. Н. Склеп III в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006а. Вып. XVI/1.
- Храпунов И. Н. Некоторые актуальные проблемы истории и археологии предгорного Крыма в позднеримское время // Боспорские чтения. Вып. X. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009.
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
- Храпунов И. Н. Погребения II в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. Вып. 1(47).
- Храпунов И. Н., Власов В. П. Новый могильник белозерской культуры в центральном Крыму // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. XII. Запоріжжя, 2005.
- Храпунов И. Н., Казанский М. М. Погребение № 114 на могильнике Нейзац (предгорный Крым) и древности кочевников Северного Причерноморья второй половины V – первой половины VI в. // КСИА. 2015. Вып. 238.
- Храпунов И. Н., Масыкин В. В., Мульд С. А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь, 1997.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. Склепы с захоронениями III в. н. э. из могильника Нейзац // Боспорские чтения. Вып. V. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. Склепы с погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь; Керчь, 2004.
- Шабанов С. Б. Детское погребение с бальзамариями из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. XXIV. Симферополь; Керчь, 2010.
- Эрнст Н. Л. Отчет об исследовании случайных и самовольных раскопок погребальных склепов у кол. Нейзац 13–15 июня 1927г. // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.

*S. A. Mul'd*

## **Burial Structures of the Cemetery of Neyzats**

### ***Abstract***

This article discusses burial structures in the cemetery of Neyzats, which functioned from the second to fourth centuries AD in the central area of the Crimean Peninsula. After the end of the excavation of the site, the materials obtained allow us to make a total analysis of one of most important elements of funeral rite. The total number of excavated graves is 602. The typology suggested divides these graves into three basic types: burial vaults (87), undercut graves (191), and burials in simple pits in ground (256). The latter, in turn, divide into variants: simple pits in ground, pits with a covering, slabbed graves, and special construction for a horse's burial. Specific group of burials comprises unfinished objects (32), ambiguous graves (30), burials in storage pits (5), and one destroyed grave. Each type and variant possesses a detailed characteristics (statistical data, description of component parts of the construction, and exceptional cases are listed).

In the conclusion, we have addressed the features of the site to separate it from synchronous cemeteries in the Crimea. Particularly there is a large group of burials in simple ground pits with ledges in walls for covering. These graves were covered with stone slabs, and perhaps with wood. From the materials discovered, particularly construction details of graves, there are reasons to determine an early group of burial vaults dating to the first half of the third century AD. However, it was considered before that burial vaults appeared in Later Roman cemeteries only in the late third or early fourth centuries AD when the Alans arrived from the North Caucasus. Their migration to the Crimea is related to the last stage of the cemetery in question. A part of its territory was occupied by a settlement. We have established the fact that early graves were often used as a core to construct burial vaults from them, thus enlarging our notion of the norms of the funeral rite.

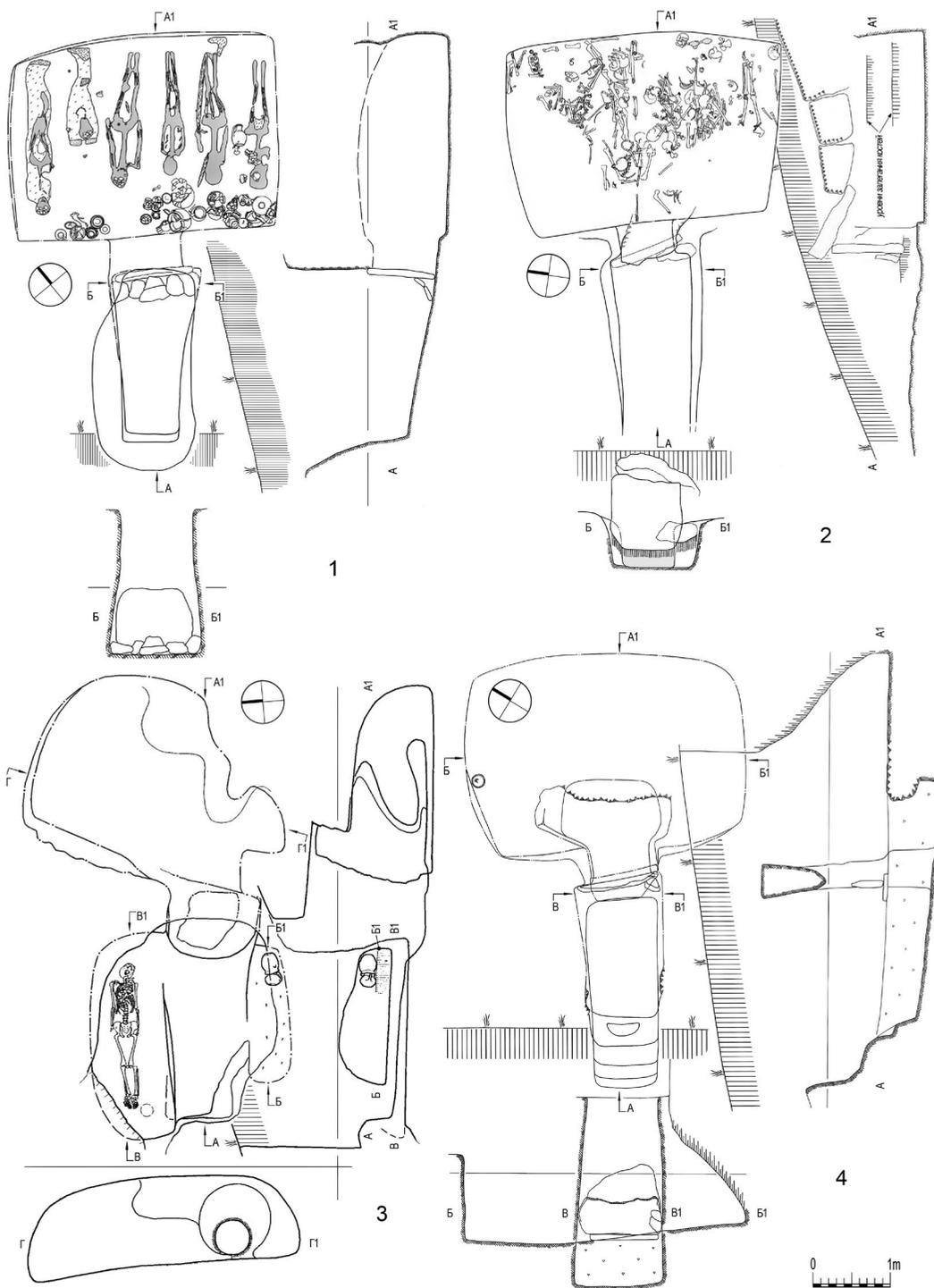


Рис. 1. Планы и разрезы склепов: 1 — могила № 285; 2 — могила № 18; 3 — могила № 54; 4 — могила № 599



Рис. 2. Планы и разрезы склепов: 1 — могила № 220; 2 — могила № 466; 3 — могила № 474; 4 — могила № 163

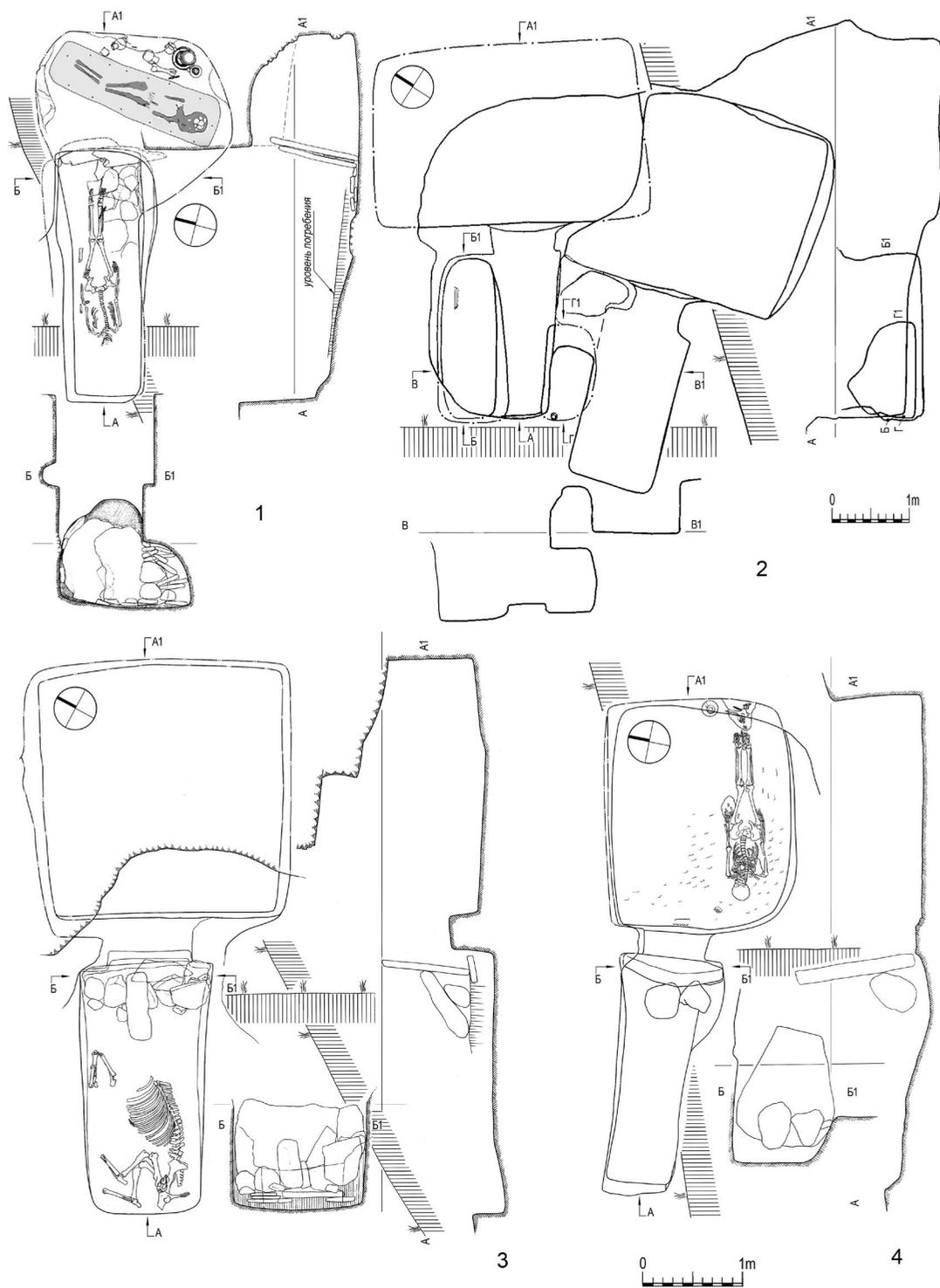


Рис. 3. Планы и разрезы склепов: 1 — могила № 180; 2 — могилы № 43 и № 62;  
3 — могила № 377; 4 — могила № 280

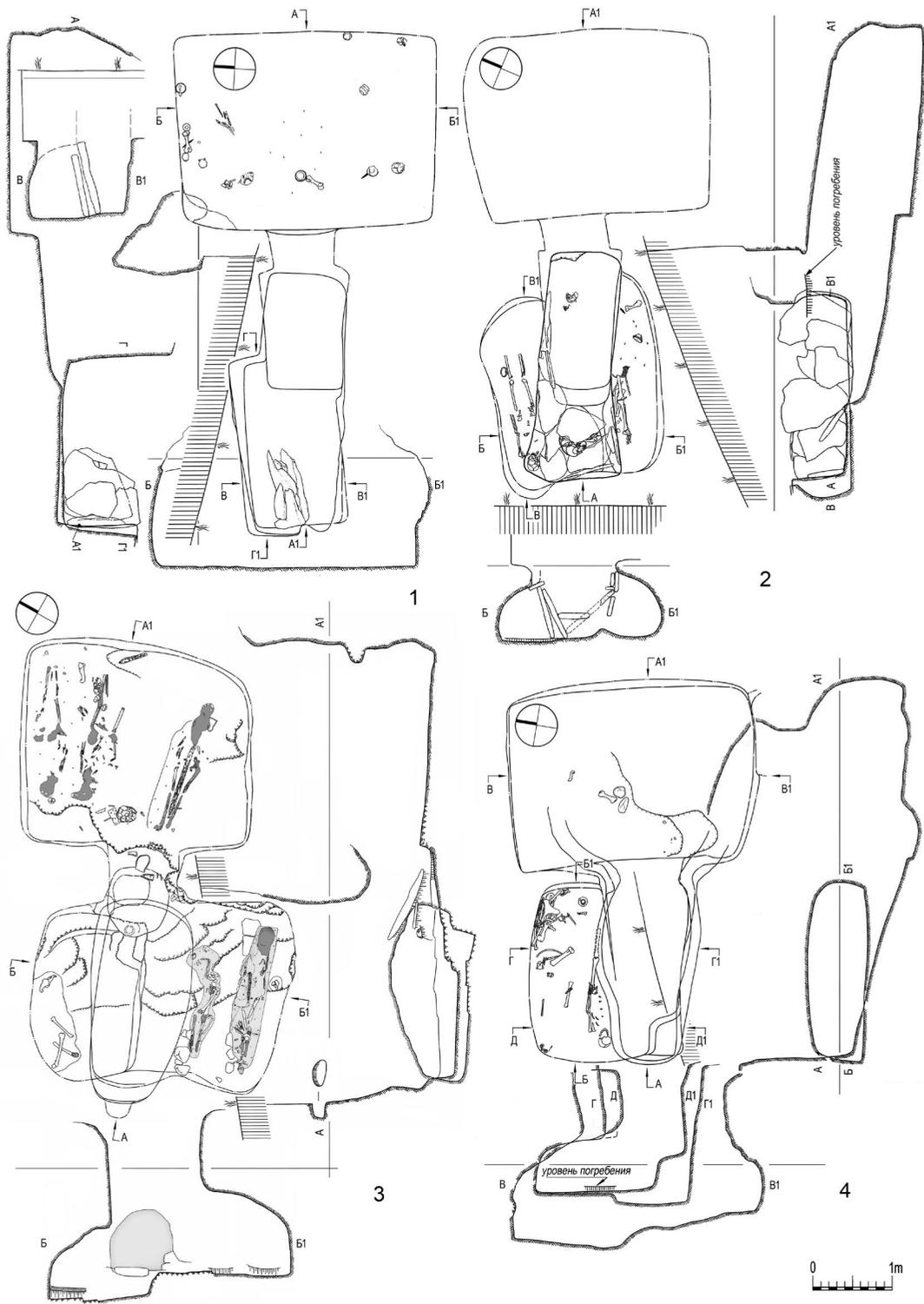


Рис. 4. Планы и разрезы склепов: 1 — могила № 106; 2 — могила № 115; 3 — могила № 480; 4 — могила № 479

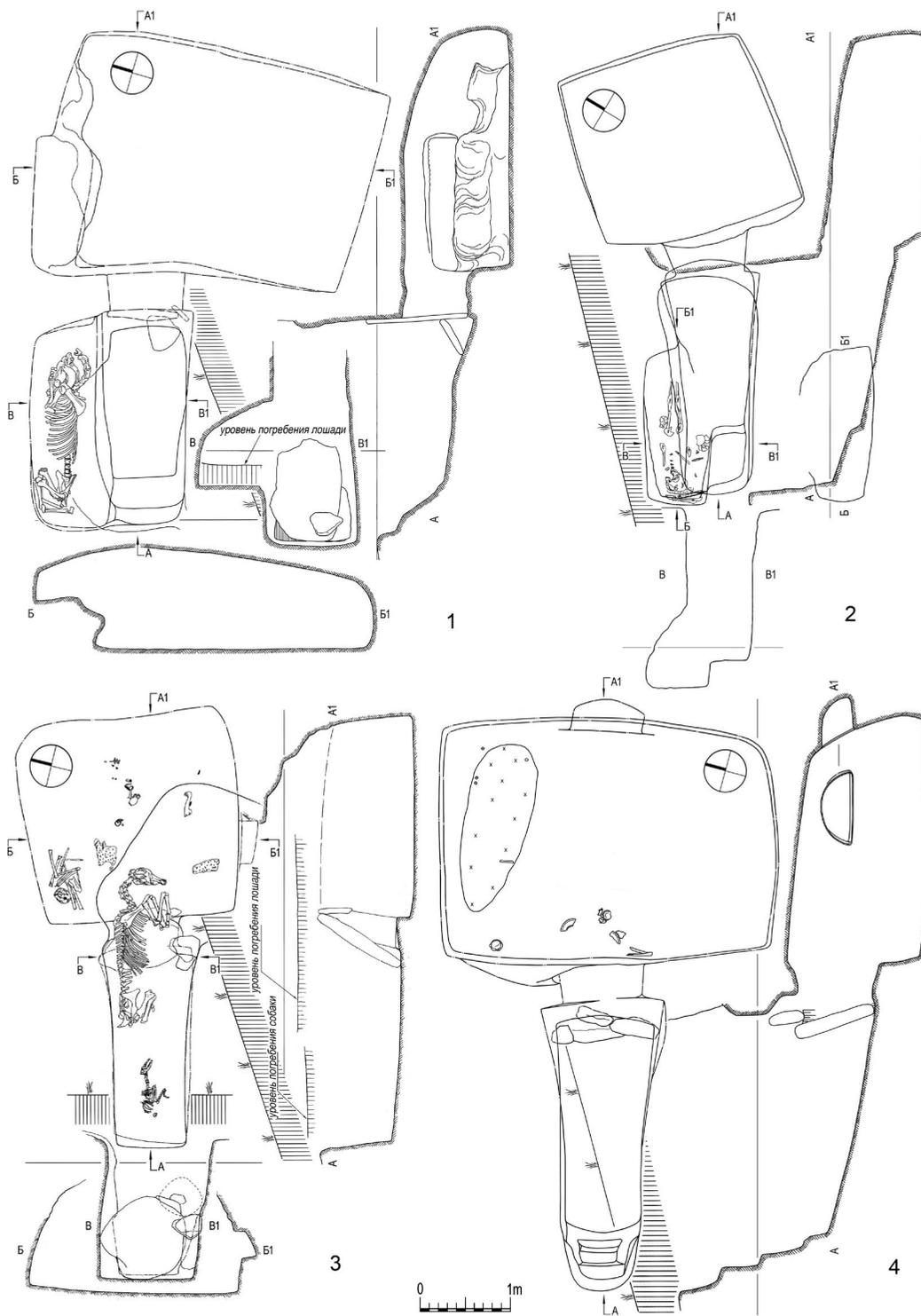


Рис. 5. Планы и разрезы склепов: 1 — могила № 270; 2 — могила № 288; 3 — могила № 104; 4 — могила № 476

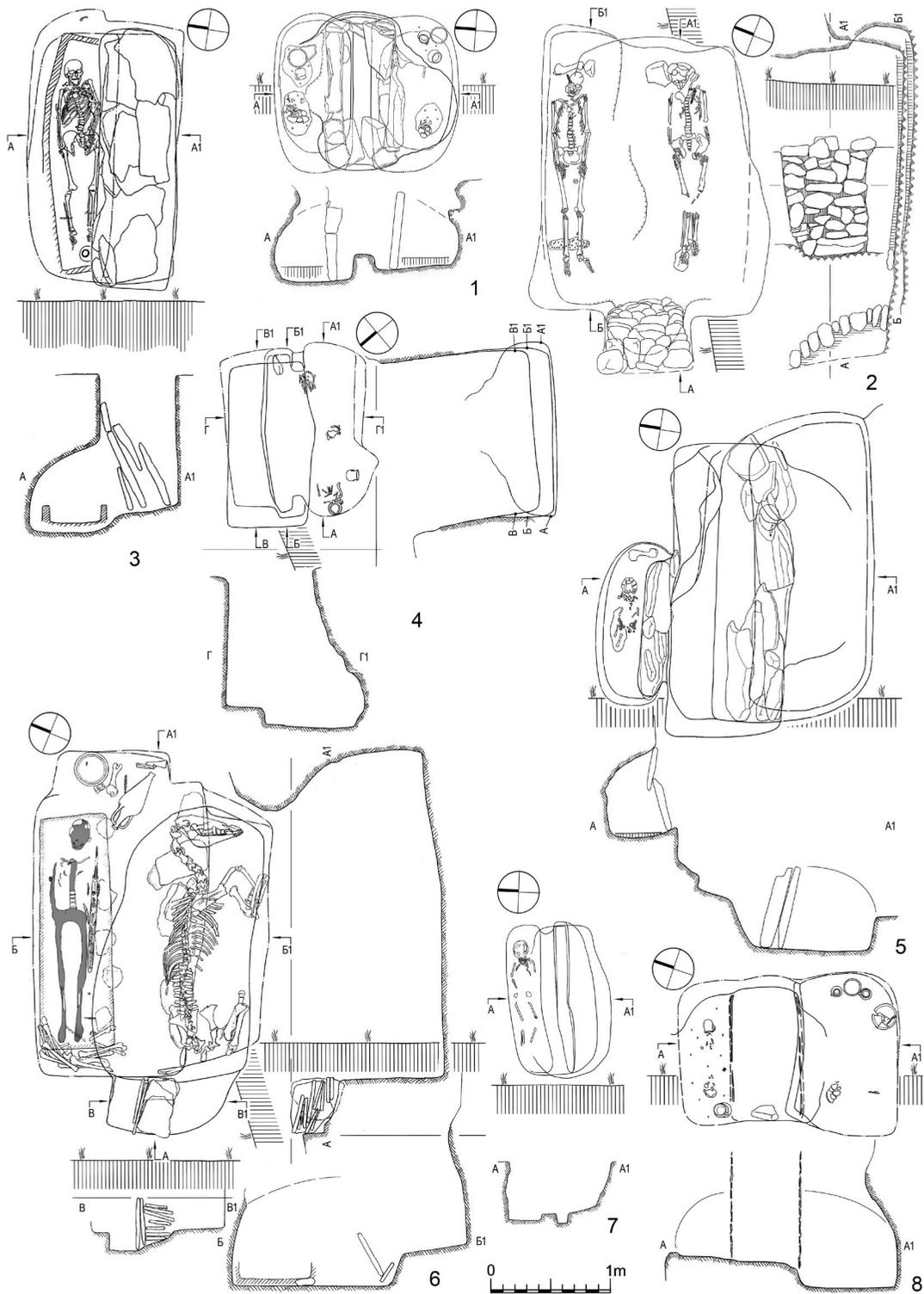


Рис. 6. Планы и разрезы подбойных могил: 1 — могила № 487; 2 — могила № 393;  
 3 — могила № 103; 4 — могила № 145; 5 — могила № 400; 6 — могила № 125;  
 7 — могила № 247; 8 — могила № 344

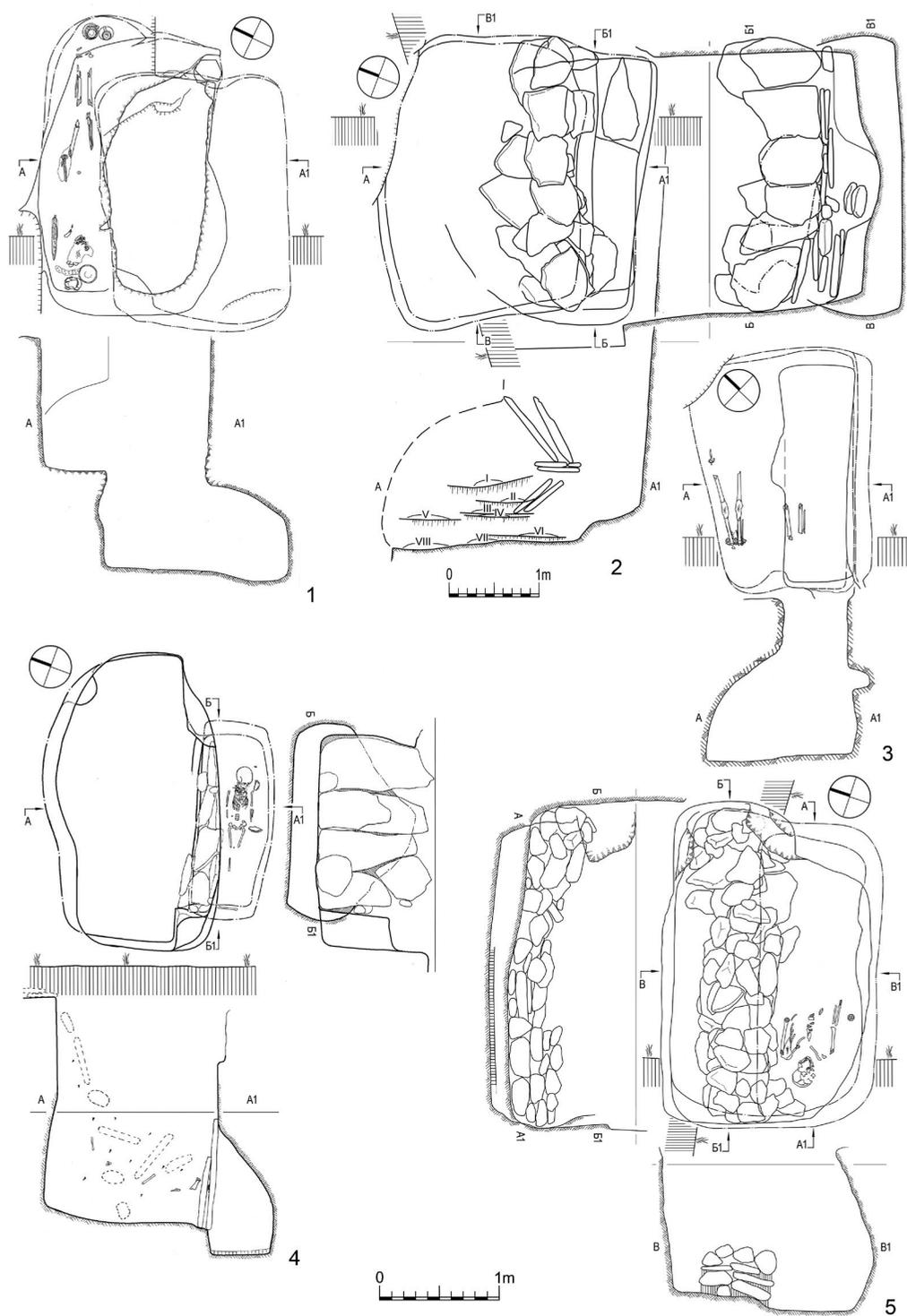


Рис. 7. Планы и разрезы подбойных могил: 1 — могила № 328; 2 — могила № 307; 3 — могила № 299; 4 — могила № 156; 5 — могила № 388

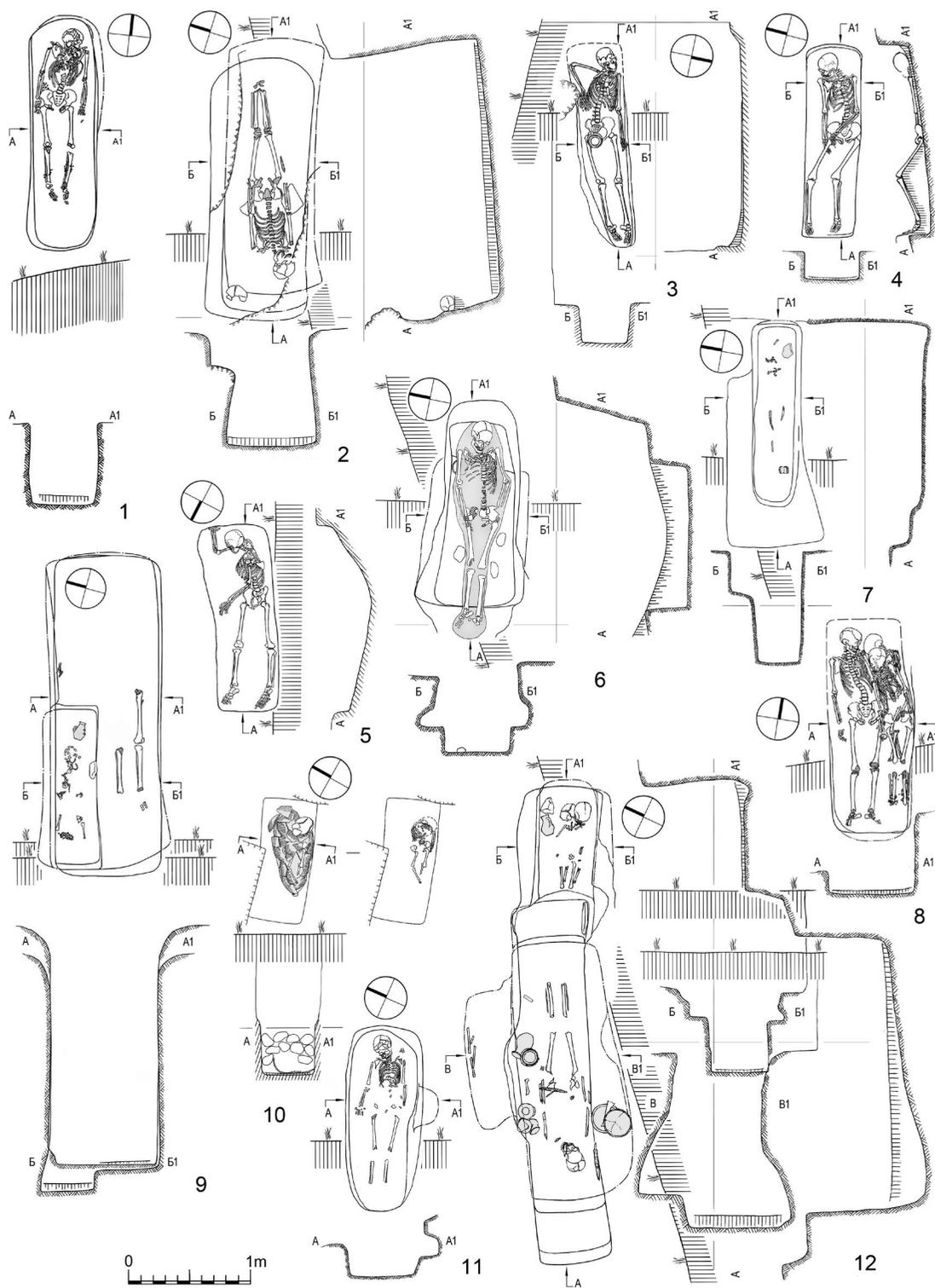


Рис. 8. Планы и разрезы погребений в грунтовых ямах: 1 — могила № 498; 2 — могила № 343; 3 — могила № 130; 4 — могила № 126; 5 — могила № 136; 6 — могила № 516; 7 — могила № 218; 8 — могила № 254; 9 — могила № 368; 10 — могила № 526; 11 — могила № 231; 12 — могилы № 142 и № 146

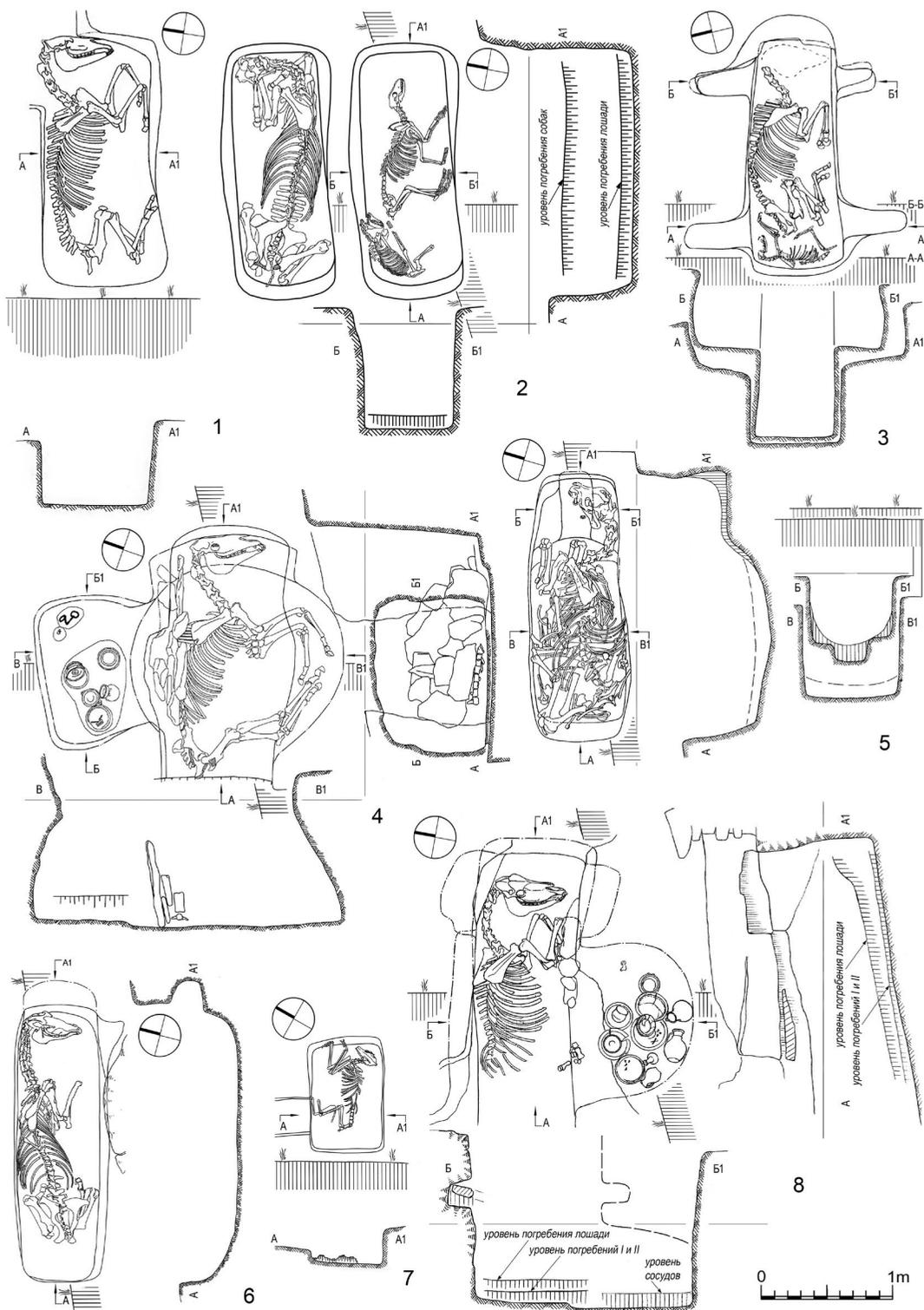


Рис. 9. Планы и разрезы погребений в грунтовых ямах: 1 — могила № 149; 2 — могила № 454; 3 — могила № 128; 4 — могила № 513; 5 — могила № 56; 6 — могила № 214; 7 — могила № 482; 8 — могила № 148

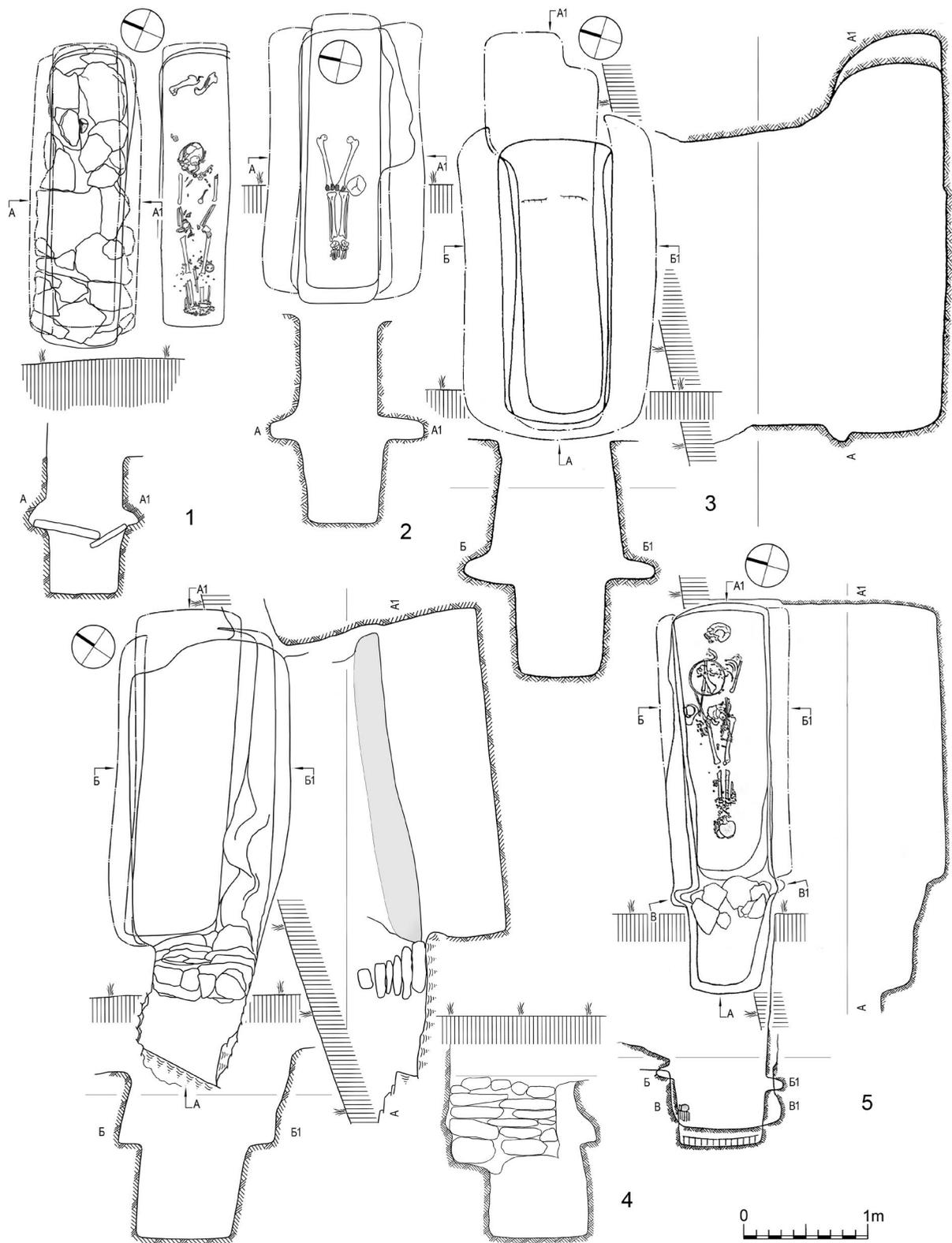


Рис. 10. Планы и разрезы могил с пазами: 1 — могила № 289; 2 — могила № 379;  
3 — могила № 3; 4 — могила № 273; 5 — могила № 94

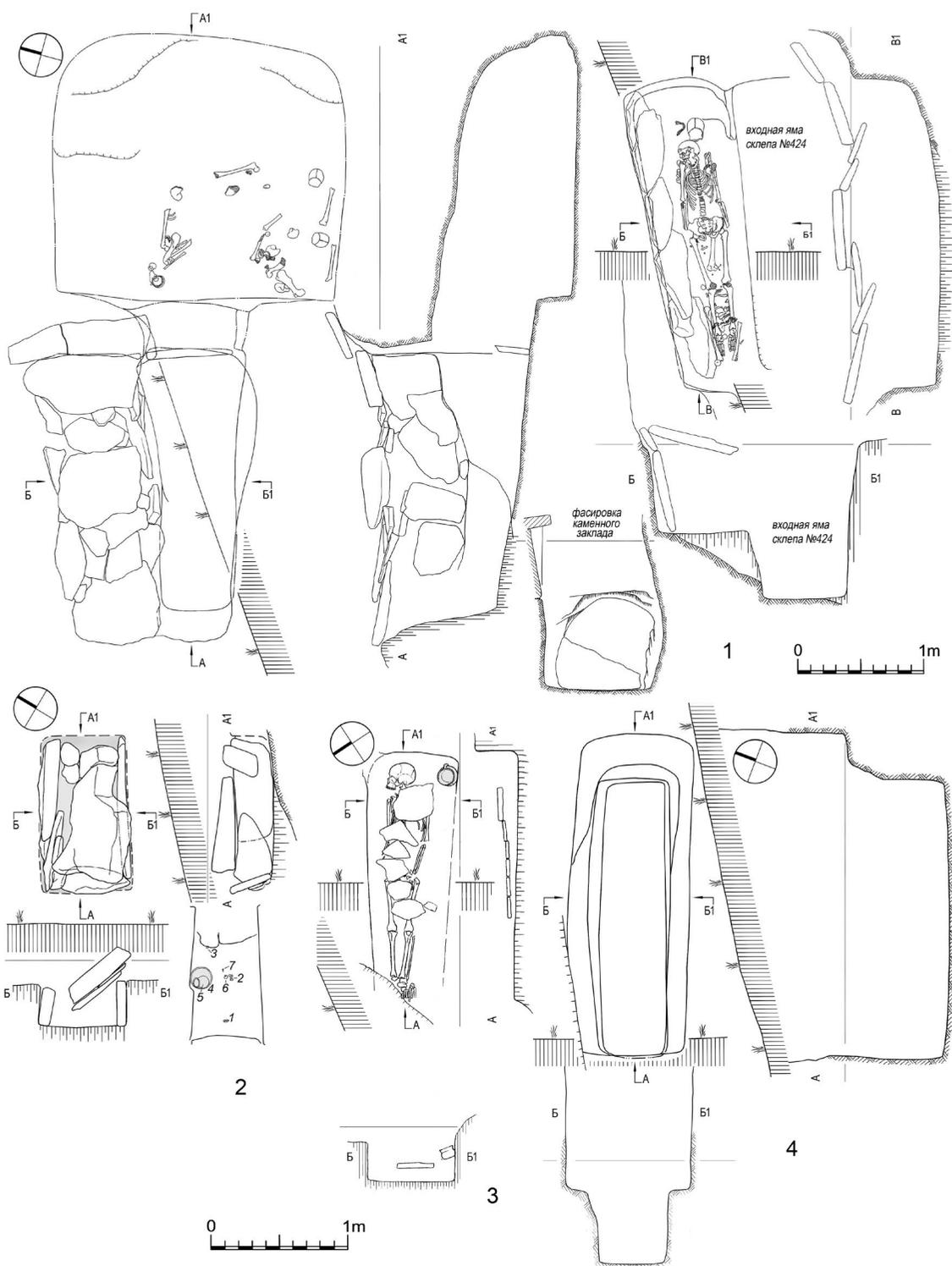


Рис. 11. Планы и разрезы погребальных сооружений: 1 — могилы № 441 и № 424; 2 — могила № 371; 3 — могила № 131; 4 — могила № 268

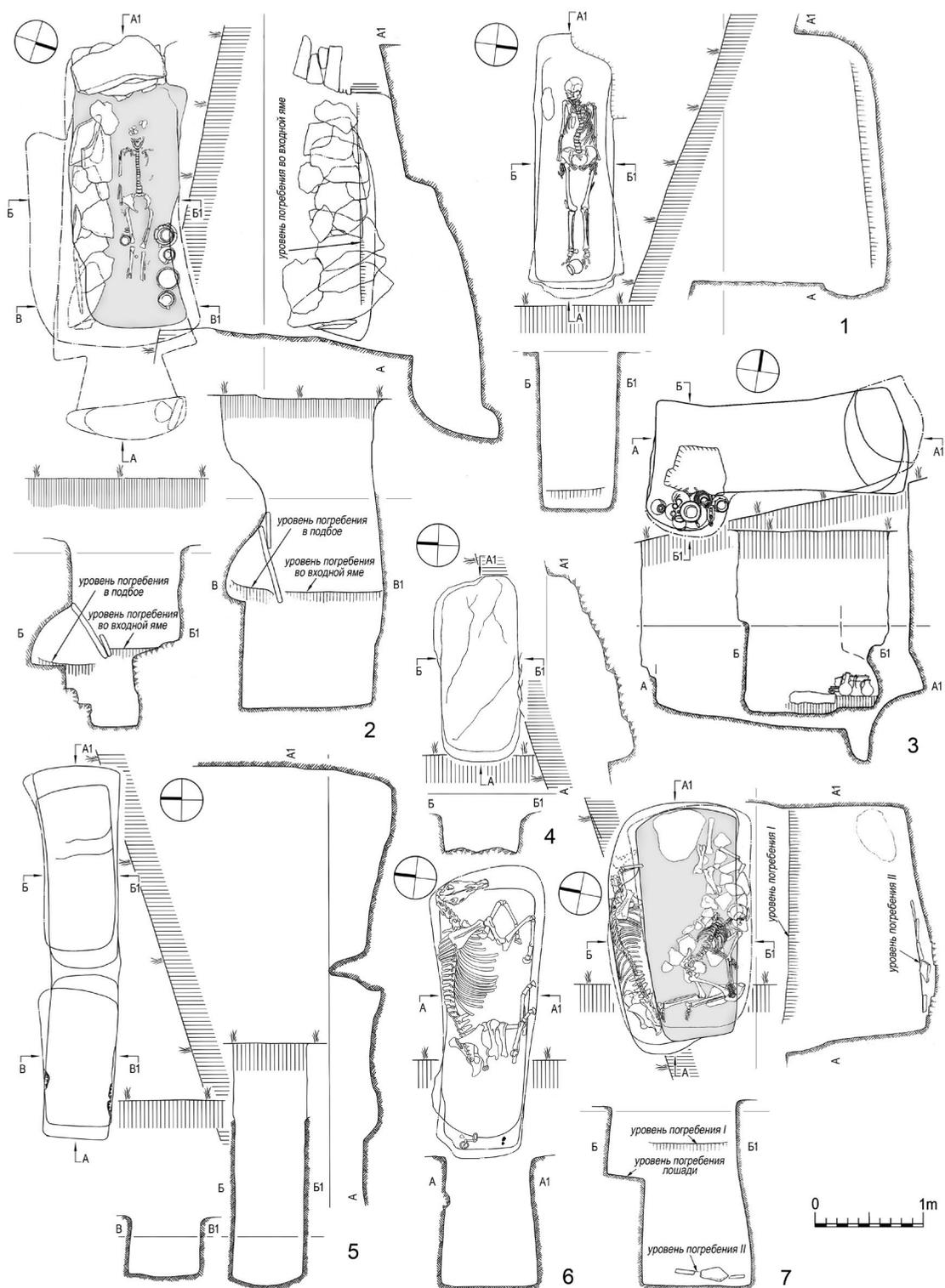


Рис. 12. Планы и разрезы недостроенных погребальных сооружений: 1 — могила № 162; 2 — могила № 100; 3 — могила № 2; 4 — могила № 227; 5 — могила № 598; 6 — могила № 593; 7 — могила № 176

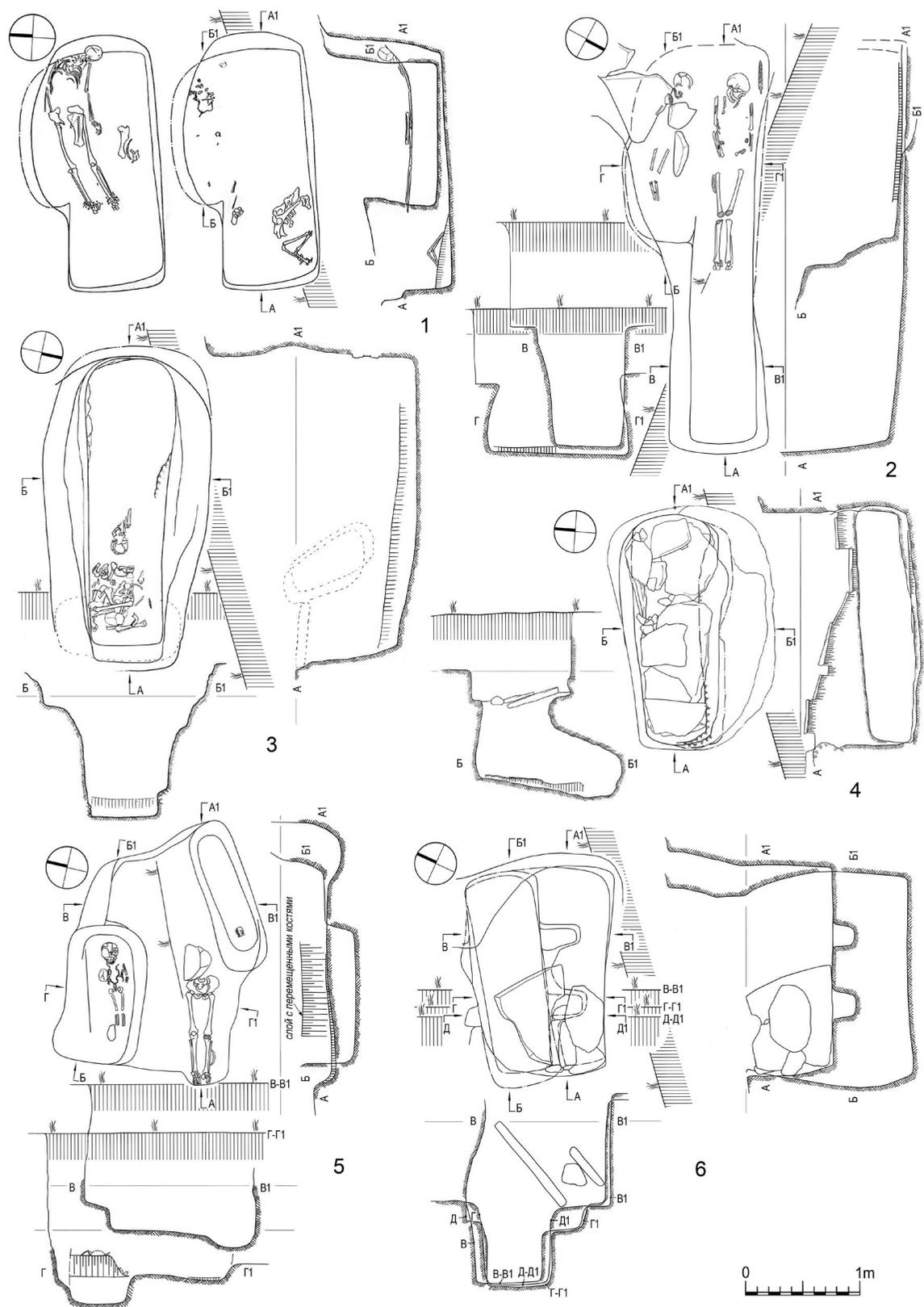


Рис. 13. Планы и разрезы погребальных сооружений: 1 — могила № 66; 2 — могила № 358; 3 — могила № 179; 4 — могила № 486; 5 — могила № 557; 6 — могила № 373

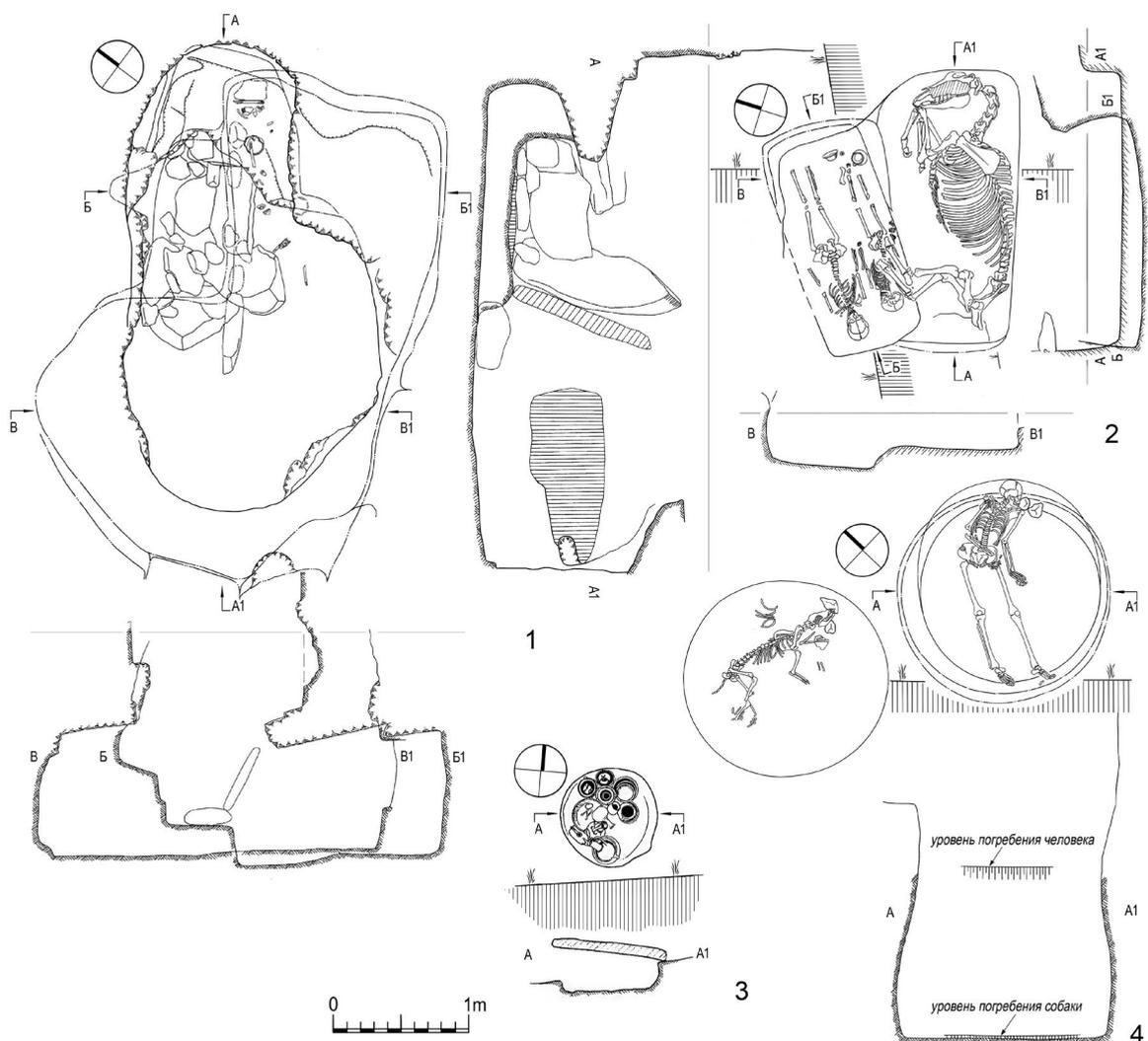


Рис. 14. Планы и разрезы погребальных сооружений: 1 — могила № 509; 2 — могилы № 341 и № 342; 4 — могила № 520; 3 — план и разрез ямы с сосудами № 2

### Условные обозначения

	дерн
	материк
	надматериковый грунт
	искусственная засыпь
	невидимый контур
	контур максимального расширения
	скальные выходы



1



2



3



4



5



6

7

Рис. 15. Детали погребальных сооружений: 1 — сохранившаяся часть паза в борту могилы № 528; 2 — «стелы» в верхней части заполнения входной ямы склепа № 281; 3 — ниша с посудой в стенке склепа № 275; 4 — часть погребальной камеры склепа № 476; 5, 6 — следы инструментов на поверхности дна и полов подбойной могилы № 265; 7 — входная яма склепа № 479, разрушившая часть погребения в камере и ступеньку во входной яме подбойной могилы

**P. Mączyński, B. Polit**

## **Fire Striking Tools from the Neyzats and Druzhnoe Cemeteries**

**Key words:** *Crimea, Roman period, Neyzats, Druzhnoe, Burial Grounds, Fire Striking Tools*

**Ключевые слова:** *Крым, римский период, Нейзац, Дружное, могильники, орудия для высекания огня*

The issue of striking fire in the Roman period has been raised many times in archaeological literature. The debate over this question, which has lasted for over a dozen of years, resulted in elaborating many interesting studies, which concerned mainly the attempt of selecting and systematising particular types of tools used in striking fire (Binter-Wróblewska 2012, p. 27; Dąbrowska 1996, p. 45–49; Ilkjær 1993a, p. 235–256; 1993b, tabl. 157–181; Jonakowski 1996, p. 93–104; Kokowski 1985, p. 109–128; Peškař 1967, p. 355–367; Piotrowski, Dąbrowski 2003, p. 231–242; Schuster 2011, p. 65–82). Unfortunately, most of the attention of scholars specialising in the Roman period has been hitherto focused on findings from Central and Northern Europe, which in consequence led to evident differentiation within the area of our knowledge about the problem of obtaining fire in different parts of *Barbaricum*.

The question of striking fire in Eastern Europe, especially on the northern coast of the Black Sea, during the Roman period has not been investigated for long time. Admittedly, the considerable role of fire in the funerary ceremonies of the Crimean population has been already signalled, and the phenomenon of intentional flint tools depositing in graves has been observed, but the whole issue remains a sort of *terra incognita* (Mączyński 2014, p. 27; Mączyński, Polit *in print*; Храпунов 2002, с. 16, 18–20, 31; Мульт 1996, с. 282). The results of describing 65 flint artefacts from the Neyzats cemetery (see Mączyński, Polit *in print*), 20 kilometres east from Simferopol, became the stimulus for attempting to explain this question on the example of materials from the Crimea. Despite achieving interesting results, which were helpful in explaining the reasons of the presence of flint material in funerary facilities and the methods of providing it, there are

still many inaccuracies concerning the question of obtaining fire by the Crimean population in the Roman period.

The presence of marks on the flint material, allowing us to suppose that they were created as a result of striking fire with the use of firesteels, imposes on us the necessity to deliberate further on this topic (*ibidem*). Selecting iron firesteels from among the materials found in the Crimean Peninsula is problematic because of two main reasons. Firstly, objects of this type occurring in the discussed area have not been hitherto selected in sets assigned to the Roman period. Secondly, a great percentage of the items underwent corrosion, which made it impossible to identify them and, as a result, to specify their functions. Lack of information concerning the iron firesteels in archaeological literature does not prove that the Crimean population did not use this type of tools to obtain fire in the Roman period.

An attempt to select firesteels and, as a consequence, to determine the methods of striking fire will be based on the findings from the Neyzats, Belogorsk region (Нейзац, Белогорский район), and the Druzhnoe, Simferopol region (Дружное, Симферопольский район), burial grounds. The starting point for the considerations over the discussed issue will be *in situ* burials in which objects used in fire striking (made of such raw materials as flint, quartzite, pyrite, and marcasite) were found. In the Neyzats cemetery, during 20 seasons of research, these types of raw materials were recorded in 20 graves with 26 *in situ* burials, in which flint artefacts were discovered in the places of their original deposits (Table 1).<sup>1</sup> Quartzite and flints were present in all burial constructions characteristic for the discussed period, that is in vaulted graves (graves nos. 60, 224, 285,

321, 332, 480), undercut graves (graves nos. 55, 151, 286, 302, 307, 358, 392, 466, 556, 564, 580), and pit graves (graves nos. 134, 173, 246).

On the area of the Druzhnoe burial ground, the discussed raw material, in the form of flints and of a single marcasite (?) concretion, was found in 5 unlooted graves, including a pit grave (grave no. 65), 2 undercut graves (graves nos. 15, 20), and 2 vaulted graves (graves nos. 18, 21) (Table 2).<sup>2</sup>

In the context of the discussed issue, interesting is the concomitance of flints and heavily corroded iron artefacts named in archaeological literature as “awls” (Khrapunov 2013a, p. 46; Косяненко 2009, с. 155). Products of this type were discovered in 65% of the considered cases, occurring only in graves containing bone remains or equipment whose analysis made it possible to establish that they were male burials. The fact that tools functionally attributed to women were present in male graves, as well as their concomitance with raw materials used in striking fire, make us contemplate whether these objects have been hitherto correctly interpreted by scholars. Taking into consideration the facts that the awls are morphologically akin to Scandinavian-type firesteels and these two types of artefacts are often confused with each other, we can speculate about the possibility that we are dealing with needle-shaped firesteels in the discussed materials.

This type of artefacts from the Neyzats burial ground is represented by narrow, needle-shaped objects made of iron, in most cases of round cross-section along their whole length (Fig. 1: 2–10). Only in the case of two items, found in grave no. 60, burial no. 1 (Fig. 1: 1), and in grave no. 151, their lower parts were rectangular in cross-section. Originally, the

<sup>1</sup> Altogether, 68 flint fragments and a quartzite debris chunk were found in the Neyzats cemetery. Part of the flint artefacts were not analysed, because they come from plundered funerary facilities containing intermingled archaeological material. Lack of our knowledge about the original location of the artefacts in the graves makes it impossible for us to select fire striking sets that were placed near the buried persons. Utilisation marks on the items found in the robbed burial chambers indicate that they were used in the process of obtaining fire and most probably were included in the inventories (cf. Mączyński, Polit in print). Single specimens belonging to the discussed group of artefacts were also discovered in the cultural layer on the whole area of the site, where they co-occurred with diverse material that is generally dated to the 4th century A.D. (Храпунов 2013, p. 189, 190).

<sup>2</sup> 20 flints discovered in 13 graves come from the Druzhnoe cemetery. 8 of the burials had been robbed and because of this reason the artefacts found in them were excluded from the analysis.

tools were set in wooden handles. The fact that the wooden fragments have been preserved on most of the artefacts made it possible to determine the look of the working part. It is usually short and rounded or slightly pointed. Unfortunately, the character of the cemetery makes it impossible to describe the form of the handles. Owing to the materials from Druzhnoe, we know that analogous objects occurring with flints were set in wooden handles which broadened upwards (Fig. 1: 11–13). In all likelihood, the specimens from Neyzats had this type of handles.

The objects described above are similar to firesteels discussed by J. Ilkjær (p. 235–256; 1993b, Table 157–181) (Fig. 1: 15, 16). As the scholar remarked, basing on the artefacts from Illerup, tools of this type belonged to separate male equipment and were carried by the belt, to which they were attached with a cord or a strap passed through an aperture in the handle (2007, p. 56, 57). A needle-shaped firesteel was an element of a fire kindling set composed also of a natural quartzite pebble and of material that catches fire easily, most probably tinder (*ibidem*, p. 58). The needle-shaped artefacts from Neyzats and Druzhnoe belonged to male inventory and, as in the case of Illerup, in most of the analysed burials, the items were located near the waists of the dead. At the same time, there is a visible tendency to deposit them near the left ilium (Maćczyński 2014, p. 27). Lack of preserved handles does not allow us to determine unequivocally the method of attaching them to the belt. Considering the issue of the possibility of attaching the discussed objects directly to the belt or to the strap, it is worth mentioning that in Druzhnoe, in grave no. 21 (burial H), a wooden handle with remains of a cord passed through it (Fig. 1: 12) have been found. The presence of the latter may prove that this category of artefacts was carried by the Crimean men in the Roman period in a fashion analogous to that recorded in Illerup. It is not inconceivable that tools of this type were carried with flints and other objects in containers made of organic material and attached to

the belt (Maćczyński, Polit in print). This remark is confirmed by the materials from Druzhnoe. There, in grave no. 20 (undercut S) near the hips of skeleton C, remains of organic substance were found. On them, among others, a flint flake and a needle-shaped object ending with a wooden handle were discovered (Храпунов 2002, с. 19, 117, рис. 17). Examples of storing fire striking tools in organic pouches are known also from other territories. One comes from the Northern Caucasus, from the vicinity of Kobi, Shelkovskoy region (Коби, Шелковской район). In this case, in grave mound no. 5 (of group 1), dated to the 1<sup>st</sup> or the beginning of the 2<sup>nd</sup> century A.D., remains of an organic pouch, with a flint artefact resting on them, were found (Березин, Ростунов 2011, с. 62, 63). This object was located near the left ilium of the buried man (*ibidem*).

In archaeological literature, there is a widespread belief that needle-shaped firesteels composed sets with quartzite pebbles (Ilkjær 1993a, p. 255; 2007, p. 58; Jonakowski 1996, p. 93). Such sets are found not only in Scandinavia, but also in Central Europe (Fig. 1: 14) (Dąbrowska 1996, p. 45–46; Okulicz 1983, p. 171). In the case of the materials from the Crimean foothill, the discussed needle-shaped objects also belonged to sets composed of raw materials used in fire striking. The predominant material was flint which, similarly to pyrite, occurred by ingot firesteels in other areas (Ilkjær 1993a, p. 248).

Lack of stone pebbles does not exclude the possibility of using needle-shaped objects in striking fire. Experiments conducted by us prove that striking or rubbing an oblong iron object against flint, pyrite, or marcasite produces a spark which gives fire when it falls on tinder. This method of obtaining fire was also described by Pliny the Elder who, discussing the topic of pyrite and other stones used in fire-kindling, wrote: “*They are the most ponderous of all, and are found remarkably useful for advance-guards when laying out encampments; for, on being struck with a nail or any other kind of stone, they emit a spark, which*

*received upon sulphur, dried fungus, or leaves, produces a fire almost sooner than it could be named.*" (The Natural History XXXVI, 30, 19). The mention about using an oblong iron object by camp *exploratores* is immensely interesting in the context of the discussed materials. As we have noted above, the needle-shaped objects, described in archaeological literature as "awls", occurred mainly in male burials. What is important, such graves contained elements of armament. In the Neyzats cemetery, 8 out of 26 examined burials had, apart from needle-shaped objects and flints, swords (one in each burial) in their inventories. Such a situation was recorded in the case of the following graves: 60, burial no. 2; 246; 285, burial no. 2; 307, burial no. 3; 332, burial no. 2; 358, burial no. 2; 466, burial in a *dromos*; 480, burial no. 3. In two cases, the presence of a battle-axe was noted (grave no. 307, burial no. 2; 321, burial no. 2). In grave no. 60 (burial no. 1) however, apart from an oblong, heavily corroded object (interpreted as an awl) and a flint flake, a lance head was discovered. This concomitance of items probably used in fire striking and elements of armament is not characteristic only for the Neyzats cemetery. Such a phenomenon was also observed in the Druzhnoe site, as well as in other burial grounds located outside the Crimea (Демиденко, Мамонтов 1993, с. 116–119; Горбенко, Косяненко 2008, с. 278–281; Храпунов 2002, с. 18–21; Кузнецов, Мышкин 2003, с. 146, 147). We should also emphasise the fact that, apart from the group of the discussed sets, in which flints and other raw materials used in striking fire were found, analogous needle-shaped objects occur seldom. Still, they are discovered in male burials, near the waist. Such a location of the artefacts was observed in the Neyzats cemetery, for example in undercut grave no. 328. What is interesting, this was a warrior's grave, which was attested by the presence of a sword placed by the left arm of the buried man. In this case, noteworthy is the absence of a Strike-a-light next to an iron, needle-shaped object located near the left ilium. Nevertheless, we can assume that

its role was played by pyrite or marcasite that thereupon underwent oxidation.

Taking into consideration the above remarks, we can assume that the frequently occurring in archaeological literature interpretation of the iron, needle-shaped objects as awls might be invalid. Possibly, these are needle-shaped firesteels, for which there is a strong case. This view is confirmed by the form of the artefacts, analogous to the shape of objects found in other territories and assigned to the group of firesteels. It is also corroborated by their concomitance with armament elements (swords, a lance head, a battle-axe) in male burials, by their location in graves, and by the fact that they were placed near flints with which they undoubtedly formed sets. It is not inconceivable that part of the artefacts were correctly interpreted as awls. Possibly, this role was played by objects analogous to a tool located in the leg area of the buried woman in grave no. 102, undercut N. This item is much more elongated and thinner than the ones found in male graves and its working part has a sharp end.

A heavily corroded iron object from the Neyzats cemetery (grave no. 285) in the form of a rectangular plate whose one end was hammered to form an eye (Fig. 2: 2) represents a very interesting finding. The artefact was found in burial no. 2, near the left ilium. Unfortunately, the preservation state of the bone remains excludes the possibility of determining the sex of the dead person. On the basis of the inventory, which included 2 swords of Hazanov 5 type and a sword without a cross-guard, we may assume that this was a male burial (Храпунов 2010, с. 536, 539, 541, рис. 3: 5; 5: 3, 4). The described artefact was located near a needle-shaped object and a flint flake. The above mentioned items probably formed a fire striking set, which is attested, among others, by the presence of proximal retouch limited to the edge on the left and on the right side of the flint artefact. Taking into consideration the fact that the object is covered with patina which does not occur on the retouch we

can assume that it was used in striking fire.

Analogous iron items are interpreted in archaeological literature as ingot or trapezoid firesteels (Dąbrowska 1996, p. 45; Jonakowski 1996, p. 94). This name is applied to iron, rectangular in cross-section objects whose forms vary from rectangular, through trapezoid, to fan-shaped. They end in the apical part with single, variously shaped eyes or simply with single apertures. Next to a firesteel of this type, a flint or a pyrite fragment was usually found (Dąbrowska 1996, p. 47; Ilkjær 1993a, p. 246–248). They are characteristic for the territories of Poland, where they occur numerous in the Przeworsk culture materials. Basing on recent findings, the earliest tools of this type appeared already during the B1 phase of the Roman period, whereas C1b, or possibly the beginning of the next phase, should be considered the time of their disappearance (Jonakowski 1996, s. 100).

The morphology of the discussed artefact from grave no. 285 makes it possible to interpret the object as an ingot firesteel. The presence of this kind of tools in territories other than east-central *Barbaricum* does not have to be astonishing, since this type of firesteels appeared occasionally also in Scandinavia (Dąbrowska 1996, p. 47). 5 specimens were found in the Illerup site (Ilkjær 1993a, p. 246–248). More intriguing is the way the discussed item got to this Neyzats grave, whose inventory allows us to date it to the 4<sup>th</sup> century A.D. The issue of objects from the “Germanic world” appearing in the featured sepulchral site has been already discussed (Khrapunov 2013a, p. 36, 37, 44; 2013b, p. 177–195; Храпунов 2003, c. 329–350; 2010, c. 552; 2011, c. 29, 32, 51; Шабанов 2015, c. 213–230). Unfortunately, basing on the accessible materials, we are not able to explain unequivocally the way they got to the Crimean Peninsula (Храпунов 2012, c. 125).

In the context of attempting to interpret the items deposited near flint objects in sepulchres, an artefact found in grave no. 332 (dated to the 4<sup>th</sup> century) from the Neyzats cemetery

(Fig. 2: 1) also appears to be important. It is an oblong, heavily corroded iron item with one of its ends folded to shape an eye. This functionally undetermined artefact is merged with a flint flake whose one edge is retouched. The merger resulted from the gradual corrosion of the object. In the Neyzats cemetery, an analogous item was discovered in grave no. 151, whose inventory allows us to date it to the 4<sup>th</sup> century A.D. Also in this case a piece of a flint blade is attached to the tool's surface. We can probably interpret these artefacts as atypical firesteels. In relation to this statement, it seems important that objects with one end folded to shape a broad eye positioned in parallel to the ingot's surface occurred in the territory of Poland, in graves dated to the B1 phase. Tools of this kind are named in archaeological literature as firesteels (Dąbrowska 1996, p. 46; Okulicz 1983, p. 171). T. Dąbrowska suspects that they represent a local type known mainly from the North-Eastern territories of the Przeworsk culture (1996, p. 46). The fact of finding in other terrains firesteels which occur only locally allows us to suppose that the corroded objects from graves nos. 151 and 332 in the Neyzats cemetery belong to this category of tools.

Raw materials producing sparks are also important in the process of fire striking. Objects of this sort are named in archaeological literature as strike-a-lights (Sorensen, Roebroeks, van Gijn 2014, p. 477–480). Archaeological and ethnographic materials, as well as the results of conducted experiments, provide us with information that make it possible to determine several main types of raw materials used in the past to produce sparks. Their popularity varied depending on time and geographical distribution. Undoubtedly, the principal rocks and minerals used in obtaining sparks were flint, pyrite, and marcasite. These materials are present in different proportions in the Crimean foothill archaeological materials. Their presence in sets is the result of intentional depositing them in graves as gifts entering into the composition of personal fire striking kits.

Flint was the most popular raw material used as a strike-a-lights by the Crimean population in the Roman period. The analysed materials included jointly the impressive amount of several dozen flint artefacts. In the case of Neyzats, 31 flint items were found in 26 burials, whereas in Druzhnoe, they were discovered only in 6 *in situ* burials. Most frequently, flake forms were used as strike-a-lights – they were recorded 13 times (Fig. 2: 1; 3: 5, 6; 4: 9, 10; 5: 4, 6). Less popular were blade forms (Fig. 4: 2–8; 5: 1, 2) and chunks – recorded 9 times in each case respectively (Fig. 3: 2, 4; 5: 3, 5). The rest of the specimens is represented by bifacial tools (Fig. 3: 3) and by a flake core (Fig. 5: 6).

Undoubtedly, part of the flint artefacts discovered in the site represent flint tools of the highest quality. Their creation itself required specialised knowledge and skills, which were surely unreachable in the Iron Age, when the role of flint materials was marginal. The group of products whose production required particular ability includes tools made with the employment of the bifacial technique (Fig. 3: 3), as well as forms that could be created only with the knowledge of a knapping method oriented to the production of blades and blade tools (Fig. 4: 2–8; 5: 1, 2).

A typological and comparative analysis has shown that many objects found in the graves demonstrate numerous analogies to tools that occurred commonly during the Stone Age. The discovered artefacts can be generally allocated to two chronological horizons. Such items as blades (Fig. 4: 7) and blade tools (Fig. 4: 2–6, 8; 5: 1, 2) should be linked with a more ancient period, the Mesolithic or the Neolithic (Телегин 1989, с. 113, 114, табл. 75: 12, 16, 25, 27, 55; Манько 2013, рис. II.1. 7–14, 35–51). The other chronological horizon was determined on the basis of a crescent-shaped knife, whose morphology indicates its connection with the late Neolithic or with the Bronze Age (Rozumov 2011, Fig: 40; Лесков 1970, рис. 2: 24–27; Храпунов 2007, рис. 21).

Because of the fact that tools manufactured in prehistoric stylistics were found in Roman period graves, one should think about the answer to the question concerning the method of obtaining them by the population which had created the Neyzats and Druzhnoe cemeteries. Probably, one of the methods of procuring the “flint raw material” in the form of finished tools was collecting it directly from the surfaces of archaeological sites (Mączyński 2014, p. 27; Mączyński, Polit in print). This assumption seems to be confirmed by the state of the preservation of some artefacts, on which white patina is visible (Fig. 3: 3; 4: 1, 10; 5: 2). The presence of this discoloration indicates that the objects had rested in the ground before they were gathered and reused. The above mentioned phenomenon applies to blade and flake forms, as well as to a crescent-shaped knife made with the employment of the bifacial technique, which is attested by the presence of patina on part of the artefacts (Fig. 3: 2, 4; 5: 3, 5). The presence of flint debris forms in the graves should be explained, however, as a result of collecting this raw material from its natural outcrops.

The other type of raw material used for obtaining fire in ancient times is represented by pyrite and marcasite. These minerals were very popular because, as Pliny the Elder remarked, describing pyrite: “[...] *it has a great affinity to fire*” (The Natural History XXXVI, 30, 19). Archaeological and ethnographic material, as well as written sources, provide us with information that pyrite/marcasite was used in two main ways to produce fire (Hough 1890, p. 360, 368–369; Davidson 1947, p. 434–435; The Natural History XXXVI, 30, 19). The first of them, producing a spark with the use of a flint and pyrite/marcasite, is one of the most ancient methods of obtaining fire. The oldest discovered flint artefacts that were used for this purpose are dated to the Stone Age (Pyżewicz, Rozbiegalski 2011, p. 259–260, 266; Stapert, Johansen 1999, p. 766, 768). The other technique of striking fire with the use of pyrite was described by Pliny the Elder (XXXVI, 30, 19).

A set of tools used in this method consisted of an iron nail (an oblong, needle-shaped object), pyrite, and flammable material (sulphur or organic substance, for example tinder).

Modifications visible of part of stone artefacts from Neyzats and Druzhnoe allow us to associate them with the fire striking method that used pyrite or marcasite (Mączyński, Polit in print). Utilisation marks typical for this technique are highly polished/rounded edges, usually located in the apical part and, less frequently, along the edges around the whole circumference (Pyżewicz, Rozbiegalski 2011, p. 263; Sorensen, Roebroeks, van Gijn 2014, p. 481–483). Such traces were found on discovered in grave no. 55 (Fig. 3: 3). In the case of other forms, like flint debris or blade and flake half-products, their working surfaces were located on the narrow sides and on the apexes (Fig. 3: 1, 2, 4–6; 4: 2, 3; 5: 3, 5). One exception is a massive para-blade discovered in grave no. 302 (dated to the 4<sup>th</sup> century A.D.), below the feet of the buried 20-25-year-old man (burial no. 3). Utilisation marks on the tool are visible along the whole length of one side, as well as on the apex (Fig. 4: 1).

Despite the fact that part of the stone tools from the examined graves bear traces of obtaining fire with the use of pyrite or marcasite, we have not found this raw mineral in the Neyzats cemetery. Considering the discussed problem, we should remember that such minerals undergo fast surface weathering under the influence of various factors. As a consequence of chemical processes, pyrite/marcasite might have been subjected to oxidation or modified into a form imitating natural precipitation, of colour varying from light yellow to dark russet, which in many cases could have prevented archaeologists from recording its presence. Considering the possibility of using pyrite or marcasite by the Crimean population in the Roman period, we should pay attention to the fact that sometimes unidentified colouration occurs in graves. In an undercut grave from Neyzats (no. 564), dated to the 4<sup>th</sup> century,

near the left knee of the buried 25-year-old man, a layer of light yellow organic matter was found. A flint tool, an iron needle-shaped object with remains of a wooden handle, and a knife were discovered near the substance.

The presence of this unidentified matter was also recorded in the Ust'-Al'ma (Усть-Альма) Late Scythian cemetery, in grave no. 977, which is dated to the end of the 1<sup>st</sup>-beginning of the 2<sup>nd</sup> century A.D. (Труфанов 2015, с. 232). Together with an iron needle-shaped object, it was located in the leg area of the buried woman (burial no. 9) and was interpreted to be unspecified pigment (*ibidem*, с. 237). Most probably, the organic matter represents the remains of oxidised pyrite or marcasite, as it was in the case of the Neyzats site. This type of yellow substance, which probably can be interpreted as pyrite or marcasite, occurred also in other sites, including burial grounds, located outside the Crimean territory. In the Kobyakovo Gorodishe site, Rostov Region (Кобяково городище, Ростовская область), in grave no. 19/1962, dated to the 1<sup>st</sup> century A.D., an assemblage of objects accompanied by yellow substance was found near the left ilium of the buried person (Косяненко 2008, с. 513–514, рис. 135). This was probably a fire striking set that consisted of a flint flake and an iron wire fragment of rectangular cross-section which, given the above consideration, can be interpreted as a firesteel.

In the context of attempting to determine the identity of the “yellow substance” that occurs with artefacts used in obtaining fire, of importance for us is the Pliny the Elder’s already mentioned remark that in the process of making fire, an iron nail (an elongated iron object) was used. Striking pyrite with it produced a spark that fell on sulphur or some other type of dry organic matter (The Natural History XXXVI, 30, 19). Given the information drawn from written sources, it also appears possible that the above mentioned occurrences of unidentified yellow soil colouring may indicate that sulphur lumps, belonging to personal striking fire sets, were deposited in graves. Yellow matter from

the Liventsovsky VII site, Rostovskaya region (Ливенцовский VII, Ростовская область) was interpreted this way (Ильюков 2006, с. 162, 164, рис. 2: 5). It was found in grave mound no. 19, in a male burial (burial no. 1), along with a flint tool and an oblong iron object (*ibidem*). Our assumptions that the “yellow substance” represents the remains of pyrite, marcasite, or a sulphur lump might be confirmed decisively only by specialist analyses, which have not been hitherto performed. Despite this deficiency, it is certain that the objects whose remains are represented by the yellow layers belonged to fire striking sets.

Considering the possibilities of using pyrite or marcasite by the Crimean population in the Roman period, we should pay attention to the fact that these materials are common in the mountainous part of the peninsula, where their occurrence in the form of concretions was connected with the presence of sedimentary rocks (Пашнина 2008, с. 10; Седаева, Майорова, Устюгова 2013, с. 41). The prevalence of the discussed raw materials made them accessible to people, which probably resulted in exploiting them by the Crimean population in the Roman period. This fact is attested by utilisation marks found on flint tools.

Examining the materials in respect to the presence of artefacts that might have been used to obtain fire allowed us to isolate several basic types of fire striking tools utilised by the Crimean people in the Roman period. The most popular set type consisted of an iron needle-shaped firesteel ending with a wooden handle and of a flint artefact that played the role of a strike-a-light. Such sets occurred 20 times in 32 analysed cases (Tables 1 and 2). Needle-shaped firesteels, accompanied by single or groups of flint artefacts, were located near the waists of the buried persons, although there was a visible tendency to place them by the left ilium (Fig. 2: 3). In the Neyzats cemetery, only in one case the set of the discussed tools occurred below the feet of the buried person. Such an atypical location of objects was recorded in grave no. 302, by burial no. 3. Taking into

consideration the fact that the discussed tools were accompanied by a whetstone, a knife, and 2 iron buckles, we may assume that a belt, with objects attached to it, was deposited in the leg area. The analysis of the inventory has proved that the vast majority of such sets consisting of needle-shaped firesteels and flints were found in burials dated to the 4th century A.D. Within the discussed group of fire striking tools, we recorded 5 cases where, apart from a needle-shaped firesteel and a flint, other, heavily corroded iron artefacts occurred. Objects of this type come from the Neyzats cemetery (grave no. 55, burial no. 2; 134; 151; 302, burial no. 3; 321, burial no. 2; 332, burial no. 2). They were interpreted as firesteels by prof. I. Khrapunov. One of such artefacts, discovered in grave no. 285, is an ingot firesteel. In the rest of the cases, the heavily corroded objects represent a local firesteel type, close in its form to needle-shaped firesteels. The discussed set could have also included pyrite, marcasite, and a sulphur lump.

Here, it should be noted that in the described fire obtaining method, firesteels can be substituted with objects of other type. Archaeological literature presents examples of using an iron knife as a firesteel. Its blunt side, opposite to the edge (back) was struck against a flint surface in order to produce sparks (Libera, Florek 2014, p. 1040). It is worth pointing out that the above mentioned method, which utilises the blunt edge of a knife, is still employed today.

Probably, the Crimean population of the Roman period also knew a technique that did not require using iron firesteels. This fact is confirmed particularly by the materials from Neyzats, where, in 13 cases, flints without accompanying firesteels were discovered. Traces on the artefacts prove that the method involved obtaining fire with the use of flints and pyrite/marcasite (which has not survived to the present day). In this technique, also quartzite (Fig. 1: 3) was utilised, which is attested by the presence of this material along with a fragment of flint debris in grave no 286, near the left ilium of the buried man (burial no. 2).

As it was noted above, most of the selected sets from Neyzats and Druzhnoe come from graves containing bone remains and inventories allowing us to suspect that these were male burials. The presence of fire striking sets in these graves proves that this activity was performed by men. Considering the discussed materials, flint artefacts were also present in the burials of women or children. In the Neyzats cemetery, such a situation occurred in grave no. 580, dated to the second half of the 3<sup>rd</sup> century A.D., where a flint flake and a whetstone were discovered near the left ilium of the buried 25-year-old woman. Of different location was a flint blade found in burial no. 4, grave no. 307. In this case, the artefact was found on the left knee of the buried female. Analogically deposited was a thick flint flake from a child burial (grave no. 556), dated to the 4<sup>th</sup> century A.D. In the above mentioned three cases, the contexts of the flint discoveries do not allow us to state unequivocally whether these artefacts were used in obtaining fire or not. The fact that the flint tools were not accompanied by iron objects which, with the use of strike-a-lights, could have produced sparks, as well as the atypical location of the artefacts (near the knee), considerably hinder the determination of the roles played by these objects. Irregular retouch on the flint products

might indicate that they were used as strike-a-lights. Sporadic occurrences of fire striking tools in female graves should not be surprising. Undoubtedly, typically female chores required the ability to obtain fire and, consequently, possessing proper tools. As noted above, in the Ust'-Al'ma cemetery (grave no. 977), a set consisting of a needle-shaped iron object, a flint, and probably a pyrite/marcasite fragment was discovered (Труфанов 2015, с. 237). Lack of other examples of this tool type occurrences might prove that it was not an essential element of female attire and hence such items were not deposited in graves as gifts. Given all the accessible data, it is almost certain that fire striking sets represented the elements of the equipment used by *exploratores* or warriors. The prevalence with which this type of tools appears in graves containing weapons indicates that fire striking tools were important parts of warriors' equipment.

It is not inconceivable that the atypically located flint tools, found in graves and not accompanied by other artefacts, played magical function. Unfortunately, it is impossible to find a decisive answer to the question regarding the role of the flint items in resurrection and atrophic magic. This issue remains in the sphere of our assumptions (cf. Kłosińska 2012).

## Sources

*Pliny the Elder* The Natural History of Pliny. Trans. J. Bostock, H. T. Riley. London, 1857.

## Bibliography

- Березин Я. Б., Ростунов Е. В. Сарматские захоронения Кобийского могильника // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2011. Вып. 12.
- Демиденко С. В., Мамонтов В. И. Сарматские погребения из кургана 10 могильника Первомайский X // Древности Волго-Донских степей. 1993. Вып. 3.
- Глебов В. П., Парусимов И. Н. Позднесарматский могильник Кичкинский I // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. 2001. Вып. 17.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin, 2002.
- Храпунов И. Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. Вып. III. Симферополь; Керчь, 2003.

- Храпунов И. Н. Древняя история Крыма. Симферополь, 2007.
- Храпунов И. Н. Оружие из могильника Нейзац // TERRA BARBARICA. Studia ofiarowane Magdalenie Maćczyńskiej w 65 rocznicę urodzin. Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina, Tomus II. Łódź – Warszawa, 2010.
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
- Храпунов И. Н. Германские вещи из могильника Нейзац // Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea. International conference. Simferopol, 2012.
- Храпунов И. Н. Особенности могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. I. Симферополь; Бахчисарай, 2013.
- Ильюков Л. С. Курган на западной окраине г. Ростова-на-Дону // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 гг. 2006. Вып. 21.
- Косяненко В. М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). Азов, 2009.
- Кузнецов П. Ф. Мышкин В. Н. Исследование могильника Журавлиха I // Нижневолжский археологический вестник. 2003. Вып. 6.
- Лесков А. М. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы). Киев, 1970.
- Манько В. О. Фінальний палеоліт – неоліт Криму: культурно-історичний процес. Київ, 2013.
- Мульд С. А. Могильники варварского населения Крыма I–V вв. // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996.
- Пашнина К. С. Пирит в гидротермальных и магматических породах Крыма // Вестник Института геологии Коми научного центра УрО РАН. 2008. № 6 (162).
- Седаева К. М., Майорова Т. П., Устюгова К. С. От минералогии до геохимии (на примере пиритопородных комплексов Горного Крыма // Вестник Пермского университета. Геология. 2013. № 2 (19).
- Телегин Д. Я. Мезолит Юго-Запада СССР (Украина и Молдавия) // Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.
- Труфанов А. А. Склеп 977 из позднескифского Усть-Альминского могильника // История и археология Крыма. Вып. II. Симферополь, 2015.
- Шабанов С. Б. Сармато-германские контакты в предгорном Крыму в позднеримское время // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3.
- Binter-Wróblewska A. "Lost" on the Way from the North to the Black Sea? Scandinavian Fire Stones in the Balts' Land // Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea. International conference. Simferopol, 2012.
- Davidson D. S. Fire-Making in Australia // American Anthropologist. 1947. Vol. 49/3.
- Dąbrowska T. Krzesiwa typu skandynawskiego z Kamieńczyka, woj. Ostrołęka // Concordia. Studia ofiarowane Jerzemu Okuliczowi-Kozarynowi w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin. Warszawa, 1996.
- Hough W. Aboriginal Fire-Making // American Anthropologist. 1890. Vol. 3/4.

- Ilkjær J. Illerup Ådal 3. Die Gürtel. Bestandteile und Zubehör. Text band // Jutland Archaeological Society Publications. Vol. XXV: 3. Aarhus, 1993a.
- Ilkjær J. Illerup Ådal 4. Die Gürtel. Bestandteile und Zubehör. Tafel band // Jutland Archaeological Society Publications. Vol. XXV: 4. Aarhus, 1993b.
- Ilkjær J. Illerup Ådal. Czarodziejskie zwierciadło archeologii. Warszawa, 2007.
- Jonakowski M. Komplet narzędzi do krzesania ognia w kulturze przeworskiej ze szczególnym uwzględnieniem krzesiw sztabkowatych // Concordia. Studia ofiarowane Jerzemu Okuliczowi-Kozarynowi w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin. Warszawa, 1996.
- Libera J., Florek M. Iskra święta i nieświęta. O użytkowaniu krzemienia we wczesnym średniowieczu // *Scientia nihil estquamveritatis imago*. Studia ofiarowane Profesorowi Ryszardowi Szczygłowi w siedemdziesięciolecie urodzin. Lublin, 2014.
- Khrapunov I. Several Results of the Researches of the Cemetery of Neyzats // Exploring the Cemetery of Neyzats: collected papers. Black Sea Archaeology in Translation 2. Simferopol; Kristiansand, 2013a.
- Khrapunov I. Germanic Artefacts in the Cemetery of Neyzats // Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea. Simferopol; Kristiansand, 2013b.
- Kłosińska E. M. Przyczynek do badań nad występowaniem przedmiotów krzemiennych, kamieni i skamielin w grobach ludności łużyckiej na Lubelszczyźnie // Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. 2012. T. XXXIII.
- Kokowski A. Die Feuerstahlwerkzeuge der Przeworsk-Kultur // Mémoires Archéologiques. Lublin, 1985.
- Mączyński P. Kilka uwag o zabytkach krzemiennych pochodzących z cmentarzyska Nejjac na Krymie // Badania archeologiczne w Polsce środkowowschodniej, zachodniej Białorusi i Ukrainie w roku 2013. Lublin, 2014.
- Mączyński P., Polit B. Wytwory krzemienne z cmentarzyska późnego okresu wpływów rzymskich Nejjac na Krymie, Wiadomości Archeologiczne. T. LXVII (*in print*).
- Okulicz J. Cmentarzysko okresu rzymskiego na „Łysej Górze” i „Zwierzyńcu” w Gródkach w województwie ciechanowskim // Rocznik Olsztyński. 1983. T. XIV/XV.
- Peškař I. K. Otázce účelu závěšných jehlicovitých bodců z doby římské // Archeologické rozhledy. 1967. T. XIX/3.
- Piotrowski M., Dąbrowski G. Krzesiwa i krzesaki – przyczynek do badań nad krzesaniem ognia w starożytności oraz średniowieczu (na marginesie badań archeologicznych na stan. 22 w Łukawicy, pow. lubaczowski) // Archeologia Polski Środkowowschodniej. 2007. T. 9.
- Pyżewicz K., Rozbiegalski P. Sposoby rozpalania ognia w młodszej epoce kamienia na terenie ziem polskich w kontekście badań eksperymentalno-traseologicznych // Światowit, Fascykuł B: Archeologia pradziejowa i średniowieczna, Archeologia Polski. 2011. T. IX (L).
- Rozumov S. M. Flint artefacts of Northern Pontic populations of the Early and Middle Bronze Age: 3200–1600 BC (based on burial materials) // Baltic-Pontic Studies. 2011. Vol. 16.
- Schuster J. Przekłuwacze typu Dresden-Dobritz / Żerniki Wielkie. Uwagi na temat narzędzi z późnego okresu rzymskiego i wczesnej fazy okresu wędrówek ludów // Wiadomości Archeologiczne. 2011. T. LXII.
- Sorensen A., Roebroeks W., van Gijn A. Fire production in the deep past? The expedient strike-a-light model // Journal of Archaeological Science. 2014. Vol. 42.
- Stapert D., Johansen L. Flint and pyrite: making fire in the Stone Age // Antiquity. 1999. Vol. 73.

П. Мончинский, Б. Полит

## Орудия для высекания огня из могильников Нейзац и Дружное

### Резюме

Зафиксированные на многих погребальных памятниках, которые датированы периодом римских влияний, нетипичные объекты в виде кремневых изделий стали импульсом для формулирования проблематики, связанной с разведением огня на территории Крыма.

Попытка выделения орудий, использовавшихся для высекания искр, а также описания способов их использования, сделана на основании изучения материалов некрополей Нейзац (Белогорский район) и Дружное (Симферопольский район). Для решения названных проблем используются погребения *in situ*, в погребальном инвентаре которых встречаются предметы, применявшиеся для высекания огня, такие как кремль, кварцит, пирит или марказит. В могильнике Нейзац на протяжении 20 сезонов раскопок эти материалы зафиксированы в 20 могилах с 26 погребениями *in situ*. Вместе с ними открыты кремни, а также следы кварцита (?) в том месте, где он первоначально находился. В некрополе Дружное интересные нас материалы в виде кремней и единичных конкреций марказита (?) зарегистрированы в шести неограбленных могилах.

В контексте обсуждаемой проблемы представляет интерес сочетание кремней с сильно коррозированными железными предметами, описанными в литературе как «шилья» (Khrapunov 2013a, p. 46; Косяненко 2009, с. 155). Изделия этого типа зарегистрированы в 65% рассматриваемых случаев (Fig. 1: 1–13). Описанные предметы подобны игловидным кресалам, обнаруженным на территории Скандинавии и Центральной Европы (Fig. 1: 14–16) (Dąbrowska 1996, Fig. 1: 3; Ilkjær 1993a, p. 235–256; 1993b, Table 157–181). Игловидные предметы из могильников Нейзац и Дружное входили в состав погребального инвентаря мужских захоронений с оружием и так же, как это было в Иллерупе, в большинстве случаев находились в районе пояса умершего (Fig. 2: 3). Происходящий из могильника Дружное экземпляр с сохранившимся фрагментом шнурка показывает, что орудия этого типа могли привязываться непосредственно к поясу (Fig. 1: 12), аналогично тому, как это известно по скандинавским памятникам (Ilkjær 2007, p. 56, 57).

Принимая во внимание высказанные соображения, представляется, что встречающаяся в литературе интерпретация локализованных в районе пояса игловидных предметов как шильев может быть ошибочной. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с кресалами.

За игловидное кресало можем принять также находку из могилы № 285 в некрополе Нейзац. Она представляет собой железный сильно коррозированный предмет, один из концов которого загнут в кольцо. Из-за коррозии этот предмет соединен с обломком кремня (Fig. 2: 1).

Чрезвычайно интересную находку представляет собой сильно коррозированный железный предмет в виде прямоугольной пластины с загнутым в кольцо концом из могилы № 322 могильника Нейзац (Fig. 2: 2). Он обнаружен рядом и входит в набор с игловидным предметом куском кремня. Морфология описанного изделия позволяет интерпретировать его как кресало.

В Крыму наиболее распространенным материалом, использовавшимся для высекания огня, был кремень. В могильнике Нейзац найден 31 кремень в 26 погребениях, в некрополе Дружное кремни обнаружены в шести погребениях *in situ*. Чаще всего для высекания искры использовались отщепы (Fig. 2: 1; 3: 5, 6; 4: 9,10; 5: 4, 6), в несколько меньшем количестве пластины и орудия на пластинах (Fig. 4: 2–8; 5: 1, 2), а также осколки (Fig. 3: 2, 4; 5: 3, 5). Остальные образцы представлены бифациальными орудиями (Fig. 3: 3) и нуклеусом для отщепов (Fig. 5: 6). Анализ изделий показал, что большинство из них выполнено в стилистике, типичной для каменного века. Такой вывод позволяет допустить, что одним из способов получения материала был сбор кремневых изделий на поверхности древних стоянок, а также в естественных выходах кремня. Нельзя, однако, исключить собственного производства изделий, заключающегося в изготовлении некоторых форм, в частности, отщепов.

Несмотря на то, что на некоторых кремневых изделиях отмечены следы, свидетельствующие о добывании огня с применением пирита/марказита, эти материалы не зафиксированы в могильниках Нейзац и Дружное. Отсутствие минералов можно объяснить химическими процессами, вследствие которых они полностью разложились. Возможно, в качестве остатков этих минералов следует интерпретировать «желтую субстанцию» неизвестного происхождения, которая зафиксирована в крымских погребальных памятниках. Однако до проведения специальных анализов не можем с уверенностью судить о причинах появления вещества необычного цвета.

Проанализированные материалы позволяют выделить несколько основных техник высекания огня. Наиболее популярный комплект состоял из железного игловидного кресала и кремневого изделия. Он выполнял функции огнива. Вероятно применение метода, заключающегося в использовании кремня и пирита/марказита. Об этом свидетельствуют следы использования на кремневых артефактах (Fig. 3: 1–6; 4: 1–3; 5: 3, 5). В могильнике Нейзац зафиксировано 13 случаев находок кремней в могилах без железных кресал.

Доступные данные позволяют быть уверенными в том, что приспособления для высекания огня были важным элементом амуниции воинов. Не исключено, что изредка фиксируемые в погребениях женщин и детей кремневые изделия, не сопровождаемые иными орудиями, могли выполнять магические функции. Конечно, этот вопрос никак нельзя назвать решенным, он остается в сфере наших предположений.

Table 1. The analysed graves from the Neyzats cemetery

No.	Grave no.	Gender		Age	Location of analyzed tools on skeletons	Flint artefacts	Accompanying tools	Remarks
		Anthropological determination	Determination by means of inventory					
1	55, burial 2	Male	-	18-20	By the right ilium	Bifacial flint sickle* <sup>1</sup>	Fragments of needle-shaped firesteels, buckle, unidentified object fragment	-
2	60, burial 1	-	Male	Indet. <sup>2</sup>	By the left ilium	Retouched flake*	Fragments of needle-shaped firesteels, knife	Another buckle was found near the tools
3	60, burial 2	Male	-	Indet.	On the left ilium	Chunk*	Fragments of needle-shaped firesteels, buckle	-
4	60, burial 5	Indeterminate	Indeterminate	Indet.	By the left ilium	Retouched chunk	Buckle	-
5	134	Male	-	30-40	On the left ilium	Blade	Fragments of needle-shaped firesteels (?), bone artefact	-
6	151	-	Male	Indet.	On the left ilium	Broken blade, broken flake, Retouched flake*	Fragments of needle-shaped firesteels, knife, buckle, unidentified artefact fragments (firesteels?)	-
7	173	-	Male	Indet.	Between the legs, near the left ilium	Chunk*	Fragments of needle-shaped firesteels, knife, buckle	The set was probably carried by the left ilium
8	224	Indeterminate	Indeterminate	Indet.	Between the legs, near the left ilium	Flake*	Fragments of needle-shaped firesteels, buckle	The set was probably carried by the left ilium - Another buckle was found near the tools
9	246	-	Male	25	By the right ilium	Broken retouched blade	Knife, buckle	-
10	285, burial 2	-	Male	Indet.	By the left ilium	Retouched flake*	Ingot firesteel	-
11	285, burial 3	Indeterminate	Indeterminate	Indet.	Between the knees	Blade, broken retouched blade	-	A fragment of an oblong iron object (firesteel?), 2 buckles, and a knife were located between the legs, in the ilium area
12	285, burial 4	Indeterminate	Indeterminate	Indet.	By the left ilium	Broken retouched blade, broken retouched flake*	Unidentified artefact fragment (firesteel?); 2 buckles	-
13	286, burial 2	Male	-	30-40	By the left ilium	Chunk (quartzite)*	Needle-shaped firesteel; buckle	-

Table 1

14	302, burial 3	Male	-	20-25	Below the feet	Para-blade*	Needle-shaped firesteel, whetstone, buckle, iron artefact (firesteel?)	A buckle and a knife were located near the set. Probably, the tools were adjusted to a belt/strap placed in the leg area of the buried person
15	307, burial 3	Male	-	30-40	On the left ilium	Retouched chunk	Needle-shaped firesteel, buckle, coin, stone object	Another buckle and a dagger were located near the set
16	307, burial 4	Female	-	Indet.	On the left knee	Broken retouched blade	-	A buckle was located nearby
17	321, burial 2	-	Male	Indet.	On the right arm	Broken retouched flake*	Needle-shaped firesteel, whetstone, buckle, unidentified artefact	-
18	332, burial 2	-	Male	Indet.	On the right side of the skull	Retouched flake	-	-
19	358, burial 2	Male	-	30-35	Chest, right side	Retouched flake	-	-
20	392, northern undercut	-	Male	Indet.	By the right ilium	Flint nodule	Bronze buckle	-
21	466, burial in dromos	Male	-	25-30	By the left ilium	Chunk	Needle-shaped firesteel, 2 buckles	Probably, one of the buckles was an element of a belt/strap
22	480, burial 2	Male	-	Indet.	Between the legs, near the left ilium	Broken retouched flake	Needle-shaped firesteel, knife, unidentified iron object	Probably, the set was carried by the left ilium
23	480, burial 3	Male	-	Indet.	On the left ilium	Broken retouched flake*, chunk	Buckle	3 buckles (probably elements of some sort of fastening) were located nearby
24	556	Child	-	2	Left knee	Flake	-	-
25	564	Male	-	25	By the right knee	Flake	Fragments of needle-shaped firesteels, knife, buckle	Near the tool, there was a layer of light yellow organic matter
26	580	Female	-	25	By the right ilium	Flake	Whetstone	-

(Footnotes)

1

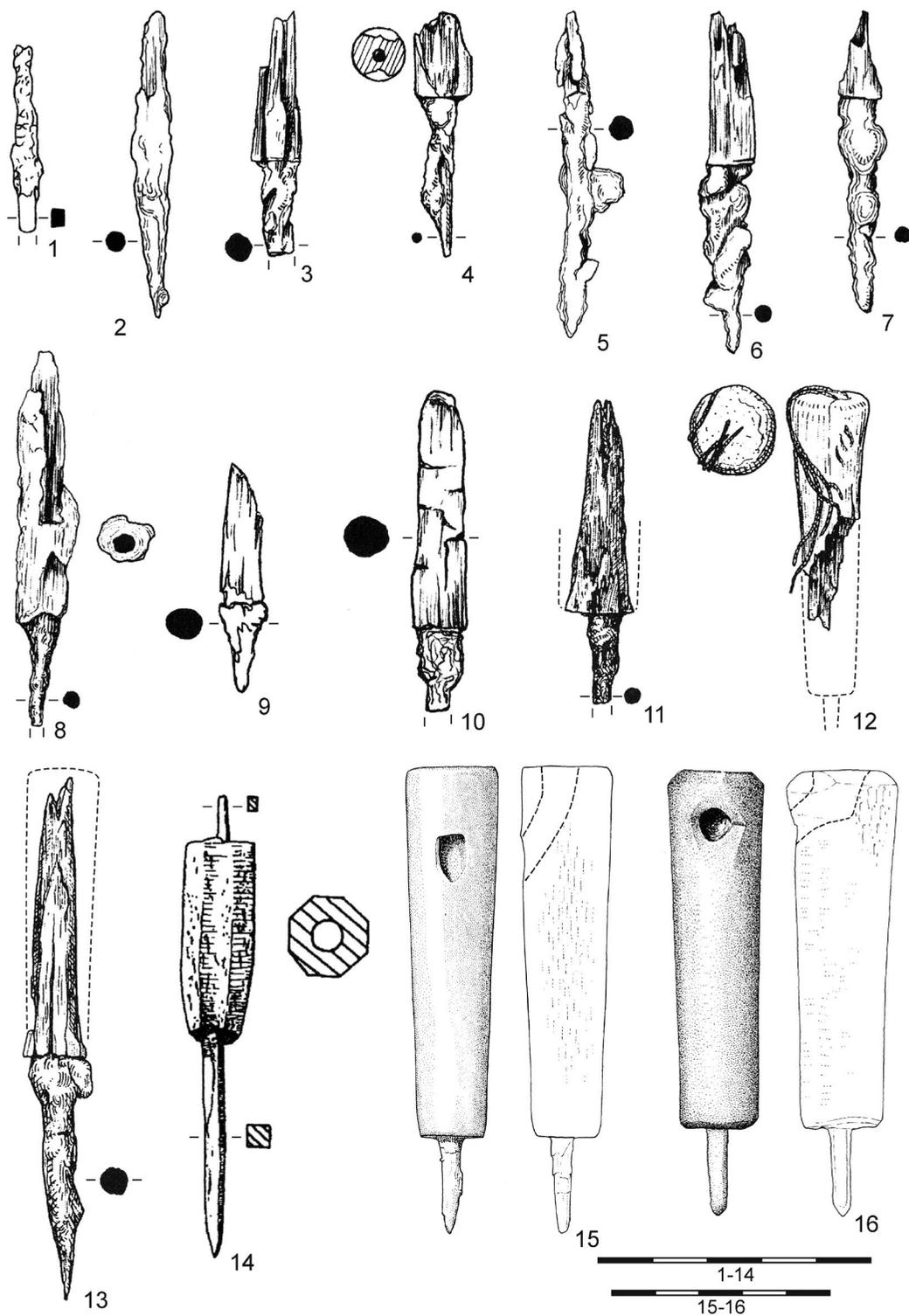
\* – iron oxide remains

2

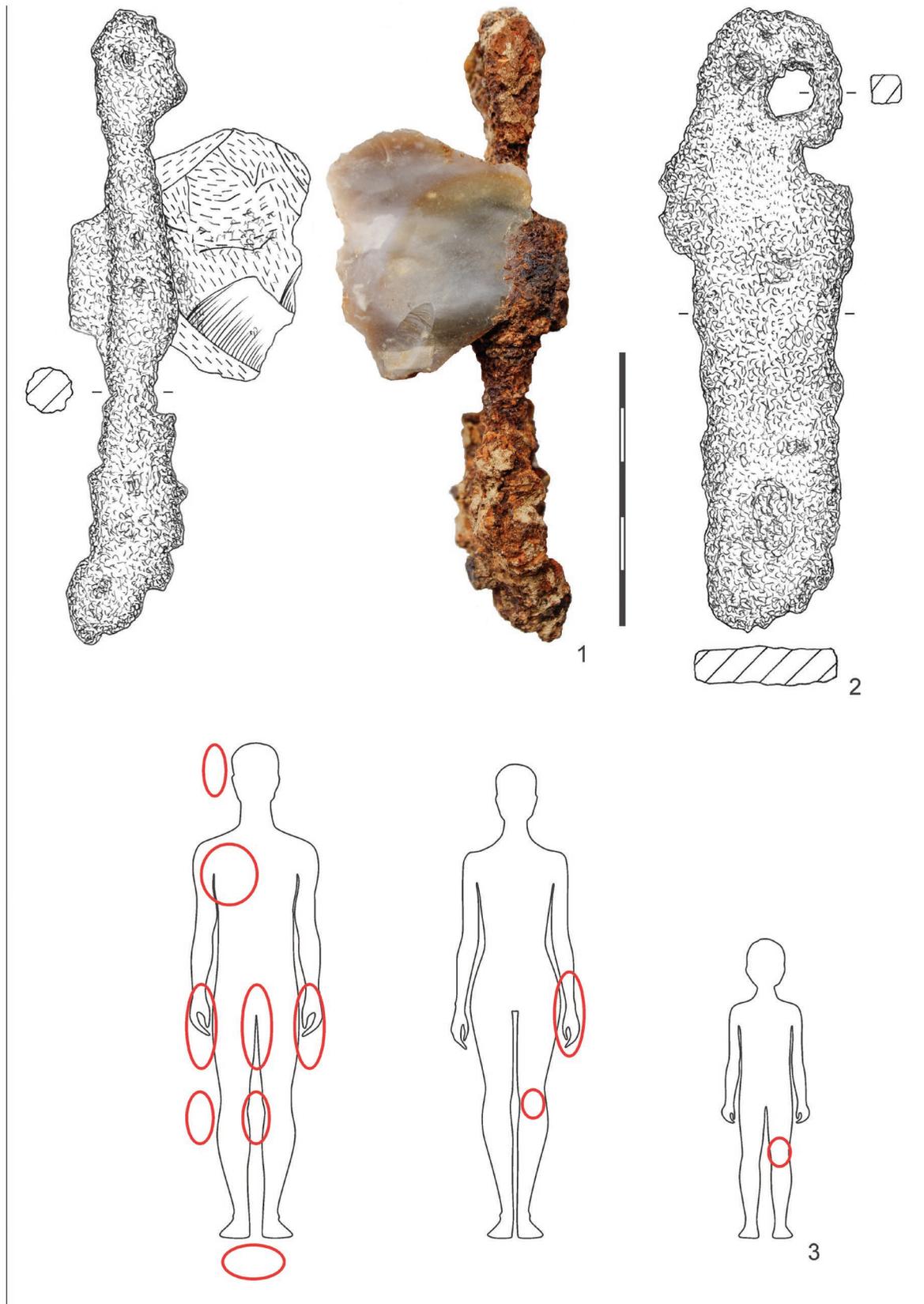
Indet. – indeterminate

Table 2. The analysed graves from the Druzhnoe cemetery

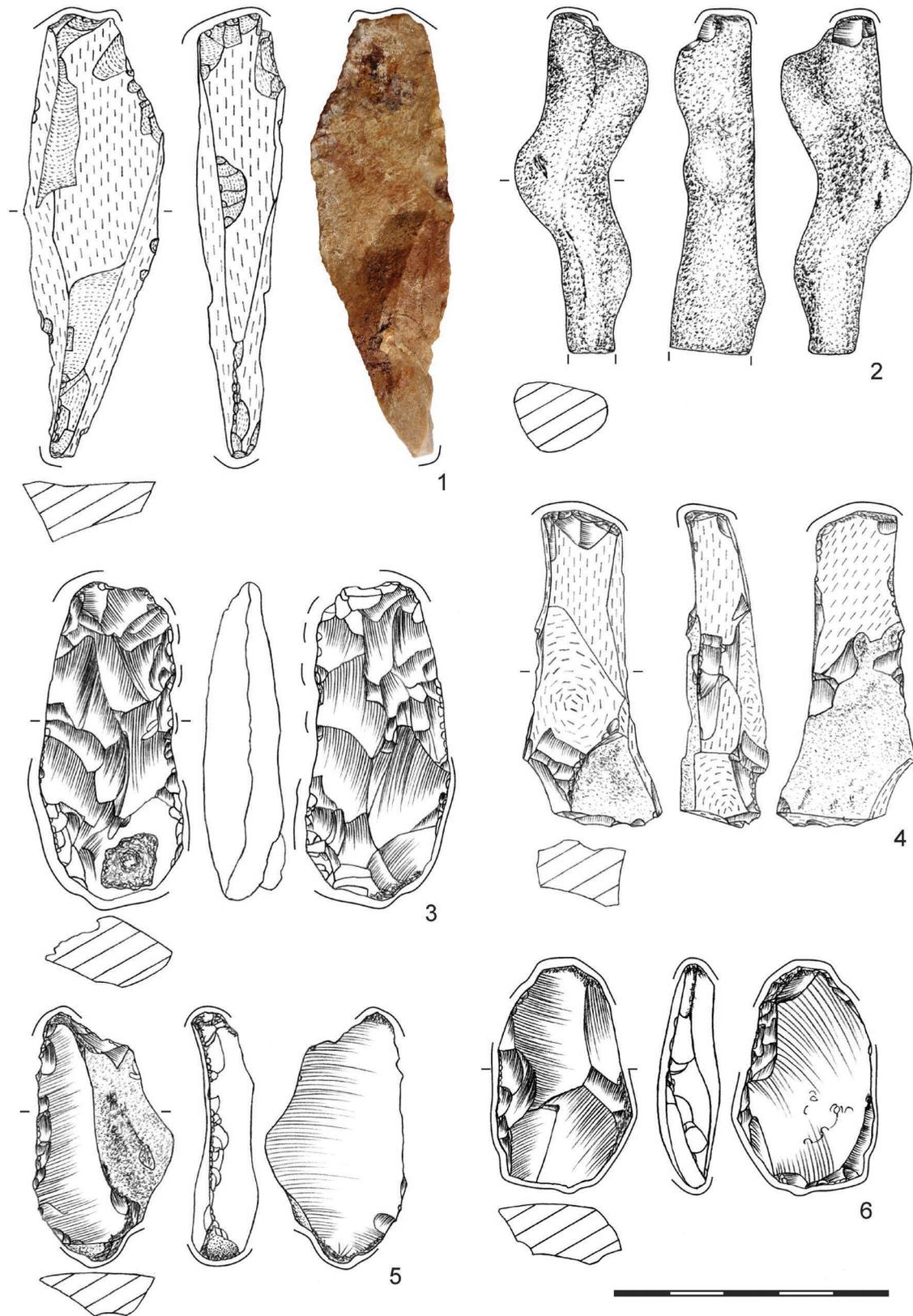
No.	Grave no.	Gender		Age	Location of analyzed tools on skeletons	Flint artefacts	Accompanying tools	Remarks
		Anthropologists determine	Determination by means of inventory					
1	15	-	Male	Indet.	Near the left ilium	Broken retouched blade	Knife	-
2	18, burial C	-	Male	Indet.	Between the legs	Retouched flake	Needle-shaped firesteel, buckle	Probably, the set was carried by the right ilium
3	20, northern undercut, burial B	-	-	Indet.	In the foot area	Flint nodule	Iron object (firesteel ?); 2 buckles, strap-end, knife, 2 small plates, 2 plates attached (with the use of rivets) to 2 corroded objects, bronze wire fragment of oval cross-section, bone artefact	The artefacts were located in an organic layer in the form of a rectangle
4	20, northern undercut, burial C	-	-	Indet.	In the ilium area	Retouched chunk	Coin, 2 buckles	The objects were located in an organic matter layer. Probably, the artefacts were kept in an organic container, by the left ilium
5	21, burial H	-	Male	Indet.	In the ilium area	Retouched flake	Needle shaped firesteel with wooden handle, wooden handle of needle-shaped firesteel with cord fragments, buckle with leather fragments, strap-end, ring fragment, pendant, knife, bead, unidentified iron object fragment; leather fragment (strap ?), wooden object fragment, fragment of object made of bark	Lack of preserved bone material and the proximity of the artefacts do not allow us to select a set. Probably, the flint was carried on the left ilium
6	65	-	-	Indet.	Near the right knee	Flake core	Needle-shaped fireflint, whetstone, knife	-



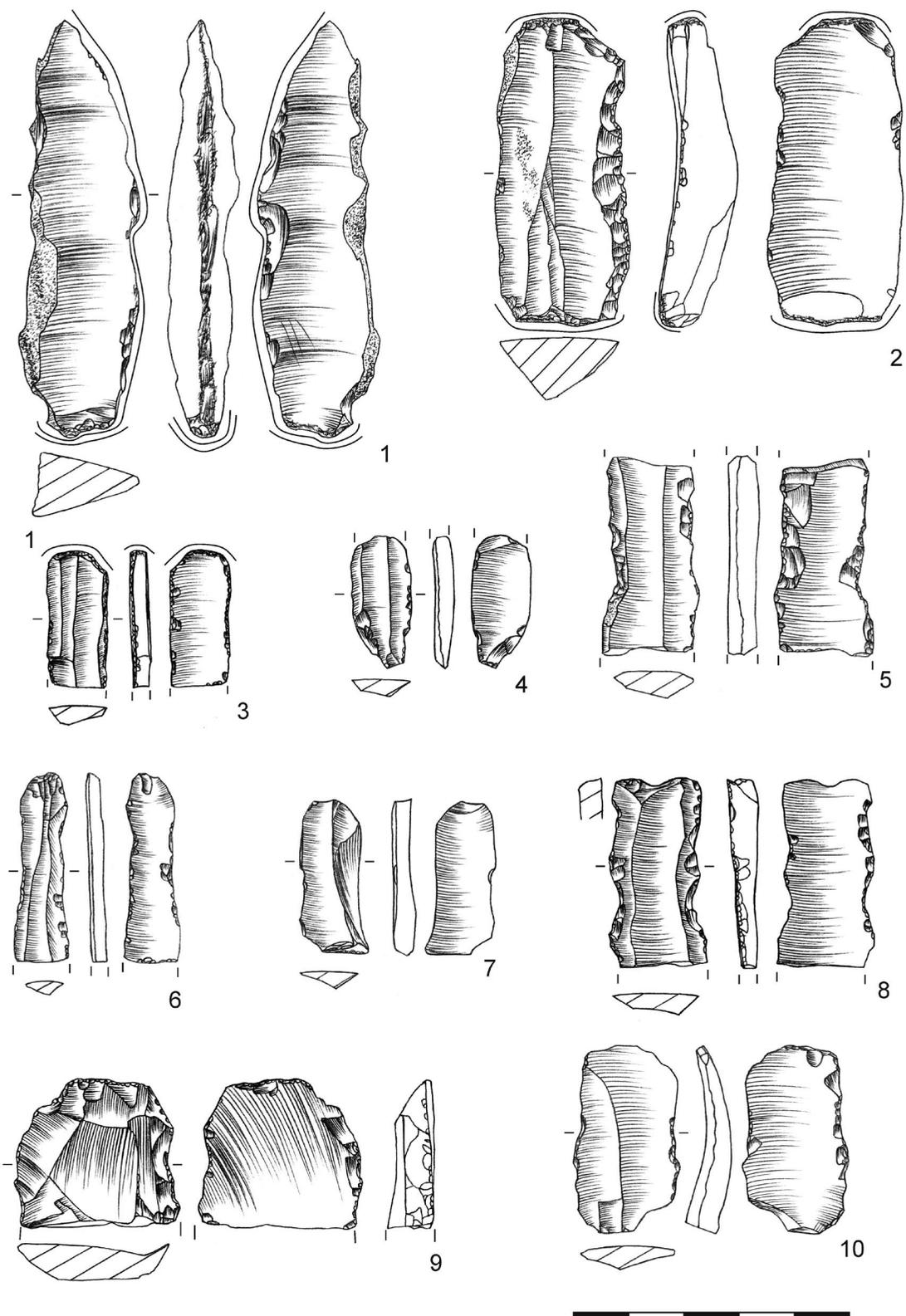
**Fig. 1. Needle-shaped firesteels.** 1-10 — fragments of needle-shaped firesteels (?) from the Neyzats cemetery, Belogorsk region (1 — grave no. 60, burial 1; 2 — grave no. 173; 3, 4 — grave no. 285; 5 — grave no. 302, burial 3, 6 — grave no. 307, burial 3; 7 — grave no. 321, burial 2; 8 — grave no. 332, burial 2; 9 — grave no. 466; 10 — grave no. 564); 11-13 — fragments of needle-shaped firesteels from the Druzhnoe cemetery, Simferopol region (11 — grave no. 18; 12, 13 — grave no. 21); 14 — needle-shaped firesteel from the cemetery in Kamięńczyk, Masovian Voivodeship, Poland (grave no. 7); 15, 16 — needle-shaped firesteel from Illerup Ådal, Denmark. 1-8 — drawn by S. A. Mul'd (С. А. Мульд); 9, 10 — drawn by S. B. Shabanov (С. Б. Шабанов); 11 — 13 after И. Н. Храпунов 2002; 14 — after T. Dąbrowska 1996; 15 — after J. Ilkjær 1993b



**Fig. 2.** 1 — ingot firesteel from the Neyzats cemetery, Belogorsk region (grave no. 285, burial 2);  
 2 — needle-shaped firesteel (?) merged with a flint flake as a result of corrosion (grave no. 332);  
 3 — location of analyzed tools on skeletons. Drawn by P. Mączyński. Photo B. Polit



**Fig. 3. Flint artefacts from the Neyzats cemetery, Belogorsk region.**  
 1 — quartzite chunk (grave no. 286); 2 — flint nodule (grave no. 392, northern undercut);  
 3 — bifacial tool (grave no. 55, burial 2); 4 — flint chunk (grave no. 60, burial 5);  
 5, 6 — retouched flakes (5 — grave no. 60, burial 1; 6 — grave no. 224). Drawn by P. Mączyński



**Fig. 4. Flint artefacts from the Neyzats cemetery, Belogorsk region.**

1 — parablade with rounded end (grave no. 302, burial 3); 2 — blade with rounded end (grave no. 307, burial 4); 3 — broken blade with rounded end (grave no. 285, burial 4); 4, 5, 6, 8 — broken retouched blade (4 — grave no. 480, burial 3; 5 — grave no. 151, burial 3; 6 — grave no. 285, burial 3; 8 — grave no. 246); 7 — blade (grave no. 285, burial 3); 9 — broken retouched flake (grave no. 321, burial 2), 10 — retouched flake (grave no. 285, burial 2). Drawn by P. Mączyński



**Fig. 5. Flint artefacts from the Druzhnoe cemetery, Simferopol region.**

1 — broken retouched blade with the remains of “ferruginous” substance (grave no. 15); 2 — broken retouched blade (grave no. 18, burial C); 3 — chunk with rounded end (grave no. 20, southern undercut, burial C); 4 — flint flake with the remains of “ferruginous” and yellow substances (grave no. 21, burial H); 5 — flint nodule with rounded end (grave no. 20, southern undercut, burial B); 6 — flake core with the remains of “ferruginous” substance (grave no. 65). Drawn by P. Mączyński. Photo B. Polit

И. Н. Храпунов

## Серебряные и бронзовые пряжки из могильника Нейзац<sup>1</sup>

*Ключевые слова:* Крым, могильник Нейзац, погребальные сооружения, сарматы, пряжки

*Key words:* Crimea, cemetery of Neyzats, burial constructions, Sarmatians, buckles

Могильник Нейзац расположен приблизительно в 20 км к востоку от Симферополя, в центре крымских предгорий (Храпунов 2011). Систематическими раскопками, которые велись в 1996, 1997, 1999–2015 гг. открыто 599 погребальных сооружений II–IV вв. н. э. В том числе 88 склепов, 195 подбойных могил, 316 грунтовых могил. Серебряные и бронзовые пряжки обнаружены во всех типах погребальных сооружений. Всего их найдено, включая фрагменты, 228 экземпляров. Наряду с серебряными и бронзовыми обнаружены, конечно, и железные пряжки. В данной работе они не учитываются из-за деформирующей коррозии, которая не позволяет, в подавляющем большинстве случаев, отнести ту или иную

пряжку к определенному типу. Предварительно можно сказать, что железные пряжки морфологически не отличались принципиально от серебряных и бронзовых.

Общие сведения о серебряных и бронзовых пряжках из могильника Нейзац собраны в таблицу 1. Пряжки римского времени становились предметом внимания многих исследователей, занимавшихся археологией Европейского Барбарикума (см. например: Godlowski 1970, p.126; Айбабин 1990, с. 27, 28; Амброз 1992, с.12; Казанский 1994, с. 240, 241; Абрамова 1998; Малашев 2000, с. 195, 196; Васильев, Дзиговский 2001–2002, с.318, 319; Храпунов 2002, с. 48–50). В этих и других работах выделены различные признаки пряжек:

<sup>1</sup> Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 15-31-10173 «Крым и южные рубежи России: история, культура, межэтнические взаимоотношения».

- форма рамки;
- наличие утолщения в передней части рамки;
- наличие или отсутствие щитка;
- форма щитка;
- количество заклепок на щитке;
- взаиморасположение конца язычка и рамки (лежит на рамке, загнут или выступает за нее);
- прогнутость язычка;
- наличие рельефной площадки в тыльной части язычка;
- наличие ступенчатого среза в тыльной части язычка;
- орнаментация.

В качестве стилистической особенности, характерной для пряжек, как и для многих других металлических изделий позднеиримского времени, отмечается наличие или отсутствие фасетировки, а также ее имитации. Рамки пряжек часто бывают гранеными. Реже использовался еще один распространенный в сарматской культуре прием — плакировка бронзовых пряжек серебром.

Сочетание морфологических и стилистических признаков в отдельном изделии разнообразно. Каждый из них или любые их сочетания могут быть приняты за основу классификации. В данной работе используется один из возможных вариантов. Подавляющее большинство пряжек из могильника Нейзац имеют овальную в плане, круглую в сечении, утолщенную в передней части рамку. При описании разновидностей оговариваются только исключения из этого правила.

Работа по классификации и датировке пряжек проводилась упомянутыми выше исследователями. Особенно в этом смысле нужно отметить статью В. Ю. Малашева. Однако выбранные им для классификации сочетания признаков отличаются от используемых в данной работе. Поэтому 11 «типов» (разновидностей) пряжек, выделенных В. Ю. Малашевым, невозможно напрямую сопоставить с предлагаемыми в этой статье. Пока отметим только, что пряжки, используемые в работе В. Ю. Малашева, стилистически и морфологически аналогичны почти всем типам пряжек из могильника Нейзац (Малашев 2000).

### Разновидности пряжек из могильника Нейзац

#### *1а. С прогнутым фасетированным язычком, без щитка (рис. 1, 1–11).*

Пряжки этой разновидности больших размеров. Язычки загнуты за рамку до половины ее толщины. Рамки многих пряжек граненые. У двух экземпляров (рис. 1, 1, 2) они в передней части плоские в сечении. Их рамки в плане подтреугольной формы. Язычки некоторых экземпляров украшены треугольными насечками (рис. 1, 1, 2, 8) или поперечными параллельными гравированными линиями (рис. 1, 6, 7, 9). У одного экземпляра (рис. 1, 11) в тыльной части имеется ограниченная двумя параллельными гравированными линиями площадка, украшенная с двух сторон фасетками. У одной из пряжек (рис. 1, 10) в передней части язычка снизу сделана выемка для того, чтобы он лучше прилегал к рамке.

В тыльной части язычка имеется слабо выделенная рельефная прямоугольная площадка. Эта единственная пряжка данной разновидности, найденная в комплексе IV в. н. э., остальные датируются III в. н. э.

#### *1б. С прогнутым фасетированным язычком, со щитком (рис. 1, 12–21).*

Рамка одной из пряжек этого типа (рис. 1, 16) граненая. Щитки прямоугольные (рис. 1, 15, 17–19) или овальные (рис. 1, 16, 20), с одной заклепкой. Один из щитков (рис. 1, 15) фасетирован. Одна из пряжек (рис. 1, 21) выделяется овальным щитком с двумя заклепками и язычком, в тыльной части которого имеются овальная рельефная площадка и ступенчатый срез. Последние два признака обычно рассматриваются как присущие IV в. н. э. Тем

не менее, эта пряжка, как и все остальные данного типа, найдена в комплексе III в. н.э.

*2а. С прогнутым язычком, без щитка (рис. 1, 22–27; 2, 1–5).*

Пряжки этого типа, в целом, стандартны. Конец язычка лежит на краю рамки или немного загнут за него. Рамка одной из пряжек уплощена, она прямоугольная в сечении (рис. 1, 26). Выделяется пряжка с ромбовидной в сечении рамкой. Тыльный конец ее язычка орнаментирован шестью насечками, образующими крест в квадрате (рис. 2, 5). Это единственная пряжка данной разновидности из комплекса IV в. н. э., все остальные датируются III в. н. э.

*2б. С прогнутым язычком, со щитком (рис. 2, 6–15).*

Конец язычка лежит на рамке или немного выступает за нее. Щитки прямоугольные или овальные, с одной заклепкой. Рамка одной из пряжек сегментовидная в сечении (рис. 2, 8). У другого экземпляра щиток шестиугольный (рис. 2, 15). Все пряжки этого типа происходят из комплексов III в. н. э.

*3а. С язычком, не выступающим за рамку, без щитка (рис. 2, 20, 21).*

Рамки у обеих пряжек граненые. Язычок у одной из них железный, возможно, как результат ремонта (рис. 2, 20), у другой — пластинчатый (рис. 2, 21). Одна из пряжек (рис. 2, 21) найдена в комплексе III в. н. э., другая (рис. 2, 20) — в разграбленном склепе с материалами как III, так и IV в. н. э.

*3б. С язычком, не выступающим за рамку, со щитком (рис. 2, 22, 23; 3, 1–3).*

Рамки двух пряжек граненые (рис. 2, 22; 3, 1). Щитки трех пряжек прямоугольные с одной заклепкой (рис. 2, 22, 23; 3, 1), у одной пряжки овальный с двумя заклепками (рис. 3, 2), еще у одной — овальный с тремя заклепками, ее язычок украшен врезными поперечными линиями (рис. 3, 3). У одной из пряжек тыльная часть язычка в месте крепления к рамке свернута в два оборота, вероятно, в результате ремонта

(рис. 2, 22). Это единственный экземпляр, обнаруженный в комплексе IV в. н. э., остальные датируются III в. н. э.

*4. С фасетированным, не выступающим за рамку язычком, со щитком (рис. 2, 16–19).*

Две пряжки из отнесенных к этой разновидности полностью аналогичны друг другу и происходят из одного склепа. У них прямоугольные в сечении рамки, язычки украшены насечками, щитки прямоугольные, с одной заклепкой, с тыльной частью орнаментированной насечками (рис. 2, 16, 17). У одной пряжки овальный щиток фасетирован, с одной заклепкой (рис. 2, 18). Еще у одного экземпляра щиток треугольный продольно вытянутый с двумя заклепками. Его края отогнуты, имитируя фасетировку (рис. 2, 19). Все пряжки этой разновидности датируются III в. н.э.

*5а. С выступающим за рамку язычком, без щитка (рис. 3, 10, 11).*

Одна из пряжек сохранилась фрагментарно (рис. 3, 10). Тыльная часть другой пряжки украшена двумя пересекающимися врезными линиями («косой крест») и ступенчато срезана (рис. 3, 11). Оба экземпляра найдены в комплексах IV в. н. э.

*5б. С выступающим за рамку язычком, со щитком (рис. 3, 12–17).*

У четырех пряжек щитки прямоугольные с одной заклепкой (рис. 3, 12–15). У двух пряжек — овальные с тремя заклепками. На тыльных сторонах их язычков имеются рельефные прямоугольные площадки (рис. 3, 16, 17). Пряжки с прямоугольными щитками датируются III в. н. э., с овальными щитками — IV в. н.э.

*6. С выступающим за рамку фасетированным язычком, со щитком (рис. 3, 4–9).*

Рамки некоторых пряжек граненые (рис. 3, 4, 8, 9). Щитки прямоугольные с одной заклепкой, у большинства экземпляров (рис. 3, 4–7) фасетированные. У пря-

жек с фасетированными щитками язычки украшены поперечными гравированными линиями. На тыльной стороне язычка одной из пряжек имеется прямоугольная рельефная площадка (рис. 3, 9), ее щиток распался при реставрации. Все пряжки этой разновидности найдены в комплексах III в. н. э.

*7. С загнутым за край рамки концом фасетированного язычка.*

а. Без щитка (рис. 3, 18–22).

У двух пряжек рамка ромбовидная в сечении (рис. 3, 18, 20), у одной — прямоугольная (рис. 3, 19). Пряжка, у которой конец язычка загнут больше, чем у остальных экземпляров (рис. 3, 21), происходит из комплекса второй половины III–IV в. н. э. Остальные пряжки датируются III в. н. э.

б. Со щитком (рис. 3, 23; 4, 1–9).

Рамки большинства пряжек граненые (рис. 3, 23; 4, 1, 3, 5–9). У одного экземпляра рамка в тыльной части в сечении прямоугольная, а в передней части — трапециевидная (рис. 4, 1). Конец язычка одной из пряжек украшен тремя полукруглыми фасетками, в тыльной части он орнаментирован четырьмя врезными линиями, образующими два косых креста (рис. 4, 5). У двух идентичных пряжек из одной могилы на тыльной стороне язычка имеется рельефная прямоугольная площадка (рис. 4, 8, 9). Щитки прямоугольные с одной заклепкой (рис. 3, 23; 4, 2, 3), овальные с тремя заклепками (рис. 4, 4–9), овальный с одной заклепкой (рис. 4, 1). Края некоторых щитков загнуты, имитируя фасетировку (рис. 4, 5–9). Щиток одной из пряжек украшен фасетками и насечками (рис. 3, 23). Этот экземпляр найден в комплексе второй половины III–IV в. н. э., остальные датируются III в. н. э.

*8. С загнутым за край рамки концом язычка.*

а. Без щитка (рис. 4, 10–17).

У одной из пряжек язычок железный, вероятно, вследствие ремонта (рис. 4, 11). Две пряжки (рис. 4, 11, 16) датируются

III в. н. э., одна (рис. 4, 10) — второй половиной III–IV в. н. э., остальные — IV в. н. э.

б. Со щитком (рис. 4, 18–21).

Щитки разнообразны: прямоугольный с одной заклепкой (рис. 4, 18), сегментовидный с двумя заклепками (рис. 4, 19), прямоугольный с двумя заклепками (рис. 4, 20), овальный с тремя заклепками (рис. 4, 21). Одна пряжка датируется III в. н. э. (рис. 4, 18), остальные — IV в. н. э.

в. С рельефной площадкой на тыльной стороне язычка, без щитка (рис. 4, 22).

Датируется IV в. н. э.

г. С рельефной площадкой на тыльной стороне язычка, со щитком (рис. 4, 23). Щиток овальный с двумя заклепками. Датируется пряжка IV в. н. э.

*9. С загнутым за рамку ступенчато срезанным в тыльной части язычком.*

а. Без щитка (рис. 4, 24–27; 5, 1–33; 6, 1–22).

Самая распространенная в могильнике Нейзац, исключительно стандартная разновидность пряжек. Все они датируются IV в. н. э.

б. Со щитком (рис. 6, 23–31; 7, 1–10).

Щитки овальные с двумя или тремя заклепками. Единственное исключение составляет пряжка с треугольным щитком с двумя заклепками (рис. 7, 10). Она же единственная, датирующаяся III в. н. э., остальные — IV в. н. э.

Пряжка с треугольным щитком, двумя, но иначе расположенными, заклепками найдена в Кишпеке (Абрамова 1998, с. 223, рис. 1, 46). Треугольные щитки имеют пряжки из среднекамского Тарасовского могильника (Голдина 2004, т.1, с. 125, 126, 140; т. 2, табл. 303, 710, 2; 347, 790, 3, 4).

в. С рельефной площадкой на тыльной стороне язычка, без щитка (рис. 5, 34; 7, 11–21).

Стандартный тип пряжек, датирующихся IV в. н. э.

Своеобразна пряжка, язычок которой

рассечен глубокими поперечными врезными линиями так, что поверхность ее стала бугристой (рис. 5, 34). Аналогичным образом орнаментирована пряжка, найденная в могильнике у станицы Виноградской в Северной Осетии (Абрамова 1997, с.10, рис. 5, 8). Сходным образом украшен язычок пряжки V в. н. э. из Боспорского некрополя (Засецкая 1993, с. 80, табл. 52, 263).

г. С рельефной площадкой на тыльной стороне язычка, со щитком (рис. 7, 22, 23).

Щитки овальные, с двумя (рис. 7, 22) и с тремя (рис. 7, 23) заклепками. Одна пряжка обнаружена в комплексе III в. н. э. (рис. 7, 22), другая датируется IV в. н. э. (рис. 7, 23). Разновидность поздней пряжки определена до реставрации, в процессе которой ее язычок распался.

#### *10. С прямоугольными рамками (рис. 7, 24–29).*

Пряжки этой разновидности не имеют щитков.

У пряжек из могилы № 468 рамки овальные в сечении, фасетированы. Конец язычка лежит на переднем крае рамки (рис. 7, 26, 27). У одной из них (рис. 7, 27) на язычке сохранились декоративные насечки.

Бронзовая рамка пряжки из могилы № 152 обтянута серебряным листом, она плоская в сечении. Внешние края рамки с лицевой стороны украшены прямоугольными фасетками, по углам оставлены прямоугольные площадки, в центре которых расположены бронзовые заклепки с полусферическими шляпками. Язычок серебряный, слабо прогнут, фасетирован, крепится через круглое отверстие в тыльной части рамки. Его конец лежит на внешнем крае рамки (рис. 7, 24).

У рамки пряжки из могилы № 194 три стороны одинаковой толщины, овальные в разрезе. Прямоугольная в разрезе тыльная сторона тоньше остальных, ее внешний край зубчатый. Конец язычка выступает за рамку (рис. 7, 28).

У пряжки из могилы № 307 рамка пря-

моугольная в сечении. Язычок прогнут, его конец выступает за рамку (рис. 7, 25).

Все пряжки с прямоугольными рамками из могильника Нейзац найдены в погребениях III в. н. э.

Пряжки с прямоугольными рамками встречаются иногда в погребениях I–IV вв. н. э. среди гораздо более многочисленных экземпляров с округлыми и овальными рамками на Северном Кавказе, в позднесарматских степных комплексах, в Крыму, на территории Венгрии (Абрамова 1998, с. 211, 213, рис. 1, 7, 24, 30, 40; 2, 12, 13; Малашев 2000, с. 209; Малашев 2008, с. 270, рис. 3, 1; Пуздровский 2007, рис. 97, 3; Kőhegyi, Vörös 2011, s. 43, táb. 18, 4).

Прямоугольные фасетированные пряжки найдены в Приазовье (Беспалый 1990, с. 220, рис. 4, 14), в могильнике Братское в равнинной части Ингушетии (Абрамова 1997, с. 9, рис. 2, 15), в позднесарматском погребении из кургана в Ново-Александровке на Нижнем Дону (Безуглов 2000, рис. 5, 1), в могильнике Дружное в Крыму (Храпунов 2002, с. 50, рис. 95, 9), в курганном могильнике Три брата, группа II, курган 17 в Калмыки (Скрипкин 1984, с. 41, рис. 15, 9; Мошкова 2008, с. 248, 253, 254, рис. 6, 2). Все эти пряжки морфологически и стилистически однородны, но ни одна из них в точности не повторяет другую. Отметим также весьма широкий ареал изделий этой разновидности при очень небольшом количестве находок.

#### *11. Фигурные или пельтовидные (рис. 7, 30–33; 8, 1, 2).*

Пряжки этой разновидности недавно тщательно исследовал Д. А. Костромичев. По его классификации одна из нейзацких пряжек относится к типу А1 (рис. 8, 1), одна — к типу В2 (рис. 7, 32), одна — к типу С2 (рис. 8, 2), три — к типу D2 (рис. 7, 30, 31, 33). Все они датируются одинаково, второй половиной II – первой половиной III в. н. э., но отдельные экземпляры встречаются и раньше, и позже этого времени. Пряжки

типа А1 были распространены в одинаковой степени как на территории Римской империи, так и у варваров. Пряжки типа В2 изготавливались в Северном Причерноморье. Пряжки типа С2 почти все найдены на территории империи, к варварам попадали редко. Пряжки типа D2 распространены и, вероятно, изготавливались в сарматском ареале (Костромичев 2015).

Особенностью пряжек, среди которых есть и пельтовидные, найденных в сарматских погребениях на территории Венгрии, являются длинные щитки. В этом отношении они очень напоминают один экземпляр (рис. 8, 2) из могильника Нейзац (Вадаи, Кульчар 1984, с. 248, 249, 251, рис. 3).

*12. В отдельную разновидность следует выделить пряжку из могилы № 286, датирующуюся IV в. н. э. (рис. 8, 5).*

Конец язычка этой пряжки загнут за край рамки и выступает за нее. В месте перегиба он орнаментирован двумя рельефными выступами, что под определенным углом зрения придает ему черты зооморфизма. Щиток фигурный, украшен четырьмя рельефными выступами, с одной заклепкой.

Оформлением язычка нейзацкая пряжка несколько напоминает бесщитковый экземпляр, найденный близ селения Кумбулта в горах Северной Осетии (Абрамова 1997, с. 76, рис. 54, 18).

Пряжки с зооморфными язычками встречаются и на территории Римской империи, и в Барбарикуме. Из находок, сделанных в Крыму, опубликован экземпляр из могильника Курское (Труфанов, Колтухов 2001–2002, с. 286, 294, рис. 12, 11).

А. А. Васильев полагает, что пряжки с зооморфным язычком впервые появились в Северном Причерноморье и оттуда распространились в Центральную и Северную Европу (Васильев 2010, с. 103, 104). Ему возразил М. М. Казанский. По его мнению, обсуждаемые пряжки проникли в Барбарикум с территории империи (Kazanski 2011).

Пряжки с зооморфным язычком довольно широко использовались в V в. н. э. (Засецкая 1993, с. 94, табл. 64, 382; Айбабин 1999, с. 263, рис. 22; Медведев 2013, с. 384–386, рис. 40, 5, 6). Между прочим, далеко выступающий за рамку язычок публикуемой пряжки не противоречит этой дате. Однако в одной с ней могиле найдена серебряная пряжка с язычком, загнутым за рамку (рис. 5, 24), относящаяся к самому распространенному в могильнике Нейзац типу и датирующаяся IV в. н. э. Других датированных материалов в могиле № 286 нет.

### *13. Фрагменты.*

На рис. 8, 3, 4, 6–29 представлены фрагменты пряжек, которые не позволяют с полной уверенностью отнести их к той или иной разновидности, выделенной при изучении целых экземпляров.

## **Выводы**

1. Пряжки из могильника Нейзац ни морфологически, ни стилистически не отличаются от пряжек, распространенных в позднеримское время на всех территориях, заселенных сарматами или испытывавших их культурное влияние. Набор их, конечно, уникален, но то же самое можно сказать о любом другом сарматском памятнике. Единственное исключение — пряжка, помещенная в таблицу под № 124. Аналогий ей найти не удалось, если не считать возможную

попытку придать концу язычка зооморфный облик. На землях, граничащих с сарматскими с запада и заселенных преимущественно германцами, был распространен совсем иной набор пряжек (Madyda-Legutko, 1986).

2. Хронология пряжек подтверждает датировку могильника, предложенную на основании исследования других материалов. Он перестал использоваться приблизительно на рубеже IV–V вв. н. э. Время начала использования могильника по сере-

бряным и бронзовым пряжкам проследить нельзя, т.к. на участке, относящемся к среднесарматскому времени, найдены только железные экземпляры.

3. Пряжки обнаружены в могилах в разных позициях. Они использовались для застегивания поясных ремней, обуви, портупей, а также для прикрепления к портупее мечей. Кроме того, пряжки соединяли ремни, из которых состояла конская сбруя. Зависимости типа пряжки от ее функционального назначения уловить не удалось. Скорее всего, такой зависимости не существовало.

4. Обращает на себя внимание разнообразие пряжек III в. н. э. У них отмечены, в различных сочетаниях, все признаки пряжек позднеримского времени, включая и такие поздние как загнутость конца язычка за рамку, рельефная площадка и

ступенчатый срез в его тыльной части. В IV в. н. э. пряжки стандартизируются. Господствуют бесщитковые и щитковые изделия с загнутым концом ступенчатого, срезанного в тыльной части язычка. Некоторые пряжки имеют рельефную площадку в тыльной части язычка. Прогнутость язычка и фасетировка в IV в. н. э. исчезают, сохраняясь лишь спорадически. Щитки пряжек III в. н. э. в большинстве узкие прямоугольные, но достаточно распространены и овальные с двумя и тремя заклепками. В IV в. н. э. узкие прямоугольные щитки не используются, остаются только овальные. Количество заклепок на щитках хронологического значения не имеет. В IV в. н. э. количество бесщитковых пряжек в процентном отношении значительно больше, чем в III в. н. э.

Таблица 1. Общая характеристика пряжек

№ пп	Материал <sup>1</sup>	Разновидность	Размер, см	№ могилы	Дата могилы	Место в могиле	Рис.	Публикация	Примечания
1	Б	7а	3,4x2,9	1, южный подбой	III в.	?	3, 18		
2	Б	7б	3,5x2,9	1, южный подбой	III в.	?	4, 4		
3	Б	5а	2,3x1,6	3	IV в.	?	3, 11		
4	Б	9а	2,6x1,9	4	IV в.	?	4, 24	Храпунов 2008, с. 362, рис. 4, 2	
5	Б	9а	1,9x1,6	4	IV в.	У таза, между бедрами	4, 27	Храпунов 2008, с. 362, рис. 4, 4	
6	Б	2а	2,8x2,1	4	IV в.	?	2, 5	Храпунов 2008, с. 362, рис. 4, 3	
7	С	9б	2,0x2,0	4	IV в.	У таза, между бедрами	6, 26	Храпунов 2008, с. 362, рис. 4, 10	
8	Б	9б	3,8x3,4	4	IV в.	?	7, 8	Храпунов 2008, с. 362, рис. 4, 12	
9	С-рамка. Б-щиток	9б	2,3x2,2	4	IV в.	Под мечом	7, 9	Храпунов 2008, с. 362, рис. 4, 14	
10	Б	9г	2,3x1,9	4	IV в.	?	7, 22	Храпунов 2008, с. 362, рис. 4, 25	
11	Б	1а	2,1x1,8	9	IV в.	?	1, 10		
12	Б	13	3,5x1,6	9	IV в.	?	8, 6		
13	Б	2а	2,3x1,9	14	?	?	2, 1		
14	Б	13	2,3x2,1	17	Перв. пол. III в.	?	8, 3	Храпунов 2004, рис. 31, 14; Храпунов, Мульд 2004, с. 301, рис. 3, 14	
15	Б	7б	3,9x2,3	17	Перв. пол. III в.	В сумке с деталями конской сбруи	4, 2	Храпунов 2004, рис. 34, 5; Храпунов, Мульд 2004, с. 302; Khrapunov 2001, p. 271, Fig. 3, 2	
16	Б	16	3,9x2,2	17	Перв. пол. III в.	В сумке с деталями конской сбруи	1, 17	Храпунов 2004, рис. 34, 6; Храпунов, Мульд 2004, с. 302; Khrapunov 2001, p. 271, Fig. 3, 3	
17	Б	16	3,7x2,2	17	Перв. пол. III в.	В сумке с деталями конской сбруи	1, 18	Храпунов 2004, рис. 34, 7; Храпунов, Мульд 2004, с. 302; Khrapunov 2001, p. 271, Fig. 3, 4	Щиток фрагментирован
18	Б	16	3,2x2,3	17	Перв. пол. III в.	В сумке с деталями конской сбруи	1, 19	Храпунов 2004, рис. 34, 8; Храпунов, Мульд 2004, с. 302; Khrapunov 2001, p. 271, Fig. 3, 5	
19	Б	13	3,5x2,1	19	IV в.	?	8, 7		Язычок отсутствует

<sup>1</sup> Б — бронза, С — серебро, Ж — железо.

20	Б	9а	Д-1,6	19	IV в.	?	6, 20		
21	Б-рамка, Ж-язычок	3а	2,4x2,3	22	III-IV вв.	?	2, 20		
22	Б	13	1,7x0,5	22	III-IV вв.	?	8, 14		
23	С	13	Язычок- 2,7x0,5; щиток- 2,85x2,75	35	III-IV вв.	?	8, 11		
24	Б	1б	3,7x2,1	35	III-IV вв.	?	1, 12		
25	Б-рамка. С-язычок	8а	1,5x1,2	35	III-IV вв.	?	4, 10		
26	Б	9а	2,0x1,7	35	III-IV вв.	?	4, 26		
27	Б	7б	4,7x2,5	35	III-IV вв.	?	4, 1		
28	Б-рамка. Ж-язычок	8а	2,1x1,9	42	III в.	На месте таза, слева	4, 11		
29	Б	1б	2,7x2,2	50	Перв. пол. III в.	На месте таза, слева	1, 20		
30	Б	9а	2,5x2,0	53	IV в.	?	4, 25		
31	Б	3б	4,3x2,3	53	IV в.	?	2, 22		
32	Б	7а	2,2x2,1	54	Втор. пол. III- IV в.	?	3, 21		
33	Б	9а	1,7x1,2	60	IV в.	На месте таза, справа	6, 21		
34	Б	9а	1,8x1,6	60	IV в.	На месте таза, в цен- тре	6, 22		
35	Б	9а	2,3x1,6	64	IV в.	?	5, 3		
36	Б	9а	2,4x1,6	64	IV в.	?	5, 4		
37	Б	6	5,2x2,6	104	Перв. пол. III в.	?	3, 4	Храпунов, Мульд 2004, с. 309, 310, рис. 9, 20	
38	С	9а	1,6x1,5	106	IV в.	?	5, 5		
39	Б	13	Д-1,6	111	IV в.	?	8, ?		
40	С	9а	Д-1,1	111	IV в.	?	5, 6		
41	С	9в	2,5x1,7	111	IV в.	?	7, 11		
42	Б	13	2,2x1,9	115	IV в.	?	8, 8	Храпунов 2005, с.174, рис.9,18	
43	С	13	2,0x1,8	119	IV в.	?	8, 9		
44	Б	9а	2,0x1,2	119	IV в.	?	5, 7		
45	С	9а	2,0x1,8	119	IV в.	?	5, 8		
46	С	13	Длина-2,1	119	IV в.	?	8, 17		
47	Б	9б	2,3x1,7	125	IV в.	На мече	6, 24	Храпунов 2006, с. 43, рис. 6,3	
48	С	9а	1,6x1,5	125	IV в.	У левого колена	5, 9	Храпунов 2006, с. 43, рис. 6,4	
49	Б	9б	2,1x1,6	125	IV в.	Под мечом	6, 25	Храпунов 2006, с. 43, рис. 6,5	
50	Б	8а	1,5x1,2	131	IV в.	На месте таза, в цен- тре	4, 12		
51	Б, плаки- рована серебром	10	2,5x2,3	152	Перв. пол. III в.	?	7, 24	Храпунов 2003, с.331, рис. 3,21; Khrapunov 2005, p.188, Fig.3,21	
52	Б	7б	2,9x2,2	152	Перв. пол. III в.	У левой берцовой кости	4, 8	Храпунов 2003, с.342, рис. 4,2; Khrapunov 2005, p.190, Fig.4,2	

53	Б	7б	2,8x2,1	152	Перв. пол. III в.	У левой берцовой кости	4, 9	Храпунов 2003, с.342, рис. 4,3; Khgarinov 2005, p.190, Fig.4,3	
54	Б	9а	1,9x1,4	171	IV в.	?	5, 10		
55	Б	9а	1,8x1,7	171	IV в.	?	5, 11		
56	Б	11	2,3x1,4	163	IV в.	?	7, 30		
57	Б	13	2,8x2,3	173	?	Между бедренными костями	8, 13		
58	С	4б	4,4x2,8	169	Перв. пол. III в.	?	2, 18	Храпунов 2011, с.13, рис.4,4	
59	Б-рамка. С-язычок, щиток	6	3,7x2,2	Раскопки Н.Л.Эрнста, 1927г.	Перв. пол. III в.	?	3,5	Храпунов 2011, с.13, рис.4,6	
60	Б-рамка. С-язычок, щиток	6	3,7x,20	169	Перв. пол. III в.	?	3, 6	Храпунов 2011, с.13, рис.4,10	
61	С	6	3,8x2,1	169	Перв. пол. III в.	?	3, 7	Храпунов 2011, с.13, рис.4,14	
62	Б	7а	3,2x2,8	Раскопки Н.Л.Эрнста, 1927г.	Перв. пол. III в.	?	3, 22	Храпунов 2011, с.13, рис.4,16	
63	Б	11	2,8x1,5	174	Втор. пол. II – перв. пол.III в.	?	7, 31		
64	Б	13	4,3x0,5	174	Втор. пол. II – перв. пол.III в.	?	8, 15		
65	Б; язычок – Ж	11	8,4x2,2	183	?	?	8, 2		
66	Б	10	2,2x1,6	194	III в.	?	7, 28	Храпунов 2004а, с.107,109, рис.2,8	
67	Б	7б	5,7x3,4	200	III в.	?	4, 5		
68	Б	1а	4,0x3,9	200	III в.	?	1, 1		
69	Б	1а	4,0x3,6	200	III в.	?	1, 2		Фрагментирована
70	Б; заклепки – С	7б	5,2x3,3	200	III в.	?	4, 6		
71	Б; заклепки – С	7б	5,2x3,4	200	III в.	?	4, 7		Щиток фрагментирован
72	Б	13	2,4x2,1	200	III в.	?	8, 18		
73	Б	2а	2,1x1,9	200	III в.	?	1, 22		
74	Б	2б	2,7x1,7	200	III в.	?	2, 6		Щиток фрагментирован
75	Б	4	4,1x1,8	200	III в.	?	2, 19		
76	Б	1б	2,1x1,9	200	III в.	?	1, 13		
77	Б; язычок – Ж	13	3,6x2,0	200	III в.	?	8, 23		Язычок распался
78	Б; язычок – Ж	13	1,3x1,1	200	III в.	?	8, 16		Язычок распался
79	С	1б	2,2x1,6	200	III в.	?	1, 21		
80	С	1б	3,7x1,3	200	III в.	?	1, 14		
81	Б	9б	3,9x2,1	200	III в.	?	7, 10		
82	Б	13	1,8x1,6	200	III в.	?	7, 29		
83	С	9а	1,2x1,0	201	IV в.	?	5, 12		
84	Б	9а	2,0x1,7	204	IV в.	?	5, 13		
85	Б	1а	2,8x2,7	213	?	Под левой бедренной костью	1, 3		

86	Б	9а	1,7x1,7	219	?	?	5, 14		
87	Б	1а	2,7x2,5	222	III в.	?	1, 4	Храпунов 2006а, с.106, рис.2,2	
88	Б	1а	3,0x2,8	222	III в.	?	1, 7	Храпунов 2006а, с.106, рис.2,3	
89	Б	1а	3,4x3,1	222	III в.	?	1, 8	Храпунов 2006а, с.106, рис.2,4	
90	Б	1а	3,1x3,0	222	III в.	?	1, 9	Храпунов 2006а, с.106, рис.2,5	
91	Б	7а	2,5x2,4	222	III в.	?	3, 19	Храпунов 2006а, с.106, рис.2,7	
92	Б	4	3,6x2,2	222	III	?	2, 16	Храпунов 2006а, с.106, рис.2,8	
93	Б	4	3,7x2,2	222	III в.	?	2, 17	Храпунов 2006а, с.106, рис.2,9	
94	с	1б	3,2x1,6	222	III в.	?	1, 15	Храпунов 2006а, с.106, рис.2,10	
95	Б, щиток плакиро- ван С	8б	4,2x2,6	222	III в.	?	4, 18	Храпунов 2006а, с.106, рис.2,12	
96	Б	9а	2,7x2,5	224	IV в.	Под правой берцовой костью	5, 15		Очень массивная
97	Б	9а	2,2x2,1	230	IV в.	?	5, 16		
98	Б	2б	2,1x1,8	238, северный подбой	Втор. пол. III в.	Слева от левой руки	2, 7		
99	Б	2б	3,7x2,2	238, северный подбой	Втор. пол. III в.	Слева от левой руки	2, 8		
100	Б	9в	2,1x1,5	246	IV в.	На костях таза, справа	7, 13		
101	Б	7б	3,0x2,0	253	IV в.	?	3, 23		
102	Б	9в	2,8x1,5	267	IV в.	?	7, 12		
103	Б	8а	Д-1,0	267	IV в.	?	4, 13		
104	Б	9в	1,7x1,5	271	IV в.	?	7, 14		
105	Б	9в	1,8x1,2	271	IV в.	?	7, 15		
106	Б	13	1,8x1,5	271	IV в.	?	8, 4		
107	Б	8в	1,8x1,2	271	IV в.	?	4, 22		
108	Б	9б	3,7x2,8	275	IV в.	Между бедренными костями	6, 31	Khrapunov 2008, p.200, Fig.2,8	
109	С	9б	1,9x1,5	275	IV в.	На тазовых костях	7,3	Khrapunov 2008, p.200, Fig.2,9	Щиток фрагментирован
110	Б	9а	2,8x2,3	275	IV в.	На месте груди	5, 17	Khrapunov 2008, p.200, Fig.2,7	
111	Б	9а	2,0x1,6	275	IV в.	Слева от черепа	5, 18	Khrapunov 2008, p.200, Fig.3,1	
112	С	9а	2,0x1,8	275	IV в.	Под мечом	5, 19	Khrapunov 2008, p.200, Fig.3,2	
113	С	9а	2,4x2,0	275	IV в.	Между бедренными костями	5,20	Khrapunov 2008, p.200, Fig.3,3	
114	Б	8а	2,0x1,2	275	IV в.	Между бедренными костями	4,14	Khrapunov 2008, p.200, Fig.3,4	
115	Б	9в	2,3x2,1	281	IV в.	?	7, 16		
116	Б	9а	2,2x1,9	281	IV в.	?	5, 21		
117	Б	9а	2,3x2,0	281	IV в.	?	5, 34		
118	Б	9в	Д-1,4	285	IV в.	Под мечом	7, 19		
119	Б	9а	2,0x1,7	285	IV в.	На тазовых костях	5, 22		
120	Б	9в	2,3x1,6	285	IV в.	Под мечом	7, 17		
121	Б	9в	2,2x1,8	285	IV в.	На тазовых костях, слева	7, 18		

122	Б	9а	2,1x1,6	285	IV в.	На тазовых костях, слева	5,23		
123	С	9а	Д-2,1	286	IV в.	У головки левого бедра	5, 24		
124	Б	12	6,7x3,0	286	IV в.	Слева от черепа	8, 5		
125	Б	9б	2,2x2,0	270	IV в.	?	6, 27		
126	Б	8б	2,3x2,0	270	IV в.	?	4, 21		
127	Б	9а	2,0x1,6	270	IV в.	?	5, 25		
128	Б	9б	2,9x2,6	270	IV в.	?	6, 28		
129	Б	9б	2,9x2,5	270	IV в.	?	6, 29		
130	Б	9б	3,7x3,2	270	IV в.	?	6, 30		
131	Б	9б	2,9x2,6	270	IV в.	?	7, 1		
132	С	9б	2,5x2,2	270	IV в.	?	7, 2		
133	Б	3б	5,7x3,5	300	Перв. пол. III в.	У левой бедренной кости	3, 2	Храпунов 2011а, с.195, рис.7,1	
134	Б	2а	3,0x2,3	300	Перв. пол. III в.	Отдельно от костяков	2, 2	Храпунов 2011а, с.195, рис.7,2	Конец язычка утрачен
135	Б	2а	2,0x1,8	300	Перв. пол. III в.	Отдельно от костяков	2, 3	Храпунов 2011а, с.195, рис.7,3	Конец язычка утрачен
136	Б	9в	2,5x2,5	301	IV в.	У правого колена	7, 19		
137	Б	9а	2,0x1,6	301	IV в.	На левом колене	5, 26		
138	Б	9а	2,1x2,0	305	IV в.	У головки левой бедренной кости	5, 27		
139	Б	9б	3,0x2,8	305	IV в.	У черепа	7, 4		
140	Б	5б	1,9x1,7	306	III в.	?	3, 12	Храпунов 2011б, с.11, рис.7,3	
141	Б	2б	2,0x1,9	306	III в.	?	2, 11	Храпунов 2011б, с.11, рис.7,12	
142	Б	2б	3,0x1,9	306	III в.	?	2, 12	Храпунов 2011б, с.11, рис.7,14	
143	С	3б	4,1x2,4	306	III в.	У меча	2, 23	Храпунов 2011б, с.11, рис.9,3	
144	Б	13	2,7x1,8	306	III в.	?	8, 22	Храпунов 2011б, с.11, рис.9,4	
145	Б	9а	1,8x1,4	306	IV в.	?	5, 28	Храпунов 2011б, с.11, рис.9,11	
146	Б	9а	1,9x1,5	306	IV в.	?	5, 29	Храпунов 2011б, с.11, рис.10,3	
147	Б	9а	1,7x1,4	306	IV в.	?	5, 1	Храпунов 2011б, с.11, рис.10,8	
148	Б	1а	3,5x2,3	306	III в.	?	1, 5	Храпунов 2011б, с.11, рис.9,8	
149	С	7б	3,6x2,1	306	III в.	?	4, 3	Храпунов 2011б, с.11, рис.10,4	
150	Б	2б	1,7x1,5	306	III в.	?	2, 9	Храпунов 2011б, с.11, рис.10,13	
151	Б	2б	1,9x1,7	306	III в.	?	2, 13	Храпунов 2011б, с.11, рис.10,14	
152	С	5б	2,2x1,9	306	III в.	Между бедренными костями	3, 14	Храпунов 2011б, с.11, рис.10,15	
153	Б	13	2,2x0,4	306	III в.	Слева от тазовых костей	8, 27	Храпунов 2011б, с.11, рис.10,16	
154	С	3а	1,7x1,5	306	III в.	?	2, 21	Храпунов 2011б, с.11, рис.10,17	Конец язычка утрачен

155	Б	5б	2,3x1,8	306	III в.	На тазовых костях, справа	3, 15	Храпунов 2011б, с.11, рис.10,18	
156	Б	9б	3,1x2,8	306	IV в.	На головке левого бедра	7, 5	Храпунов 2011б, с.11, рис.10,19	
157	Б	8а	3,5x2,4	306	III в.	?	4, 16	Храпунов 2011б, с.11, рис.10,20	
158	Б	3б	4,3x3,2	306	III в.	?	3, 3	Храпунов 2011б, с.11, рис.10,21	
159	Б	9а	2,3x1,6	306	IV в.	У тазовых костей, слева	5,2	Храпунов 2011б, с.11, рис.14,7	
160	Б	9б	1,9x1,5	306	IV в.	На тазовых костях	7,6	Храпунов 2011б, с.11, рис.14,10	
161	Б	2а	2,7x2,2	306	III в.	?	1,26	Храпунов 2011б, с.11, рис.17,4	
162	Б	3б	3,3x2,3	306	III в.	?	3,1	Храпунов 2011б, с.11, рис.17,7	
163	Б	9а	3,2x2,5	306	IV в.	Между бедренными костями	5,30	Храпунов 2011б, с.11, рис.17,9	
164	Б	13	2,3x2,0	306	III в.	?	8,10	Храпунов 2011б, с.11, рис.28,10	
165	Б	10	3,3x2,9	307	Перв. пол. III в.	На тазовых костях	7,25	Храпунов 2014, с.86,87, рис.9,5	
166	Б	9а	3,2x2,3	307	IV в.	На тазовых костях	5,31	Храпунов 2014, с.89, рис.10,6	
167	Б	9а	2,7x2,0	307	IV в.	На тазовых костях	5,32	Храпунов 2014, с.89, рис.10,7	
168	Б	9а	2,9x1,9	308	IV в.	У колена	5,33		
169	Б	9в	2,5x2,0	308	IV в.	В районе груди	7,20		
170	Б	9в	2,0x1,7	308	IV в.	У тазовых костей, слева	7,21		Язычок фрагментирован
171	Б	7а	Д-2,9	329, подбой во входной яме	Перв. пол. III в.	На левой кисти	3,20		
172	Б	6	1,8x1,2	329, погребальная камера	IV в.	?	3,10		
173	Б	8а	2,7x1,7	331, южный подбой	IV в. (?)	На тазовых костях, слева	4,17		
174	Б-рамка. Ж-язычок	13	Д-2,3	335	Перв. пол. III в.	Слева от тазовых костей	8,21		Язычок распался
175	Б	9а	2,7x2,0	358	IV в.	У тазовых костей, справа	6,1		
176	Б	1б	3,5x2,2	377	III в.	?	1,16		
177	Б	9а	1,4x1,3	389	IV в.	?	6,2		
178	Б	9а	1,9x1,8	389	IV в.	?	6,3		
179	Б	8а	2,4x2,1	389	IV в.	?	4,15		
180	Б	10	2,7x1,9	392, северный подбой	Перв. пол. III в.	Под правой берцовой костью	7,32	Стоянова 2011, с.118, рис.1,11; Костромичев 2015, с.319, рис.17,7	
181	Б	11	1,6x1,4	392, северный подбой	Перв. пол. III в.	Под правым коленом	7,33		Сохранился фрагмент
182	Б	9а	2,3x2,0	405, южный подбой	IV в.	?	6,4		

183	Б	2а	1,7x1,6	449	III в.	?	1,23		На тыльной стороне рамки сохранились остатки щитка
184	Б	5б	2,5x1,8	449	III в.	?	3,13		Щиток фрагментирован
185	Б	9а	2,2x1,8	461, погребальная камера	IV в.	?	6,5		
186	Б	9а	2,0x1,9	461, погребальная камера	IV в.	?	6,6		
187	Б	5б	3,6x2,4	461, погребальная камера	IV в.	На тазовых костях	3,16		
187а	Б	13	2,0x1,7	466, подбой во входной яме	IV в.	?	8,19		
188	Б	10	2,6x2,1	468, северный подбой	III в.	?	7,26		
189	Б	10	2,6x2,1	468, северный подбой	III в.	?	7,27		
190	Б	8б	2,7x2,3	476, погребальная камера	IV в.	?	4,19		
191	Б	9а	2,1x2,0	477	IV в.	?	6,7		
192	С	9а	2,3x1,9	479	IV в.	?	6,8		
193	С	9а	2,2x1,8	479	IV в.	?	6,9		
194	Б	9а	2,1x2,0	480	IV в.	Между берцовыми костями	6,10		
195	С	9а	2,2x2,0	480	IV в.	На тазовых костях, слева	6,11		
196	С и Б	8г	2,5x2,1	484, южный подбой	IV в.	?	4,23		
197	Б	9а	2,4x1,8	485	IV в.	В районе тазовых костей	6,12		
198	Б	8б	3,5x3,1	485	IV в.	В районе тазовых костей	4,20		
199	Б	9а	2,2x2,2	490	IV в.	?	6,13		
200	С	9а	2,1x1,9	490	IV в.	?	6,14		
201	Б	9а	1,8x1,7	500	IV в.	?	6,15		
202	Б	9а	2,0x1,9	500	IV в.	?	6,16		
203	Б	5б	1,9x1,9	500	IV в.	?	3,17		
204	Б	13	2,5x2,3	500	IV в.	?	8,20		
205	Б	9а	1,9x1,6	500	IV в.	?	6,17		
206	Б	9г	2,5x2,2	509	IV в.	?	7,23		Язычок распался
207	С	9б	2,2x1,9	509	IV в.	?	7,7		Щиток распался
208	Б	2б	4,3x2,4	510	III в.	Между бедренными костями	2,14		
209	С	6	3,9x2,3	510	III в.	Между бедренными костями	3,9		Щиток распался
210	Б	2а	1,9x1,8	511	III в.	?	2,4		
211	С и Б	6	3,0x2,0	511	III в.	?	3,8		
212	С и Б	2б	3,8x2,3	511	III в.	?	2,15		

213	Б	1а	5,2x5,0	511	III в.	?	1,11		
214	Б	9а	2,2x1,9	480, южный подбой во входной яме	IV в.	На головке левой бедренной кости	6,18		
215	Б	9б	2,0x1,7	480, южный подбой во входной яме	IV в.	?	6,23		
216	Б и Ж	13	Д-3,6	550	?	В ногах	8,28		Язычок коррозирован
217	Б	2б	4,7x2,5	552	Перв. пол. III в.	Слева от ног	2,10		
218	Б	2а	Д-3,0	552	Перв. пол. III в.	?	1, 27		
219	Б	13	2,3x1,9	552	Перв. пол. III в.	Слева от ног	8,24		
220	Б	9а	2,4x2,2	564	IV в.	?	6,19		
221	Б	13	2,2x1,8	567	IV в.	?	8,25		
222	Б	13	2,5x2,2	567	IV в.	?	8,26		
223	Б	13	1,8x1,5	574	IV в.	У черепа	8,21		
224	Б	13	5,5x3,2	576	Перв. пол. III в.	У левой бедренной кости	8,29		
225	Б	11	4,7x2,7	576	Перв. пол. III в.	У левого колена	8,1		Язычок и щиток фрагментированы
226	Б	2а	2,3x2,3	576	Перв. пол. III в.	На левой бедренной кости	1,24		
227	Б	2а	2,6x2,4	576	Перв. пол. III в.	Слева от левой бедренной кости	1,25		

### Список использованной литературы

- Абрамова М. П. Ранние аланы Северного Кавказа III – V вв. н. э. М., 1997.
- Абрамова М. П. Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков нашей эры // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.
- Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма поздне римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь, 1990.
- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Амброз А. К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. 1. М., 1992.
- Безуглов С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000.
- Беспалый Е. И. Погребения позднесарматского времени у г. Азова // СА. 1990. № 1.
- Вадаи А. Х., Кульчар В. К вопросу о так называемых сарматских пряжках // Acta archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae. 1984. 36.
- Васильев А. А. Удила из княжеского погребения у с. Кишпек, Кабардино-Балкария (балто-черноморские контакты и некоторые вопросы датировки европейских древностей рубежа III–IV вв. н. э.) // Germania–Sarmatia. II. Калининград; Курск, 2010.

- Васильев А. А., Дзиговский А. Н. Еще раз к хронологии позднейших сарматских древностей Буджака // *Stratum plus*. 2001–2002. № 4.
- Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Тома 1, 2. Ижевск, 2004.
- Засецкая И. П. материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993.
- Казанский М. М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1994.
- Костромичев Д. А. Ажурные пряжки с пельтовидной рамкой: вопросы типологии, хронологии и происхождения // *Stratum plus*. 2015. № 4.
- Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // *Сарматы и их соседи на Дону*. Ростов-на-Дону, 2000.
- Малашев В. Ю. Хронология погребальных комплексов могильника Клин-Яр III сарматского времени // *Проблемы современной археологии* (сборник памяти Владимира Александровича Башилова). М., 2008.
- Медведев А. П. Позднеантичный некрополь Фанагории 4–5 вв. (Раскопки 2005 г.) // *Фанагория. Результаты археологических исследований*. Т. 1. М., 2013.
- Мошкова М. Г. Позднесарматские погребения могильника «Три брата» // *Проблемы современной археологии* (сборник памяти Владимира Александровича Башилова). М., 2008.
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
- Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.
- Стоянова А. А. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац // *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь, 2011.
- Труфанов А. А., Колтухов С. Г. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в юго-восточном Крыму // *Stratum plus*. 2001–2002. № 4.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III – IV вв. нашей эры). Lublin, 2002.
- Храпунов И. Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // *Боспорские исследования*. Вып. III. Симферополь, 2003
- Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // *Боспорские исследования*. Вып. VI. Симферополь; Керчь, 2004.
- Храпунов І. М. Ніж з тамгообразним знаком з могильника Нейзац у Криму // *Археологія*. 2004а. Вип. 3.
- Храпунов И. Н. Последние погребения в могильнике Нейзац // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь, 2005
- Храпунов И. Н. Погребение воина IV в. н. э. из могильника Нейзац // *Готы и Рим*. Киев, 2006
- Храпунов И. Н. Склеп III в. н. э. из могильника Нейзац // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2006а. Вып. XVI/1.
- Храпунов И. Н. Склеп IV в. н. э. из могильника Нейзац // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2008. Вып. XXI.
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь, 2011.

- Храпунов И. Н. Подбойная могила с двумя погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац // МАИЭТ. Вып. XVII. Симферополь, 2011а.
- Храпунов И. Н. Склеп с погребениями III–IV вв. н. э. из могильника Нейзац. Симферополь, 2011б.
- Храпунов I. M. Підбійна могила з похованнями III–IV ст. з могильника Нейзац // Археологія. 2014. Вип. 2.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. Склепы с погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь; Керчь, 2004.
- Godlowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Period. Krakow, 1970.
- Kazanski M. Kishpek, Ekazhevo and Varpelev: on the problem of Pontic-Scandinavian relations in the Late Roman Period// Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Kristiansand; Simferopol, 2011.
- Khrapunov I. On the contacts between the populations of the Crimea and the Carpathian Basin in the Late Roman Period // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st - 5st centuries A. D. Aszód; Nyíregyháza, 2001.
- Khrapunov I. N. A New Account on the Contacts between the Sarmatians and the Germans in Crimea (on the materials of the excavations on the cemetery of Neyzats in 2001) // Europa Barbarica. Monumenta studia Gothica. IV. Lublin, 2005
- Khrapunov I. N. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea // The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. Lublin, 2008
- Kőhegyi M., Vörös G. Madaras-Halmok. Kr. u. 2-5. Századi szarmata temető. Szeged, 2011.
- Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. BAR International series 360. Oxford, 1986.

*I. N. Khrapunov*

### **Silver and Bronze Buckles from the Cemetery of Neyzats**

#### **Abstract**

Silver and bronze buckles occur in every type of burial structures at the cemetery of Neyzats. The total number of finds is 228, fragments included. Their data form a table. All the buckles divide into 12 species by their morphological and stylistic features. The buckles from the cemetery of Neyzats have neither morphological nor stylistic differences to separate them from the buckles distributed in the Later Roman Period in all the areas, which possessed Sarmatian populations, or experienced their cultural influence. Although the set of Neyzats buckles is certainly unique, the same is valid for every Sarmatian site. The only exception is a buckle indicated in the table as no. 124, because no piece parallel to it has been found. The buckles occurred in graves in different positions. They were used to fasten waist belts, shoes, sword belts, as well as to secure swords on appropriate belts. Besides, the buckles connected straps of horse harness. No connection between buckle type and its function has been uncovered. Variety of third-century buckles deserves attention. They show various combinations of all the features of the buckles dated to the Later Roman Period. Buckles became standard in the fourth century AD.

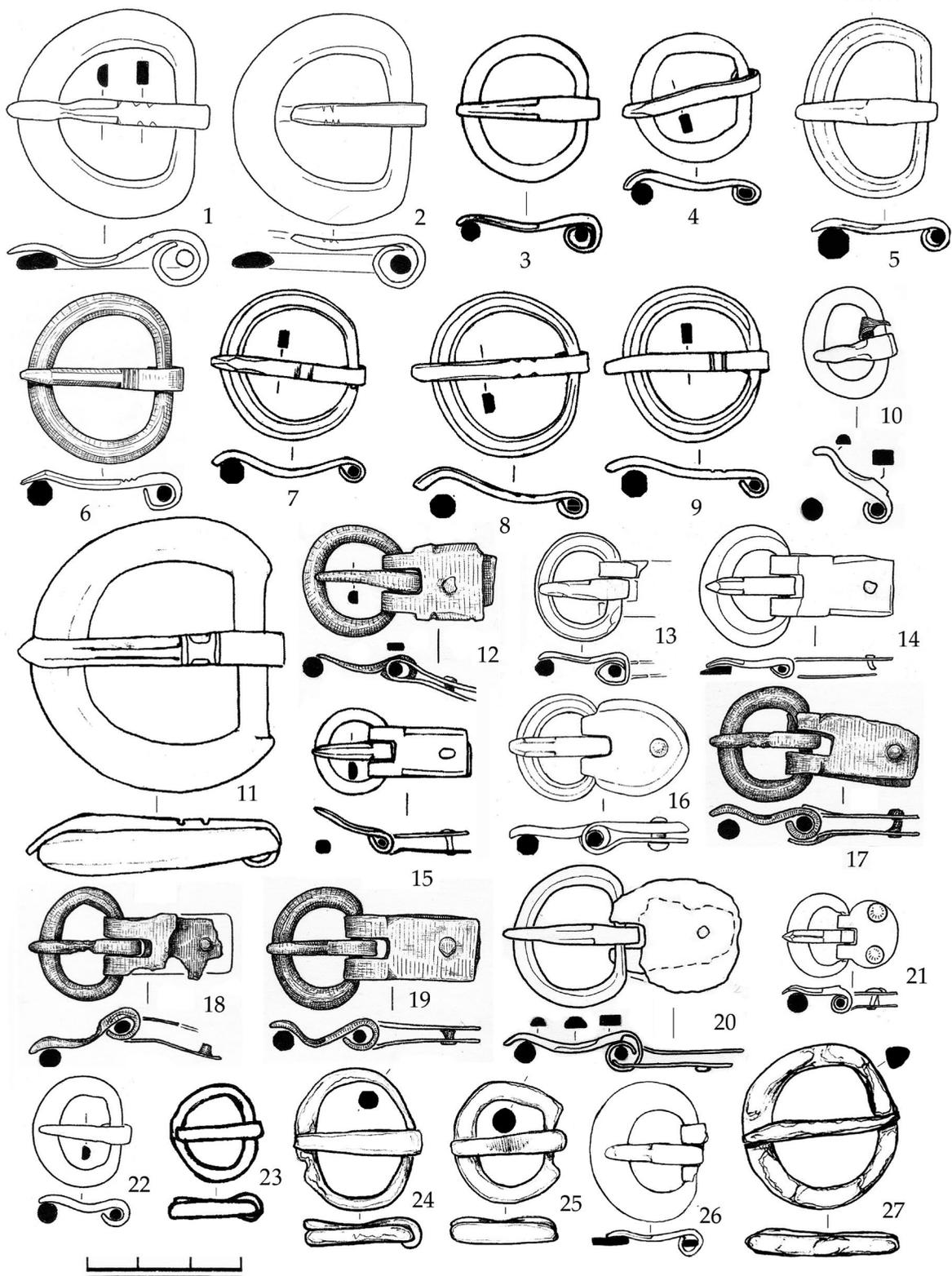


Рис. 1. Пряжки из могильника Нейзац. 1 – № 68, 2 – № 69, 3 – № 85, 4 – № 87, 5 – № 148, 6 – № 62, 7 – № 88, 8 – № 89, 9 – № 90, 10 – № 11, 11 – № 213, 12 – № 24, 13 – № 76, 14 – № 80, 15 – № 94, 16 – № 176, 17 – № 16, 18 – № 17, 19 – № 18, 20 – № 29, 21 – № 79, 22 – № 73, 23 – № 183, 24 – № 226, 25 – № 227, 26 – № 161, 27 – № 218

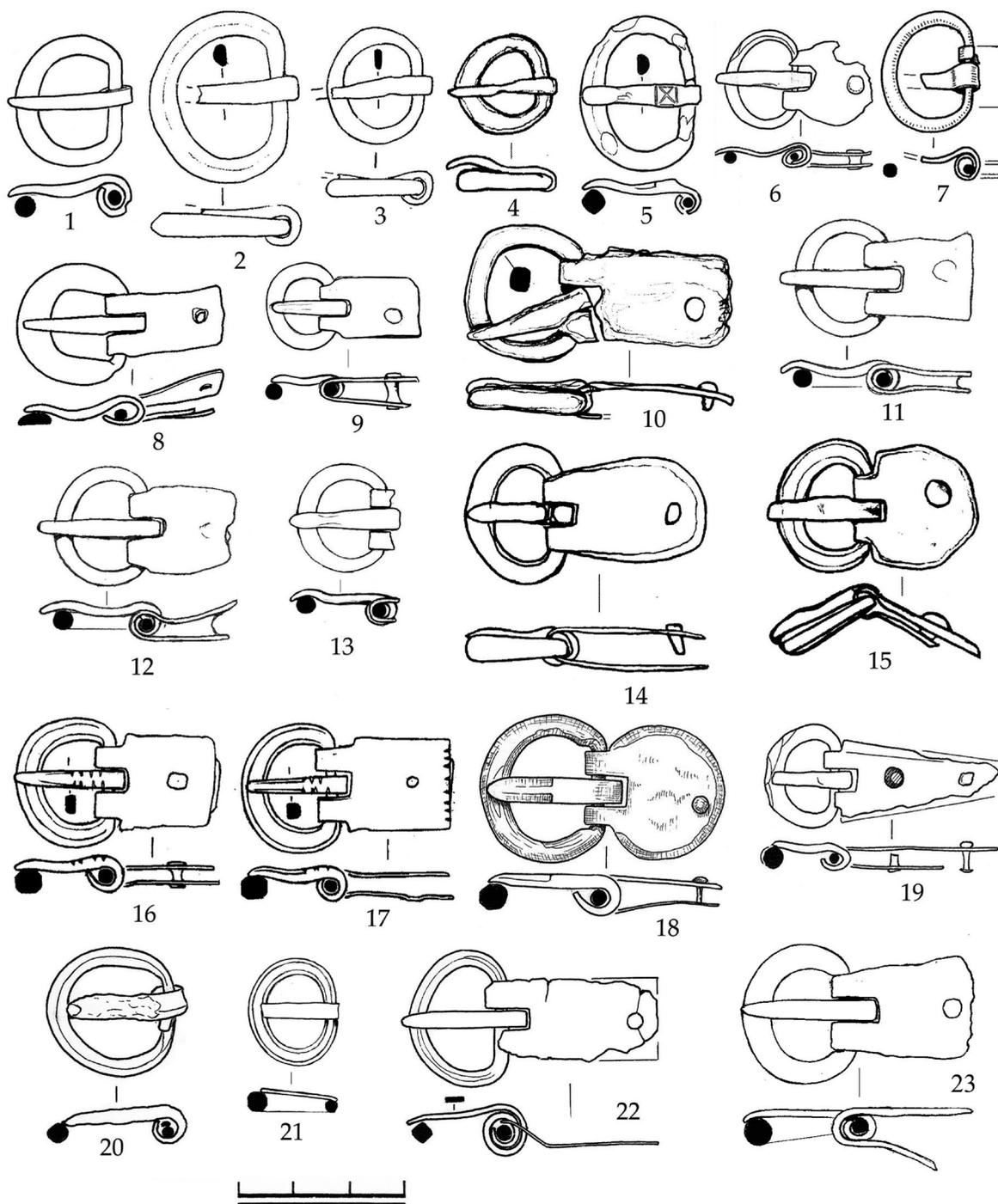


Рис. 2. Пряжки из могильника Нейзац. 1 – № 13, 2 – № 134, 3 – № 135, 4 – № 210, 5 – № 6, 6 – № 74, 7 – № 98, 8 – № 99, 9 – № 150, 10 – № 217, 11 – № 141, 12 – № 142, 13 – № 151, 14 – № 208, 15 – № 212, 16 – № 92, 17 – № 93, 18 – № 58, 19 – № 75, 20 – № 21, 21 – № 154, 22 – № 31, 23 – № 143

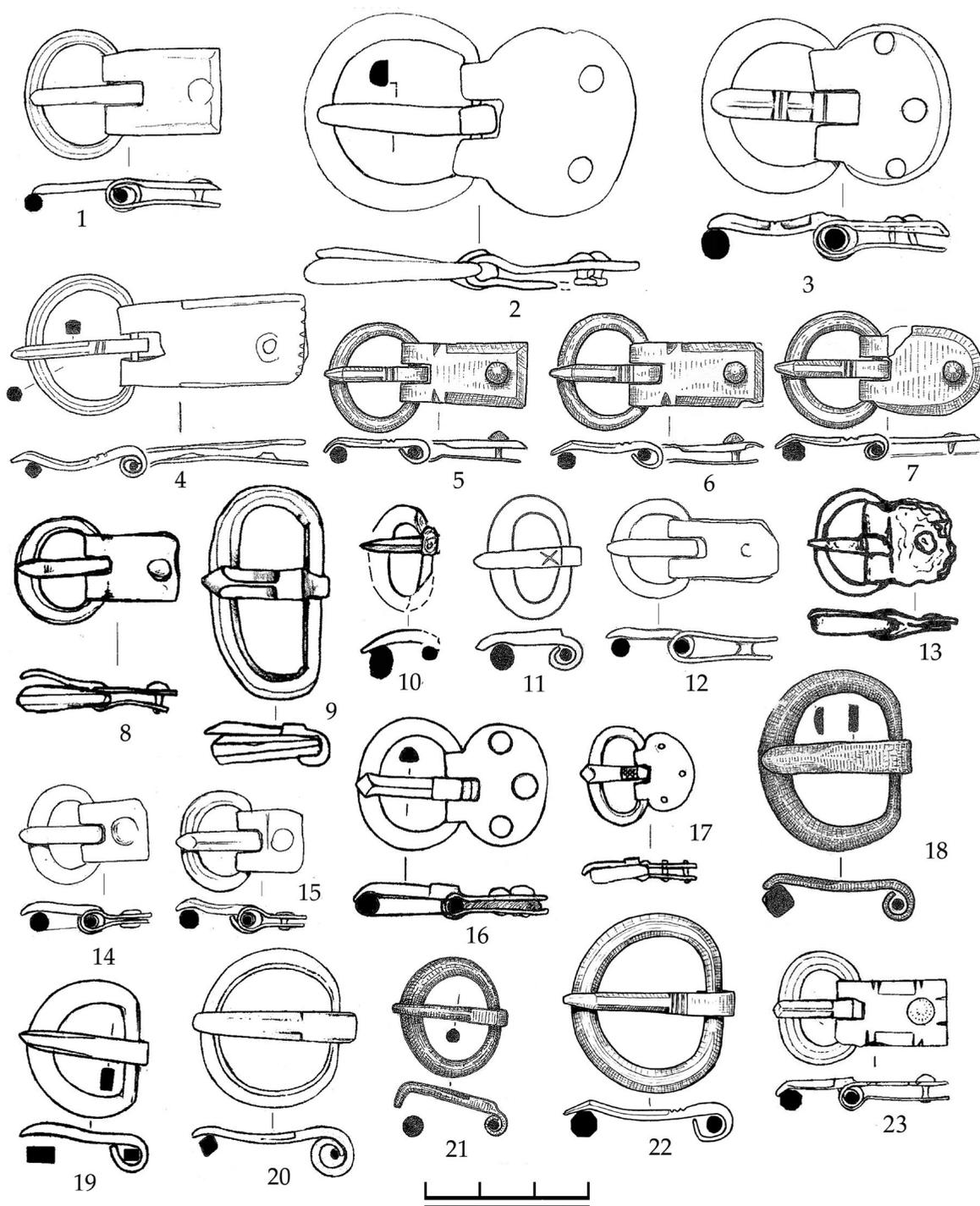


Рис. 3. Пряжки из могильника Нейзац. 1 – № 162, 2 – №133, 3 – № 158, 4 – № 37, 5 – № 59, 6 – № 60, 7 – № 61, 8 – № 211, 9 – № 209, 10 – № 172, 11 – № 3, 12 – № 140, 13 – № 184, 14 – № 152, 15 – № 155, 16 – № 187, 17 – № 203, 18 – № 1, 19 – № 91, 20 – № 171, 21 – № 32, 22 – № 62, 23 – № 101

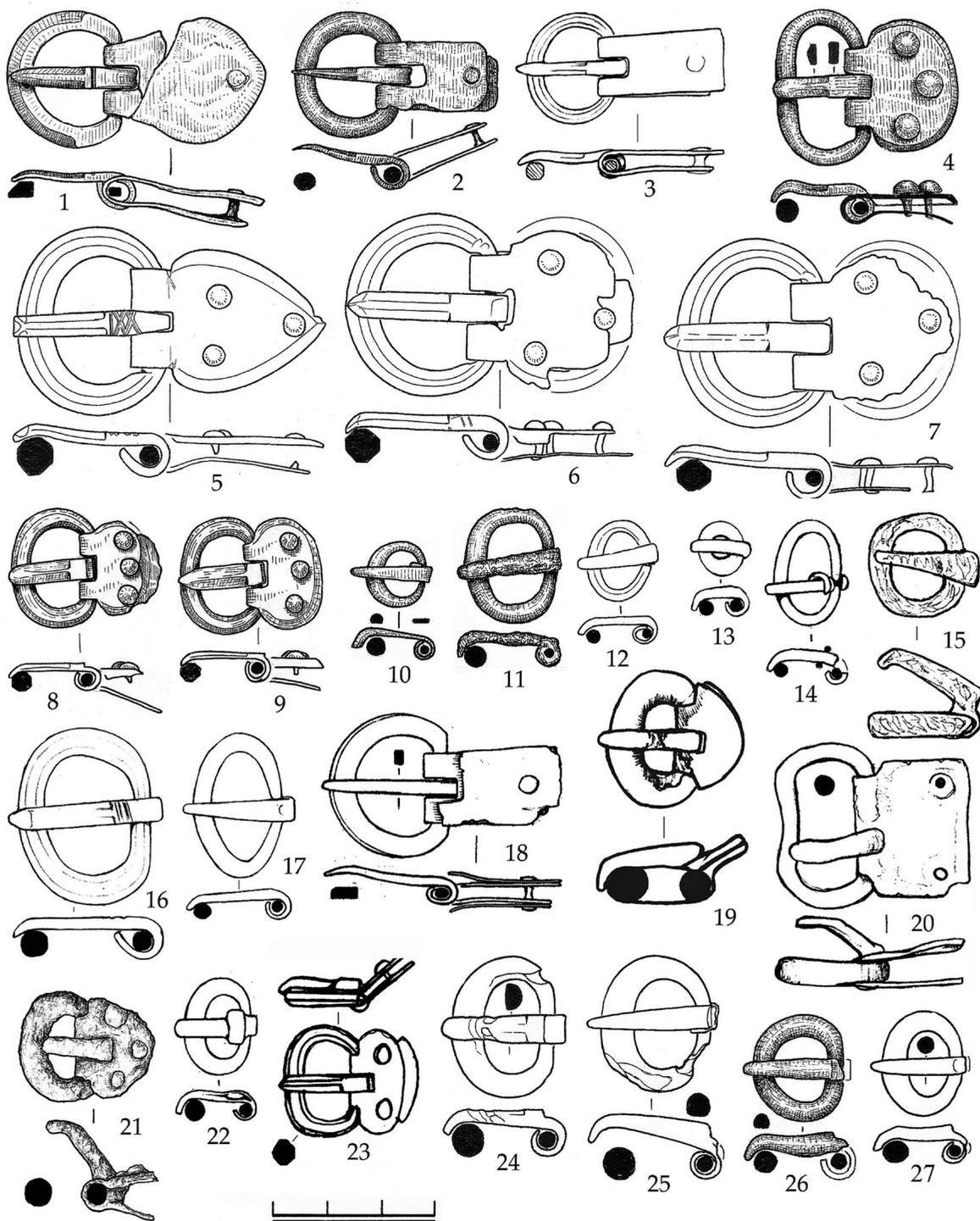


Рис. 4. Пряжки из могильника Нейзац. 1 – № 27, 2 – № 15, 3 – № 149, 4 – № 2, 5 – № 67, 6 – № 70, 7 – № 71, 8 – № 52, 9 – № 53, 10 – № 25, 11 – № 28, 12 – № 50, 13 – № 103, 14 – № 114, 15 – № 179, 16 – № 157, 17 – № 173, 18 – № 95, 19 – № 190, 20 – № 198, 21 – № 126, 22 – № 107, 23 – № 196, 24 – № 4, 25 – № 30, 26 – № 26, 27 – № 5

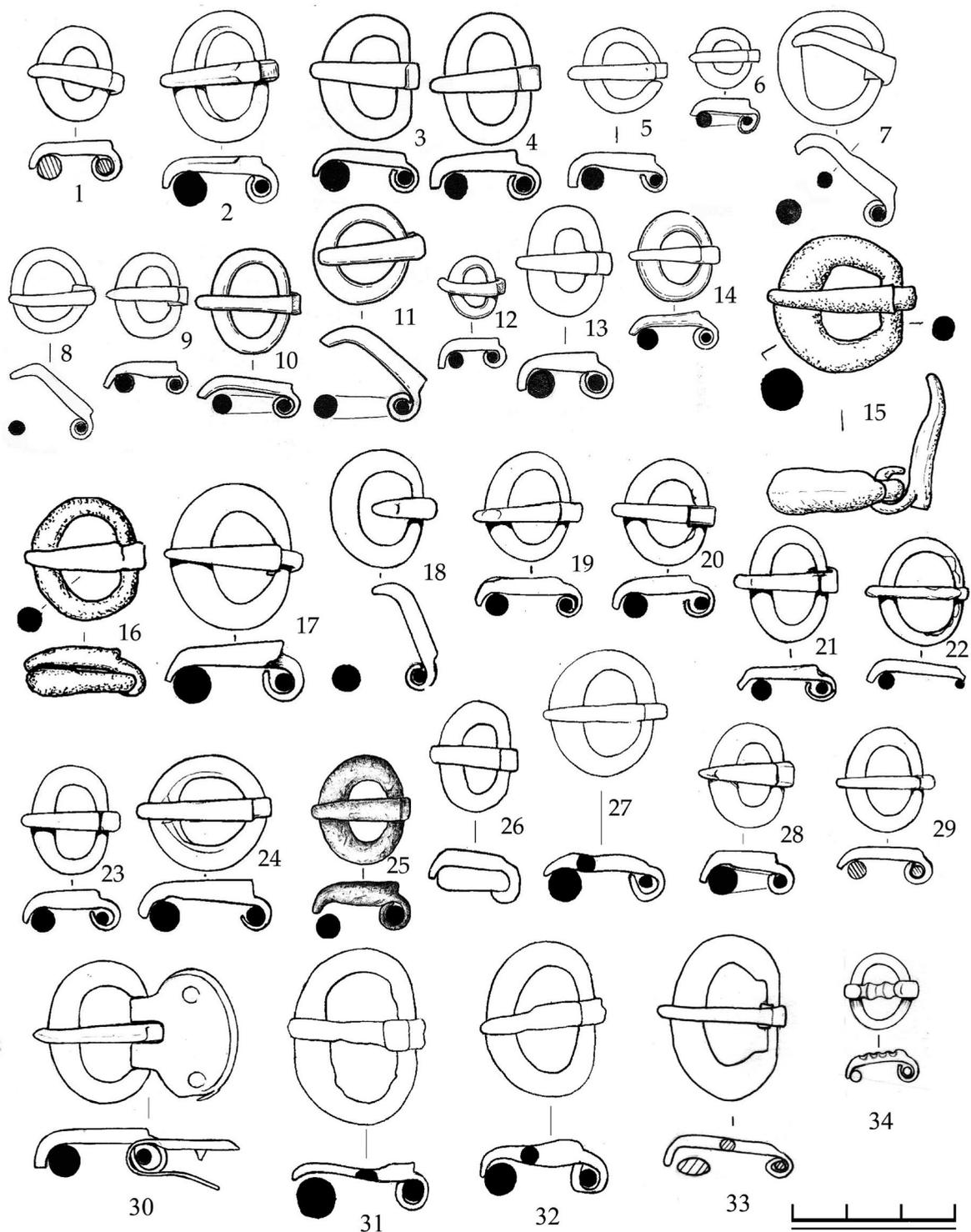


Рис. 5. Пряжки из могильника Нейзац. 1 – № 147, 2 – № 159, 3 – № 35, 4 – № 36, 5 – № 38, 6 – № 40, 7 – № 44, 8 – № 45, 9 – № 48, 10 – № 54, 11 – № 55, 12 – № 83, 13 – № 84, 14 – № 86, 15 – № 96, 16 – № 97, 17 – № 110, 18 – № 111, 19 – № 112, 20 – № 113, 21 – № 116, 22 – № 119, 23 – № 122, 24 – № 123, 25 – № 127, 26 – № 137, 27 – № 138, 28 – № 145, 29 – № 146, 30 – № 163, 31 – № 166, 32 – № 167, 33 – № 168, 34 – № 117

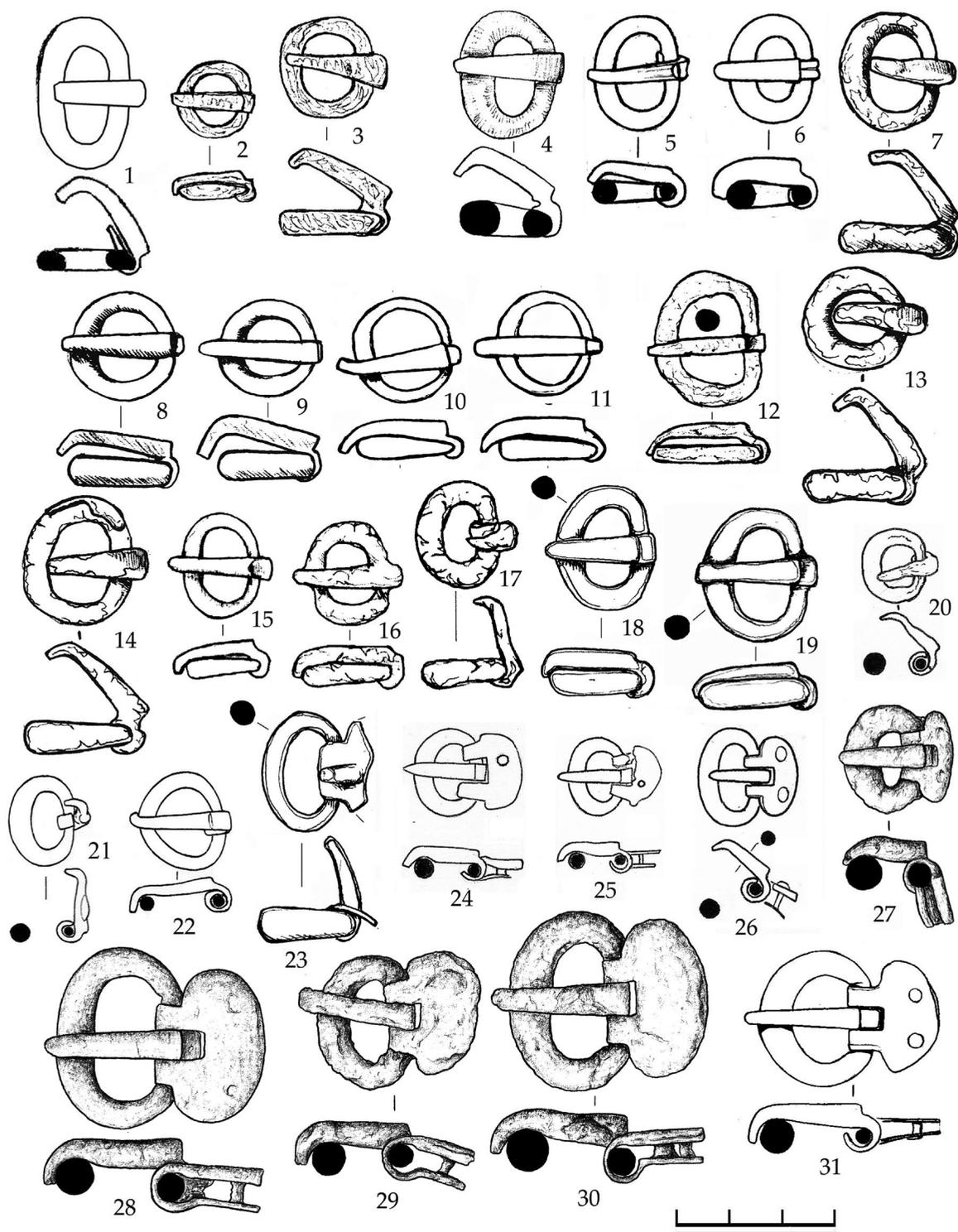


Рис. 6. Пряжки из могильника Нейзац. 1 – № 175, 2 – № 177, 3 – № 178, 4 – № 182, 5 – № 185, 6 – № 186, 7 – № 191, 8 – № 192, 9 – № 193, 10 – № 194, 11 – № 195, 12 – № 197, 13 – № 199, 14 – № 200, 15 – № 201, 16 – № 202, 17 – № 205, 18 – № 214, 19 – № 220, 20 – № 20, 21 – № 33, 22 – № 34, 23 – № 215, 24 – № 47, 25 – № 49, 26 – № 7, 27 – № 125, 28 – № 128, 29 – № 129, 30 – № 130, 31 – № 108

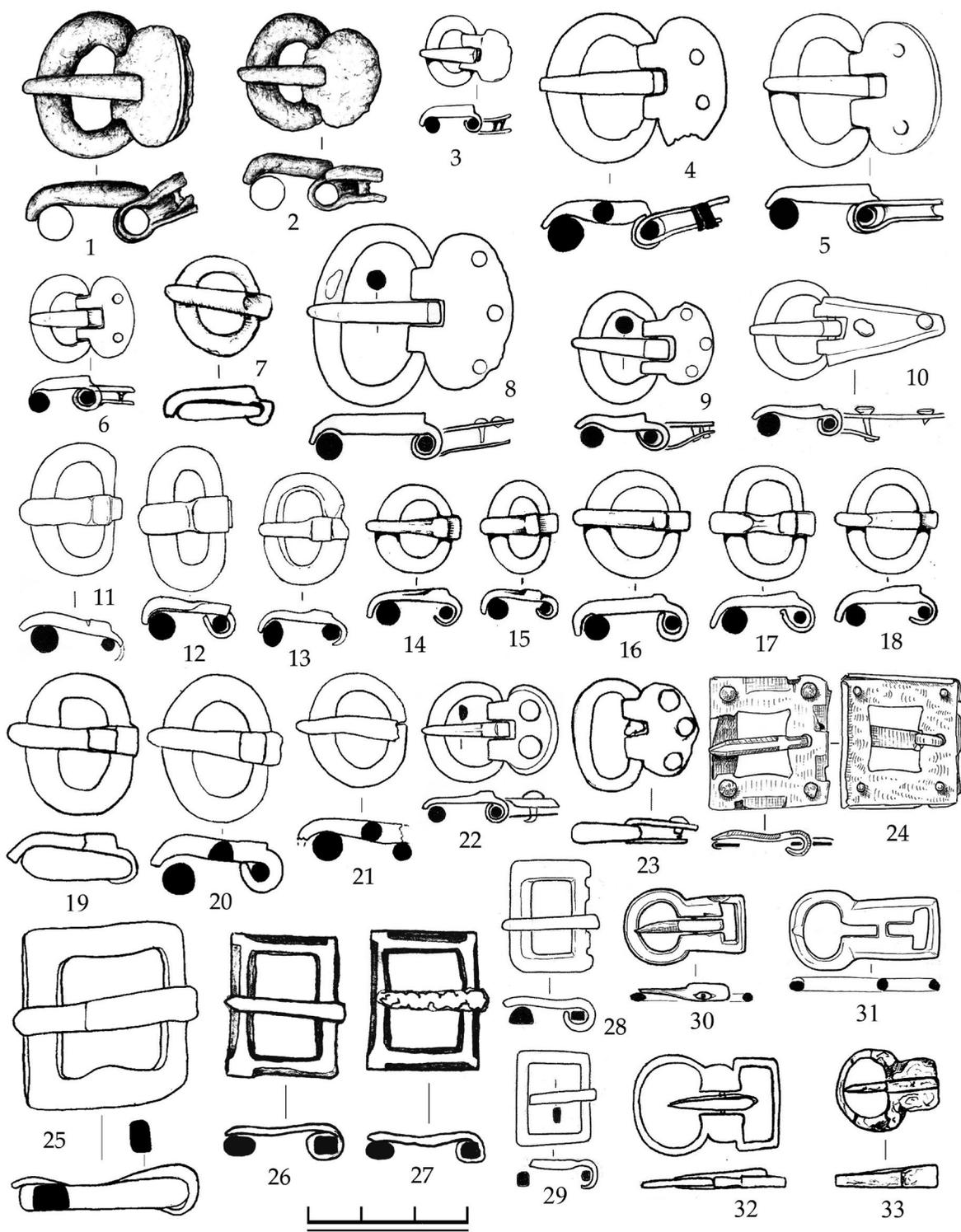


Рис. 7. Пряжки из могильника Нейзац. 1 – № 131, 2 – № 132, 3 – № 109, 4 – № 139, 5 – № 156, 6 – № 160, 7 – № 207, 8 – № 8, 9 – № 9, 10 – № 81, 11 – № 41, 12 – № 102, 13 – № 100, 14 – № 104, 15 – № 105, 16 – № 115, 17 – № 120, 18 – № 121, 19 – № 136, 20 – № 169, 21 – № 170, 22 – № 10, 23 – № 206, 24 – № 51, 25 – № 165, 26 – № 188, 27 – № 189, 28 – № 66, 29 – № 82, 30 – № 56, 31 – № 63, 32 – № 180, 33 – № 181

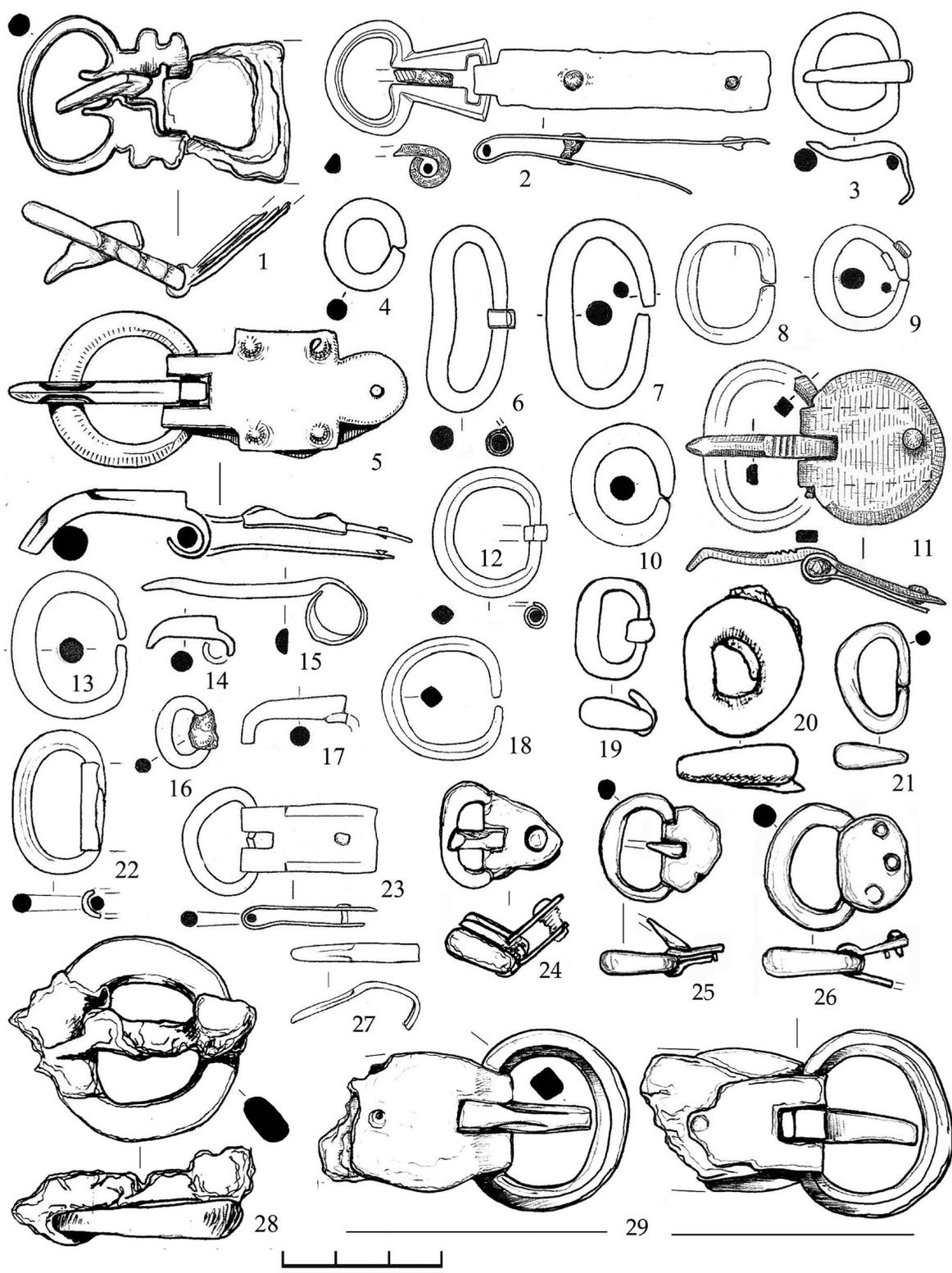


Рис. 8. Пряжки из могильника Нейзац. 1 – № 225, 2 – № 65, 3 – № 14, 4 – № 106, 5 – № 124, 6 – № 12, 7 – № 19, 8 – № 42, 9 – № 43, 10 – № 164, 11 – № 23, 12 – № 72, 13 – № 57, 14 – № 22, 15 – № 64, 16 – № 78, 17 – № 46, 18 – № 72, 19 – № 187а, 20 – № 204, 21 – № 223, 22 – № 144, 23 – № 77, 24 – № 219, 25 – № 221, 26 – № 222, 27 – № 153, 28 – № 216, 29 – № 224

А. А. Стоянова

## Подвески из могильника Нейзац

**Ключевые слова:** могильник Нейзац, Крым, позднеримское время, подвески, погребальный инвентарь

**Key words:** Crimea, cemetery of Neyzats, Later Roman Period, pendants, grave goods

Коллекция подвесок из Нейзацкого могильника насчитывает 305 экземпляров, выполненных из различных материалов. Небольшая часть этой категории погребального инвентаря, полученная при раскопках памятника в течение первых пяти лет, была опубликована (Стоянова 2004), отдельные типы подвесок рассматривались в работах, посвященных введению в научный оборот материалов тех или иных нейзацких комплексов. Завершение полевых исследований могильника, длившихся 20 лет, дает возможность еще раз обратиться к анализу этих изделий, количество которых с момента первой публикации значительно увеличилось<sup>1</sup>.

К категории подвесок мы относим изделия, обладающие следующими характеристиками. Во-первых, это не связанные с другими предметами вещи, выполнявшие

декоративную функцию. Такое условие обязательно для всех отобранных артефактов, позволяющее отделить их от деталей, являющихся составной частью предметов, несущих практическую нагрузку, например наконечников ремней или элементов конской сбруи. Т.е. рассмотренные нами подвески относятся к категории самостоятельных украшений, нередко сочетавших в себе декоративную функцию с определенной смысловой (идеологической) нагрузкой. Во-вторых, каждая подвеска имеет канал отверстия, расположенный в ее верхней части, благодаря которому она может быть к чему-либо подвешена. В качестве подвесок мы также будем рассматривать фигурные (антропоморфные или зооморфные) украшения, имеющие расположенный в центральной части канал отверстия. Таким образом фигурные

<sup>1</sup> Выражаю искреннюю признательность И. Н. Храпунову за возможность работать с неопубликованными материалами из раскопок Нейзацкого могильника.

изделия выводятся из категории бус, для которых расположение канала отверстия в центральной части является одним из главных признаков.

Все подвески разделены на группы по материалу. В рамках каждой группы подвески объединены в типы по морфологическому признаку.

### **Подвески из одноцветного стекла**

1. Подвески усечено-пирамидальной формы из прозрачного темно-синего стекла (3 экз.). Размеры 1,6 x 0,6 см. 2 целых экземпляра и фрагмент. Мог. № 17 – фрагмент (рис. 1, 2) (Храпунов, Мульд 2004а, с. 300–302, рис. 7, 37, 80); мог. № 275 – 2 экз. (рис. 1, 1) (Khrapunov 2008, fig. 5, 14). Соответствуют типам 113 по Е. М. Алексеевой (1978, с. 69) и ОС XVIII.3 типологии бус и подвесок из Нейзацкого могильника (Стоянова 2004, с. 278). Самые ранние экземпляры подобных подвесок встречены в комплексах VIII–VII вв. до н. э. кобанской культуры (Козенкова 1982, с. 65). С V в. до н. э. такие подвески, сделанные, преимущественно из прозрачного синего стекла, распространяются в северопричерноморском регионе и становятся здесь особенно популярными в IV–III вв. до н. э. В это время они встречаются на обширной территории от Волги до Дуная, в том числе в скифских и таврских памятниках Крыма, иногда целыми наборами (Яковенко, Черненко, Корпусова 1970, с. 146, рис. 5, 8; Алексеева 1978, с. 69, типы 112–115; Скорый 1982, с. 234, рис. 5, 8; Островерхов 1985, с. 98; 1996, с. 363; Анфимов 1993, с. 61, рис. 23; Скрипкин 1990, с. 77, рис. 25, 89, 90; Колотухин 1996, рис. 51, 1, 20; 55, 9, 38; Колотухин 2000, рис. 9, 4; 13, 6; 15, 7; 18, 5; Ольховский 2004, с. 96, рис. 9, 18–22; Колтухов, Сенаторов 2015, с. 72, рис. 4, 13). А. С. Островерхов, базируясь на данных о химическом составе найденных в Северном Причерноморье украшений, связал их происхождение с египетскими, финикийскими или карфагенскими

производственными центрами. Однако, учитывая широкий ареал пирамидальных подвесок, наличие в северопричерноморском регионе стеклоделательных мастерских и находки пресс-форм для изготовления разнообразных стеклянных бус, автор не исключил возможность их местного производства (Островерхов 1985, с. 98–99).

В сарматскую эпоху подвески рассматриваемого типа встречаются довольно редко. Несколько экземпляров обнаружены в захоронениях конца II – начала I в. до н. э. Беляусского могильника (Дашевская 2014, с. 15–16, табл. 15, 7; 16, 7). В крымских комплексах I в. до н. э. – II в. н. э. они неизвестны, хотя встречаются в синхронных памятниках за пределами полуострова (Алексеева 1978, с. 69, тип 112; Ильюков, Власкин 1992, с. 100, рис. 25, 32). Незначительное количество усечено-пирамидальных подвесок зафиксировано в погребениях конца II–IV вв. н. э. из могильников Курское и Совхоз 10 (Алексеева 1978, с. 69, тип 113; Труфанов, Колтухов 2001–2002, с. 288), два экземпляра обнаружены в ареале черняховской культуры (Гопкало 2008, с. 43, табл. IV, 8). Находки из Нейзацкого могильника происходят из склепов III и IV вв. н. э.

2. Подвеска в виде стилизованной амфорки из прозрачного синего стекла (рис. 1, 3). Размеры 1,5 x 0,6 см. Мог. № 28 (Храпунов 1998, с. 234, рис. 2, 11; Стоянова 2004, с. 277, тип ОСXVII.1). В своде Е. М. Алексеевой учтено четыре подобных подвески с Боспора, которые датируются исследовательницей в целом II–I вв. до н. э. Правда, даты содержащих их погребений, приведенные автором свода, отражают более широкий диапазон бытования этих находок — со II в. до н. э. до III в. н. э. (Алексеева 1978, с. 74, тип 192а). Морфологически близкие нейзацкой подвески из Херсонесского некрополя и могильника Красный Маяк связаны с комплексами III в. до н. э. и второй половиной I в. н. э. соответственно (Назаров 1989, с. 9, рис. 24, 3; Зубарь, Шевченко, Липавский 1989, с. 13; Симоненко,

Сікоза, Дзনেладзе 2015, с. 24, рис. 7, 10з). Могила № 28 из Нейзацкого могильника относится ко второй половине II или первой половине III в. н. э. (Храпунов 1998, с. 235).

3. Стрелковидные из прозрачного темно-синего стекла (2 экз.). Размеры 1,2–1,5 x 0,6–0,8 см. Мог. №193 – 1 экз. (рис. 1, 4) (Стоянова 2005, рис. 2, 18); мог. №363 – 1 экз. (рис. 1, 5). Морфологически близки типу 165 по классификации Е. М. Алексеевой. Датировка, по данным автора свода, широкая — со II в. до н. э. до III в. н. э. (Алексеева 1978, с. 72, табл. 33, 70). Столь же широкую дату дают находки из могильников предгорного и северо-западного Крыма. Здесь они зафиксированы в погребениях II–I вв. до н. э. из Беляусского некрополя (Дашевская 2014, с. 27, 34–36, табл. 50, 16; 71, 16; 77, 23; 78, 21; 82, 15–17), в катакомбе III–I вв. до н. э. из могильника Левадки (Храпунов, Мульд 2004б, рис. 8, 41; 10, 37), склепе II – середины I в. до н. э. некрополя Керкинитиды (Михлин, Бирюков 1983, с. 42, рис. 9, 1), мавзолее и грунтовом некрополе Неаполя скифского (Погребова 1961, с. 164, рис. 38, 18), Усть-Альминском могильнике (Зайцев 1997, с. 164, рис. 5, 37). За пределами полуострова стрелковидные подвески часто встречаются в сарматских погребениях Нижнего Поволжья (Скрипкин 1990, с. 77; Власкин 2000, с. 11, рис. 2, 15) и Северного Причерноморья (Симоненко 1993, с. 43, рис. 11, 3в). Известны они в подкурганых захоронениях II – начала I в. до н. э. Северного Кавказа (Козенкова 1980, с. 85, рис. 8, 3), в погребении середины I в. до н. э. из Танаиса (Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001, с. 145, табл. 61, 756), в Нижнем Поднеповье (Симоненко, Сікоза, Дзনেладзе 2015, рис. 5, 6), в Подкумском некрополе в комплексе I – начала II в. н. э. (Абрамова 1987, с. 25, рис. 17, 17), в детском захоронении II в. н. э. могильника на горе Лехкч-Корт в Чечне (Виноградов, Петренко 1974, рис. 3, 13).

Оба экземпляра из Нейзацкого могильника связаны с комплексами конца II – первой половины III в. н. э.

4. Подвески шаровидной формы с подпрямоугольным в поперечном сечении ушком для подвешивания, из прозрачного желтого стекла (2 экз.). Размеры 0,6–0,7 x 0,8–0,9 см. Мог. № 7 – 1 экз. (рис. 1, 6); мог. № 150 – 1 экз. (рис. 1, 7) (Стоянова 2004, с. 278, тип 4а). В литературе подобные подвески нередко называют «грушевидными» или «в виде гирьки», у Е. М. Алексеевой форма таких украшений не охарактеризована (Алексеева 1978, с. 72, тип 163).

Аналогичные изделия из стекла разных цветов найдены в мавзолее и грунтовом некрополе Неаполя, могильниках Беляус, Левадки, Совхоз 10, Дмитровском, Сары-Кая, Совхоз 10 (Мульд, Масякин 2003, рис. 8, 60; Погребова 1961, с. 164; Высотская, Рыжова 1996; Катюшин 1996, рис. 6, 4; 14, 16; Высотская, Махнева 1983, с. 73, рис. 3, 22; Бабенчиков 1957, с. 122; Дашевская 2014, с. 23–24, табл. 40, 15; с. 32, табл. 71, 17; с. 34, табл. 78, 22; с. 42, табл. 101, 31). Большая часть таких подвесок из античных центров, по информации Е. М. Алексеевой, происходит из комплексов II–I вв. до н. э.; к этому же времени относятся все экземпляры из Беляусского могильника. В некрополе Танаиса три экземпляра сопровождали погребение с вещами I в. до н. э. (Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001, с. 145, табл. 61, 757). Нередко идентичные украшения находят в памятниках раннесарматского и среднесарматского времени в междуречье Дона и Волги (Ильюков, Власкин 1992, с. 40, рис. 6, 10; с. 137, рис. 34, 6; Скрипкин 1990, с. 77, рис. 25, 105, 106). Комплексы из предгорного Крыма, содержавшие рассматриваемые подвески, относятся к I в. до н. э. – II в. н. э. Экземпляры из Нейзацкого могильника пока могут считаться самыми поздними находками подвесок этого типа в Крыму: могила № 150 датируется концом II – первой половиной III в. н. э., а ограбленная могила № 7, судя по большому количеству фрагментов лепных сосудов со специфическим врезным зигзагообразным орнаментом, — IV в. н. э.

5. Подвески по форме близкие к восьмерковидным. Каждый экземпляр имеет индивидуальные особенности формы, сделаны из стекла разных цветов (14 экз.). Размеры 0,7–1,4 x 0,5–0,8 см. Мог. № 53 – 3 экз., из прозрачного желтого стекла (рис. 1, 8); мог. № 92, погр. 1 – 2 экз., из глухого белого стекла (рис. 1, 9); мог. № 150 – 2 экз., из глухого белого, прозрачного синезеленого стекла (рис. 1, 10); мог. № 170 – 1 экз., из прозрачного зеленого стекла (рис. 1, 11); мог. № 188 – 1 экз., из прозрачного зеленого стекла (рис. 1, 12); мог. № 218 – 1 экз., из прозрачного зеленого стекла (рис. 1, 13); мог. № 222 – 1 экз. (Храпунов, 2006, рис. 2, 25), из прозрачного синего стекла (рис. 1, 14); мог. № 401 – 2 экз., из прозрачного синего стекла (рис. 1, 15); мог. № 448 – 1 экз. из прозрачного желтого стекла (рис. 1, 16).

Точного соответствия нейзацкие подвески этого типа в своде Е. М. Алексеевой не находят. Наиболее морфологически близкими им можно считать находки, объединенные в тип 162 и описанные как «подвески грушевидной формы». Ученные исследовательницей экземпляры относятся в целом ко II–III вв. н. э., две подвески происходят из погребений с широкой датой – из пантикапейского склепа I в. до н. э. – III в. н. э. и могилы I – начала III вв. н. э. некрополя Тиритаки (Алексеева 1978, с. 72, тип 162). В могильнике Курское аналогичная подвеска сопровождала погребение первой половины III в. н. э. (Труфанов, Колтухов 2001–2002, с. 278, рис. 2). Подвеска из полупрозрачного зеленого стекла найдена в погребении второй половины III–IV вв. н. э. могильника Рогожкино X в Нижнем Подонье (Гудименко 2000, с. 273, рис. 2, 12), а экземпляр из полупрозрачного сизо-зеленого стекла сопровождал захоронение конца IV – первой половины V вв. н. э. из некрополя Танаиса (Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001, с. 112, табл. 26, 373). Две «восьмерковидные подвески из синего стекла» упоминаются при описании одного из комплексов I – середины II вв.

н. э. могильника Темерницкого городища на Дону (Парусимов, Рогудеев 2000, с. 259, 263), однако из-за отсутствия рисунка сложно судить, насколько эти подвески морфологически близки рассматриваемым. Нейзацкие экземпляры связаны с комплексами конца II/первой половины III – IV вв. н. э.

6. Подвески в виде когтя из глухого темного на вид стекла. Размеры 1,4–2,5 x 0,7–1,0 см (4 экз.) Мог. № 281 – 3 экз. (рис. 1, 17); мог. № 321 – 1 экз. (рис. 1, 18). Не находят соответствия в своде Е. М. Алексеевой. Несколько подобных экземпляров известны в памятниках черняховской культуры, где они сопровождали комплексы середины – второй половины IV в. н. э. (Гопкало 2008, с. 43, типы XVIII/4 – 7, табл. IV, 4–7; Schulze-Dörlamm 1986, Abb. 6). В Крыму одна такая подвеска связана с погребением первой половины V в. н. э. в склепе № 1 могильника Карши-Баир I (Ушаков, Филиппенко 2006, рис. 3, 30). Украшения из Нейзацкого некрополя найдены в склепах IV в. н. э.

7. Подвеска уплощенная в форме треугольника. Стекло иризировано. Размеры 1,4 x 1,0 см. Могила № 325 (рис. 1, 19). Подобные подвески, выполненные, преимущественно, из прозрачного желтого или бесцветного стекла, бытовали на протяжении длительного времени, со II в. до н. э. по V в. н. э. Нижнюю хронологическую границу их существования определяют находки из могилы № 16 конца II – начала I в. до н. э. из Беляусского некрополя (Дашевская 2014, с. 15–16, табл. 15, 6) и северокавказского погребения II в. до н. э. – начала I в. до н. э. (Козенкова 1980, с. 85, рис. 8, 3). В междуречье Дона и Волги, Нижнем Поволжье, Северном Причерноморье и предгорном Крыму они сосредоточены в комплексах среднесарматского периода (Скрипкин 1990, с. 77, рис. 25, 83, 84; Симоненко 1993, с. 32, рис. 8, 1г; с. 47, рис. 13, 1д; с. 66; Стоянова 2012, с. 11, рис. 12, 3). Находки из античных памятников представлены восьмью экземплярами, из которых пять найдены на Азиатском Боспоре в комплексах I–II вв. н. э., один — в склепе первой половины IV в. н. э.

из некрополя Тиритаки, две подвески из Пантикапея обнаружены в погребении I в. до н. э. – III в. н. э. (Алексеева 1978, с. 69, тип 103). В Танаисе подвеска из прозрачного желтого стекла связана с погребением № 43 конца IV – первой половины V в. н. э. (Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001, с. 110–112, табл. 26, 376). Комплекс из Нейзацкого могильника на основании найденной в нем лучковой подвязной одночленной фибулы 4-го варианта по А. К. Амброзу можно отнести ко второй половине II – первой половине III в. н. э.

8. Подвеска удлиненной формы с отверстием в центре из прозрачного лилового стекла. Размеры 1,6 x 0,6 x 0,4 см. Мог. № 90 – 1 экз. (рис. 1, 20). Подвеска имеет специфическую форму и не находит аналогий, возможно, что она была сделана из крупной поломанной бусины. Содержавший ее комплекс относится к первой половине III в. н. э.

#### **Подвески из многоцветного стекла**

9. Подвеска усечено-конической формы, верхняя желтая и нижняя синяя части разделены поперечной полосой из глухого белого стекла. Размеры 1,0 x 0,5 см. Мог. № 17 – 1 экз. (рис. 1, 21) (Храпунов, Мульд 2004, рис. 6, 62). Близка подвескам типа 197 по Е. М. Алексеевой, найденным в боспорских комплексах I в. до н. э. – II в. н. э. (Алексеева 1978, с. 43–44, тип 197).

#### **Подвески из египетского фаянса**

10. Подвески в виде жука-скарабея бирюзового цвета (6 экз.). Длина 0,7–2,0 см, ширина 0,6–1,5 см. Мог. № 51 – 1 экз. (рис. 1, 25) (Храпунов 2006, рис. 37, 9); мог. № 72 – 1 экз. (рис. 1, 22) (Храпунов 2006, рис. 41, 8); мог. № 193 – 1 экз. (рис. 1, 23) (Стоянова 2005, рис. 2, 45); мог. № 279 – 1 экз. (рис. 1, 24); мог. № 284 – 1 экз. (рис. 1, 27); мог. № 374 – 1 экз. (рис. 1, 26) (Храпунов 2015, с. 232, рис. 9, 10).

По цвету и фактуре нейзацкие скарабеи относятся к типу 50 по Е. М. Алексеевой (Алексеева 1975, с. 41). Один из них, из могилы № 374, соответствует варианту а, объединяющему изделия в виде простых жуков с выделенной головой и спинкой, расчлененной на два крыла. По наблюдениям автора свода, почти все изделия этого варианта найдены в Ольвии, а экземпляры с простым знаком в виде змеи на оборотной стороне подвесок, подобные нейзацкому, составляют позднюю группу изделий из погребений I в. до н. э. – I в. н. э. (Алексеева 1975, с. 42, тип 50а). В Беляусском некрополе три подобных скарабея происходят из комплексов II–I вв. до н. э. (Дашевская 2014, с. 17, 34, табл. 21, 6; 78, 12, 13), несколько экземпляров зафиксированы в позднескифских склепах Усть-Альминского могильника (Труфанов 2005–2009, с. 252, 253, рис. 73, 5, 23). В Нижнем Поволжье схематично выполненные подвески-скарабеи известны в сарматских погребениях II в. до н. э. – I в. н. э. (Мошеева 2010). Погребение в нейзацкой могиле № 374 было совершено во II в. н. э. (Храпунов 2015, с. 232).

Остальные пять скарабеев из могильника Нейзац представляют тип 50в по Е. М. Алексеевой, объединяющий жуков со сложно расчлененной головой, сплошь покрытой бороздками спинкой и выделенными лапками, а также знаком в виде змеи на оборотной стороне щитка. Аналогичные экземпляры широко представлены в крымских памятниках, преимущественно в комплексах I–II вв. н. э. (Мульд, Масыкин 2003, с. 20, рис. 10, 1; Стоянова 2005, рис. 2, 45; Корпусова 1983, с. 101, табл. XII, 10; Столярова 2001, с. 202, табл. 8; Высотская 1994, с. 125). Находки из могильника Нейзац связаны с комплексами второй половины II – первой половины III в. н. э. и сосредоточены, преимущественно, в детских могилах.

11. Подвески в виде лежащих на прямоугольных плакетках львов (7 экз.). Четыре подвески полностью покрыты эмалью бирюзового цвета, один экземпляр —

фиолетового цвета. Два изделия были двухцветными: фигурки львов были окрашены глазурью бирюзового цвета, а плакетки — серого и фиолетового цветов. Длина 2,3–2,6 см, ширина 1,4–1,6 см. Мог. № 81 – 1 экз. (рис. 1, 30) (Храпунов 2006, рис. 41,17); мог. № 107 – 1 экз. (рис. 1, 28); мог. № 279 – 1 экз. (рис. 1, 29); мог. № 411 – 1 экз. (рис. 1, 31); мог. № 425 – 1 экз. (рис. 1, 32); мог. № 541 – 2 экз. (рис. 1, 33, 34).

Подвески рассматриваемого типа относятся, наряду со скарабеем, к числу наиболее популярных в античное время. Нейзацкие экземпляры соответствуют типу 68б (Алексеева 1975, с. 44). Время максимального распространения — I в. до н. э. – II вв. н. э. Двухцветные изделия, подобные найденным в могилах № 279 и № 411, находят аналогии в некрополе Золотое (Корпусова 1983, с. 106, табл. II, 11) и в некоторых сарматских погребениях Нижнего Поволжья (Мошеева 2010). Найденные в Нейзацком могильнике амулеты в виде львов и скарабеев относятся к числу самых поздних для Крыма находок этой группы.

**12.** Подвеска в виде виноградной грозди из фаянса бирюзового цвета. Размер 1,2 x 1,9 см. Могила № 150 (рис. 2, 1). Подобные подвески объединены Е. М. Алексеевой в тип 76а, преобладают они в погребениях I в. н. э. (Алексеева 1975, с. 45–46). Могила № 150 датируется второй половиной III в. н. э.

**13.** Подвеска в виде гениталий. Размер 1,7 x 1,1 см. Могила № 279 (рис. 2, 2). Соответствует типу 90 (Алексеева 1975, с. 47).

**14.** Подвески в виде антропоморфной фигурки с поднесенными ко рту руками, бирюзового цвета (2 экз.). Мог. № 91 – 1 (рис. 2, 3), размеры 3,0 x 0,8 x 1,1 см (Храпунов 2006, рис. 40, 23); мог. № 95 – 1, размеры 1,9 x 0,7 x 0,4 см (рис. 2, 4) (Храпунов 2006, рис. 42, 16).

Подвеска из могилы № 95 сделана схематично, тыльная сторона гладкая, канал отверстия просверлен поперек подвески в ее центральной части. В своде

Е. М. Алексеевой такие изделия не представлены. Вероятно, к этому же типу подвесок следует отнести сильно потертый экземпляр из погребения № 5 могильника Курское. Погребение сопровождается бронзовой шарнирной фибулой и набором бус, которые позволяют датировать захоронение второй половиной II – первой половиной III в. н. э. (Труфанов, Колтухов 2000–2001, с. 283–284). Подвеска из нейзацкой могилы № 95 также датируется первой половиной III в. Сильная схематичность подвесок из могильников курское и Нейзац не позволяет точно сказать, кто на них изображен. Наиболее вероятным представляется определение их как задрапированных фигурок стоящих Гарпократов, опирающихся на колонку, соответствующих типу 32 по классификации Е. М. Алексеевой. Такие фигурки из Херсонеса, Фанагории, Пантикапея и Ольвии связаны с комплексами I – первой половины II в. н. э. (Алексеева 1975, с. 37). Кроме характера исполнения, подвески типа 13 отличаются от приведенных в своде расположением канала отверстия, проколотом в центре изделия, тогда как в античных образцах отверстие образовано петелькой на тыльной стороне фигурок. По всей видимости, аналогией подвескам из некрополей Курское и Нейзац выступает экземпляр из могилы № 54 могильника Бельбек IV, хотя качество иллюстрации не позволяет точно определить его тип (Гущина 1974, рис. XV, 14а).

У подвески из могилы № 91 моделированы обе стороны, канал отверстия оформлен в виде петельки на тыльной стороне изделия. По технике исполнения и позе она очень близка фигурке Гарпократа из некрополя Золотое (Корпусова 1983, с. 100, табл. XVIII, 8). Подобная подвеска, по данным В. П. Бабенчикова, найдена в одном из каменных склепов Неаполя скифского (Бабенчиков 1957, с. 98). В своде Е. М. Алексеевой фигурки, наиболее близкие к рассматриваемым, составляют тип 29б. Автор свода привела только два экземпляра, происходящие из Херсонеса

и Пантикапея, и, со ссылкой на публикацию Л. Стефани, четыре подвески из собрания Эрмитажа (Алексеева 1975, с. 36). Все изделия, по данным Е. М. Алексеевой, беспаспортные, однако одна из херсонесских подвесок была в недавнее время повторно опубликована в составе инвентаря могилы № 115 (25), раскопанной Р. Х. Лепером в 1909 г. Авторы публикации датировали этот комплекс второй половиной I – началом II в. н. э. (Журавлев, Костромичев 2015, с. 133, 134, рис. 1, 4). Могила № 15 из некрополя Золотое содержала два детских захоронения. Подвеска находилась в районе левого плеча нижнего, более раннего, костяка. По сопровождавшей верхнее захоронение застёжке, представляющей собой вариант «воинских» фибул, автор публикации датировала погребение I в. н. э. (Корпусова 1983, с. 100). В могиле № 91 из Нейзацкого могильника, помимо фаянсовой подвески и набора бус, были обнаружены маленький лепной кувшинчик и обломок зеркала с боковой петлей для подвешивания, на основании которых комплекс можно датировать II–III в. н. э. (Храпунов 2006, с. 180–181).

### Подвески из гагата

**15.** Подвеска в форме двулезвийной секиры. Канал отверстия расположен в центральной части изделия. Представлен единственным экземпляром из могилы № 103 (рис. 2, 5). Размер 1,5 x 0,8 см (Храпунов 2007, с. 34, рис. 3, 19). Из 49 учтенных Е. М. Алексеевой экземпляров только 24 связаны с датированными комплексами, хронологический диапазон которых укладывается в рамки I в. до н. э. – II в. н. э. (Алексеева 1978, с. 19, тип 108). Большая часть подвесок связана с Боспором. Несколько секировидных подвесок известно в Херсонесе (Косцюшко-Валюжинич 1906, с. 90, № 1610; Зубарь, Мещеряков 1983, с. 104), в раскопанной в 1938 г. могиле № 3 могильника Бельбек II с керамикой II–III вв. н. э. (Мосберг 1946, с. 115, рис. 3, 8), в могильнике Бельбек IV (Столярова 2001, рис. 2, 11).

Экземпляр из Нейзацкого могильника сопровождал погребение конца II – первой половиной III в. н. э.

**16.** Подвеска в форме однолезвийного топорика. Размеры 0,6 x 0,9 см. Могила № 300 (рис. 2, 6) (Храпунов 2011, с. 198, рис. 9, 17).

**17.** Подвески удлиненной формы, условно называемые топориковидными, моделированные с одной стороны (5 экз.). Размеры 2,3–2,6 x 0,5–0,6 см. Могила № 4, погр. 5 (рис. 2, 7) (Храпунов 2008, с. 384, рис. 3, 2; Стоянова 2004, с. 289, тип III/1, рис. V, 35). Точных аналогий нейзацким подвескам найти не удалось. Восемь морфологически близких экземпляров присутствуют в своде Е. М. Алексеевой. Все они происходят из некрополя Пантикапея, из погребения 13 (раскопки 1884 г.), дата которого не указана, но исследовательница отнесла найденные в нем подвески к I–II вв. н. э. (Алексеева 1978, с. 19, тип 107а). Насколько можно судить по качеству публикации и комментарию автора, одна такая подвеска входила в низку гагатовых бус, найденных в Гурзуфе, из коллекции Берлинского музея (Kokowska 2012, P. 128–129, Abb. 12). Ожерелье из «листовидных гешировых подвесок» сопровождало женское погребение в кургане 14 могильника «Три брата», совершенное не ранее середины III в. н. э. (Мошкова 2008, с. 247, 254). Одна из нарисованных подвесок из этого комплекса (Мошкова 2008, рис. 5, 7и) по форме близка находкам из нейзацкого склепа, погребения в котором совершались в течение IV в. н. э. (Храпунов 2008).

**18.** Изделие (подвеска?) гагатовая в виде погрудного изображения женщины. Моделирована с 3-х сторон, тыльная сторона плоская. Черты лица не прорисованы. Голова увенчана высокой прической или головным убором, оформленным в виде профилированного выступа. Рельефно выражены и детально переданы уши и грудь. Размер 2,6 x 2,8 см. Могила № 301, погр. 3 (рис. 2, 8). Единственной аналогией

является подвеска из могилы № 56 IV в. н. э. из некрополя Совхоз 10 (Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 177, рис. 35, 15, табл. 8, 48). К этому же времени относится и экземпляр из могильника Нейзац.

### Подвески из янтаря

**19.** Восьмерковидные (грибовидные) подвески. В могильнике Нейзац их обнаружено 53 экземпляра, они входили в состав погребального инвентаря 16 комплексов. Размеры 0,5–2,5 x 0,8–3,6 см. Мог. № 4, погр. 4, 5 – 5 экз. (рис. 2, 11) (Храпунов 2008, с. 384, рис. 3,4); мог. № 64 – 1 экз. (рис. 2, 10); мог. № 110, погр. 1 – 1 экз. (рис. 2, 9); мог. № 145 – 5 экз. (рис. 2, 13–17) (Храпунов 2006, с. 186–187, рис. 45,1); мог. № 156 – 4 экз. (рис. 2, 20–23) (Храпунов 2006, с. 190, рис. 7, 12.14); мог. № 193 – 1 экз. (рис. 2, 12) (Стойнова 2005, с. 159); мог. № 220, погр. 2 – 3 экз. (рис. 2, 26–28); мог. № 255 – 1 экз. (рис. 2, 24); мог. № 275, погр. 1 – 12 экз. (рис. 2, 31–34) (Храпунов 2008, р. 191, fig. 5, 15–18); мог. № 280, погр. 1 – 2 экз. (рис. 2, 35, 36); мог. № 301, погр. 3 – 2 экз. (рис. 2, 37, 38); мог. № 301, погр. 1 – 3 экз. (рис. 2, 39); мог. № 308, верхнее погребение – 1 экз. (рис. 2, 29); мог. № 331, погр. 1 – 1 экз. (рис. 2, 30); мог. № 377 – фрагмент (рис. 2, 42); мог. № 478 – 1 экз. (рис. 2, 25); мог. № 484 – 8 экз. (рис. 2, 19); мог. № 574 – 2 экз. (рис. 2, 18).

По количеству восьмерковидных подвесок из янтаря в Крыму Нейзацкий могильник уступает лишь некрополю Совхоз 10, в котором таких украшений обнаружено более сотни (Алексеева 1978, с. 24, тип 21; Высотская, Рыжова 1996, с. 127; Стржелецкий и др. 2003–3004). Чаще всего нейзацкие подвески сопровождали погребения IV в. н. э. в склепах, реже — в синхронных им подбойных могилах. К числу ранних экземпляров можно отнести подвеску из склепа № 377. Этот комплекс ограблен, но присутствие в нем пряжки с фасетированным язычком и выполненных в таком же стиле наконечников ремней позволяет датировать

его в пределах III в. н. э. Самым ранним экземпляром является подвеска из могилы № 193, дата которой укладывается в рамки конца II – первой половины III в. н. э. (Стойнова 2005).

Традиционно считается, что грибовидные подвески из янтаря, выступающие одним из наиболее ярких диагностов позднеримского времени на обширной территории от Британии до Кавказа, появляются в северопричерноморском регионе под влиянием германских племен. На территории Барбарикума они хорошо представлены в комплексах периода C1в и C2 (Tempelmann-Mączyńska 1985, s. 84–86, taf. 70; Мастыкова 1999). В III в. такие украшения распространяются на территории черняховской культуры (Гопкало 2008, с. 71), со второй половины столетия они фиксируются в памятниках Подонья и Поволжья, на Северном Кавказе и в Абхазии (Кропоткин 1979, с. 151–152; Мастыкова 1999, с. 173–175; Пьянков, Анфимов 2014, с. 87, 87–98, рис. 2, 6–15), а единичные экземпляры в это время проникают даже в верховья р. Оки и бассейн р. Камы (Воронцов, Столяров 2015, с. 17, табл. 40, 10–14; Мастыкова 2015, с. 58–59). В Крыму большинство восьмерковидных янтарных подвесок связано с погребениями IV в. н. э., но некоторые украшения относятся к более раннему времени. Кроме упомянутых выше нейзацких экземпляров, к их числу относятся три подвески из склепа № 720 середины I в. н. э. из Усть-Альминского могильника (Puzdrovskij, Zajcev 2004, s. 233, abb. 3, 1l,m,n). Эти находки, по времени явно предшествующие каким-либо германским влияниям на полуострове, внесли некоторые коррективы в устоявшуюся точку зрения. По мнению А. В. Мастыковой, ранние крымские образцы могут происходить из мастерских по обработке янтаря в Аквилее, на северном побережье Адриатики, активно работавших до второй половины II в. н. э. Из этого же центра прототипы грибовидных подвесок по трассе Янтарного пути распространились и в центральноевропейском

Барбарикуме (Мастыкова 2016).

**20.** Подвески удлиненные подтреугольной, подтрапециевидной или близкой к восьмерковидной форм, орнаментированные вертикальными и горизонтальными бороздками. 7 экземпляров сопровождали погребение 4 в склепе № 4 (рис. 3, 1–7). Каждый экземпляр имеет свои индивидуальные особенности формы и расположения орнамента (Храпунов 2008, с. 384, рис. 3, 21, 22, 24, 25, 29, 31, 32). Размеры 1,5–1,8 x 0,4–0,5 x 0,8–1,0 см.

Подвески относятся к весьма редкому типу украшений. В Причерноморье единственная подобная подвеска, насколько можно судить по опубликованному рисунку, нашлась в могиле № 209 некрополя Цибилиум-1 в комплексе второй половины III – первой половины IV в. н. э. (Voropov 2007, P. 51, fig. 98, 26). В своде бус и подвесок Барбарикума М. Темпельманн-Мончиньской присутствует только один подобный экземпляр из погребения периода C2 из германского могильника Ниенбург на левом берегу Эльбы. Подвеска входила в состав ожерелья вместе с янтарными восьмерковидными украшениями (Tempelmann-Масзуńska 1985, s. 86, abb. 9, Тур 478). По два очень похожих на нейзацкие изделия найдены в памятниках Венгрии: в погребении № 243 сарматского могильника Мадараш-Халмок вместе с монетой Адриана 117 г. н. э. (Kőhegyi, Vörös 2011, p. 87, tabl. 57, 8), и в одном из захоронений некрополя Csongrád, который в целом датируется концом III – IV в. н. э. (Párducz 1946, Tabl. 7, 1a, 1b)<sup>2</sup>. Инвентарь, сопровождавший погребенных в нейзацком склепе, уверенно датирует комплекс IV в. н. э. (Храпунов 2008).

**21.** Трапециевидная из янтаря с мелкими вертикальными бороздками, украсившими нижний край (рис. 2, 43). Размеры 1,2 x 0,6 x 1,4 см. Как и подвески предыдущего типа, сопровождала погребение 4 из могилы № 4 (Храпунов 2008, с. 384, рис. 3, 20).

**22.** Неорнаментированные подвески треугольной формы. 2 экземпляра. Размеры 0,7 x 0,9 см и 0,4 x 1,1 см. Мог. № 220, погр. 2 – 1 экз. (рис. 2, 44); мог. № 301, погр. 1 – 1 экз. (рис. 2, 45). Несколько подобных экземпляров происходят из памятников черняховской культуры. Один из черняховских образцов украшен в нижней части бороздками, что сближает его с нейзацкой подвеской предыдущего типа (Гопкало 2008, с. 71, тип VIII/3).

### Подвески из металла

**23.** Ведерковидные. Все экземпляры одинарные, имеют индивидуальные особенности формы. Длина подвесок варьируется от 0,6 до 3,2 см, диаметр от 0,3 до 1,7 см. Всего в могильнике найдено 11 экземпляров: мог. № 29 – 1 экз., железо (рис. 3, 8) (Храпунов, Мульд 2000, рис. 14, 23); мог. № 169 – 2 экз., серебро (рис. 3, 9); мог. № 178 – 2 экз., золото (рис. 3, 15) (Храпунов, Стоянова 2014, с. 181); мог. № 203 – 2 экз., железо (рис. 3, 10, 11); мог. № 371 – 1 экз., железо (рис. 3, 16) (Стоянова 2013, с. 79, рис. 2, 3); мог. № 492 – 2 экз., железо (рис. 3, 12, 13); натечный слой – 1 экз., железо (рис. 3, 14).

Подвески в виде ведерок — широко распространенная в римское время категория вещей, типологию и хронологию которых в должной мере только предстоит разработать. Попытки разобраться с этими украшениями были предприняты И. Байлке-Фойгт в отношении находок из центральной Европы (Beilke-Voigt 1998, P. 51–88), и О. Гопкало, проанализировавшей подвески-ведерки из черняховской культуры (Бобровська 1997; Гопкало 2008, с. 63–66). Все ведерковидные подвески из могильника Нейзац относятся к типу А (варианты I и II) по классификации И. Байлке-Фойгт, объединяющего подвески цилиндрической формы, сделанные из различных материалов. К варианту I можно отнести подвеску из могилы № 371, осталь-

<sup>2</sup> Благодарю Валерию Кульчар за консультацию по венгерским подвескам и помощь в поиске работы М. Пардуца, опубликованной в 1946 г.

ные экземпляры соответствуют варианту II (Beilke-Voigt 1998, P. 52). Подвески этого типа на территории Барбарикума самые многочисленные. Наиболее ранние экземпляры, по наблюдениям исследовательницы, обнаружены в гето-дакийских комплексах II в. до н. э. – рубежа периодов A/B1, основная масса находок связана с памятниками периода C (Beilke-Voigt 1998, P. 63–65, Karte 11, 12), при этом на территории пшеворской культуры преобладали подвески из железа, а в памятниках вельбаркской культуры, Британии и Венгрии сосредоточены, преимущественно, изделия из бронзы (Beilke-Voigt 1998, P. 52, 57). О. Гопкало выделяет типы подвесок на основании материала и диаметра цилиндрика. В соответствии с ее классификацией, железные нейзацкие подвески из могил №№ 29, 203, 371 и 492 принадлежат типу II/2a, экземпляр из натечного слоя — к типу II/2b. Подвески из серебра и золота, по форме аналогичные нейзацким, в своде исследовательницы отсутствуют (Гопкало 2008, с. 63–65). Железные подвески-ведерки небольшого размера (тип II/2a) в ареале черняховской культуры по времени предшествуют крупным изделиям, превышающим в диаметре 1,5 см (тип II/2b) (Гопкало 2008, с. 64).

Специальную работу рассматриваемым украшениям посвятили И. А. Бажан и С. Ю. Каргопольцев, выдвинув гипотезу об их северопричерноморском происхождении, дальнейшем заимствовании представителями культур германского круга при посредничестве сарматов и вторичном появлении на юге Восточной Европы в результате германского влияния (Бажан, Каргопольцев 1989). Проанализировав известные к моменту публикации комплексы с ведерковидными подвесками из Северного Причерноморья, авторы статьи отметили отсутствие их в погребениях конца II – первой половины III в. н. э. (Бажан, Каргопольцев 1989, с. 164). В этой связи особый интерес представляют находки из могильника Нейзац: пять подвесок из

одиннадцати связаны с захоронениями указанного периода: в могиле № 29 погребение было совершено в конце II – первой четверти III в. н. э. (Храпунов, Мульд 2000, с. 512), набор инвентаря из могил № 169 и № 203, характерен для первой половины III в. н. э. Факт использования подвесок в виде ведерок в Северном Причерноморье в рассматриваемый промежуток времени подтверждается и находками таких изделий в сарматских погребениях на Нижнем Дону (Беспалый 1990, с. 213, рис. 1, 3, 14).

Самыми ранними из нейзацких находок являются золотые пронизи из могилы № 178, сделанные из ведерковидных подвесок, о чем свидетельствуют остатки деформированной петельки на одном из экземпляров. Комплекс датируется в пределах II в. н. э., возможно, первой половиной столетия (Храпунов, Стоянова 2014, с. 177–183), а следы переделки золотых подвесок-ведерок на пронизи свидетельствуют о длительном использовании этих изделий до попадания в погребение. Подобные украшения известны в погребении № 180 из Танаиса, где они найдены с золотыми серьгами, широко распространенными во II–I вв. до н. э. (Арсеньева 1977, с. 21, табл. XXXI, 1, 2, 7). В Прикубанье аналогичные подвески сопровождали погребения второй половины I – II вв. н. э. в курганах № 3 у станицы Казанской и № 38 и № 42 у станицы Усть-Лабинской, входящих в группу памятников Золотого кладбища (Гущина, Засецкая 1994, табл. 2, 20; 45, 417/5; 48, 443/8, с. 37).

Железные подвески из могил № 371 и № 492, а также из перекрывавшего часть могильника культурного слоя, составляют группу поздних украшений рассматриваемого типа. В состав погребального инвентаря могилы № 492 входил трехчастный гребень с подтреугольной спинкой. Такие гребни, соответствующие типам I по З. Томас и I/2a по Г. Ф. Никитиной, были распространены на протяжении III – первой половины IV в. (Никитина 1969, с. 149; Щукин 2005, с. 174–175). Могила № 371 датируется IV в. н. э.

(Стоянова 2013, с. 77–83). Культурный слой, зафиксированный на некоторых участках Нейзацкого могильника, также формировался в течении IV в. н. э. (Власов, Смокотина, Храпунов 2011). Примечательно, что ведерковидные подвески из железа в Крыму достаточно редки, в отличие от бронзовых, не обнаруженных в Нейзацком некрополе, но зафиксированных в большом количестве в других «варварских» могильниках полуострова (Дашевская 2014; Сымонович 1983, табл. XLV, 7–11; Высотская 1994, табл. 9, 13; 10, 25; 12, 58; 15, 1, 24; 19, 23, 28; 23, 30; 31, 44, 45; 40, 20; Зайцев 1997, рис. 3, 6, 12; Корпусова 1983, с. 102, табл. XXII, 15; с. 111, табл. XI, 2, 18; Богданова 1989, табл. XV, 8; Мульд, Масыкин 2003, с. 11, рис. 3, 10, 11, 16). Следует также отметить, что количество железных подвесок из Нейзацкого могильника превышает общее число таких изделий из всех остальных крымских памятников. В могильнике Дружное в склепе № 21 было найдено две подвески, одна из которых сделана из железа. Оба экземпляра обнаружены в заполнении камеры, погребения в которой совершались на протяжении второй половины III – IV вв. (Храпунов 2002, с. 21, 68, рис. 104, 4). К этому же времени относятся две подвески из погребения с кремацией в Ай-Тодорском некрополе (Пиоро 1990, с. 103; Айбабин 1999, с. 26, рис. 9, 3,4). Из могильника Совхоз 10 происходит только одна подвеска рассматриваемого типа, но сведения о материале, из которого она сделана, противоречивые — по данным И. С. Пиоро, она была изготовлена из железа (Пиоро 1990, с. 103), но авторы публикации материалов могильника характеризуют ее как бронзовую (Стржелецкий и др. 2003–2004, с. 177). Одна железная подвеска найдена в некрополе Херсонеса (Казанский 2006, с. 29, рис. 3, 9). Таким образом, все известные на сегодняшний день железные ведерковидные подвески в Крыму относятся к позднеримскому времени. Учитывая характер распространения этих изделий на территории европейского Барбарикума

и в ареале черняховской культуры, можно предположить, что их появление на полуострове является результатом влияний с северо-запада.

**24.** Подвески литые в виде шишечки (7 экз.). Все сделаны из бронзы. Пять экземпляров украшены насечками, два — гладкие (из могил № 193 и № 529). Длина подвесок варьируется от 2,8 до 5,0 см, диаметр — от 0,5 до 1,4 см. Мог. № 29 – 1 экз. (рис. 3, 17) (Храпунов, Мульд 2000, рис. 14, 31); мог. № 76 – 1 экз. (рис. 3, 18) (Стоянова 2004, с. 295–296); мог. № 107 – 1 экз. (рис. 3, 19); мог. № 193 – 1 экз. (рис. 3, 21) (Стоянова 2005, с. 160, рис. 2, 37); мог. № 279 – 1 экз. (рис. 3, 20); мог. № 529 – 1 экз. (рис. 3, 23); натечный слой – 1 экз. (рис. 3, 22) (Власов, Смокотина, Храпунов 2011, с. 204, рис. 38, 5).

Е. М. Алексеева включила в свой свод только 8 таких изделий, все они найдены в могильнике Совхоз 10 (Алексеева 1982, с. 25, тип 22). Авторы публикации материалов из могильника Совхоз 10 сообщают об 11 подвесках (Стржелецкий и др. 2003–2004, с. 179). Бронзовые подвески-шишечки неоднократно зафиксированы в погребениях Усть-Альминского некрополя (Высотская 1994, с. 128, табл. 7,25; 22,19; 25,36; Пуздровский 2007, рис. 145, 21, 22), в Неаполе (Пуздровский 1992, с. 184, рис. 3, 6; Зайцев 2003, с. 16, рис. 17, 57), в могильниках Битак (Пуздровский 2007, рис. 145, 27) и Фонтаны (Храпунов 2008, с. 11, рис. 17, 16), Чернореченском некрополе (Бабенчиков 1963, с. 99, 100, табл. XIV, 12). А. А. Труфанов в специальной работе собрал все известные ему экземпляры из крымских памятников и попытался уточнить время бытования этих вещей на полуострове и хронологию отдельных типов рассматриваемых изделий. По его наблюдениям, распространение таких украшений в целом приходится на период с конца I/первой половины II в. н. э. до IV в. н. э. включительно, но большая часть комплексов датируется второй половиной II – первой половиной III в. н. э. (Труфанов 2011, с. 242, табл. 1).

По мнению исследователя, небольшие по высоте экземпляры, подобные нейзацким украшениям из могил №№ 76, 107 и 279, характерны для второй половины II – начала III в. н. э., а подвески удлиненной формы — орнаментированные и гладкие — для III в. или первой его половины (Труфанов 2011, с. 242, 245). Правда, не совсем понятно, на чем основываются хронологические построения автора: в тексте статьи отсутствует информация о комплексах, даты которых использует А. А. Труфанов, а приведенные в таблице 1 датировки ничем не обоснованы.

Три подвески из Нейзацкого могильника связаны с комплексами конца II – первой половины или, возможно, первой четверти III в. Основанием для такой датировки служат найденные во всех трех могилах (№№ 29, 76 и 107) лучковые подвязные фибулы 4-го варианта по А. К. Амброзу, сочетающиеся в двух погребениях с зеркалами-подвесками типа IX по А. М. Хазанову (Храпунов, Мульд 2000, с. 512). Могила № 193 ограблена, но по набору бус ее можно отнести ко второй половине II – первой половине III в. н. э. (Стоянова 2005; Стоянова 2011). В детской могиле № 279, помимо подвески-шишки, были найдены три амулета из египетского фаянса (см. №№ 10, 11 и 13 в данной статье), а также фрагмент миниатюрного стеклянного кувшина (Шабанов 2011, с. 156, № 54, рис. 8, 54). Подобные кувшины, но более крупных форм, характерны для I – середины III вв. н. э.<sup>3</sup> Датировать комплекс уже, чем II – первой половиной III в. н. э. проблематично. Подвеска из могилы № 529 была обнаружена среди костей раннего погребения, сдвинутого к стенке при позднейшем подзахоронении, которое сопровождалось трехчастным костяным гребнем. Гребень фрагментирован, но вероятнее всего он соответствует типу I/2 по Г. Ф. Никитиной. Такие предметы в Западной Европе бытовали в течение III – IV вв. н. э., наход-

ки из памятников черняховской культуры Г. Ф. Никитина относит к IV в. н. э. (Никитина 1969, с. 157–158), Р. Г. Шишкин — ко второй половине III – началу IV в. н. э. (Шишкин 2002, с. 244). Стекланный стакан из этого же погребения находит аналогии в нейзацких комплексах III и IV вв. н. э. (Шабанов 2011, с. 146–147, №№ 29–31). Таким образом, последнее погребение в могиле № 529 могло быть совершено как в III, так и в IV в. н. э., соответственно, раннее захоронение невозможно датировать точнее, чем III, возможно, началом IV в. н. э. Еще один экземпляр подвески в виде шишечки обнаружен в перекрывавшем отдельные участки Нейзацкого могильника культурном слое, образовавшемся в течение IV – начала V в. н. э. (Власов, Смокотина, Храпунов 2011, с. 205). Если исключить вероятность попадания подвески в слой из какой-то ограбленной в древности более ранней могилы, то этот нейзацкий экземпляр можно отнести к группе самых поздних подвесок-шишек. Близкие ей по времени подвески сопровождали одну из кремаций в каменном ящике VII(1) из могильника Совхоз 10, датируемого концом III – началом IV в. н. э. (Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 52, табл. 57, 11), и могилу № 9(35) Чернореченского некрополя (Бабенчиков 1963, с. 99, 100, табл. XIV, 12). Датировка комплекса из Черной речки вызывает некоторые затруднения. Наличие монет Гордиана III указывает на то, что погребение не могло быть совершено раньше 238 г. н. э., однако состав погребального инвентаря позволяет допускать возможность совершения захоронения как в середине/второй половине III в. н. э., так и в начале IV в. н. э. (подробнее о могиле № 9(35) см: Храпунов, Стоянова 2016).

**25.** Подвеска литая в виде амфорки с широким низким туловом, длинным горлом и двумя ручками, отделенными от него углублениями. Бронза. Размеры 3,4 x 1,4 см. Мог. № 200 – 1 экз. (рис. 3, 24). Подвеска

<sup>3</sup> Благодарю С. Б. Шабанова за консультацию.

соответствует типу 23з по Е. М. Алексеевой (Алексеева 1982, с. 25). Подавляющее большинство учтенных А. А. Труфановым экземпляров связано с комплексами середины II – середины III в. н. э. (Труфанов 2011, с. 245). Морфологически близкая нейзацкой подвеска из некрополя Совхоз 10 сопровождала погребение II – первой половины III в. н. э. (Стржелецкий и др., 2003–2004, табл. 5, 12). Инвентарь из ограбленного склепа № 200 в Нейзаце включает в себя вещи как III, так и IV в. н. э., что может свидетельствовать об его использовании в течение обоих столетий.

**26.** Антропоморфные литые подвески. 6 экз. Бронза. Длина 2,7–3,2 см. Мог. № 392 – 1 экз. (рис. 3, 31); мог. № 408 – 3 экз. (рис. 3, 27–29); мог. № 414 – 1 экз. (рис. 3, 26); мог. № 523 – 1 экз. (рис. 3, 30). Соответствуют типу 19 по Е. М. Алексеевой. Подвески из могил №№ 404 и 408 можно отнести к выделенному автором свода варианту А, две схематичные подвески из могил №№ 392 и 523 – к варианту В. Исследовательница датировала эту группу украшений I в. до н. э. – III в. н. э. (Алексеева 1982, с. 24–25). А. А. Труфанов внес коррективы в предложенную датировку, подняв нижнюю хронологическую границу существования подвесок до последней трети I в. н. э. По его наблюдениям, большинство содержащих их комплексов относится ко II в. н. э., и только два — к первой половине III в. н. э. (Труфанов 2011, с. 232). Ко II в. н. э. И. Н. Храпунов отнес все нейзацкие погребения с антропоморфными подвесками, отметив, что в многочисленных могилах III в. н. э. такие изделия отсутствуют (Храпунов 2011а, с. 40). Дату погребения в могиле № 392 определяет бронзовая пряжка с пельтовидной рамкой подтипа В2 по классификации Д. А. Костромичева, время бытования которых приходится на II в. н. э. (Костромичев 2015, с. 320–321). Не противоречит этому найденная здесь же лучковая подвязная фибула 4-го варианта по А. К. Амброзу (Амброс 1966, с. 51; Храпунов

2011а, с. 27). В состав инвентаря могилы № 414 входили две сильнопрофилированные фибулы причерноморского типа группы 11, серии 1, варианта 2, датированные А. К. Амбросом II в. н. э. (Амброс 1996, с. 40–41). В могиле № 408 обнаружены фрагменты двух зеркал-подвесок типа IX по А. М. Хазанову, датируемых в пределах I–III вв. н. э. (Хазанов 1963, с. 65–67), и краснолаковый кувшин формы 11.2 по Д. В. Журавлеву. Такой же кувшин из могильника Бельбек IV сопровождал погребение второй половины (возможно последней четверти) I в. н. э. (Журавлев 2010, с. 79, табл. 49, кат. № 385). Погребение в могиле № 523 сопровождалось краснолаковым кувшином, многочисленные аналогии которому объединены Д. В. Журавлевым в форму 2.1. Время бытования таких сосудов относится ко второй половине I – первой половине II в. н. э., не исключена и более узкая дата — последняя четверть I – начало/первая четверть II в. н. э. (Журавлев 2010, с. 74–75). Столь раннюю дату комплекса подтверждает бронзовый браслет с перевязанными по ободу концами, аналогии которому сосредоточены в позднескифских склепах раннеримского времени; в более поздних могилах Нейзацкого некрополя такие браслеты отсутствуют.

**27.** В виде однолезвийного топорика (рис. 3, 25). Бронза. Длина 2,2 см. Мог. № 473, погребение во входной яме – 1 экз. (Храпунов 2013, с. 190, рис. 1, 3). Подробно металлические топориковидные подвески рассмотрены в специальной статье (Стоянова 2005а). Здесь лишь отметим, что особая их концентрация наблюдается в европейском Барбарикуме (Gebbers, Hinz, Drenhaus 1977, bd. 34; Kokowski 1998, s. 102, 104), небольшое количество зафиксировано в черняховских памятниках (Гопкало 2008, с. 63, тип I/3) и на Крымском полуострове, который является юго-восточной периферией ареала этих украшений. Большинство крымских экземпляров относятся к IV в. н. э., некоторые — из могильников Красная Заря и Дружное — ко второй

половине III – IV вв. н. э. (Айбабин 1995, с. 91; Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, с. 32). Только четыре подвески могут быть связаны с более ранним периодом. Одна из них сопровождала ребенка, погребенного в подбойной могиле № 52 из Восточного некрополя Неаполя скифского (Сымонович 1983, с. 66). Инвентарь, помимо подвески, представлен несколькими бусинами широкого хронологического диапазона. Комплекс невозможно датировать уже, чем I – первой половиной III вв. н. э. Второй ранний экземпляр связан с могилой № 115 из некрополя Совхоз 10, которую авторы посвященной памятнику монографии датируют началом III в. н. э. (Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 200, табл. 16, 57). Дата формирования комплексов с топовидными подвесками из могильника Бельбек IV укладывается в рамки второй четверти I – первой половины III вв. н. э. (Ахмедов, Гущина, Журавлев 2001, с. 175). Дату погребения в нейзацком склепе № 473 определить проблематично из-за крайне скудного инвентаря, можно лишь сказать, что он мог использоваться в течение III и IV вв. н. э.

**28.** Подвески в виде лунниц. Всего в Нейзацком могильнике найдено 22 подвески-лунницы различных форм, которые можно разделить на несколько вариантов.

**28а.** Плоские или подтреугольные в сечении с плоской тыльной и двугранной лицевой сторонами, с припаянной петелькой, сделанной из гладкой или рифленой пластинки. Выполнены из бронзы или серебра. 9 экз. Отличаются крупными размерами: длина 3,6–6,1 см, высота – 2,6–4,5 см. Мог. № 29 – 1 экз. (рис. 4, 1) (Храпунов, Мульд 2000, с. 507, рис. 14, 28), бронза; мог. № 35 – фрагмент, бронза (рис. 4, 3); мог. № 222 – фрагмент, бронза (рис. 4, 4) (Храпунов 2006а, рис. 3, 21); мог. № 300 – 2 экз., бронза (рис. 4, 5, 6) (Храпунов 2011, рис. 4, 9, 10); мог. № 462 – фрагмент, серебро (рис. 4, 2); мог. № 495 – 1 экз., бронза (рис. 4, 9); мог. № 509 – 2 экз., серебро (рис. 4, 10, 26).

Подобные подвески в позднеримское время sporadически встречаются на достаточно широкой территории. Они известны в погребениях позднесарматского периода в Нижнем Поволжье (Скрипкин 1984, с. 52, рис. 14, 62) и на Нижнем Дону (Мошкова 2008, с. 542, рис. 2, 6), в слоях позднерубинецких поселений типа Картамышево и Терновки в днепровском лесостепном левобережье (Обломский 2003, с. 13, рис. 12, 8–10), в могильнике Глеваха киевской культуры (Археология СССР... 1993, с. 113, табл. XLIII, 18), в памятниках пшеворской культуры в Польше (Andrzejowski 1999, р. 40), сарматских погребениях Венгерской низменности (Kőhegyi, Vörös 2011, Т. 25, 23, 24; Т. 127, 20). Аналогичные подвески-лунницы встречаются в погребениях раннего участка могильника Бжид на черноморском побережье Кавказа, инвентарь которых укладывается в рамки последних десятилетий III – первой половины IV вв. н. э. (Археология СССР ... 2003, с. 189, табл. 74, 74). Крупные подвески-лунницы, составляющие сложнокомпозиционные ожерелья, сопровождают языческие погребения и культурные слои поселений раннесредневековой Кавказской Албании (Археология СССР... 2003, с. 361, табл. 171, 28).

В Крыму лунницы этого варианта известны в погребениях первой половины III в. н. э. могильника Курское (Труфанов 2004, с. 520–521, рис. 2, 4; 9, 7), в Чернореченском некрополе (Бабенчиков 1963, с. 106, табл. XIV, 7), поздних захоронениях из Усть-Альмы (Пуздровский 2007, рис. 126, 1; Труфанов 2007, с. 230, рис. 2, 5; Труфанов 2010, с. 146–152, рис. 3, 7, с. 191–192, рис. 35, 4), погребении середины III в. н. э. Чатырдагского некрополя (Мыц и др. 2006, с. 140, табл. 18, 126). В могильнике Совхоз 10 крупные лунницы сопровождали два погребения, содержавших монеты Каракаллы (211–217 гг. н. э.) и Гордиана III (238–244 гг. н. э.) (Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 265, прил. 3, табл. 3, 5; 4, 39). Подвески из Нейзацкого могильника

не нарушают хронологию бытования таких изделий. Могила № 29 относится к первой половине III в. н. э. (Храпунов, Мульд 2000, с. 507), в это же время, вероятнее всего, были совершены захоронения в могилах № 300 (Храпунов 2011, с. 204), 222 (Храпунов 2006а, с. 114) и, судя по наличию лучковой подвязной фибулы 5-го варианта по А. К. Амброзу, № 495. Погребальный инвентарь из ограбленного склепа № 35 включал в себя вещи как III в. н. э. (зеркала-подвески с боковой петлей типа IX по А. М. Хазанову, пряжки с фасетированными язычками, фибулу «инкерманской» серии), так и IV вв. н. э. (пряжки с загнутым за край рамки язычком и монету Галлерия (293–305 гг.)). Синхронен ему и склеп № 509. К IV в. н. э. может принадлежать только лунница из могилы № 462, однако она фрагментирована и, насколько можно судить, по размерам значительно меньше остальных экземпляров, поэтому к описываемому типу ее можно относить лишь условно. В целом можно сделать вывод о том, что в Крыму лунницы этого типа бытовали в III в. н. э., возможно в первой половине и середине столетия.

**28б.** Пластинчатые лунницы с заостренными, волутообразно загнутыми внутрь концами. Размеры 2,8 x 2,5 см. Мог. № 306 – 1 экз., бронза (рис. 4, 7) (Храпунов 2011б, с. 17, рис. 16, 1); мог. № 313 – фрагмент, серебро (рис. 4, 8). Три подобных лунницы найдены в могильнике Дружное: два экземпляра происходят из ограбленных склепов, один из которых относится ко второй половине III–IV вв. н. э., другой — ко второй половине III в. н. э. Подбойная могила № 20 датируется монетой Галиена (253–268) из южного подбоя. Подвеска-лунница сопровождала детское захоронение в северном подбое, не содержащем узкодатируемых вещей, однако конструктивно он относится к более позднему времени, чем южный подбой. Вероятно, ребенок был похоронен во второй половине III или начале IV в. н. э. (Храпунов 2002, с. 68–69). Еще один подобный экземпляр, отличающийся от нейзацких

и друженских находок меньшей степенью загнутоности концов, найден в могиле № 156 некрополя у с. Перевальное (Пуздровский 2007, табл. 126, 3). С комплексами второй половины III – начала IV в. н. э. связаны подобные лунницы из Поволжья (Скрипкин 1984, с. 53, рис. 14, 62) и сарматских памятников Нижнего Дона (Мошкова 2008, табл. 3, 3). Несколько морфологически близких экземпляров, сделанных чаще из круглой в сечении проволоки, найдено в сарматских захоронениях Большой Дунайской низменности (Vaday 1989, taf. 257, 1; 294, 6).

Таким образом, контекст находок подобных лунниц позволяет рассматривать их в качестве одного из немногих хронологических индикаторов второй половины III столетия, по крайней мере, в Крыму. Нейзацкие экземпляры, правда, не уточняют это предположение, но и не опровергают его: одна из лунниц найдена в склепе № 306, в котором хоронили в течение III–IV вв. н. э. (Храпунов 2011б, с. 21), вторая — в разграбленной могиле № 313, дату которой определить проблематично.

**28в.** Лунницы из подпрямоугольной в сечении проволоки с заостренными и загнутыми внутрь концами. Бронза. 2 экз. Размеры 2,6 x 1,8 см. Мог. № 468 – 2 экз. (рис. 4, 12, 13). По оформлению концов эти лунницы близки описанным в п. 28б, но отличаются от них отсутствием петельки. Для подвешивания изделий служили, вероятно, пробитые в дужке отверстия, в которые могла вставляться петелька, сделанная из куска проволоки, как, например, у экземпляра из могильника Совхоз 10 (Стржелецкий и др., 2003–2004, табл. 20, 12). Подобная лунница сопровождала погребение в могиле №14 некрополя Чатыр-Даг (Мыц и др. 2006, с. 140, табл. 18, 12а).

**28г.** Проволочные лунницы с круглым поперечным сечением, с заостренными и загнутыми внутрь концами. Петельки отсутствуют. 2 экз. Размеры 1,2 x 1,8 см. Мог. № 201 – 1 экз., серебро (рис. 4, 14); мог. № 238 – 1 экз. (рис. 4, 15). Находки

подобных украшений в Крыму позволяют отнести время их бытования ко второй половине III–IV вв. н. э. В комплексах этого времени обнаружены такие украшения в могильнике Совхоз 10 (Стржелецкий и др. 2003–2004, табл. 11, 36, 12, 1). В могильнике Дружное они сопровождали самое позднее захоронение одного из склепов, совершенное во второй половине IV в. н. э. (Айбабин 1995, с. 90, 97, рис. 9, 19, 20). Подвески из Краснозороенского могильника вместе с другим инвентарем, происходящем из четырех могил, авторы публикации суммарно датировали серединой – второй половиной III в. н. э. (Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, с. 32). В могиле № 201 из Нейзацкого могильника вместе с лунницей найдена пряжка с сильно загнутым, но не выступающим за рамку язычком. Такие пряжки в Крыму встречены, в основном, в захоронениях первой половины IV столетия (Айбабин 1995, с. 93). Дату погребений в северном подбье могилы № 238 определяет керамика и серебряная прогнутая подвязная двучленная фибула «черняховского» типа.

**28д.** Подвеска литая (?) из белого металла, с закругленными, загнутыми внутрь концами. Петелька отломана. Могила № 254, 1 экз., высота 1,9 см, длина 1,6 см (рис. 4, 11).

**28е.** Подвеска пластинчатая с заостренными незагнутыми концами, с пробитым в верхней части сквозным отверстием для подвешивания. Размеры 2,6 x 2,2 см. Сделана из металла серого цвета, возможно из свинца. Могила № 288 – 1 экз. (рис. 4, 17). Близкая по форме, но выполненная из бронзы, лунница была найдена в кургане 13 курганной группы «Три брата», погребение в котором относится к финальному этапу позднесарматской культуры (Мошкова 2008, рис. 4, 3). Свинцовых подвесок, подобных нейзацкой, нам обнаружить не удалось. Склеп № 288, в котором она была найдена, ограблен, но сохранившийся инвентарь позволяет датировать его IV в. н. э.

**28ж.** Бронзовые лунницы из треугольной в сечении проволоки со следами серого вещества с тыльной стороны, с помощью которого они были припаяны или приклеены на поверхность другого предмета. Сверху обтянуты тонким листом из белого металла. Размеры 1,8 x 1,2 см. Мог. 169 – 2 экз., один экземпляр фрагментирован (рис. 4, 21) (Храпунов 2011а, рис. 4, 15). Такие изделия к подвескам можно отнести условно, поскольку канал отверстия у нейзацких экземпляров отсутствует. Погребение относится к III в. н. э. Подобная лунница найдена в составе клада на территории Буковины, который датируется концом III–IV вв. н. э. (Маркевич, Рикман 1973, с. 261, рис. 2). Аналогичные украшения сопровождали сарматские захоронения в кургане 26 у с. Новосельское и в могильнике Градешка в Днестро-Прутском междуречье (Гроссу 1990, с. 90; Васильев, Дзиговский 2001–2002, с. 322, рис. 3, 19). Состав инвентаря из Новосельского кургана не позволяет датировать комплекс уже, чем III–IV вв. н. э. (Гроссу 1990, с. 90). Лунницы рассматриваемого варианта в литературе относят к предметам центральноевропейского происхождения. Их распространение в причерноморском регионе С. Ю. Каргопольцев и И. А. Бажан связывают с продвижением германских племен (Каргопольцев, Бажан 1993, с. 113; Васильев, Дзиговский 2001–2002, с. 322).

**28з.** Подвески, выполненные из тонкой золотой пластины, украшенные напаянным орнаментом и инкрустацией из стекла. Орнаментация каждой подвески индивидуальна. Мог. № 103 – 1 экз. (рис. 4, 18) (Храпунов 2007, с. 38, рис. 5, 21), размеры 1,9 x 2,4 см; мог. № 200 – 1 экз., размеры 1,7 x 1,2 см (рис. 4, 19). Подвеска из могилы № 103 украшена вставками из прозрачного лилового и полупрозрачного синего стекла, профилированная петелька припаяна к тыльной стороне. Экземпляр из могилы № 200 украшен напаянным по краю ободком из уплощенной проволоки, в центре размещено сегментовидное гнездо, вставка

утрачена, пластинчатая петелька припаяна к тыльной стороне.

Подобные золотые лунницы — нередкая находка в крымских памятниках. Они известны в могильниках Заветное (Гущина, Журавлев, Фирсов 2001, рис. 6, 8; Фирсов 2009, с. 443, рис. 1, 24), Чернореченском (Бабенчиков 1963, с. 111–112, табл. XIV, 2), Красная Зоря (Волошинов, Мяскин, Неневоля 2007, с. 303–307, рис. 4, 8), Совхоз 10 (Стржелецкий и др. 2003–2004, табл. 1, 75), Усть-Альминском некрополе (Высотская 1994, табл. 15, 37), в святилище Гурзуфское Седло (Новиченкова 2002, рис. 31, 9). А. Е. Пуздровский и А. А. Труфанов, проанализировав комплексы с подобными лунницами из предгорного Крыма, пришли к выводу о том, что погребения с подобными украшениями совершались в регионе на протяжении второй половины I – II в. н. э. (Пуздровский, Труфанов 2015, с. 205–207). Экземпляры из Нейзацкого могильника дают основание продлить время бытования этих украшений по крайней мере до середины III в. н. э. (Храпунов 2007, с. 52–53).

Фрагментированная бронзовая подвеска неопределенного варианта найдена в могиле № 351 (рис. 4, 20). Она по форме близка золотому экземпляру, найденному в склепе 977 из Усть-Альминского могильника. Подвеска сопровождала одно из самых ранних совершенных в склепе погребений. В целом дату комплекса автор публикации определяет второй половиной I – началом II в. н. э. (Труфанов 2015, с. 237, 238, рис. 9, 11).

**29.** Подвеска пластинчатая серебряная в виде «трехрогой» лунницы. Размеры 4,3 x 2,2 см. Петелька отломана. Мог. № 281 – 1 экз. (рис. 4, 22). Т.н. пельтовидные лунницы, так же как и рассмотренные выше подвески-ведерки и янтарные грибовидные подвески, относятся к категории вещей, характеризующих культуру позднеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов на обширной территории. Специальную работу этим изделиям посвятили С. Ю. Каргопольцев и И. А. Бажан (Карго-

польцев, Бажан 1993). Авторы разделили подвески на три группы. Простые гладкие лунницы без инкрустации, аналогичные найденной в Нейзацком могильнике, исследователи отнесли ко второй группе, датировав период их максимального распространения IV в. н. э. (Каргопольцев, Бажан, 1993, с. 116). В ареале черняховской культуры гладкие пельтовидные лунницы появляются не ранее последней трети III в. н. э. (Гопкало 2008, с. 62, тип I/1), находки из Среднего Поднепровья, в памятниках киевского типа, относятся к IV – началу V в. н. э. (Кухарская, Терпиловский 1981, с. 77–78). В Крыму пельтовидные лунницы отсутствуют. Украшенная зернью золотая лунница из могилы № 37 Чернореченского некрополя (Бабенчиков 1963, с. 111, табл. VII, 4), ошибочно отнесенная В. В. Кропоткиным к германскому кругу вещей (Кропоткин 1978, с. 157), а вслед за ним С. Ю. Каргопольцевым и И. А. Бажаном включенная в группу трехрогих инкрустированных лунниц (Каргопольцев, Бажан 1993, с. 113, 116), широко распространенных в Европейском Барбарикуме, на самом деле аналогична золотым подвескам, описанным под № 283.

Подвеска из нейзацкого склепа по наличию в комплексе прогнутых подвязных фибул может датироваться IV в. н. э.

**30.** Подвески литые ажурные бронзовые (10 экз.). Размеры 1,8–4,0 x 3,2–4,7 см. Мог. № 34 – фрагмент (рис. 5, 1); мог. № 40 – 1 экз. (рис. 5, 2) (Храпунов 2006, с. 171, рис. 38, 2); мог. № 103 – 2 экз. (рис. 5, 4, 7) (Храпунов 2007, с. 34, рис. 3, 6, 7); мог. № 174 – 1 экз. (рис. 5, 3); мог. № 193 – 1 экз. (рис. 5, 13) (Стоянова 2005, с. 160, рис. 2, 25); мог. № 200 – 2 экз. (рис. 5, 5, 6); мог. № 313 – 1 экз. (рис. 5, 8), натечный слой – 1 экз. (рис. 5, 9).

Анализу этих вещей, сосредоточенных, преимущественно, в памятниках юго-западного Крыма, посвящено несколько работ. Л. А. Рыжова, изучив 35 экземпляров из этого региона, разделила их на четыре типа с вариантами, определив хронологи-

ческий диапазон бытования таких вещей в рамках конца I в. – первой половины IV в. н. э. с периодом максимального распространения в комплексах II – середины III в. н. э. Происхождение сферических подвесок исследовательница связывает с бронзовыми изделиями латенского круга, а их появление в Крыму объясняет активными экономическими связями Херсонеса с западными провинциями Римской империи (Рыжова 2005). В сводке А. А. Труфанова фигурируют 72 сферические подвески, происходящие из памятников Крыма, Азиатского Боспора и Приазовья. Для своей типологии автор использовал схему Л. А. Рыжовой, незначительно ее «упрости». Нижнюю дату бытования этих вещей на основании находок из Усть-Альминского некрополя А. А. Труфанов опускает до третьей четверти I в. н. э., а в качестве периода их массового бытования исследователь выделяет последнюю треть I – II вв. н. э. «Генетическую связь» северочерноморских экземпляров с кельтскими изделиями А. А. Труфанов считает необоснованной, не исключая, тем не менее, возможности появления сферических подвесок в Крыму в результате контактов с Римом (Труфанов 2011, с. 251–260). Гипотеза о провинциально-римском происхождении сферических амулетов представляется маловероятной из-за отсутствия таких предметов в самих римских провинциях. Чуждыми они являются и для варваров, проживавших в непосредственной близости от границ империи: в Европейском Барбарикуме обнаружены всего три подобных подвески, две из которых происходят из сарматских могильников Карпатского бассейна, одна — из болота Иллеруп. Э. Иштванович и В. Кульчар, посвятившие этим находкам специальную работу, пришли к выводу, что на территорию современной Венгрии такие изделия могли попасть с востока (либо были изготовлены здесь по крымским образцам), а дальше на север — в результате контактов населения Большой Венгерской низменности

и Скандинавии (Istvánovits, Kulcsár 2011). Д. В. Журавлев рассмотрел ажурные подвески в контексте проблемы происхождения так называемых «колец с шишечками» и пришел к выводу об их местном, крымском, производстве (Журавлев 2014, с. 70–71).

Подвески из Нейзацкого могильника представляют все четыре выделенные Л. А. Рыжовой типа. Один экземпляр из могилы № 103 (рис. 5, 7) не соответствует ни одному из них и, по словам А. А. Труфанова, «выглядит на общем фоне уникальным» (Труфанов 2011, с. 251). В погребении эта подвеска найдена вместе с подвеской типа 1а. Изделия этого типа сосредоточены, по мнению Л. А. Рыжовой и А. А. Труфанова, в комплексах конца I – начала II в. н. э. (Рыжова 2005, с. 283; Труфанов 2011, с. 249). Однако среди приведенных исследователями экземпляров есть и такие, которые найдены в погребениях более позднего времени. Например, к концу первой – второй четверти II в. н. э. относится экземпляр из могилы № 223 некрополя Бельбек IV (Ахмедов, Гущина, Журавлев 2001, рис. 3, 7). Могила № 919 из Усть-Альминского некрополя и могила № 141 из могильника Битак, если верить информации А. А. Труфанова, датируются второй половиной II в. н. э. и серединой II – первой половиной III в. н. э. соответственно (Труфанов 2011, таблица 1). С учетом этих данных нейзацкая подвеска из могилы №103, погребения в которой были совершены к концу II – первой половине III в. н. э., не выглядит уникальной в хронологическом отношении, а время существования подвесок типа 1а по Л. А. Рыжовой можно небезосновательно продлить, как минимум, до конца II, а, возможно, и начала III в. н. э.

Экземпляр из могилы № 174 можно считать самым ранним из обнаруженных в Нейзацком могильнике. Комплекс по сильнопрофилированной фибуле причерноморского типа, лучковой подвязной фибуле 3-го варианта по А. К. Амброзу и пельтовидной пряжке подтипа D2 по классификации

Д. А. Костромичева (Костромичев 2015, с. 328–329) датируется II в. н. э., возможно его второй половиной. Ко второй половине II – первой половине III в. н. э. можно отнести подвеску из могилы № 193 (Стоянова 2005). Остальные нейзацкие находки обнаружены в погребениях с широкой датировкой, которая в целом не противоречит общей хронологии рассматриваемых украшений.

**31.** Подвески бронзовые в виде ромбовидных пластинок с отверстием в верхней части (3 экз.). Размеры 1,4–1,5 x 1,2–1,3 см. Могила № 203 (рис. 5, 11). Точно такая же подвеска происходит из могилы № 21 некрополя Чатыр-Даг, датирующейся по монетам второй половиной III в. н. э. (Мыц и др. 2006, с. 141, 161–162, табл. 25, 8). Погребение в нейзацкой могиле было совершено в первой половине этого же столетия. За пределами Крыма очень похожие, но не аналогичные, украшения найдены в памятниках культур германского круга более позднего времени, где такие подвески входили в состав сложносоставных шейных украшений (Петраускас 2004, с. 171–172, 179, рис. 6, 38; рис. 7; Бурше 2010, с. 22, рис. 4, а, б).

**32.** Подвеска в виде овальной пластины с загнутой назад, профилированной тремя бороздками петелькой для подвешивания. Размеры 1,7 x 2,8 см. Мог. № 301, погр. 3 (рис. 5, 10). Точных аналогий подвеске найти не удалось, но подобные предметы, сделанные из бронзовых пластинок разной формы с загнутой назад петелькой, известны в комплексах разного времени. Например, в склепе № 12 могильника Кара-Тобе (Внуков, Лагутин 2001, рис. 9, 5), в одном из погребений Усть-Альминского некрополя (Высотская 1994, табл. 13, 3), в Беляусском могильнике (Дашевская 2014, с. 12, табл. 8, 1–3). Экземпляр из Нейзаца значительно более поздний, чем находки из позднескифских памятников: склеп № 301 датируется IV в. н. э. Не исключено, что подобные подвески, достаточно простые в производстве, изготавливали на месте, возможно, приспособив для этого вышедшие из

употребления подходящие металлические предметы.

**33.** Литая бронзовая подвеска в виде бородатого человеческого лица. Размеры 6,5 x 2,8 см. Могила № 357 (рис. 5, 12). Точных аналогий не обнаружено, хотя подобные литые подвески в виде личин (масок) известны в Усть-Альминском некрополе, Чернореченском могильнике и в Неаполе скифском. А. А. Труфанов, изучив содержавшие их комплексы, отметил довольно узкий период бытования таких предметов — вторую треть – конец II в. н. э., хотя некоторые погребения имеют более широкую датировку (Труфанов 2011, с. 239–240, табл. 1). По наблюдениям исследователя, такие подвески сопровождали только детские захоронения. Детской была и нейзацкая могила № 357. Наличие в погребении лучковой подвязной фибулы 4-го варианта по А. К. Амброзу и краснолаковой тарелки с вертикальным бортиком варианта III-Д по А. А. Труфанову (Труфанов 1997, с. 188) и формы 4.2 по Д. В. Журавлеву (Журавлев 2005, с. 146–157) позволяет датировать комплекс концом II – началом III в. н. э.

**34.** Подвески-колокольчики. Всего в Нейзацком могильнике обнаружено 98 колокольчиков, что составляет более 30% всех найденных здесь подвесок. Многочисленность и разнообразие этих вещей обуславливают необходимость проведения специального исследования по их классификации, определению хронологии и ареала типов, которое может стать опорным для изучения подвесок-колокольчиков из других синхронных памятников полуострова. Такой анализ невозможен в рамках этой статьи, но вполне может быть осуществлен в будущем. В то же время, не включать данную категорию вещей в настоящую работу некорректно, поскольку колокольчики по всем признакам отвечают определенным в начале статьи критериям подвесок. Здесь мы не будем подробно анализировать эти предметы, ограничившись общей характеристикой выделенных форм.

**34а.** Колокольчики усечено-конической формы с тонкими стенками, отверстием в верхней части, через которое продевалась бронзовая проволока, служившая петелькой и креплением для язычка (25 экз.). Сделаны из бронзы, у некоторых экземпляров сохранившийся язычок изготовлен из железа. Высота подвесок варьируется от 0,9 до 2,2 см, диаметр – от 1,0 до 4,0 см. Мог. № 18 – 1 экз. (рис. 5, 15), мог. № 20 – 1 экз. (рис. 5, 16) (Храпунов 2006, рис. 35, 7), мог. № 28 – 1 экз. (рис. 5, 17), мог. № 92 – 1 экз. (рис. 6, 12), мог. № 163 – 1 экз. (рис. 5, 18), мог. № 203 – 1 экз. (рис. 5, 14), мог. № 208 – 1 экз. (рис. 5, 19) (Храпунов 2007, рис. 9, 4), мог. № 258 – 1 экз. (рис. 6, 7), мог. № 279 – 1 экз. (рис. 6, 1), мог. № 363 – 1 экз. (рис. 6, 2), мог. № 368–4 экз. (рис. 5, 20–22; 6, 3) (Шабанов 2010, рис. 4, 5 – 7), мог. № 385 – 1 экз. (рис. 5, 23), мог. № 397 – 1 экз. (рис. 5, 24), мог. № 403 – 1 экз. (рис. 5, 25), мог. № 413 – 1 экз. (рис. 6, 4), мог. № 414 – 2 экз. (рис. 6, 5, 6), мог. № 507 – 1 экз. (рис. 6, 8), мог. № 511 – 2 экз. (рис. 6, 11) (Храпунов 2016, рис. 8, 22), мог. № 571 – 2 экз. (рис. 6, 9, 10). Этот тип колокольчиков является самым распространенным в скифских и сарматских памятниках Крыма I–III вв. н. э. (Труфанов 2009, с. 235), в более позднее время им на смену приходят подвески, описанные ниже под номером 34б.

**34б.** Колокольчики бронзовые полусферической формы с отверстием в верхней части, сквозь которое продевалась бронзовая проволока с петелькой для подвешивания (8 экз.). Диаметр колокольчика больше или равен его высоте. Высота 0,6–2,5 см, диаметр 1,6–3,9 см. Мог. № 106 – 1 экз. (рис. 6, 13), мог. № 139 – 2 экз. (рис. 6, 15, 16) (Храпунов 2004, рис. 4, 6), мог. № 154 – 1 экз. (рис. 6, 17), мог. № 301 – 1 экз. (рис. 6, 18), мог. № 306 – 1 экз. (рис. 6, 19) (Храпунов 2011б, рис. 9, 1), мог. № 308 – 1 экз. (рис. 6, 20), мог. № 371 – 1 экз. (рис. 6, 21) (Стойнова 2013, рис. 2, 4). Колокольчики рассматриваемого типа известны в могильнике Дружное в погребении второй

половины III в. (Храпунов 2002, с. 41, рис. 97, 20, 21), в могильнике Совхоз 10 в погребениях III – IV вв. н. э. (Стржелецкий и др. 2003–2004, с. 180, табл. 7, 26), в склепе IV в. из Суворовского могильника (Юрочкин, Труфанов 2003, с. 204, рис. 4, 49). В могильниках Красная Заря, Балта-Чокрак и Чатыр-Даг эти предметы связаны с комплексами середины – второй половины III в. и начала IV в. (Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, с. 32, рис. 2, 11; Зайцев, Мордвинцева, Неневоля и др. 2005, с. 175, рис. 16, II, 2; Мыц и др. 2006, с. 140, табл. 17, 2; 25, 5; 53, 5). Все погребения с такими колокольчиками из Нейзацкого могильника, также относятся ко второй половине III – IV вв. н. э.

**34в.** Колокольчики усечено-пирамидальной или полусферической формы с горизонтально отогнутым нижним краем, с ушком в верхней части, через которое продевается проволока, с концами, оформленными в виде петелек для подвешивания и крепления язычка (25 экз.). Бронза. Размеры 1,0–2,2 x 1,6–3,5 см. Мог. № 28 – 1 экз., мог. № 55 – 1 экз. (рис. 7, 1), мог. № 59 – 2 экз. (рис. 7, 2, 3) (Храпунов 1999, рис. 2, 1, 3), мог. № 68 – 2 экз. (рис. 7, 4) (Храпунов 2006, рис. 40, 12), мог. № 72 – 1 экз. (рис. 7, 5) (Храпунов 2006, рис. 41, 10), мог. № 76 – 2 экз. (рассыпались), мог. № 153 – 1 экз. (рис. 7, 6) (Храпунов 2006, рис. 46, 7), мог. № 170 – 1 экз. (рис. 7, 8), мог. № 184 – 1 экз. (рис. 7, 9), мог. № 248 – 1 экз. (рис. 7, 13), мог. № 258 – 1 экз. (рис. 7, 12), мог. № 289 – 2 экз. (рис. 7, 10, 11), мог. № 304 – 1 экз. (рис. 7, 14), мог. № 394 – 1 экз. (рис. 7, 7), мог. № 468 – 2 экз. (рис. 7, 15), мог. № 511 – 1 экз. (Храпунов 2016, рис. 7, 5), мог. № 512 – 3 экз. (рис. 7, 17, 18), мог. № 514 – 1 экз. (рис. 7, 16). Колокольчики с отогнутым краем, по наблюдениям А. А. Труфанова, сосредоточены, главным образом, в погребениях второй половины/конца II – первой половины III в. н. э. (Труфанов 2009, с. 237). Нейзацкие подвески подтверждают этот вывод.

**34г.** Литые колокольчики усечено-пира-

мигдальной формы с выступами по краям и пятигранной петелькой. У некоторых экземпляров сохранились остатки железных язычков (17 экз.). Сделаны из бронзы. Высота 2,9–4,5 см, ширина 2,1–4,0 см. Мог. № 17 – 1 экз. (рис. 8, 13), мог. № 29 – 1 экз. (рис. 7, 20), мог. № 139 – 1 экз. (рис. 7, 19) (Храпунов 2004, рис. 4,8), мог. № 278 – 1 экз. (рис. 8, 1), мог. № 359 – 1 экз. (рис. 8, 2), мог. № 368 – 2 экз. (рис. 8, 3, 4) (Шабанов 2010, рис. 4, 1, 2), мог. № 408 – 1 экз. (рис. 8, 7), мог. № 414 – 2 экз. (рис. 8, 5, 6), мог. № 415 – 1 экз. (рис. 8, 11), мог. № 507 – 1 экз. (рис. 8, 12), мог. № 511 – 1 экз. (рис. 8, 8) (Храпунов 2015, рис. 7, 5), мог. № 560 – 1 экз. (рис. 8, 10), мог. № 578 – 1 экз. (рис. 8, 9). К числу подвесок этой группы условно можно отнести и два экземпляра из могилы № 95 (рис. 9, 1, 2), которые являются имитациями колокольчиков, поскольку у них отсутствуют язычки и конструкция подвесок не предполагает их наличия (Храпунов 2011а, с. 41–42). Многочисленные аналогии нейзацким изделиям этого типа сосредоточены в крымских погребениях I–III вв. н. э. (Гущина 1982, с. 24; Сымонович 1983, табл. XLIV, 22, 23, 28–34; Высотская 1994, с. 128, рис. 39, 26; Пуздровский 2001, с. 129, рис. 5, 9, 10). По данным Т. В. Морозовской, большая часть находок из Крыма связана с комплексами II – первой половины III в. н. э. (Морозовская 1985, с. 75). Нейзацкие подвески подтверждают этот вывод: именно к указанному периоду относятся почти все найденные в могильнике пирамидальные колокольчики. Исключение составляет экземпляр из мог. № 139, в которой такой колокольчик сопровождал раннее захоронение второй половины III в. н. э. (Храпунов 2004).

**34д.** Литые ажурные колокольчики усечено-конической формы (5 экз.). Бронза. Высота 2,2–3,9 см, диаметр 1,5–2,7 см. Мог. № 174 – 1 экз. (рис. 9, 4), мог. № 368 – 1 экз. (рис. 9, 3) (Шабанов 2010, рис. 4, 3), мог. № 374 – 1 экз. (рис. 9, 7) (Храпунов 2015, рис. 11, 7), мог. № 392 – 1 экз. (рис. 9, 6), мог.

№ 408 – 1 экз. (рис. 9, 5). На колокольчиках из могил № 374 и № 392 сбоку расположена литая фигурка животного, обращенного головой вверх (рис. 9, 6, 7). Ажурные колокольчики встречаются значительно реже колокольчиков других типов, что, возможно, объясняется относительно недолгим периодом их бытования. В Нейзацком могильнике все экземпляры связаны с группой самых ранних погребений, которые можно датировать в пределах II в. н. э. В могилах № 392 и № 408 колокольчики найдены вместе с бронзовыми антропоморфными подвесками (см. № 26), в могиле № 174 — с литой ажурной подвеской типа 1а по Л. А. Рыжовой (см. № 30, там же обоснование дат комплексов). В Усть-Альминском могильнике такой колокольчик обнаружен в использовавшемся длительное время склепе № 125 (Высотская 1994, с. 138, табл. 42,38). Два экземпляра сопровождали детские погребения в могильнике Опушки, одно из которых относится ко второй половине I – II вв. н. э. (Стоянова 2012, с. 73, рис. 8, 20; 11,13). Аналогий колокольчикам, украшенным фигурками животных, найти не удалось.

**34е.** Полусферические колокольчики, отлитые вместе с петелькой (12 экз.). Размеры 1,5–2,9 x 2,5–4,4 см. Мог. № 17 – 1 экз. (рис. 9, 8), мог. № 34 – 1 экз. (рис. 9, 9), мог. № 35 – 1 экз. (рис. 9, 10), мог. № 163 – 1 экз. (рис. 9, 13), мог. № 169 – 1 экз. (рис. 9, 16) (Храпунов 2011а, рис. 5, 28), мог. № 201 – 1 экз. (рис. 9, 11), мог. № 300 – 3 экз. (рис. 9, 14, 15, 17) (Храпунов 2011, рис. 7, 5-7), мог. № 444 – 1 экз. (рис. 9, 12), мог. № 538 – 1 экз. (рис. 9, 18), мог. № 541 – 1 экз. (рис. 10, 1). Некоторые экземпляры украшены врезным линейным орнаментом. Бытовали длительный период: аналогичные нейзацким экземпляры известны в Усть-Альминском и Неапольском могильниках, некрополях Бельбек IV и Совхоз 10, могильнике Дружное (Высотская 1994, табл. 5, 27; 16, 11; 29, 5; Сымонович 1983, табл. XLIV, 24, 25; Гущина 1982, табл. 4, 49; 5, 54; 8, 5; 9, 45; Стржелецкий и др. 2003–2004, с.180,

рис. 35, 31; Храпунов 2002, рис. 97, 28). Колокольчики крупных размеров А. А. Труфанов отнес к раннеримскому времени, выделив их в качестве хронологического индикатора для этого периода. Небольшие экземпляры, украшенные по нижнему краю врезными линиями, исследователь датировал концом II – первой половиной III в. н. э. (Труфанов 2009, с. 235, 237). Нейзацкие могилы № 35 и № 169, в которых были обнаружены два таких колокольчика (рис. 9, 10, 16), датируются III–IV вв. н. э. и III в. н. э. соответственно. Еще один экземпляр сопровождал погребение, дату которого определить затруднительно.

Фрагментированные колокольчики неопределенных типов (6 экз.): мог. № 35 – 1 экз., мог. № 325 – 2 экз., мог. № 357 – 1 экз., мог. № 512 – 1 экз., мог. № 539 – 1 экз. (рис. 10, 2). Экземпляр из могилы № 35 сделан из железа, остальные — бронзовые.

**35.** Подвески из монет, в которых пробиты отверстия (12 экз.). Мог. № 19 – 1 экз. (рис. 10, 3), мог. № 32 – 1 экз. (рис. 10, 6); мог. № 55 – 1 экз. (рис. 10, 5); мог. № 76 – 1 экз. (рис. 10, 4), мог. № 95 – 1 экз. (рис. 10, 7) (Храпунов 2006, с. 182, рис. 42, 2), мог. № 154 – 2 экз. (рис. 10, 8, 9), мог. № 331 – 1 экз. (рис. 10, 10), мог. № 409 – 1 экз. (рис. 10, 11), мог. № 478 – 2 экз. (рис. 10, 13, 14), мог. № 514 – 1 экз. (рис. 10, 19). Монеты из Нейзацкого могильника, в том числе переделанные в подвески, изучены и опубликованы Н. И. Храпуновым (Храпунов Н. 2009; 2013). По его наблюдениям, количество таких самодельных украшений в варварских могильниках невелико, что не позволяет говорить о широком распространении традиции ношения монет-подвесок у населения предгорного Крыма. Так, в могильнике Дружное из 13 монет с отверстием только две (Храпунов Н., 2008, с. 345), в Озерном III — одна (Храпунов Н., 2010, с. 76). Могильник Нейзац отличается самым большим количеством таких монет (здесь их около 40%). Некоторые подвески были сделаны из монет довольно

хорошей сохранности, но места расположения отверстий свидетельствует и том, что для владельца такого украшения изображение на монете не имело значения (Храпунов Н., 2013, с. 486).

**36.** Подвеска бронзовая дуговидная уплощенная, с зубцами с вогнутого края и отверстием для подвешивания. Размеры 4,8 x 1,2 см. Мог. № 219 (рис. 10, 12). Аналогии отсутствуют. Нейзацкий склеп № 219 ограблен, но оставшийся погребальный инвентарь позволяет датировать его IV в. н. э.

### **Подвески из раковин**

**37.** Подвески из раковины каури (2 экз.). Мог. № 279 – 1 экз. (рис. 10, 20), размер 2,5 x 1,9 см; мог. № 577 – 1 экз. (рис. 10, 21), длина 7,4 см.

**38.** Подвески из раковины моллюска (3 экз.). Мог. № 258 – 1 экз. (рис. 10, 15), размеры 3,0 x 1,05 см; мог. № 408 – 1 экз., длина 3,1 см; мог. № 487 – 1 экз. (рис. 10, 16), размеры 1,7 x 0,7 см.

Подвески, сделанные из раковин разнообразных моллюсков, были достаточно распространенными украшениями как у варварского населения Крыма, так и у жителей античных городов. Е. М. Алексеева выделяет несколько вариантов таких подвесок из греческих центров, большая их часть сделана из раковин каури (Алексеева 1982, с. 30–31, тип 7). В позднескифских и сарматских могильниках Крыма украшения из раковин встречаются в погребениях разных хронологических периодов (Высотская 1994, с. 130; Пуздровский 2007, табл. 148; Дашевская 2014, табл. 166, 72; Храпунов 2002, табл. 184, 1,2; Стржелецкий и др., 2003–2004, с. 180). Традиция использования раковин в качестве подвесок была широко распространена и за пределами полуострова (Гопкало 2008, с. 78–79; Kokowski 2001; Kovács, Vaday 2005).

### **Подвеска из глины**

**39.** Единственная подвеска из этого материала найдена в могиле № 406 (рис. 10, 24). Она была сделана из стенки краснолакового сосуда. Размеры 1,8 x 1,7 см.

### **Подвески из камня**

**40.** Подквадратной формы, уплощенная, с отверстием в верхней части. Размеры 2,1 x 1,8x0,6 см. Мог. № 578 – 1 экз. (рис. 10, 25).

**41.** Подвеска из камня, закрепленного в обойме, сделанной из прямоугольной бронзовой пластины. По краям пластины имеются по два отверстия, в которые продета круглая в сечении бронзовая проволока, образующая две вертикально расположенные петельки для подвешивания (рис. 10, 22). Размеры 2,4 x 1,8 x 3,1 см. Мог. № 577 – 1 экз.

Подвеска не имеет точных аналогий и, видимо, была изготовлена местным мастером. Но подобного рода украшения из различных материалов в металлической оплетке изредка встречаются в крымских комплексах (Гущина, Журавлев, 1999, с. 157, рис. 2, 3; Пуздровский 2007, рис. 144, 14; 146, 1; Стржелецкий и др. 2003–2004, с. 181, рис. 35, 23), в богатых степных сарматских погребениях (Ковпаненко 1986, с. 97, рис. 104, 2; Беспалый, Беспалая, Раев 2007, с. 30, табл. 35а). Основная же масса таких украшений сосредоточена в памятниках центральноевропейского Барбарикума, преимущественно в комплексах пшеворской и вельбаркской культур, где они появляются в фазе В1 и бытуют до периода В2/С1 (Stanek 1999). По сочетанию краснолаковой керамики группы Eastern sigillata В2 (формы 70 и 71 по Дж. Хэйсу (Hayes 1985, р. 66,67, tab.XV,1, 2)) и фибулы с завитком на конце сплошного приемника группы 13 по А. К. Амброзу (1966, с. 45, 46) могила № 577 из Нейзаца может быть датирована II в. н. э., возможно, его первой половиной.

**42.** Подвеска из меловой породы с естественным сквозным отверстием. Размеры 1,7 x 1,9 x 0,5 см. Мог. № 209 (рис. 10, 23).

### **Подвески из кости**

**43.** Из кости животного с отверстием в верхней части. Размеры 1,8 x 0,8 см. Мог. № 403 – 1 экз. (рис. 10, 17).

**44.** Подвески из позвонков рыб с отверстием в верхней части (3 экз.). Размеры 1,8 x 0,8 см (рис. 10, 18). Мог. № 153 (Храпунов 2006, рис. 47,3).

Подвески из могильника Нейзац сделаны из стекла, гагата, янтаря, египетского фаянса, металла, раковин, глины, камня и кости. Наиболее многочисленна и разнообразна группа украшений из металла, объединяющая 57% всех нейзацких находок, большая часть которых представлена подвесками в виде колокольчиков (60,5%) и лунниц (13,5%). Среди изделий из янтаря, составляющих 20% от общего количества подвесок, основная масса — 84 % — представлена восьмерковидными подвесками. Подвески аналогичной формы преобладают и среди изделий из одноцветного стекла, составляя 50% подвесок из этого материала. Весьма незначительно число подвесок из египетского фаянса — всего 5,5% от общей массы, что, вероятно, обусловлено хронологией могильника, основной период использования которого пришелся на время, когда фаянсовые амулеты, чрезвычайно распространенные в раннеримскую эпоху, начинают выходить из употребления.

Подвески были найдены в 120 могилах, т.е. почти в каждом пятом погребальном сооружении. 72% погребений сопровождалась одной или двумя подвесками, в остальных найдено от трех до восьми экземпляров, как правило, разных типов. Самое большое количество подвесок — 12 и 18 штук — обнаружено в склепах № 275 и № 4 соответственно (Храпунов 2008; Khrapunov 2008). В первом случае все они янтарные восьмерковидные, во втором — тоже янтарные восьмерковидные и подобные им янтарные подвески с орнаментом (№ 20) в сочетании с гагатовыми удлиненной формы (№ 17).

Большинство подвесок (почти 40%) сосредоточено в подбойных могилах, в склепах и грунтовых могилах количество этих предметов примерно одинаково (30% и 27% соответственно). В хронологическом отношении распределение подвесок выглядит

следующим образом: 53% связано с погребениями раннего горизонта Нейзацкого могильника, преимущественно с комплексами второй половины/конца II – первой половины III в. н. э., 37% — с поздними захоронениями второй половины III – IV вв. н. э. Интересные закономерности можно отметить в распределении подвесок из египетского фаянса и янтаря. Немногочисленные фаянсовые амулеты сконцентрированы в ранних захоронениях, верхняя хронологическая граница которых не выходит за пределы середины III в. н. э. 85% янтарных украшений связаны с погребениями IV в. н. э.

32% подвесок обнаружено в детских могилах<sup>4</sup>, причем только четвертая часть этих украшений сопровождала погребения IV в. н. э., совершенные преимущественно, в склепах. Остальные 75% подвесок из детских могил связаны с захоронениями II – первой половины III в. н. э. Больше половины подвесок из детских могил составляют изделия из металла (58%), среди которых доминируют колокольчики. В этой же группе погребений сосредоточены почти все амулеты из египетского фаянса (14 экземпляров из 17, обнаруженных в могильнике). Янтарные подвески в детских захоронениях немногочисленны, все они относятся к типу восьмерковидных и сконцентрированы в захоронениях IV в. н. э. Подвески клали в могилы детей возрастом от полугода до 12 лет. В женских погребениях сосредоточено 24% найденных в Нейзацком могильнике подвесок. Из них 40% связано с погребениями IV в. н. э., все эти подвески, кроме одного бронзового колокольчика, относятся к типу янтарных восьмерковидных. Большинство подвесок сопровождали захоронения женщин 20–30 лет, возраст одной из погребенной в склепе IV в. н. э. определен в пределах 40–50 лет. В мужских погребениях подвески не обнаружены. Одна подвеска в виде колокольчика (рис. 8, 2) сопровождала конское захоронение, располагаясь возле черепа лошади.

О расположении подвесок на костяках и их функции в костюме можно судить по могилам, в которых инвентарь обнаружен *in situ*. 37% подвесок зафиксированы на груди или шейных позвонках среди бус. Очевидно, в этих случаях подвески входили в состав ожерелий. Расположение подвесок в районе грудной клетки одинаково часто встречается и в детских, и в женских захоронениях, и характерно для изделий разных типов. Наиболее устойчиво такое расположение для восьмерковидных янтарных (№ 19) и стеклянных (№ 5) подвесок: все изделия этих типов найдены с бусами на груди погребенных. 30 подвесок (около 10%) располагались вместе с различными предметами (крупными бусами, зеркалами, ножами и пр.), образуя скопления вещей, размещенные либо на самом костяке, в основном в районе живота или на тазовых костях, либо рядом с ним, чаще всего возле костей рук, ног или за черепом. Назначение скоплений определить невозможно, но не исключено, что эти предметы при совершении захоронения складывались в сумочку или мешочек. Скопления зафиксированы в погребениях детей и женщин II – первой половины III в. н. э. Среди подвесок, входящих в скопления, доминируют колокольчики (21 экз.), в двух случаях рядом с костяком лежали бронзовые ажурные подвески и подвески-шишки, по одному разу в скоплениях зафиксированы бронзовые ведерковидные и антропоморфные подвески, а также фаянсовый амулет в виде льва.

Анализ найденных в Нейзацком могильнике подвесок позволяет выделить группу узко датируемых типов. К их числу относятся подвески в виде когтя (клыка) из одноцветного стекла (№ 6), янтарные восьмерковидные подвески (№ 19), железные ведерковидные подвески (№ 23) и невысокие полусферические колокольчики (№ 34б), характерные для IV в. н. э., антропоморфные бронзовые подвески (№ 26), период бытования которых ограничен

<sup>4</sup> Определение пола и возраста погребенных осуществлено В. Ю. Радочиним. Для половозрастной характеристики были отобраны лишь те комплексы, для которых проводились антропологические определения.

II в. н. э., крупные пластинчатые лунницы (№ 28а), сосредоточенные в Крыму в комплексах первой половины/середины III в. н. э., и лунницы с волютообразно загнутыми концами (№ 28б). Последние можно отнести к хронологическим маркерам второй половины III в. н. э. Остальные типы нейзацких подвесок имеют широкую дату или представлены недостаточным количеством экземпляров для определения точного периода их бытования.

Коллекция подвесок из могильника Нейзац состоит из предметов различного происхождения. Подвески из стекла и египетского фаянса, а также золотые лунницы поступали к населению долины реки Зуя из античных центров, вероятно, в результате торгового обмена. Некоторые типы подвесок типичны для сарматской культуры, в частности бронзовые и серебрянные лунницы, бронзовые ведерковидные подвески, колокольчики различных форм. Подобные нейзацким экземпляры встречаются не только в синхронных крымских памятниках, но и в сарматских степных погребениях Северного Причерноморья, Подонья, Предкавказья. Восьмерковидные янтарные подвески, железные подвески-ведерки, бронзовые топорикивидные украшения, пельтовидные лунницы относятся к группе вещей, распространенных, преимущественно, в культурах германского круга, хотя их ареал в позднеримское время и эпоху Великого переселения народов гораздо обшир-

нее, чем территория, занятая собственно германцами. Значительная часть подвесок из могильника Нейзац относится, по всей видимости, к продукции местного производства. Это бронзовые антропоморфные, сферические ажурные, в форме шишки и амфорки, аналогии которым в большом количестве сосредоточены, преимущественно, в варварских памятниках юго-западного Крыма, где, по мнению некоторых исследователей, и могло находиться место их изготовления (Алексеева 1982, с. 13; Труфанов 2011, с. 266). Возможно, локальной формой является и антропоморфная подвеска из гагата (№ 18), о чем может свидетельствовать наличие месторождений гагата в юго-западном Крыму и происхождение единственной аналогии из могильника Совхоз 10. Немногочисленные изделия из природных материалов — глины, раковин, камня, кости — производились, скорее всего, на месте непосредственными носителями этих украшений.

Комплекс нейзацких подвесок представлен формами, типичными для синхронных могильников предгорного Крыма, что свидетельствует о единстве материальной культуры населения, проживавшего в регионе в первых веках н. э. По количеству и разнообразию этих украшений наиболее близки могильнику Нейзац некрополи Усть-Альма и Совхоз 10, что, впрочем, может объясняться высокой степенью их изученности и публикации материала.

## Список использованной литературы

- Абрамова М. П. Подкумский могильник. М., 1987.
- Айбабин А. И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 г. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1995.
- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г 1-12. М., 1975.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г 1-12. М., 1978.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г 1-12. М., 1982.

- Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ. Вып. Д 1-30. М., 1966.
- Анфимов И. Н. Бусы из Елизаветинского могильника (по раскопкам 1989 года) // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993.
- Арсеньева Т. М. Некрополь Танаиса. М., 1977.
- Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001.
- Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. Т.: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV–XIII вв). М., 2003.
- Ахмедов И. Р., Гущина И. И., Журавлев Д. В. Богатое погребение II в. н. э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001.
- Бабенчиков В. П. Некрополь Неаполя скифского // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.
- Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. Київ, 1963.
- Бажан И. А., Каргопольцев С. Ю. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе // СА. 1989. № 3.
- Беспалый Е. И. Погребения позднесарматского времени у г. Азова // СА. 1990. № 1.
- Беспалый Е. И., Беспалая Н. Е., Раев Б. А. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1» / Материалы и исследования по археологии Юга России. № 2. Ростов-на-Дону, 2007.
- Бобровська О. В. До питання про черняхівські «відерцеподібні» прикраси // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ; Львів, 1997.
- Богданова Н. А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 70. М., 1989.
- Бурше А. Новейшие свидетельства о горизонте «Данчены-Брангструп» // Inter ambo maria. Контакты между Скандинавией и Крымом в римское время. Тезисы докладов. Симферополь, 2010.
- Васильев А. А., Дзиговский А.Н. Еще раз к хронологии позднейших сарматских древностей Бужака // Stratum plus. 2001–2002. № 4.
- Виноградов В., Петренко В. А. Могильник сарматской эпохи на горе Лехкч-Корт (Юго-Восточная Чечня) // СА. 1974. № 1.
- Власкин М. В. Раннесарматские погребения могильника Северо-Западный I // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону, 2000.
- Внуков С. Ю., Лагутин А. Б. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в северо-западном Крыму // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001.
- Волошинов А. А., Масыкин В. В., Неневоля И. И. Два комплекса с римскими импортами из Краснозоринского некрополя // Древняя Таврика. Симферополь, 2007.
- Воронцов А.М., Столяров Е. В. Городище Велегож на правом берегу верхней Оки // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 1. Тула, 2015.

- Власов В. П., Смокотина А. В., Храпунов И. Н. Культурный слой на могильнике Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
- Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
- Высотская Т. Н., Махнева О. А. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев, 1983.
- Высотская Т. Н., Рыжова Л. А. Бусы могильника «Совхоз 10» («Севастопольский») // Древности. Харьков, 1996.
- Гопкало О. В. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев, 2008.
- Гроссу В. И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1990.
- Гудименко И. В. Погребения позднеантичного времени у хутора Рогожкино в дельте Дона // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону, 2000.
- Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
- Гущина И. И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н. э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 54. Ч. 1. М., 1982.
- Гущина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В., Фирсов К. Б. Позднескифские коллекции в собрании Государственного Исторического музея // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001.
- Дашевская О. Д. Некрополь Беяуса. Симферополь, 2014.
- Журавлев Д. В. Краснолаковые понтийские тарелки с вертикальным бортиком из могильника Бельбек IV // Херсонесский сборник. Вып. XIV. Севастополь, 2005.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9. 2010.
- Журавлев Д. В. «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 1 (43).
- Журавлев Д. В., Костромичев Д. А. Два погребальных комплекса из некрополя Херсонеса // Новая наука: современное состояние и пути развития. № 6–3. М., 2015.
- Зайцев Ю. П. Склеп № 390 Усть-Альминского позднескифского некрополя // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь, 1997.
- Зайцев Ю. П. Неаполь скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь, 2003.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., Неневоля И. И., Фирсов К. Б., Радочин В. Ю. Позднескифский могильник Балта-Чокрак у с. Скалистое Бахчисарайского района АРК // Херсонесский сборник. Вып. XIV. Севастополь, 2005.

- Зубарь В. М., Мещеряков В. Ф. Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев, 1983.
- Зубарь В. М., Шевченко А. В., Липавский С. А. Западный некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983–1985 гг.). Каталог погребений. Киев, 1989. (Препр./АН УССР. Ин-т археологии).
- Ильюков Л. С., Власкин М. В. Сарматы междуречья Сала и Маньча. Ростов-на-Дону, 1992.
- Казанский М. Германцы в юго-западном Крыму в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Готы и Рим. Киев, 2006.
- Катюшин Е. А. Курганный могильник I в. до н. э. – II в. н. э. в окрестностях Феодосии // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996.
- Каргопольцев С. Ю., Бажан И. А. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III – VI вв.) // Петербургский археологический вестник. 1993. № 7.
- Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев, 1986.
- Козенкова В. И. Комплексы сарматского времени из станицы Ново-Титаровская (Краснодарский край) // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.
- Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (Восточный вариант). САИ. Вып. В2-5. М., 1982.
- Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Скифские погребения в курганах на землях Соломона Крыма // История и археология Крыма. Вып. II. Симферополь, 2015.
- Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века. Киев, 1996.
- Колотухин В. А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь, 2000.
- Корпусова В. Н. Некрополь Золотое. Киев, 1983.
- Костромичев Д. А. Ажурные пряжки с пельтовидной рамкой: вопросы типологии, хронологии и происхождения // Stratum plus. 2015. № 4.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году // ИАК. 1906. Вып. 20.
- Кропоткин В. В. Черняховская культура в Северном Причерноморье // Проблемы советской археологии. М., 1978.
- Кухарская Е. М., Терпиловский Р. В. Некоторые типы лунниц III–V вв. н. э. в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981.
- Маркевич В. И., Рикман Э. А. Клад III – IV вв. н. э. из Буковины // СА. 1973. № 4.
- Мастыкова А. В. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.
- Мастыкова А. В. Стекланные полихромные и янтарные бусы из Велегожского клада // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 1. Тула, 2015.
- Мастыкова А. В. О происхождении янтарных грибовидных бус-подвесок римского времени в Понто-Кавказском регионе // Stratum plus. 2016. № 4.

- Михлин Б. Ю., Бирюков А. С. Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкинитиды // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев, 1983.
- Морозовская Т. В. Бронзовые пирамидальные колокольчики римского времени в археологических памятниках Северного Причерноморья // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985.
- Мосберг Г. И. К изучению могильников римского времени Юго-Западного Крыма // СА. 1946. Т. VIII.
- Мошеева О. Н. Египетский фаянс в сарматских погребениях Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2010.
- Мошкова М. Г. Позднесарматские погребения второй половины III в. н. э. из могильника «Три брата» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № XXI.
- Мульд С. А., Масыкин В. В. Позднескифский склеп № 20 могильника у с. Левадки // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В. Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006.
- Назаров В. В. Бусы из грунтовых погребений Западного некрополя Херсонеса // Зубарь В. М., Шевченко А. В., Липавский С. А. Западный некрополь Херсонеса Таврического /материалы раскопок 1983–1985 гг. Киев, 1989. (Препр./АН УССР. Ин-т археологии).
- Никитина Г. Ф. Гребни черняховской культуры // СА. 1969. №1.
- Новиченкова Н. Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта, 2002.
- Обломский А. М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н. э.). М., 2003.
- Ольховский В. С. Хозяйство и материальная культура скифов Крыма (кон. VII – IV вв. до н. э.) // У Понта Евксинского. Симферополь, 2004.
- Островерхов А. С. Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ. 1985. № 3.
- Парусимов И. Н., Рогудеев В. В. Некрополь Темерницкого городища // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону, 2000.
- Петраускас О. В. Поховання багатої дівчинки на могильнику черняхівської культури Велика Бугаївка // Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали. Киев, 2004.
- Пиоро И. С. Крымская Готия. Киев, 1990.
- Пуздровский А. Е. Новый участок Восточного некрополя Неаполя скифского // РА. 1992. № 2.
- Пуздровский А. Е. Погребения Битакского могильника первых веков н. э. с оружием и конской уздой // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001.
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Новые памятники III–IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Вып. VIII. Симферополь, 2001.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. Два склепа в центральной части Усть-Альминского некрополя // История и археология Крыма. Вып. II. Симферополь, 2015.

- Пьянков А. В., Анфимов И. Н. Поздняя группа погребений могильника Елизаветинского городища № 2 (раскопки 1978 г.) // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. 2014. № 4.
- Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского // МИА. 1961. № 96.
- Рыжова Л. А. Бронзовые ажурные подвески из раскопок в Юго-Западном Крыму // Херсонесский сборник. Вып. XIV. Севастополь, 2005.
- Симоненко А. В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
- Симоненко О. В., Сікоза Д. М., Дзনেладзе О. С. Позньоскіфський могильник Червоний Маяк (Дослідження 2011–2015 років). Херсон, 2015.
- Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.
- Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.
- Скорый С. А. Скифский курган с катакомбами в Северном Крыму // Древности степной Скифии. Киев, 1982.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10» // *Stratum plus*. 2003–2004. № 4.
- Столярова Е. К. Бусы могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001.
- Стоянова А. А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. V. Симферополь; Керчь, 2004.
- Стоянова А. А. Подбойная могила №193 из могильника Нейзац в Центральном Крыму // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь, 2005.
- Стоянова А. А. Металеві підвіски у формі сокирок із Криму // *Археологія*. 2005а. № 2.
- Стоянова А. А. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
- Стоянова А. А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003 – 2009 гг.). Симферополь, 2012.
- Стоянова А. А. Плитовые могилы из некрополя Нейзац // Крым в сарматскую эпоху I. Симферополь; Бахчисарай, 2013.
- Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного некрополя Неаполя скифского). Киев, 1983.
- Труфанов А. А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь, 1997.
- Труфанов А. А. Подбойные могилы III в. н. э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // Сугдейский сборник. Вып. I. Киев; Судак, 2004.
- Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // *Stratum plus*. 2005–2009. № 4.
- Труфанов А. А. Могила № 914 из Усть-Альминского могильника в юго-западном Крыму // Древняя Таврика. Симферополь, 2007.

- Труфанов А. А. Погребения III в. н. э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя // *Stratum plus*. 2010. № 4.
- Труфанов А. А. Металлические амулеты-подвески Северного Причерноморья первых веков н. э. // *Stratum plus*. 2011. № 4.
- Труфанов А. А. Склеп 977 из позднескифского Усть-Альминского могильника // *История и археология Крыма*. Вып. II. Симферополь, 2015.
- Труфанов А. А., Колтухов С. Г. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму // *Stratum plus*. 2001–2002. № 4.
- Ушаков С. В., Филиппенко А. А. Новые данные об аланах в Юго-Западном Крыму (по материалам некрополя Карши-Баир) // *Херсонесский сборник*. Вып. XV. Севастополь, 2006.
- Фирсов К. Б. Ювелирные изделия из некрополя первых веков н. э. у с. Заверное в юго-западном Крыму // *Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции*. СПб., 2009.
- Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // *СА*. 1963. № 4.
- Храпунов И. Н. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму // *МАИЭТ*. Вып. VI. Симферополь, 1998.
- Храпунов И. Н. О позднесарматской археологической культуре в Крыму // *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова)*. Запорожье, 1999.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III–IV вв. н. э.). Lublin, 2002.
- Храпунов И. Н. Подбойная могила позднеримского времени из некрополя Нейзац // *Херсонесский сборник*. Вып. XIII. Севастополь, 2004.
- Храпунов И. Н. Погребения детей в могильнике Нейзац // *МАИЭТ*. Вып. XII. Ч. 1. Симферополь, 2006.
- Храпунов И. Н. Склеп III в. н. э. из могильника Нейзац // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2006а. Вып. XVI/1.
- Храпунов И. Н. Две могилы с погребениями женщин из некрополя Нейзац // *МАИЭТ*. Вып. XIII. Симферополь, 2007.
- Храпунов И. Н. Склеп IV в. н. э. из могильника Нейзац // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2008. Вып. XXI.
- Храпунов И. Н. Позднескифский могильник Фонтаны (по результатам раскопок 2000–2001 гг.). Симферополь, 2008а.
- Храпунов И. Н. Подбойная могила с двумя погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац // *МАИЭТ*. Вып. XVII. Симферополь, 2011.
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь, 2011а.
- Храпунов И. Н. Склеп с погребениями III – IV вв. н. э. из могильника Нейзац. Симферополь, 2011б.

- Храпунов И. Н. Особенности могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). I. Симферополь; Бахчисарай, 2013.
- Храпунов И. Н. Погребения II в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 1.
- Храпунов И. Н. Две подбойные могилы III в. н. э. из некрополя Нейзац (Крым) // РА. 2016. № 2.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. Новые исследования могильников позднеримского времени в Крыму // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel – und Osteuropa. Łódź, 2000.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. Склепы с погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь; Керчь, 2004.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // Проблемы истории, филологии и культуры. 2004б. Вып. XIV.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Об имущественной и социальной дифференциации населения предгорного Крыма позднеримского времени // КСИА. 2014. Вып. 234.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Могила № 9 (35) из Чернореченского могильника в Крыму // КСИА. 2016. Вып. 244 (в печати).
- Храпунов Н. И. Монеты из могильника Дружное // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. Вып. XXI.
- Храпунов Н. И. О монетах из могильника Озерное III // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 3.
- Храпунов Н. И. Находки монет в могильниках крымских варваров позднеримского времени: некоторые перспективы анализа и исторической интерпретации // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Материалы XIV Боспорских чтений. Керчь, 2013.
- Шабанов С. Б. Детское погребение с бальзамамиями из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. XXIV. Симферополь; Керчь, 2010.
- Шабанов С. Б. Стекланные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996 – 2011 гг.) // МАИЭТ. Вып. XVII. Симферополь, 2011.
- Шишкин Р. Г. Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры // Сучасні проблеми археології. Київ, 2002.
- Щукин М. Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
- Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // Херсонесский сборник. Вып. XII. Севастополь, 2003.
- Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма, 1970.

- Andrzejowski A. Hryniewiczze Wielkie – cmentarzysko z pogranicza dwóch światów // COMHLAN. Warszawa, 1999.
- Beilke-Voigt I. Frühgeschichtliche Miniaturobjekte mit Amulettcharakter zwischen Britischen Inseln und Schwarzem Meer. Bonn, 1998.
- Gebers W., Hinz H., Drenhaus U. Ein Körpergrab der Völker — wanderungszeit aus Bosau Kr. Ostholstein // Offa. 1977. Bd. 34.
- Hayes J. W. Sigillate orientali // Atlante delle forme ceramiche II: Ceramica fine romana nel Bacino mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero). Roma, 1985.
- Istvánovits E., Kulcsár V. From the Crimea to Scandinavia via the Great Hungarian Plain: traces of Germanic-Sarmatian contacts on the basis of finds of spherical pendants and of other phenomena // Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Simferopol, 2011.
- Kokowska E. Der Gagat – das schwarze Gold der Antike. Zu einigen Perlenfunden im Berliner Museum für Vor- und Frühgeschichte // Acta Praehistorica et Archaeologica. 2012. 44.
- Kokowski A. Metalowe wisiorki w kształcie topora na terenie Barbaricum na północ i północny-wschód od limesu rzymskiego, w okresie rzymskim i we wczesnym okresie wędrówek ludów // 20 lat archeologii w Masłomęczu. Lublin, 1998. Weterani I.
- Kokowski A. Zur Herkunft einiger Amulette im Kreise der Gotenkultur // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1-5 centuries A.D. Aszód – Nyíregyháza, 2001.
- Kovács L., Vaday A. On the problem of the Marine Gastropod shell pendants in the Sarmatian Barbaricum in the Carpathian Basin // Acta Archaeologica. 2005. T. LVI.
- Khrapunov I. N. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea // The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. Lublin, 2008.
- Kőhegyi M., Vörös G. Madaras-Halmok. Szeged, 2011.
- Párducz M. Csongrádi leletek (Découvertes archéologiques de Csongrád). Az Alföldi Tudományos Intézet Évkönyve I. 1944-1945. Szeged, 1946.
- Schulze-Dörrlamm M. Gotische Amulette des 4. und 5. Jahrhunderts N. Chr. // Archäologisches korrespondenzblatt. 1986. 16.
- Stanek K. Wisiory opasane odmiany wschodniej w środkowoeuropejskim Barbaricum // COMHLAN. Studia z archeologii okresu przedrzymskiego I rzymskiego w Europie Środkowej dedykowane Teresie Dąbrowskiej w 65. rocznicę urodzin. Warszawa 1999.
- Tempelmann-Maczyńska M. Perlen der römischen Kaiserzeit und frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein, 1985.
- Vaday A. H. Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok // Antaeus communications ex Instituto archaeologico Academiae scientiarum Hungaricae, 17-18. Budapest, 1989.
- Voronov Y. Tsibilium. Vol. 1. La nécropole apsile de Tsibilium Les fouilles de 1977–1986 (BAR, International Series–1721). Oxford, 2007.

A. A. Stoyanova

## **Pendants from the Cemetery of Neyzats**

### ***Abstract***

This article addresses pendants discovered by excavations at the cemetery of Neyzats. The collection of these ornaments comprises 305 specimens made of glass, Egyptian faience, jet, amber, metal, stone, clay, shells, and bones, representing 44 types total. Pendants have been found in 120 burial assemblages, where they accompanied mostly graves of children and women. Bronze bells, metal crescent-shaped pendants, and amber mushroom-shaped pendants predominate among the finds in Neyzats. The number of ornaments made of Egyptian faience is inconsiderable probably due to the chronology of this cemetery. Extraordinary popular in the Early Roman Period, faience artefacts came out of use from the late second century AD, and the amulets from the cemetery of Neyzats formed the latest group in the Crimea. The pendants discovered in the cemetery of Neyzats are of different origin. The population of the Zuya River valley obtained glass and faience artefacts from Greco-Roman centres, though several forms of metal ornaments were typical of the Sarmatian culture, and a few types belonged to the group of artefacts widespread mostly in cultures of the Germanic circle. Within this category of artefacts, we have succeeded to discover a few types having a narrow chronological frame, which could be viewed as chronological markers. Generally, the complex of the Neyzats pendants represents the forms typical of synchronous cemeteries in the Crimean foothill area. It testifies to the uniformity of the material culture of the population that resided in this region in first centuries AD.

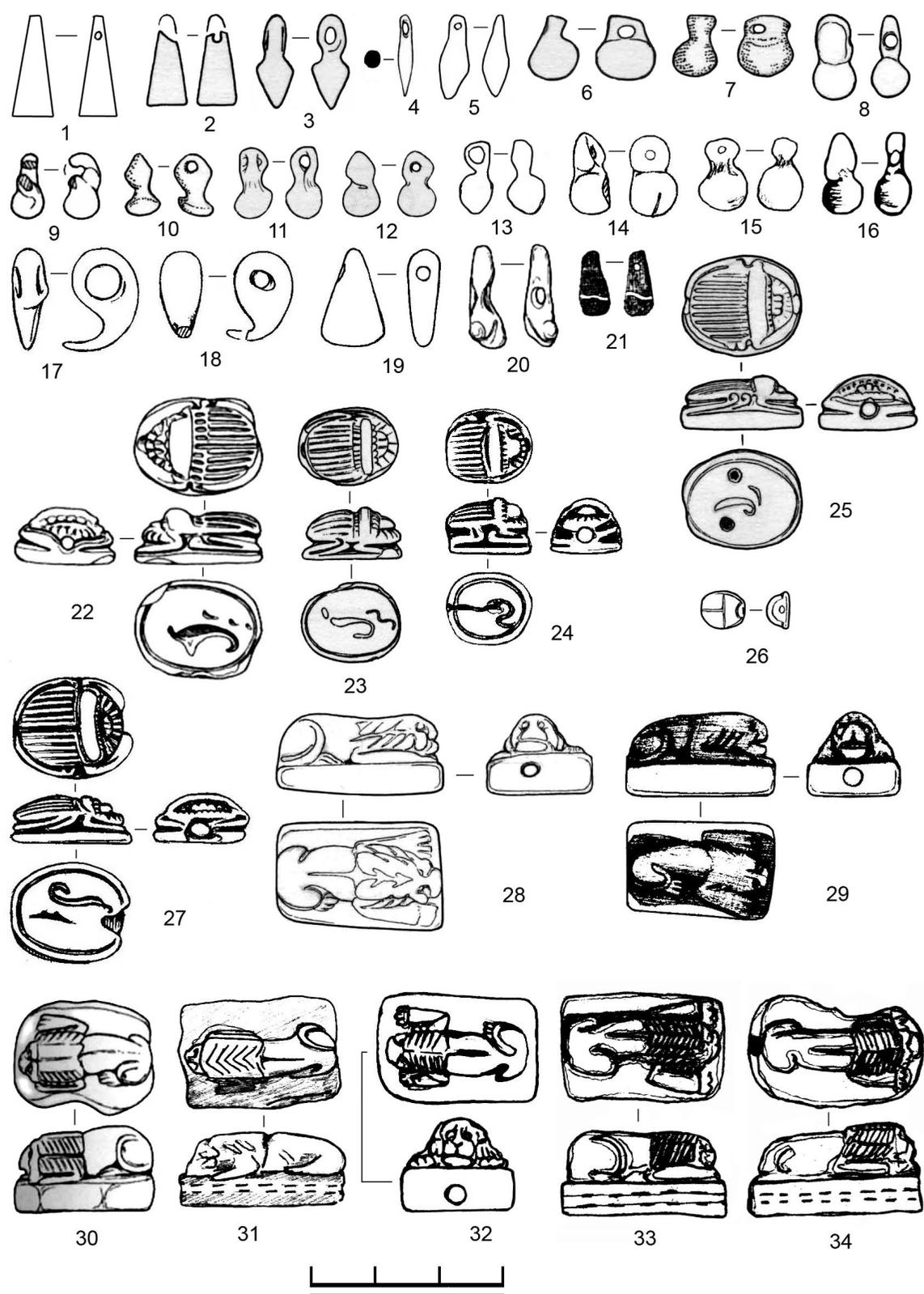


Рис. 1. Подвески из могильника Нейзац. 1 – 20 — подвески из одноцветного стекла: 1, 2 — № 1; 3 — № 2; 4, 5 — № 3; 6, 7 — № 4; 8 – 16 — № 5; 17, 18 — № 6; 19 — № 7; 20 — № 8; 21 — подвеска из многоцветного стекла, № 9; 22 – 34 — подвески из египетского фаянса: 22 – 27 — № 10; 28 – 34 — № 11

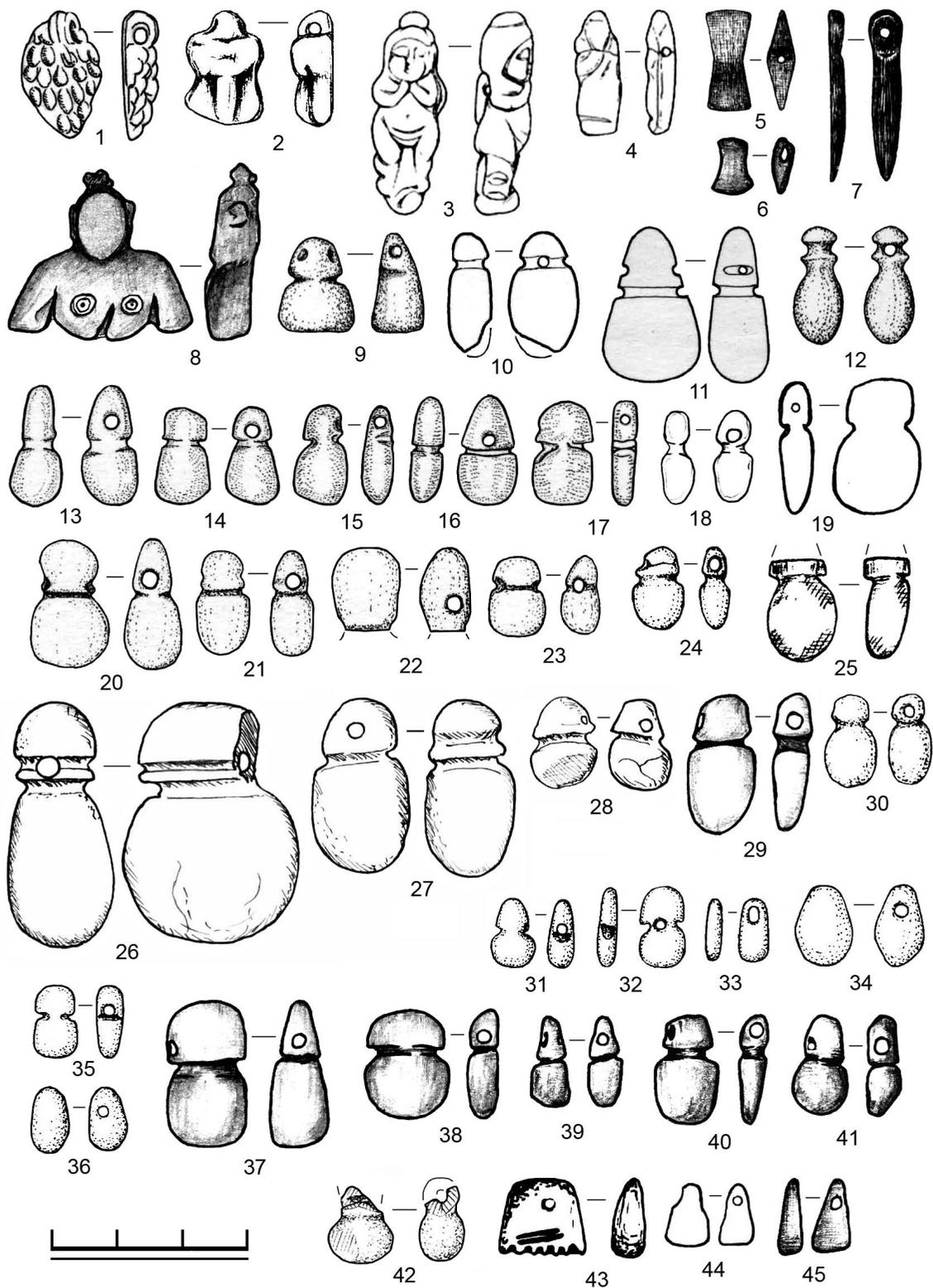


Рис. 2. Подвески из могильника Нейзац. 1 – 4 — подвески из египетского фаянса: 1 — № 12; 2 — № 13; 3, 4 — № 14; 5 – 8 — подвески из гагата: 5 — № 15; 6 — № 16; 7 — № 17; 8 — № 18; 9 – 45 — подвески из янтаря: 9 – 42 — № 19; 43 — № 21; 44, 45 — № 22

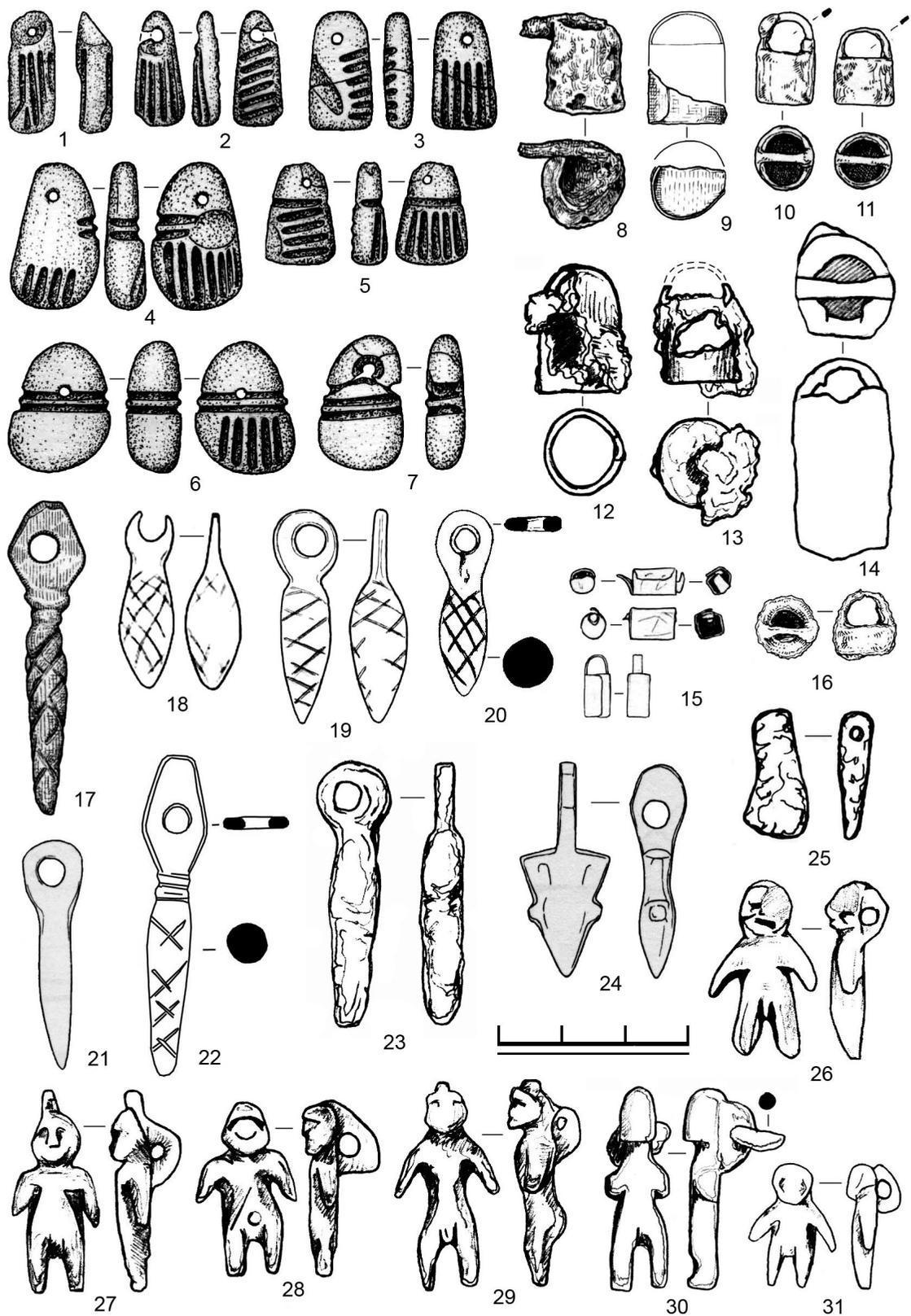


Рис. 3. Подвески из могильника Нейзац. 1 – 7 — подвески из янтаря, № 20; 8 – 31 — подвески из металла: 8 – 16 — № 23; 17 – 23 — № 24; 24 — № 25; 25 — № 27; 26 – 31 — № 26

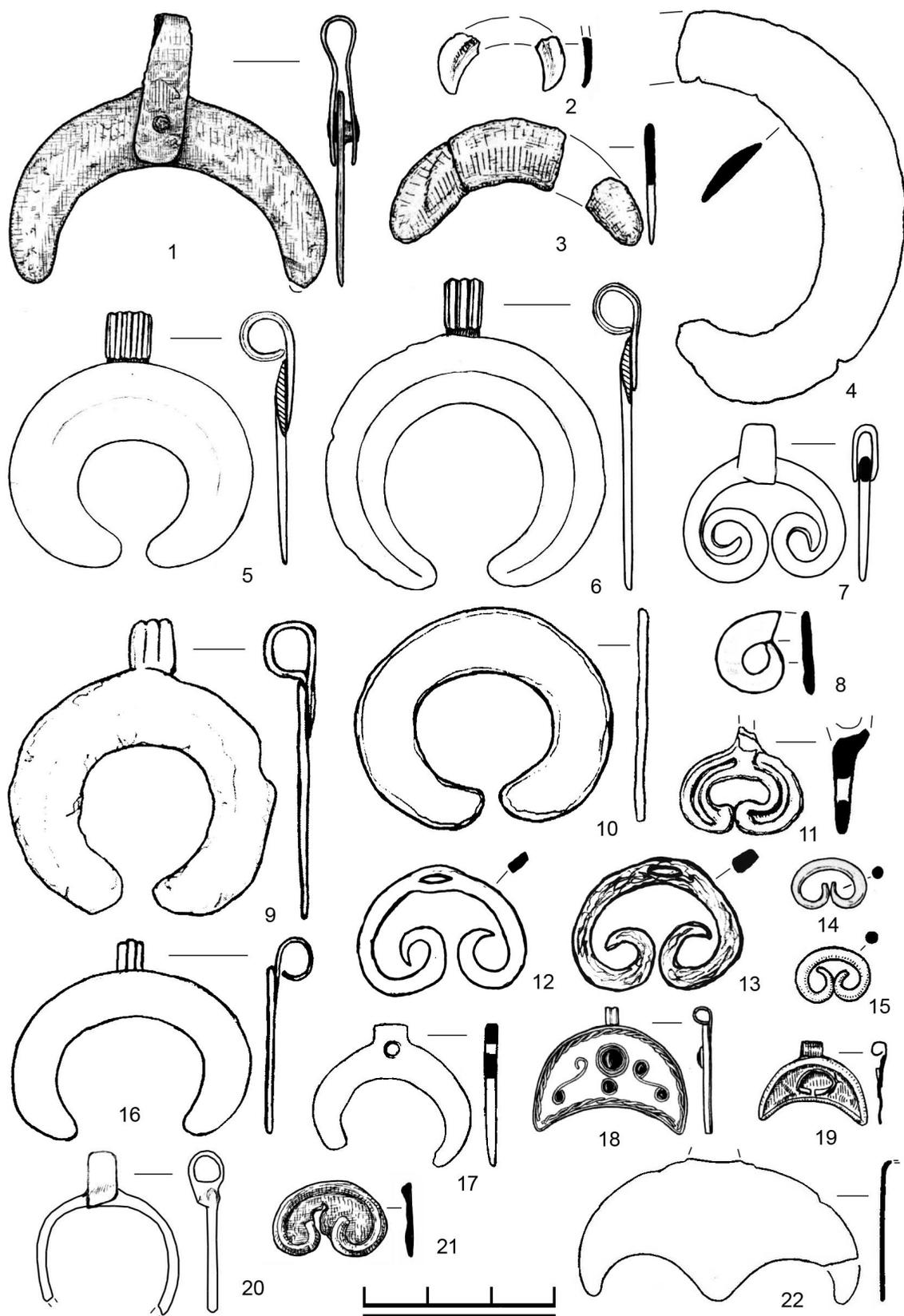


Рис. 4. Подвески из могильника Нейзац в виде лунниц из металла: 1 – 6, 9, 10, 16 — № 28а; 7, 8 — № 28б; 11 — № 28д; 12, 13 — № 28в; 14, 15 — № 28г; 17 — № 28е; 18, 19 — № 28з; 20 — № 28; 21 — № 28ж; 22 — № 29

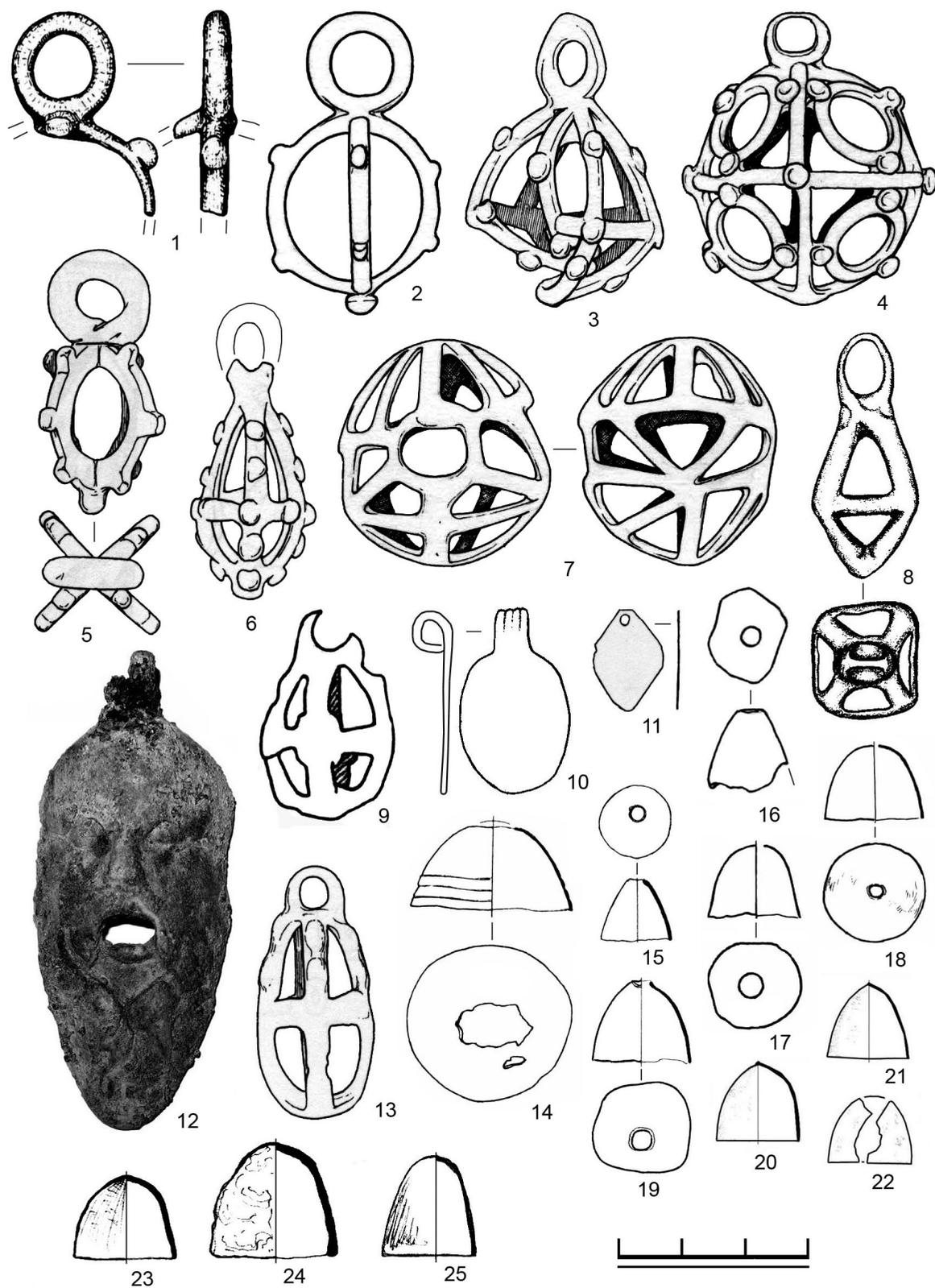


Рис. 5. Подвески из могильника Нейзац из металла: 1 – 9, 13 — № 30; 10 — № 32; 11 — № 31; 12 — № 33; 14 – 25 — № 34а

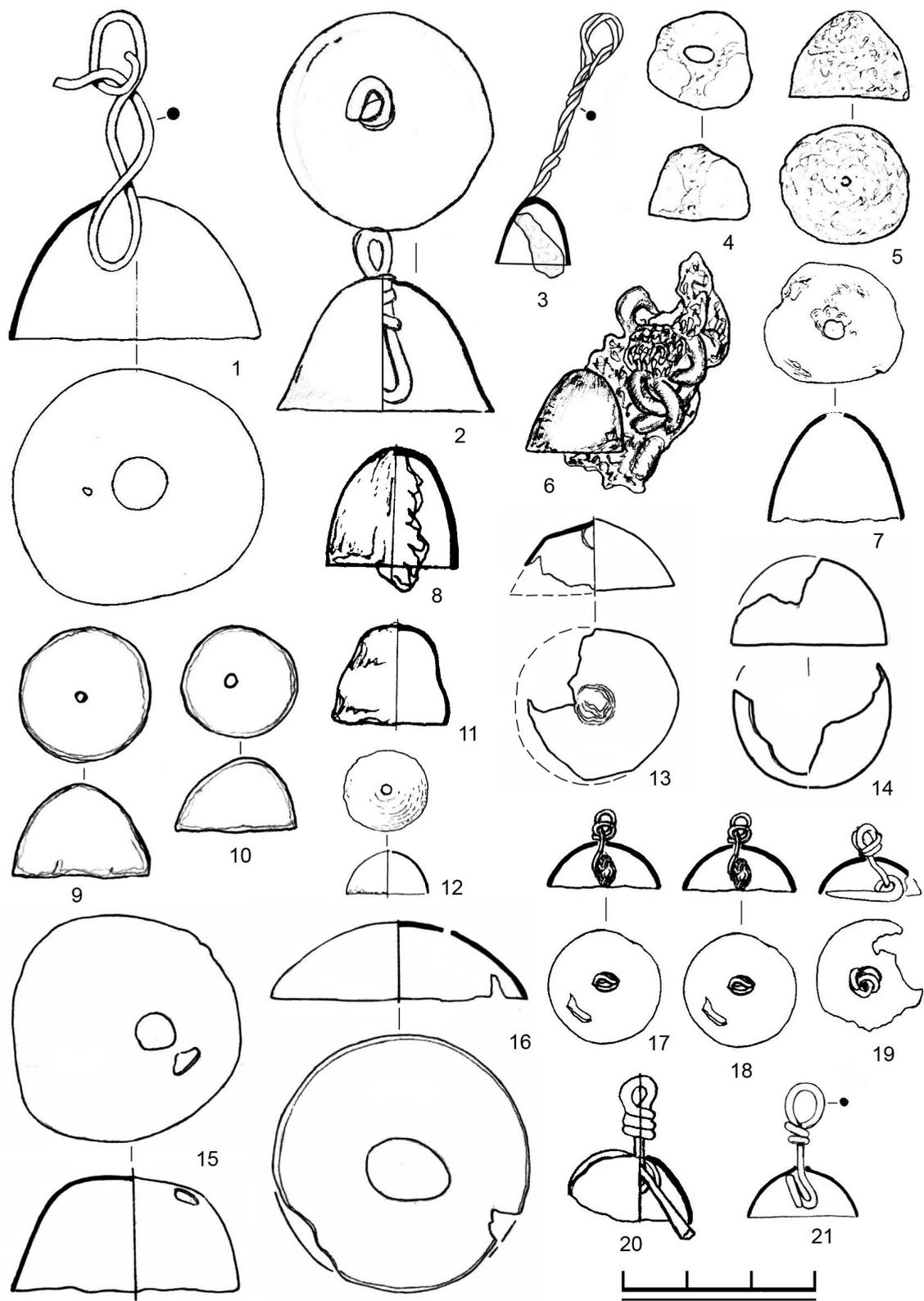


Рис. 6. Подвески из могильника Нейзац в виде колокольчиков: 1 – 12 — № 34а; 13 – 21 — № 34б

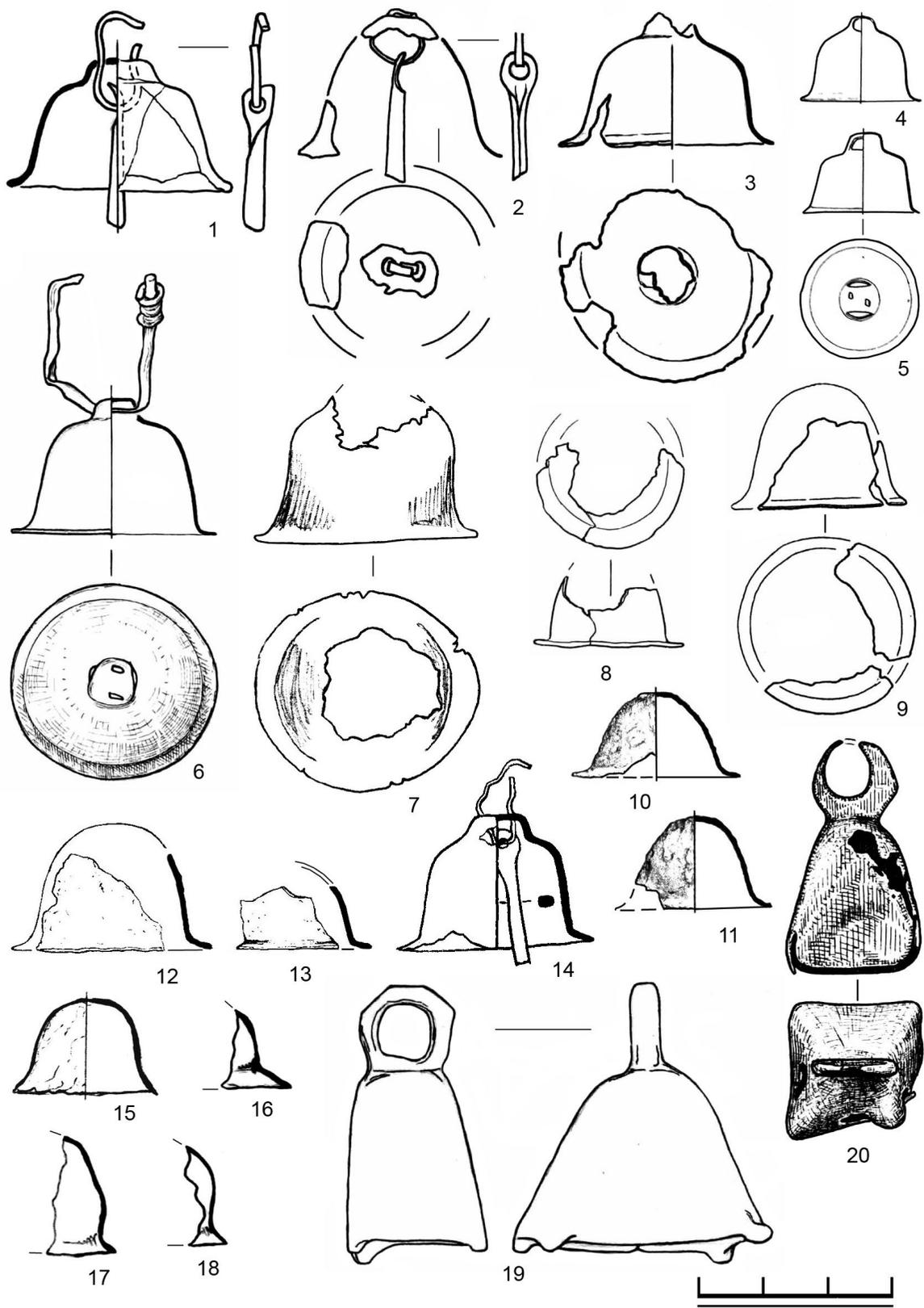


Рис. 7. Подвески из могильника Нейзац в виде колокольчиков: 1 – 18 — № 34в; 19, 20 — № 34г

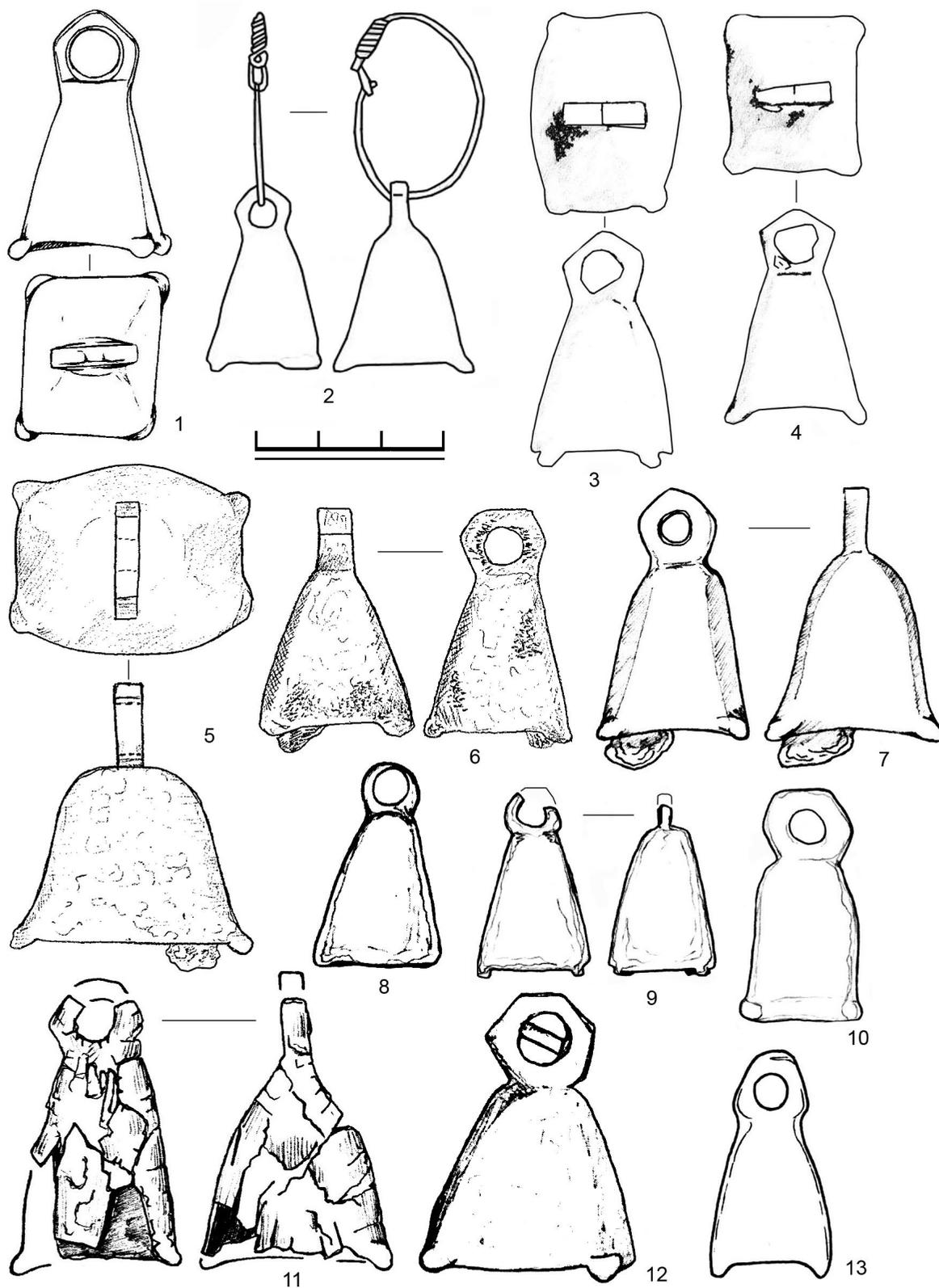


Рис. 8. Подвески из могильника Нейзац в виде колокольчиков, № 34г



Рис. 9. Подвески из могильника Нейзац в виде колокольчиков: 1, 2 — № 34г;  
3 – 7 — № 34д; 8 – 18 — № 34е

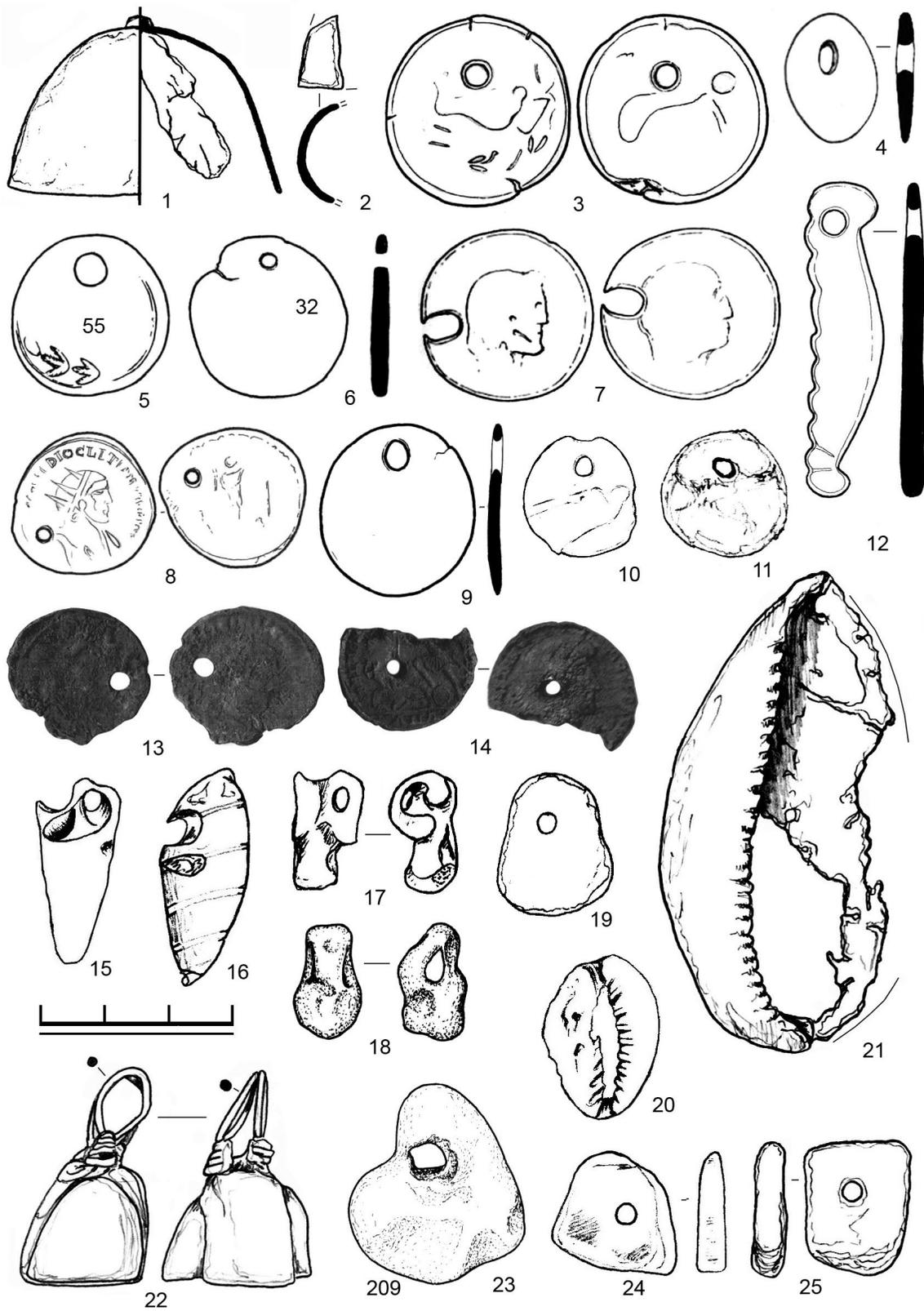


Рис. 10. Подвески из могильника Нейзац. 1 – 14, 19 — подвески из металла: 1 — № 34е, 2 — №34; 3 – 11, 13, 14, 19 — № 35; 12 — № 36; 15, 16, 20, 21 — подвески из раковин: 15, 16 — № 38; 20, 21 — № 37; 17, 18 — подвески из кости: 17 — № 43; 18 — № 44; 22, 23, 25 — подвески из камня: 22 — № 41; 23 — № 42; 25 — № 40; 24 — подвеска из глины, № 39

С. Б. Шабанов

## Стеклянный кубок группы Nuprengläser из погребального комплекса поздне римского времени могильника Нейзац

*Ключевые слова:* Крым, римское время, могильник Нейзац, стеклянная посуда, Nuprengläser

*Key words:* Crimea, Roman Period, cemetery of Neyzats, glass vessels, Nuprengläser

Стеклянные сосуды поздне римского и раннесредневекового времени, найденные в Северном Причерноморье и на Кавказе, неоднократно становились объектом исследования. К одной из наиболее изученных групп изделий можно отнести сосуды, украшенные т.н. «синими каплями». В эту группу (в археологической литературе ее еще называют «Nuprengläser») традиционно включают многочисленные стаканы или кубки разнообразной формы, на тулово которых при обработке наносились капли и полосы из стекла темно-синего цвета. Подобные изделия получили широкое распространение в финале античности как на территории Римской империи, так и за ее пределами. Гораздо реже встречаются сосуды, украшенные каплями из стекла разного цвета: светло-синего, оранжевого, красного, зеленого. Один такой фрагментированный кубок найден в могильнике Нейзац

в склепе № 321. Ранее они не были известны ни в Крыму, ни в Северном Причерноморье. Далее подробнее остановимся на описании конструкции погребального сооружения и на наиболее выразительных предметах, найденных в склепе.<sup>1</sup>

Подпрямоугольная в плане входная яма склепа ориентирована с запада на восток. Ее размеры 2,8 x 0,8 м, глубина от уровня материка 1,7–2,5 м, от современной дневной поверхности — 2,4–3,1 м. В западной стене, у дна сделана ступенька высотой 0,25 м. Вход в дромос сделан в восточной стене входной ямы. В древности он был закрыт плитой, которая обнаружена лежащей на дне входной ямы у входа в дромос (рис. 1). Размеры дромоса 0,55 x 0,65 (ширина) м. Его пол расположен на 0,1 м выше дна входной ямы, на одном уровне с полом погребальной камеры.

<sup>1</sup> Выражаю благодарность И. Н. Храпунову за возможность работы с материалами из раскопок могильника Нейзац.

Погребальная камера склепа подпрямоугольная в плане. Ее восточная стена и юго-восточный угол неровные из-за выходов твердых скальных пород. Размеры погребальной камеры 3,0 x 2,2 м. Ее длинная ось перпендикулярна длинной оси входной ямы. На полу погребальной камеры обнаружены останки шести погребенных. Погребения пронумерованы по направлению с севера на юг. Все они совершены в вытянутом положении на спине головами в противоположные стороны (рис. 2).

Погребение I совершено вдоль северной стены погребальной камеры в вытянутом положении на спине, головой на восток. Ноги погребенного сведены. Два плоских камня подложили под его грудь и ноги. На месте груди стояли лепные кувшин (рис. 4, 1) и кружка (рис. 4, 7). Справа от черепа, вплотную к нему, стояли упавшая на череп краснолаковая миска (рис. 3, 6) с костями животных, краснолаковый кувшин (рис. 3, 1) и лепная кружка. Между костями найдены мелкие обломки стеклянного сосуда, украшенного разноцветными стеклянными вставками (рис. 6, 1). На месте живота обнаружены бусы (рис. 5, 20–23, 25–27). На правой бедренной кости лежало керамическое пряслице (рис. 5, 15), на месте правого колена — крупная бусина (рис. 5, 17).

Над левой кистью погребенного и вдоль левого бедра расчищено скопление предметов, состоявшее из бус (рис. 5, 37; 5, 18, 19, 28–36), пряслица (рис. 5, 14) и фрагмента железного предмета. Размеры скопления составляли 0,4 x 0,25 м. Вероятно, это остатки погребения ребенка, кости которого полностью истлели.

За черепами погребенного I и расположенного южнее погребенного II стояли лепные (рис. 4, 1, 3, 6, 8) и краснолаковые (рис. 3, 2, 5) сосуды. Там же обнаружены железные ножи (рис. 5, 6, 8, 9) и кость животного.

Погребение II ориентировано головой на восток. Ноги погребенного сведены. На месте правого плеча обнаружены

лежавшие рядом железные пряжка (рис. 5, 3), шило (рис. 5, 4) и неясного назначения стержень (рис. 5, 10), а также оселок (рис. 5, 40) и кремни (рис. 5, 38, 39). На месте живота и груди стояло краснолаковое блюдо (рис. 3, 4), а в нем — лепные горшок и кувшин. Под правыми берцовыми костями лежал железный топор (рис. 5, 13).

Погребение III располагалось в центре погребальной камеры головой на запад. Череп находился в дромосе, кисти под тазовыми костями. На месте таза лежали две железные пряжки (рис. 5, 1, 2), нож (рис. 5, 12) и предмет неясного назначения (рис. 5, 5). В ногах, на расстоянии 0,4–0,5 м от них, у восточной стены склепа обнаружены кости животных. Они могли относиться и к погребению II, и к погребению III.

Погребение IV было ориентировано головой на запад. У левого плеча и ноги лежало по плоскому камню. У черепа находилась перевернутая вверх дном лепная миска. На месте шеи и груди обнаружен бисер (рис. 5, 24), у правого колена — пряслице (рис. 5, 6), под правыми берцовыми костями — нож (рис. 5, 11).

От погребения V сохранились отдельные кости и лежавшие справа и слева от них плоские камни. В юго-восточном углу склепа находился нож (рис. 5, 7), рядом с ним — кости животных.

**Краснолаковая керамика.** Плоскодонный кувшин с расширяющимся кверху округлым туловом, цилиндрическим горлом и профилированным венчиком (рис. 3, 1) находит аналогии в других погребальных памятниках предгорного Крыма. Подобные кувшины найдены склепе № 2 некрополя Озерное III вместе с монетой Лициния (308–324 гг.) (Лобода 1977, с. 246), склепе № 53 Чернореченского могильника с монетами Валента (364–378 гг.) (Айбабин 1990, с. 15), могилах № 53 и № 54 некрополя Суворово (Зайцев, Мордвинцева 2003, рис. 8, 13; 10, 15), склепах № 18 и № 84 могильника Дружное, датирующихся IV в. н. э. (Храпунов 2002, с. 60). Два кувшина происходят

из некрополя Совхоз № 10 (Стржелецкий и др. 2003–2004, с. 103) и один из склепа № 1 могильника Вишневое (Пуздровский 2001, рис. 11, 2), также датирующиеся IV в. н. э. Три кувшина из могильника Алмалык-Дере у подножия Мангупа датируются IV в. н. э., возможно первой половиной V в. н. э. (Иванова 2009, с. 51).

Кувшин на высоком кольцевом поддоне с полусферическим рифленным туловом, цилиндрическим горлом (рис. 3, 2). Н. П. Сорокина упоминает два подобных кувшина из некрополя Пантикапея, которые датирует IV в. н. э. (Сорокина 1971, с. 94). Один кувшин найден в засыпи IV в. н. э. могилы «Д» под Загородным крестообразным храмом в Херсонесе (Домбровский 1993, с. 313, рис. 19) и еще один в склепе IV в. н. э. № 18 могильника Дружное (Храпунов 2002, с. 60). Указанные сосуды отличаются от нейзацкого небольшими размерами и описываются как «миниатюрные». В. М. Зубарь датирует такие кувшины, найденные в некрополе Херсонеса, III–IV вв. н. э. (Зубарь 1982, с. 73).

Миска с вертикальным, загнутым внутрь краем, усеченно-коническими стенками и на невысоком кольцевом поддоне (рис. 3, 6). Такие миски часто встречаются в могильниках предгорного Крыма в погребальных комплексах IV – V вв. н. э.: в Дружном (Храпунов 2002, с. 58), Инкермане (Веймарн 1963, с. 24), Чернореченском (Айбабин 1990, с. 16), Суворово (Зайцев 1997, с. 110, 114), Озерном III (Лобода с. 238–245). По наблюдениям исследователей, миски с загнутым внутрь краем могут встречаться и позднее, но наиболее активно они использовались в конце IV – середине V вв. н. э. (Иванова 2009, с. 43).

Миска с полусферическим туловом на кольцевом поддоне с горизонтально отогнутым краем (рис. 3, 3) находит аналогии в могильниках Дружное (Храпунов 2002, с. 59), Чернореченском (Айбабин 1999, табл. XVII.3), Инкерман (Веймарн 1963, с. 36), Совхоз №10 (Стржелецкий и др.,

2003–2004, с. 85), Алмалык Дере (Иванова 2009, с. 48–49).

Блюдо с вертикальным, слегка загнутым внутрь краем, усеченно-коническими стенками на невысоком кольцевом поддоне (рис. 3, 5). Подобные блюда известны в других погребальных комплексах могильника Нейзац (Храпунов 2011, рис. 18, 2), Дружное (Храпунов 2002, с. 58), Суворово (Зайцев 1997, рис. 64; Зайцев, Мордвинцева 2003, рис. 9.1), Тас-Тепе (Пуздровский 2001, рис. 3.7), Совхоз №10 (Стржелецкий и др. 2003–2004, с. 89–91), Алмалык-Дере (Иванова 2009, с. 34). А. И. Айбабин датирует блюда этого типа первой половиной IV – второй половиной VII вв. (Айбабин, 1990, с. 16).

Широко представлены в погребальных комплексах региона блюда с отогнутым наружу краем (рис. 3, 4), которые можно датировать IV – V вв. н. э. (Айбабин 1990, с. 16; Иванова 2009, с. 35).

**Изделия из металла.** Сложно сказать что-то определенное о трех железных пряжках (рис. 5, 1–3), поскольку они сильно корродированы. Пряжки из железа, которых известно в могильнике Нейзац более сотни (Храпунов 2011, с. 28), хорошо представлены в поясных наборах во многих погребальных комплексах могильника. Два железных заостренных стержня (рис. 5, 4, 5) с остатками дерева можно условно назвать «шильями», которые часто встречаются в склепах IV в. н. э. (Храпунов 2011, с. 40). Найденные в склепе № 321 пять железных ножей (рис. 5, 6–9, 11, 12) также широко представлены в захоронениях всех типов и присутствуют в погребальном инвентаре все время существования могильника Нейзац (Храпунов 2011, с. 41).

Интерес вызывает железный топор (рис. 5, 13). Топоры, найденные в могильнике Нейзац, имеют прямой верхний край, серповидное лезвие, и разделяются на два типа в зависимости от отсутствия или наличия выделенного обуха (Храпунов 2010, с. 548). К последнему типу относится рассматриваемый топор и соответствует всем

остальным топорам позднеримского времени, найденным в Крыму. Сложившиеся представления о связи этой категории оружия с германским миром подвергнуты сомнению И. Н. Храпуновым, который считает топоры с выделенным обухом результатом генезиса местного, причерноморского вооружения (Храпунов 2010, с. 548).

**Стекланный сосуд.** Среди скопления краснолаковой и лепной керамики у головы погребенного I найден раздавленный стеклянный кубок (рис. 6), который, возможно, был поставлен в один из керамических сосудов. В специальной работе, посвященной стеклянной посуде из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011 гг.) дано лишь общее описание фрагментов этого сосуда, что связано ограничениями объема публикации (Шабанов 2011, с. 167, рис. 12, 27).

После того как форма сосуда была реконструирована, стало понятно, что он представлял из себя кубок или стакан с округлыми стенками, сужающимися книзу и слегка вогнутым дном (рис. 6, 1). Высота его составляла примерно 9–10 см. Изготовлен сосуд из тонкого бесцветного стекла. Тулово украшено двумя рядами разного размера и цвета стеклянных капель. Ни в Крыму, ни в Северном Причерноморье такие сосуды ранее не были известны. Н. П. Сорокина, посвятившая специальную статью стеклянным сосудам с синими каплями, лишь упоминает о встречающихся в западноримских областях изделиях, украшенных накладным орнаментом из капель и нитей разного цвета (Сорокина 1971, с. 99). Она отнесла их к «западному стилю» т. н. группы *Nuppengläser*, выделенную Д. Харденом и включавшую сосуды с синими каплями ближневосточного происхождения (Harden 1936, p. 36)<sup>2</sup>. Мастера, изготавливавшие стеклянные сосуды с каплями синего стекла, имитировали сосуды из золота,

инкрустированные драгоценными камнями, популярные среди римской знати в финале античности (Шабанов 2011, с. 151). Эта категория посуды получила широкое распространение в IV – V вв. н. э. и в пределах «римского мира», где находки таких сосудов известны от Аравии до римской Британии, и в Барбарикуме (Isings 1957, p. 131-132; Кропоткин 1970, с. 30). Что касается кубков, украшенных каплями разноцветного стекла, то их можно, согласившись с мнением Н. П. Сорокиной, отнести к продукции западноримских стеклоделов, а именно к мастерским расположенным в галло-рейнском регионе. Здесь обнаружены чаши, кубки и ритоны, орнаментированные каплями и нитями синего, зеленого, коричневого цветов, датирующиеся IV в. н. э. (Doppelfeld 1966, taf. 136–141). Такие сосуды редко встречаются за пределами этого района (Doppelfeld 1966, s. 59). В римском укреплении Сирмиум (*Sirmium*) в Паннонии найден один стакан на невысоком кольцевом поддоне, украшенный двумя рядами чередующихся разноцветных капель. Датируется он IV в. н. э. (Ružić 1994, s. 50, kat. 961, t. XXXVII.3). В Рейнском земельном музее (г. Трир, ФРГ, *Rheinisches Landesmuseum Trier*) хранится кубок (рис. 6, 2), схожий с нейзацким по форме и орнаментации (Katalog 1977, s. 68, kat. 268). Теперь находка из Крыма пополнит этот небольшой перечень сосудов «западного стиля» группы *Nuppengläser*.

\* \* \*

Конструкция погребального сооружения и погребальный обряд склепа № 321 находят многочисленные сходства с другими захоронениями IV в. н. э. в могильнике Нейзац<sup>3</sup>. К этому времени относится значительная часть погребений в склепах, сопровождающихся большим количеством керамической посуды, украшений, предметов вооружения и стеклянными сосудами

<sup>2</sup> Целые и фрагментированные сосуды, украшенные синими каплями, часто встречаются при раскопках позднеантичных поселений и некрополей в Восточном Средиземноморье, в том числе и при исследовании стеклоделательных мастерских (Weinberg, Goldstein 1988, fig. 4.46).

(Храпунов 2011, с. 17). По-видимому, захоронения в склепе № 321 совершались на протяжении IV в. н. э. Можно допустить, что часть погребений были совершены в начале V в. н. э., но среди погребального инвентаря нет вещей, которые можно было бы датировать исключительно этим временем. Лепная керамика (рис. 4), представленная кувшинами, кружками, горшками и миской, близка керамическим комплексам из синхронных могильников предгорного Крыма. Как и в других некрополях, в погребениях IV в. н. э. могильника Нейзац прослеживается обычай опускать в могилу большое количество лепных сосудов, в частности кружек, что указывает на северокавказское происхождение населения, использовавшего могильник (Власов 2003, с. 110–111; Храпунов 2002, с. 77). Наиболее близкие параллели в лепной керамике прослеживаются с хорошо изученным керамическим комплексом могильника Дружное<sup>4</sup>. Находки краснолаковой керамики, железный топор, стеклянный сосуд, наборы бус подтверждают предложенную датировку склепа — IV в. н. э. Из этого контекста «выбивается» только крупная бусина из прозрачного и глухого желтого стекла, сделанная из спиралевидно намотанной ленты (рис. 5, 17). Такие бусы известны в комплексах II–III вв. н. э. могильника Нейзац (Стоянова 2004, табл. III, 40) и I–II вв. н. э. в Цемдолинском некрополе в Восточном Причерноморье (Довгалюк, Малышев 2008, с. 42, рис. 35). Хронология и распространение бус этого типа мало изучены, поэтому сложно судить определенно о времени их бытования<sup>5</sup>.

Отдельно стоит сказать о стеклянном сосуде. По поводу того, как столь редкий предмет попал в крымские предгорья, можно делать лишь предположения. Возможно, он попал сюда через один из античных центров, например, Боспор, где еще в I в. н. э. появляются стеклянные сосуды западно-римского производства, а в III–IV вв. н. э. их количество резко возрастает (Кунина 1984, с. 160). Кроме того, в первой половине — середине III в. н. э., по археологическим данным и письменным свидетельствам, в Крым проникают германские племена (Айбабин 1999, с. 26–30; Храпунов 2004, с. 146; Хайрединова 1995, с. 517–528), которые привносят с собой не только элементы своей культуры, но и предметы, изготовленные в Галлии, на Рейне, Подунавье, в том числе и стеклянную посуду (Шабанов 2015, с. 223). При изучении лепной керамики, украшений и оружия прослеживаются наиболее тесные контакты местного сармато-аланского населения с представителями черняховской культуры, в погребальных комплексах которой известны находки стеклянных сосудов группы «Nuppengläser», но ближневосточного происхождения (Кропоткин 1970, с. 30). Сосуды, аналогичные нейзацкому или выполненные в том же стиле, не встречаются в памятниках племен германского круга и малоизвестны за пределами галло-рейнского региона. Находка стеклянного кубка из склепа № 321 значительно расширяет территорию распространения этого типа изделий и наши представления о развитии связей между Северным Причерноморьем и западными областями Римской империи в начале эпохи Великого переселения народов.

<sup>3</sup> В склепе № 321 отмечен редкий случай расположения погребенных головой ко входу (рис. 2). В склепах, сооружениях рассчитанных на шесть-восемь захоронений, погребенные могли быть расположены как угодно, но чаще всего их укладывали головами на восток, то есть ногами ко входу. Противоположная ориентация встречается как исключение (Храпунов 2011, с. 20) и характерна для поздних погребений (Храпунов 2005, с. 178). Необычен и низкий порог между входной ямой и дромосом. Ранее такая особенность была отмечена только в самых первых склепах могильника, датирующихся первой половиной III в. н. э.

<sup>4</sup> Среди лепной керамики из склепа № 321 это заметно не только при сопоставлении форм сосудов, но и в деталях. К примеру, редко встречающийся рельефный орнамент в виде «якорьков» (рис. 4, 4) имеется также на лепной кружке из подбойной могилы № 73 могильника Дружное, датирующейся IV в. н. э. (Храпунов 2002, с. 70, рис. 172, 2).

<sup>5</sup> Выражаю благодарность А. А. Стояновой за консультацию.

## Список использованной литературы

- Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеимперского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь, 1990.
- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Веймарн Є. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. XIII.
- Власов В. П. Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003.
- Довгалюк Н. П., Малышев А. А. Описание погребальных комплексов. Каталог // Аспургиане на Юго-Востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя. М., 2008.
- Домбровский О. И. Архитектурно-археологическое исследование Загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993.
- Зайцев Ю. П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994. Симферополь, 1997.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Исследования могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003.
- Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I – IV вв. н. э. Киев, 1982.
- Иванова О. С. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в Балке Алмалык-Дере (Мангуп) // МАИЭТ. Вып. XV. Симферополь, 2009.
- Кропоткин В. В. Римские импортные изделия (II в. н. э. – V в. н. э.) в Восточной Европе // САИ. Вып. Д1-27. М., 1970.
- Кунина Н. З. К вопросу о западном импорте стекла на Боспор // ТГЭ. 1984. XXIV.
- Лобода И. И. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. 1977. № 4.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Новые памятники III–IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Вып. VIII. Симферополь, 2001.
- Сорокина Н. П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4.
- Стоянова А. А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. V. Симферополь; Керчь, 2004.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тыс. новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // Stratum plus. 2003–2004. № 4.
- Хайрединова Э. А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н. э. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1995.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin, 2002.
- Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. Вып. VI. Симферополь; Керчь, 2004.

- Храпунов И. Н. Последние погребения в могильнике Нейзац // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь, 2005.
- Храпунов И. Н. Оружие из могильника Нейзац // Terra Barbarica. Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina. Lodz-Warszawa, 2010. II.
- Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследование могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
- Шабанов С. Б. Стеклянные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011 гг.) // МАИЭТ. Вып. XVII. Симферополь, 2011.
- Шабанов С. Б. Сармато-германские контакты в предгорном Крыму в позднеримское время (по материалам стеклянной посуды) // Проблемы истории, философии, культуры. 2015. № 3.
- Doppelfeld O. Römisches und Fränkisches Glas in Köln. Köln, 1966.
- Harden D. Roman Glass from Karanis Found by the University Michigan Archaeological Expedition in Egypt. 1924–1929. Michigan, 1936.
- Isings C. Roman Glass from Dated Finds. Groningen; Djakarta, 1957.
- Katalog der römischen Gläser des Rheinischen Landesmuseums Trier. Trierer Grabungen und Forschungen. 1977. IX.
- Ružić M. Rimsko staklo u Srbiji. Beograd, 1994.
- Weinberg G.D., Goldstein S.M. Excavations at Jalame Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine. Columbia, 1988.

*S. B. Shabanov*

**A Glass Beaker of the Nuppengläser Group from a Later Roman Burial Assemblage in the Cemetery of Neyzats**

***Abstract***

This paper publishes a fourth century AD burial assemblage from the cemetery of Neyzats. The construction, funeral rite, and grave goods of burial vault no. 321 meet with analogies among other synchronous sites in the foothill area of the Crimea. Especially interesting is a glass vessel decorated with drops of polychrome glass, which belongs to the so-called Nuppengläser group. This is so far the only find of this type in the northern Black Sea area.

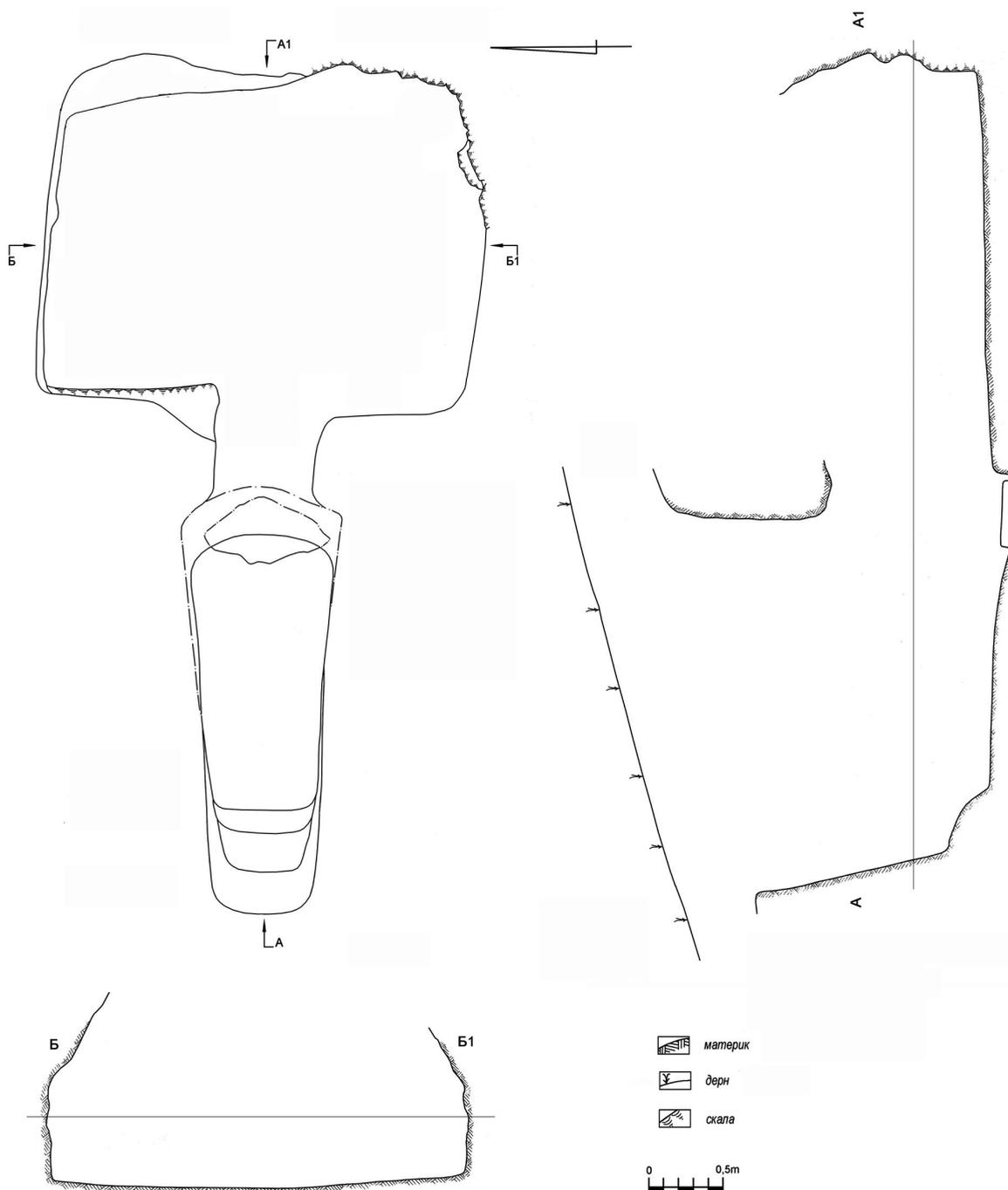


Рис. 1. Склеп № 321. План и разрезы

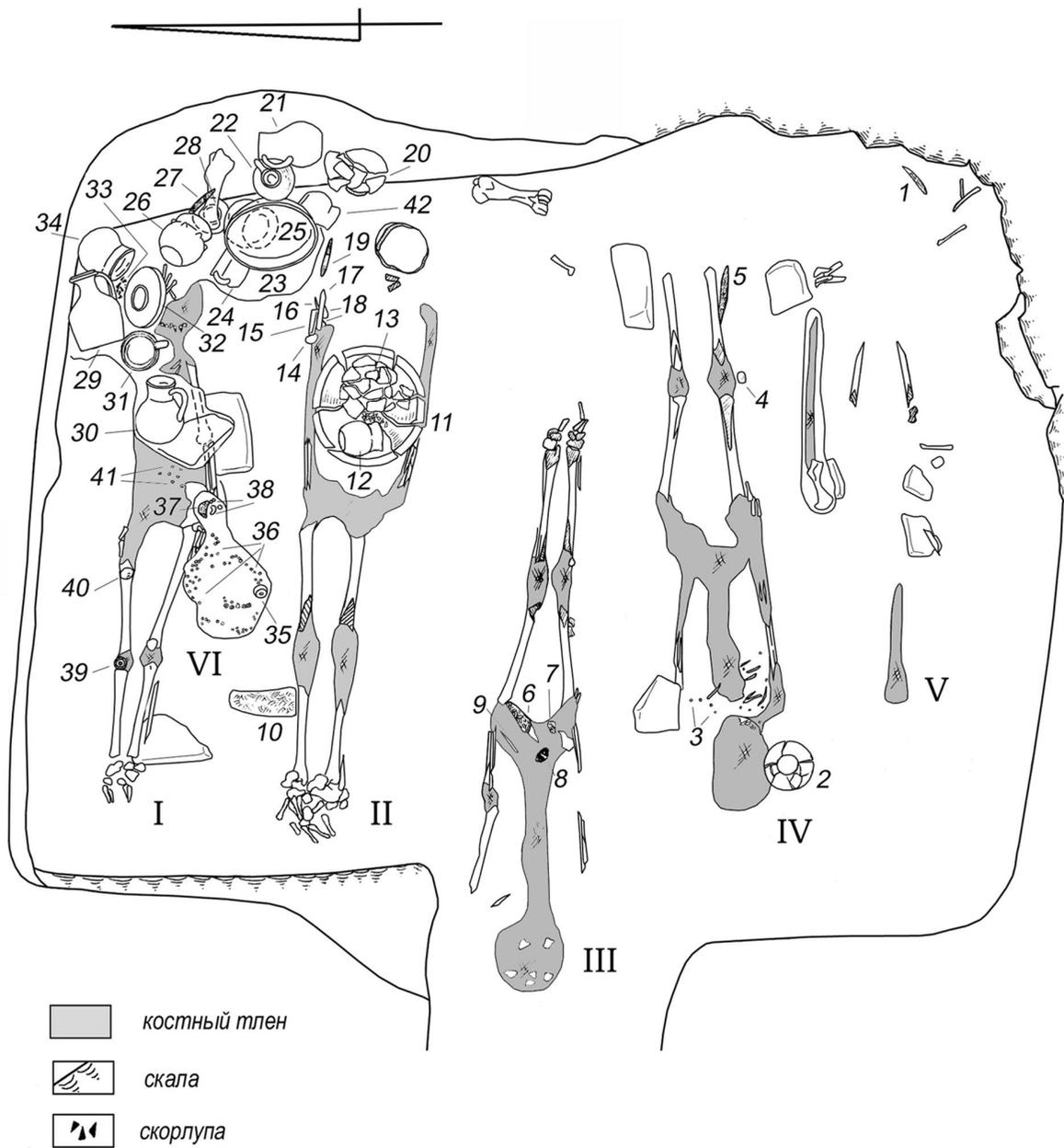


Рис. 2. Склеп № 321. Погребальная камера. 1, 5, 6, 27 — ножи железные; 2, 11, 22, 23, 29, 32, 43 — краснолаковые сосуды; 3, 36, 38, 39, 41 — бусы; 4, 35, 40 — пряслица; 7, 9, 17, 37 — железные предметы; 8, 14, 19 — железные пряжки; 10 — железный топор; 12, 13, 20, 21, 24–26, 28, 30, 31, 34, 42 — лепные сосуды; 15 — оселок; 16 — железное шило; 18 — кремь; 33 — стеклянный сосуд

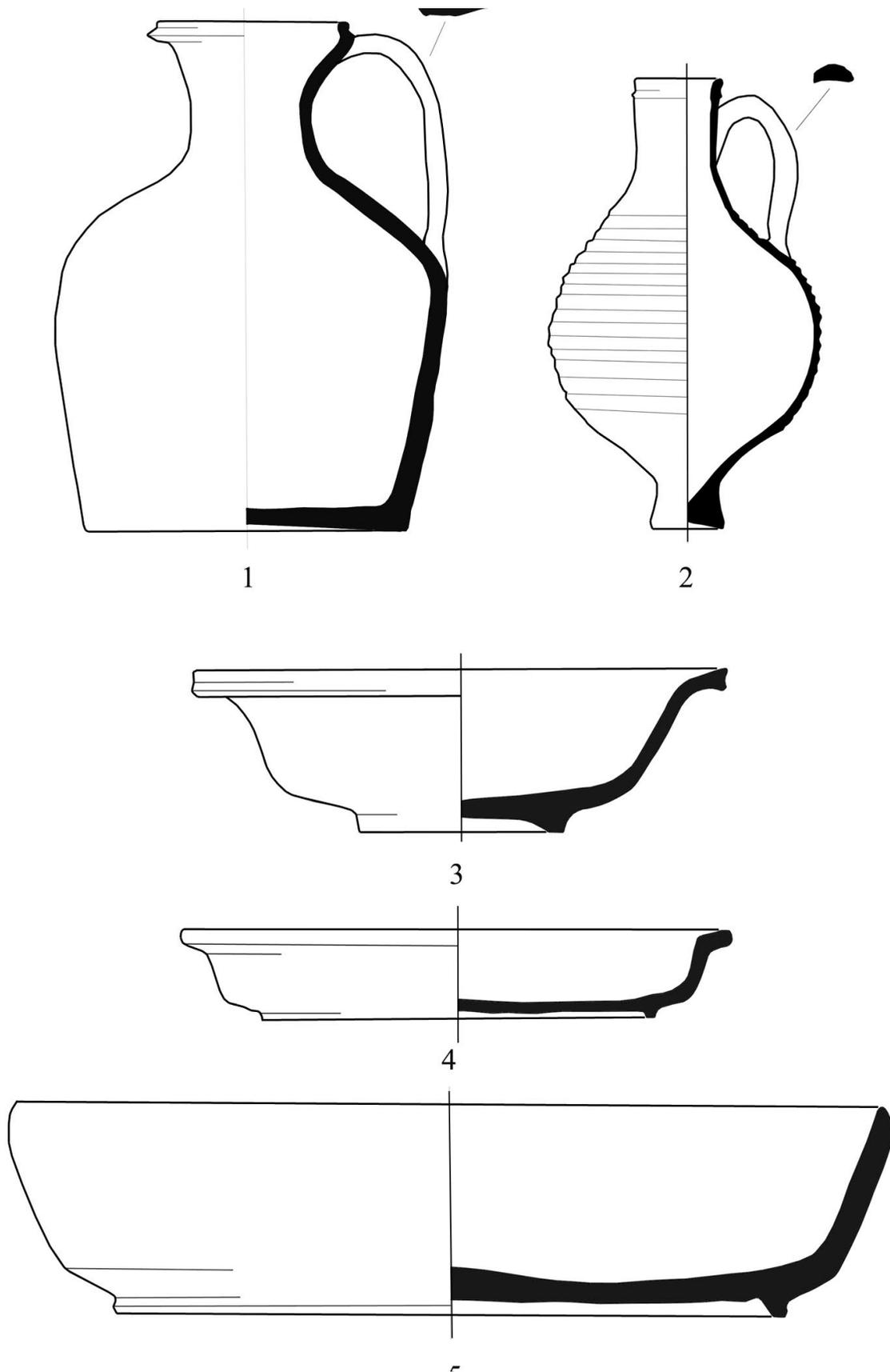


Рис. 3. Склеп № 321. Краснолаковая керамика

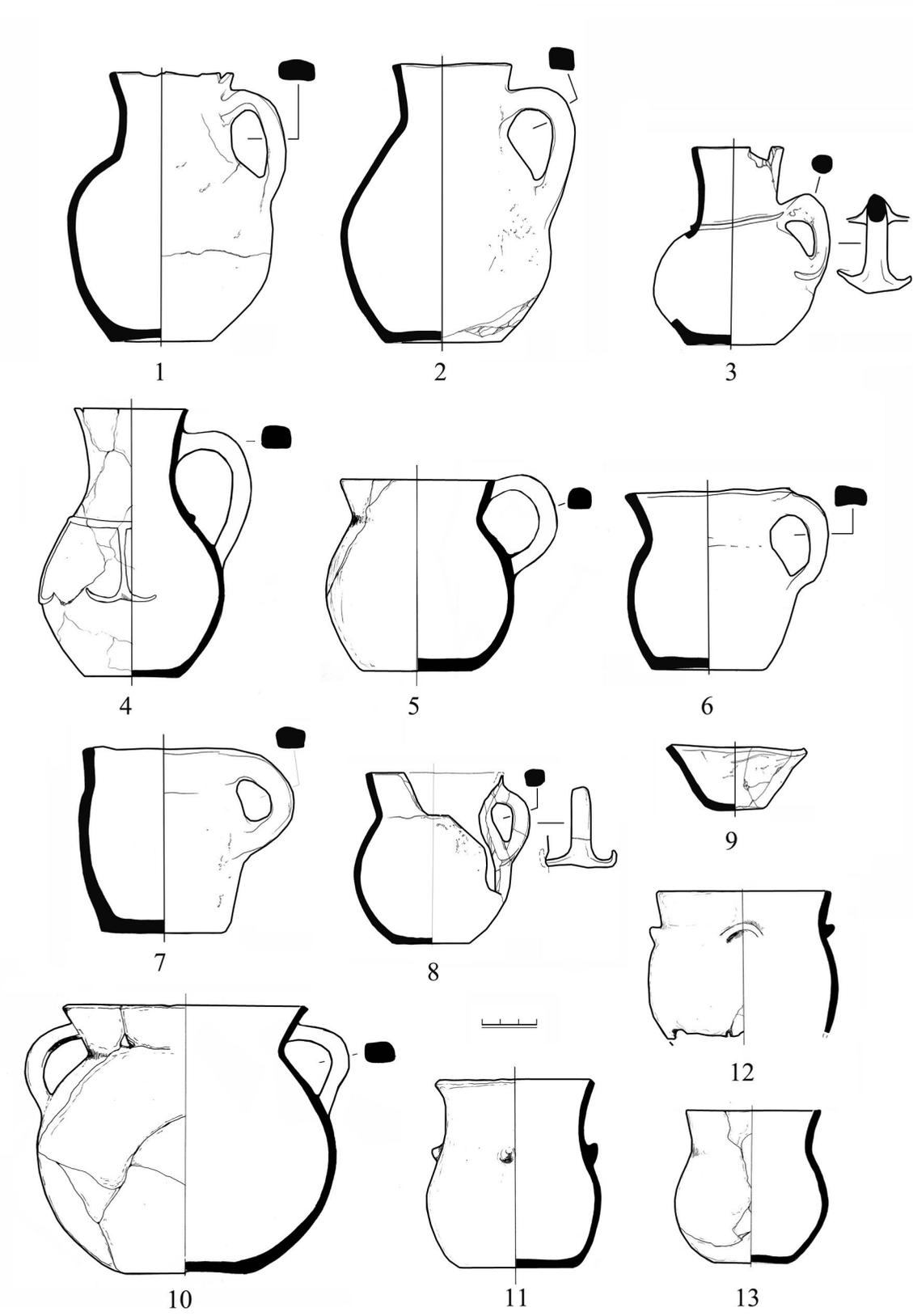


Рис. 4. Склеп № 321. Лепная керамика

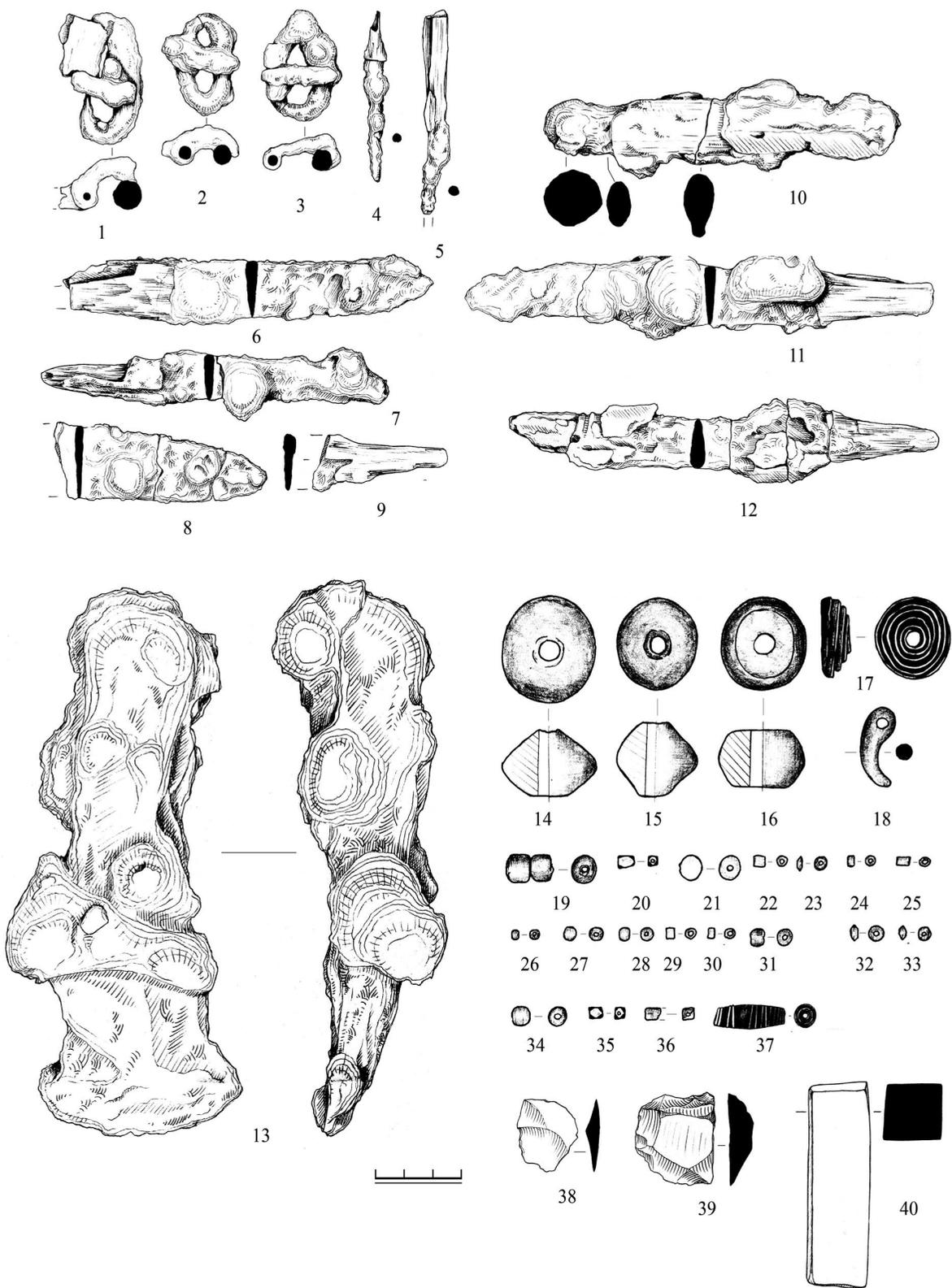
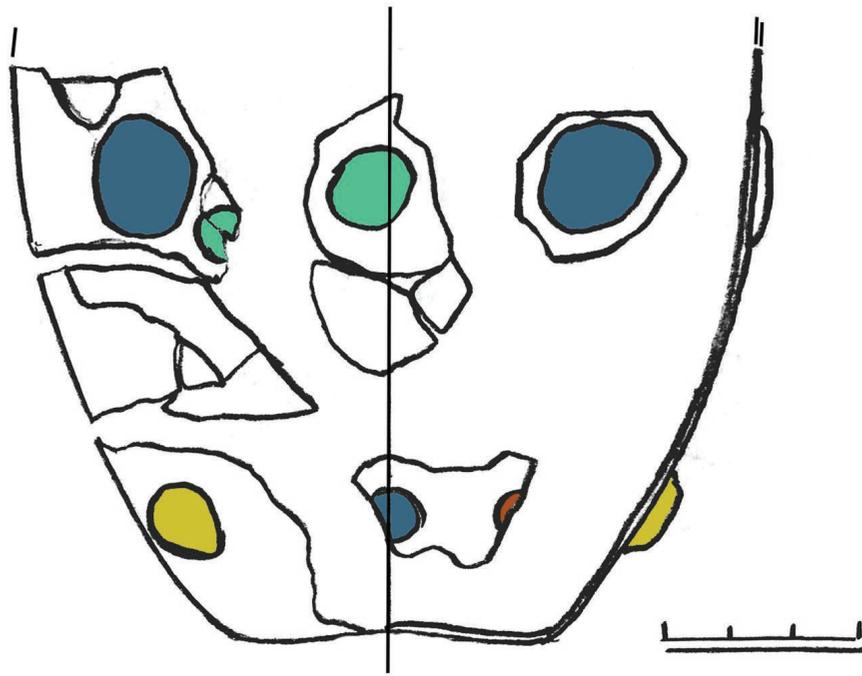
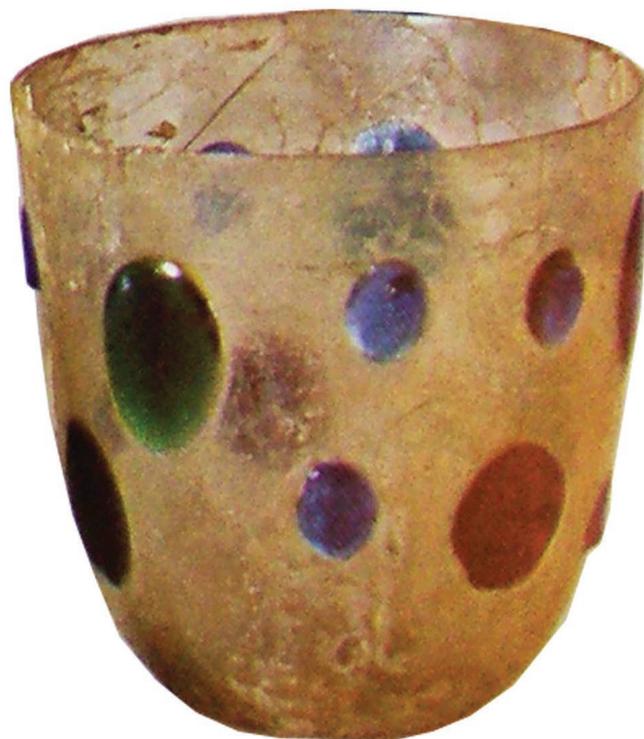


Рис. 5. Склеп № 321. Погребельный инвентарь. 1–13 — изделия из металла; 14–16 — прыслица; 17–37 — бусы; 38–39 — кремни; 40 — оселок каменный



1



2

Рис. 6. Стекланные сосуды. 1 — могильник Нейзац, склеп № 321;  
2 — коллекция Рейнского краеведческого музея (г. Трир, ФРГ)

*В. Ю. Радочин*

## Палеоантропология могильника Нейзац<sup>1</sup>

*Ключевые слова: могильник Нейзац, палеоантропология, половозрастная структура, генетический маркер, деформированный череп*

*Key words: cemetery of Neyzats, palaeoanthropology, sex-age structure, genetic marker, deformed skull*

В работе использован материал, который был получен в ходе археологических раскопок могильника Нейзац в 1996 – 2015 гг.<sup>2</sup> В ходе работы исследованы костные останки из 338 погребальных сооружений: 121 подбойной могилы, 124 грунтовых могил, 30 грунтовых могил с пазами, 11 могил с плитовыми перекрытиями, 48 склепов и 5 ям.<sup>3</sup>

Из вышеперечисленных погребальных сооружений был получен антропологический материал, соотносящийся с 581 погребенным, установить половую принадлежность представилось возможным для 531 костяка. Число погребенных женского пола составило 204, мужского — 150, детей — 135. Не установлена половая принадлежность для 92 костяков. Определить возраст было возможно для 190 женских

костяков, 145 мужских, 129 детских, 67 с неустановленной половой принадлежностью.

Достаточно большой процент захороненных с неустановленной половой принадлежностью объясняется плохой степенью сохранности материала. Состояние 30% костных останков определялось как неудовлетворительное. Особенно была затруднена работа с погребениями в склепах. Это было обусловлено нарушением целостности костяков в виду ограбления погребальных сооружений и плохой степенью сохранности костного материала. Последнее может быть связано с биохимическими и механическими процессами, происходившими в склепах.

Как видно из вышеприведенных данных, число женских погребений преобладало

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках базовой части государственного задания № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

<sup>2</sup> Автор выражает благодарность И. Н. Храпунову за предоставленный для исследования материал.

<sup>3</sup> В работе использован антропологический материал, который соотносится с конкретными погребальными сооружениями.

и составило 35,1% от общего числа захороненных, мужские погребения составили 25,8%, детские — 23,2% от общего числа.

Практически все исследованные погребения были совершены в вытянутом положении на спине. Исключения составляют 11 захороненных на боку, 2 полусидя и 1 на животе. Отмечено 24 случая, когда руки или ноги были согнуты в суставах (руки — 11, ноги — 13), иногда эти варианты сочетались. 76% погребенных были захоронены головой на восток и северо-восток, с некоторыми сезонными отклонениями.

Зафиксировано 16 захоронений, когда погребенный был обернут в тленый материал, ограничивающий разложение. По половому признаку различий в данном обряде не выявлено. Не отмечено ни одного погребенного, обернутого в материал, в склепах.

Как видно из диаграммы (рис. 1), большинство умерших — 39,4% — были захоронены в подбойных могилах, несколько меньше — 27,8% — в грунтовых, 22,3% — в склепах. Вероятно, процент захороненных в склепах занижен в виду плохой сохранности материала.

42,1% женщин и 40,0% мужчин были захоронены в подбойных могилах. Заметны некоторые отличия по половому составу погребенных в склепах и грунтовых могилах (рис. 2). Так, в склепах мужские погребения составили 28,6%, женские — 17,1%. В грунтовых могилах мужских погребений 21,3%, женских — 25%. Детские погребения, в основном, зафиксированы в подбойных и простых грунтовых могилах, их 82,2%. Они распределились практически поровну между подбойными и простыми грунтовыми могилами (55 в подбойных и 56 в грунтовых могилах). Шесть человек были погребены в ямах.

Средний возраст погребенных в могильнике составил 23,2 года. Без учета детского сегмента — 28,9 года. Средний возраст захороненных женщин составил 28,1 года, мужчин — 31,7 года, детей — 4,6 года, с неустановленной половой принадлежностью —

28,9 года. Средний возраст погребенных в могильнике в различных погребальных сооружениях представлен в таблице № 1.

Число погребенных детей в возрасте до года составило 8 человек (в грунтовых могилах — 4 человека, подбойных могилах — 2 человека, грунтовая могила с пазами — 1 человек, склеп — 1 человек), что составило 6,2% от общего числа детей с установленным возрастом. Их небольшое количество может быть обусловлено сохранностью материала или особенностями погребальной традиции (Пежемский 2000, с. 73–74; Рабиновиц, Седикова, Хеннеберг 2009, с. 237). Детские погребения до года отмечены в равной степени в индивидуальных и коллективных погребальных сооружениях.

Умершие в возрасте до 5 лет составили 60,4% от всех детских погребений с установленным возрастом. В погребальных сооружениях захоронения распределились следующим образом: в подбойных могилах 32 человека, грунтовых могилах 36 человек, грунтовых могилах с пазами — 3, с плитовым перекрытием — 2, склепах — 4, в яме — 1.

На возрастной период 5–9 лет приходится 34 погребенных, 19 человек были захоронены в возрасте 10–14 лет. Наибольшее количество погребенных детей в интервале до 9 лет укладывается в общеизвестные нормы для древнего населения. В этом возрасте организм переживает период бурного роста, что увеличивает стрессовые нагрузки.

Подавляющее большинство детей было захоронено в индивидуальных погребальных сооружениях.

Наибольшее количество половозрелых погребенных приходится на возрастной интервал в 20–29 лет, это 48,2% мужского населения и 61% женского (рис. 3). Для мужской серии уместно связать данный факт со стрессами, обусловленными повышенными физическими нагрузками, участием в военных действиях, что приводит к травматизму и посттравматическим осложнениям.

Высокая смертность женской популяции в этом же возрастном интервале может объясняться повышенным уровнем стрессовых нагрузок в повседневной жизни, а также с чрезмерными нагрузками на организм при деторождении и связанными с ними осложнениями. Нельзя также исключать особенности палеодиеты и инфекционную составляющую (Добровольская 2005, с. 171). На наиболее активный детородный период приходится 68% погребенных женщин. Рассматривая демографическую картину в возрасте после 35 лет, можно говорить о естественном убывании популяции.

Генетически детерминированные признаки (добавочные косточки на черепе, метопический шов, межмышечковые отверстия, зубные варианты и др.) отмечены в 289 случаях (табл. 2). На женских костяках маркеры фиксировались в два раза чаще, чем на мужских. Наиболее часто выявлялись добавочные косточки на черепе — 132 случая (М — 40, Ж — 67). Зубные варианты отмечены в 66 случаях (адентия, нарушение зубного ряда, микродонтия, гиперодонтия и др.). Среди них чаще других отмечается адентия моляров (45 случаев). У 43 погребенных генетические стигмы сочетались (М — 16, Ж — 27). Наиболее частыми сочетаниями были добавочные косточки на черепе и зубные варианты, а также добавочные косточки на черепе и метопический шов.

Остеомы отмечены в 20 случаях (М — 10, Ж — 8). В двух случаях на мужских костяках остеомы фиксировались на нижних конечностях. Остальные случаи отмечены на лобных и теменных костях.

Большее разнообразие эпигенетических вариантов наблюдалось на женских костяках. Повышенное количество генетических маркеров может косвенно указывать на некоторое родство погребенных в могильнике индивидуумов.

Нами зафиксированы 9 черепов с разной степенью выраженности признаков монголоидности (М — 2, Ж — 7). Ни одного

череп с признаками монголоидности не отмечено у погребенных в склепах.

Искусственно деформированные черепа можно разделить на преднамеренно и непреднамеренно деформированные. Нам удалось достоверно зафиксировать 22 случая искусственной деформации черепа (М — 10, Ж — 9, неопр. — 2, Д — 1), что составило 3,8% от общего числа полученных черепов. Деформированные черепа происходят из 16 подбойных могил, 4 грунтовых, 2 склепов. Подчеркнем, что при определении деформации, ее вида и степени, крайне важна сохранность материала. Вероятнее всего, процент искусственно деформированных черепов из склепов мог быть выше.

Зафиксировано несколько типов искусственной деформации: лобно-затылочная (6), теменная (4), затылочная (7), кольцевая (5). Различий вида деформации по половому признаку и типам погребальных сооружений не выявлено. Все случаи преднамеренных искусственных деформаций можно назвать «мягкими» или средне выраженными.

7 случаев затылочной деформации (практически поровну мужские и женские) скорее всего можно связать с непреднамеренной искусственной деформацией по типу «бешик» или «колыбельной деформацией» (Перерва 2004, с. 3). Данный тип деформации обусловлен специфическим строением детской колыбели с твердым дном, ограничивающей подвижность головы ребенка. При длительном нахождении ребенка в колыбели затылочная кость черепа преднамеренно уплощается. Учитывая незначительное количество непреднамеренно деформированных черепов в исследованной серии, нельзя исключать, что это обстоятельство связано с нарушением обмена веществ в растущем организме. Средний возраст погребенных с искусственно деформированными черепами составил 32,7 года, с деформированными черепами, исключая затылочную деформацию, — 31,9 года.

Не относящаяся к искусственной деформации асимметрия черепа была отмечена в 12 случаях. Отмеченные асимметрии, скорее всего, объясняются преждевременными зарастаниями некоторых черепных швов, влекущих за собой деформации. Не исключена также вероятность заболевания рахитом, но данное предположение еще нуждается в дополнительном исследовании.

Исследуя феномен деформированных черепов, помимо краниоскопических и краниометрических аспектов, следует учитывать и палеопатологические факторы. В настоящее время некоторые исследователи связывают с искусственной деформацией черепа повышенное внутрочерепное давление и, как следствие, возникновение так называемых «пальцевидных вдавлений» на внутренней поверхности свода черепа и повышенное число ямочек грануляций, а также повышение частоты выявления метопического шва и добавочных косточек на черепе (Перерва 2006, с. 179–180). На нашем материале заметного увеличения патологических изменений на деформированных черепах по сравнению с недеформированными не выявлено. На черепах с искусственной деформацией фиксировались 4 случая сохранения метопического шва, 11 случаев добавочных косточек на черепе, а также три случая адентии третьих моляров. В одном случае эти признаки сочетались.

Наибольшее число патологических изменений в исследованной серии приходится на заболевания зубочелюстного аппарата, что составило 43,9% от всех патологий (табл. 3). Разной степени зубные патологии отмечены на 261 костяке — это 44,9% от общего числа исследованных костяков. У 131 индивида некоторые патологии сочетались. Общее число патологий зубочелюстного аппарата составило 477 случаев (М — 177, Ж — 238, Д — 10, неопр. — 52). Резкого отличия числа погребенных с зубными патологиями по типам погребальных сооружений с учетом

числа погребенных в них не выявлено.

Наибольший процент зубочелюстных патологических изменений приходится на зубной камень. Всего отмечено 167 человек с данной патологией, что составляет 28,7% от всех исследованных. При этом вдвое чаще данная патология отмечалась на женских черепах (Ж — 81, М — 43). В большинстве случаев фиксировался наддесневой зубной камень. Этот камень образуется, преимущественно, на задней стороне зубов и чаще всего провоцирует появление кариеса. Образование зубного камня имеет сложную этиологию и зависит от ряда причин, среди которых, прежде всего, диета, состав слюны, гигиена рта и, как следствие, образование зубного налета. Способствует образованию зубного камня и пища с низкими абразивными свойствами (например, вязкая термически обработанная, прежде всего растительного происхождения). Учитывая двукратное превосходство женских костяков с данной патологией, уместно предположить некоторое различие в пищевом рационе между мужчинами и женщинами.

На втором месте по частоте зубных патологий стоит утрата зубов, отмеченная у 123 погребенных (М — 43, Ж — 63, неопр. — 15, Д — 2). Утрата зубов считается одним из важных маркеров здоровья популяции, так как является следствием ряда стрессовых нагрузок на организм, таких как осложнения после кариеса, усиленная нагрузка на зубочелюстной аппарат, пародонтоз, травмы ит. д. (Бужилова 2005, с. 52). Принимая во внимание достаточно высокий процент людей с утраченными зубами и учитывая их относительно молодой возраст, можно предполагать преднамеренное удаление больных зубов.

Важным индикатором состояния здоровья палеопопуляции является кариес. На материале из могильника Нейзац выявлено 52 погребенных (М — 15, Ж — 28, неопр. — 8, Д — 1) с этим заболеванием, что составило 9% от общего числа захороненных. Кари-

ес — сложный, медленно развивающийся инфекционный процесс разрушения твердых тканей зуба. Кариес как биологический индикатор подразумевает широкий спектр негативных причин, которые провоцируют эту патологию: микрофлора зубного налета, недостаточно калорийное, однообразное питание, углеводная диета. Кариес имеет статистически достоверную зависимость от социального и экономического уровня группы (Бужилова 2005, с. 43–48, с. 97; Пежемский 2000, с. 80–81). Среди основных факторов, влияющих на предрасположенность к данному заболеванию, выделяются также географический, профессиональный, возрастной и половой. Исследователи рассматривают кариес как маркер общей иммунной ослабленности организма (Добровольская 2005, с. 81).

Фиксируемые абсцессы (гнойные воспаления, костной ткани, с образованием полости) на костях верхних и нижних челюстей практически всегда сочетались с кариесными поражениями на зубах и, несомненно, свидетельствуют о гнойном воспалении костной ткани. Всего отмечено 39 случаев (М — 16, Ж — 18).

Эмалевая гипоплазия, проявляющаяся в разного рода дефектах зубной эмали, относится к так называемым маркерам эпизодического стресса. Неравномерное развитие толщины эмалевого покрова коронки зуба происходит из-за дефицита «строительного материала» в процессе его формирования и роста. Воздействующие стрессовые состояния заставляют организм в первую очередь затрачивать потенциал на преодоление этих состояний, что приводит к ростовым задержкам. К возможным причинам возникновения таких стрессовых состояний исследователи относят периоды сезонного голодания, инфекции, лихорадочные состояния, наличие различных традиций в грудном вскармливании, переход на другой тип диеты, гиповитаминоз, другие заболевания (Бужилова 2005, с. 51; 1995, с. 70). В могильнике Нейзац эмалевая

гипоплазия отмечена у 52 погребенных, что составило 8,9% (М — 19, Ж — 30, неопр. — 2, Д — 1). Наибольший процент погребенных с данным стрессовым маркером приходится на погребения в грунтовых могилах и склепах.

Разрушение зубной эмали и, как следствие, разрушение зубной коронки отмечены в 36 случаях (М — 18, Ж — 15, неопр. — 3). Причины данной патологии могут быть разнообразны: механические, биохимические, эндокринные нарушения, нередко случаи разрушения эмали при нарушении прикуса.

Большая часть патологических изменений, приходится на патологии опорно-двигательного аппарата.

Заболевания, связанные с позвоночником, отмечались у 139 погребенных, чаще на мужских костяках (М — 73, Ж — 51, неопр. — 15) (табл. 4). Для обоих полов заболеваниями остеохондрозом и спондилитом являлись наиболее частыми и составили 58,9% от патологических изменений позвоночника.

Остеохондроз фиксировался в 63 случаях, практически поровну на мужских и женских костяках. Причины, которые вызывают поражение межпозвоночных дисков, разнообразны. К ним можно отнести метаболические процессы, повышенные нагрузки, травматические поражения, наследственные факторы. Считается, также, что провоцировать появление остеохондроза может переохлаждение.

Деформирующий спондилит отмечен у 19 погребенных. Это дегенеративно-дистрофическое заболевание позвоночника, характеризующееся определенными изменениями в суставных поверхностях тел позвонков и разрастанием остеофитов по краям, ограничивающих подвижность позвоночного столба (Рохлин 1965, с. 54–55). Чаще эта патология встречается в старческом возрасте. На нашем материале патология отмечена в основном на костяках после 35 лет, однако зафиксировано 4 случая на костяках в возрасте около 25 лет.

Причины спондилеза могут быть различны: травмы позвоночника, длительные статические нагрузки, ведущие к перенапряжению, остеохондроз. Провоцирующими факторами являются переохлаждение или чрезмерная физическая нагрузка. Почти в два раза чаще заболевание отмечено на мужских костяках. Большинство пораженных спондилезом позвонков приходилось на поясничный отдел.

Среди погребенных в могильнике у 24 захороненных отмечены изменения в позвоночнике, связанные с так называемыми узлами Шморля. Механизм их возникновения определяется изменениями, происходящими в межпозвоночных дисках с образованием хрящевых узлов, имеющих определенную плотность, которые в свою очередь, вдавливаются в сегменты смежных позвонков. Считается, что узлы Шморля возникают в результате старения организма, вследствие первичных заболеваний, обусловленных наследственностью, либо являются реакцией на травматическое поражение. В молодом возрасте их возникновение провоцируется быстрым ростом ребенка, когда мягкие ткани успевают вытянуться, а костные ткани отстают, таким образом, в губчатом теле позвонка образуются пустоты, в которые со временем продавливаются замыкательные пластины позвонков. Существует теория, в соответствии с которой, обнаруживая подобное заболевание в молодом возрасте, следует рассматривать его как реакцию организма на чрезмерные физические нагрузки (Добровольская 2005, с.179–180; Рохлин 1965, с. 76). На нашем материале данная патология в молодом возрасте фиксировалась на трети материала, более чем в два раза чаще на мужских костяках.

К нечастым поражениям позвоночника, выявленным на исследованном материале, можно отнести болезнь Форестье. Заболевание, при котором внутренний камбиальный слой продольной связки позвоночника начинает продуцировать новую костную

ткань (Рохлин 1969, с. 115–116). Чаще всего данная патология проявляется на позвонках грудного отдела с правой стороны, реже — на шейных позвонках. Толщина костных напластований может быть значительной. На материале из могильника Нейзац отмечено 3 случая данного заболевания (два мужских погребения и погребение с неустановленной половой принадлежностью). Во всех трех случаях толщина нового костного образования составляла 2–3 мм. Погребенные с данной патологией были захоронены в склепах.

Еще одна редкая патология — анкилозирующий спондилоартрит или болезнь Бехтерева — отмечена на мужском и женском костяках из грунтовых могил. При данном заболевании происходит воспаление суставов позвонков, которое приводит к анкилозированию межпозвоночных дисков, суставных площадок и реберно-позвоноковых сочленений (Рохлин 1965, с. 110–115). Причины данной болезни весьма разнообразны, среди главных — хронические инфекции и наследственность. Провоцирующими факторами могут быть кишечные и половые инфекции, а также стрессовые состояния, обусловленные травмами. Один из выявленных случаев заболевания болезнью Бехтерева (мог. № 27) подробно описан М. Сансильбано-Коллилье в приложении к статье о двух грунтовых могилах из некрополя Нейзац (Храпунов 1998, с. 236–238).

Заболевания опорно-двигательного аппарата, связанные с патологическими изменениями в суставах, отмечены у 82 погребенных, что составляет 18,3% захороненных в могильнике (табл. 5). Разной степени тяжести артрозы имели 48 погребенных (М— 22, Ж — 12, неопр. — 14). У 17 человек зафиксировано более одного пораженного артрозом сустава. У обоих полов преобладали изменения в крупных суставах верхнего отдела скелета. Проблемы с суставами чаще отмечались на мужских костяках. Преимущественно, пораженные артрозом суставы отмечались на мужских костяках в

возрасте после 30 лет, женских — после 25. В трех случаях (М — 2, неопр. — 1) отмечен деформирующий артроз головки бедренной кости, ограничивающий и в одном случае полностью исключающий подвижность сустава. Остеохондрит фиксировался только в коленных суставах.

Одним из маркеров патологического перенапряжения костного аппарата является энтезопатия. Это воспаление с дегенеративными изменениями, развивающимися в зонах прикрепления связок, суставных капсул или сухожилий к костям. Считается, что данная патология провоцируется чрезмерными нагрузками на определенные отделы организма, если физиологическая нагрузка не чередуется с достаточно продолжительным выключением из активной деятельности. Возникновение энтезопатии также связывают с длительными нагрузками при выполнении стереотипных движений, не обязательно связанных со значительными перенапряжениями. В исследуемой серии 64 индивида имели ту или иную форму энтезопатии. Большинство случаев приходится на энтезопатии надколенников и пяточных костей, 32 и 22 случая соответственно. Энтезопатии надколенников фиксировались в два раза чаще на мужских костях. Все случаи энтезопатии пяточных костей отмечены на мужских костях.

Признаки воспалительных процессов отмечены в 212 случаях (табл. 6). Специфические маркеры воспалительного процесса, такие как поротический гиперостоз и, как одна из его форм, *cribraorbitalia*, отмечены в 120 случаях, что составило 20,6% от всех исследованных. Всего фиксировалось 48 случаев проявления поротического гиперостоза. Он, как правило, наблюдался на теменных и затылочных костях взрослых погребенных, при этом почти в два раза чаще на мужских костях. *Cribrorbitalia* отмечена у 72 погребенных и в подавляющем большинстве фиксировалась на детских костях, что составило 26,6% от всех исследованных детских костяков. *Cribr*

*orbitalia*, как частный случай поротического гиперостоза, проявляется на верхней стенке орбиты в виде перфорации. Наиболее часто этот признак связывают с адаптивной реакцией организма на хронические инфекции и железодефицитные анемические состояния (Бужилова 2005, с. 63, 210–211; Arthur C. Aufderheide, Conrado Rodrigues Martin 1997, p. 350), однако его этиология на сегодняшний день окончательно не расшифрована. Напомним, что под анемией подразумевают уменьшение содержания в крови эритроцитов и гемоглобина. К причинам развития данной патологии могут относиться наследственные состояния, нерациональное питание, малое употребление продуктов, содержащих животные белки, недостаточное поступление с пищей витаминов, частые кровопотери, присутствие в желудочно-кишечном тракте паразитов, хронические инфекции. В этой связи поротический гиперостоз необходимо рассматривать как индикатор патогенной нагрузки в условиях конкретной среды обитания и, как показатель состояния здоровья в широком смысле слова, без учета каких-либо конкретных диагнозов. Почти половина случаев поротического гиперостоза и *cribraorbitalia* приходится на погребенных под бойных могилах.

Следы воспалительного процесса внутри и некоторые изменения с наружной стороны слухового канала, характерные для гнойных отитов, отмечены в 47 случаях (8% от общего числа погребенных) и обнаруживались практически поровну на мужских и женских костях. Причины их развития могут быть различны: осложнения после респираторных заболеваний, травматические поражения, проблемы гигиены, переохлаждения и т. д. Отметим также, что причинами отита может стать плохое состояние зубного аппарата (Бужилова 2005, с. 227). Следует заметить, что данное наблюдение подтверждается практически в половине случаев на материале из могильника Нейзац.

Все случаи остеомиелита, кроме одного, отмечены на мужских костях. Три наблюдения можно отнести к одонтогенному остеомиелиту, в том числе и единственный женский случай. Остальные поражения отмечались на костях нижних конечностей. Возникновение заболевания связывают с инфицированием костной ткани, что возможно при травматических поражениях, когда инфекция заносится извне и в результате переноса болезнетворных бактерий с током крови внутри организма из других очагов воспаления.

Периостит отмечен в 26 случаях и практически поровну на мужских и женских костях. Он является реакцией костной ткани на различные патогенные причины, среди которых травматизация, неспецифические инфекции. Считается, что данная патология может служить маркером профессиональной деятельности и условий среды обитания. (Добровольская 2005, с. 175; Перерва 2014, с. 86). Данное заболевание на нашем материале преимущественно фиксировалось на костях голени.

Проявления, характерные для синусита, отмечались в 11 случаях и в основном на женских костях. Судя по характеру изменений на костях, все случаи носили хронический характер.

Травматическое поражение костей черепа и посткраниального скелета зафиксированы в 57 случаях (9,6%). Из них 52,6% составляют травмы на краниологическом материале. На черепах исследованной группы зафиксировано 30 травм разной степени тяжести (М — 15, Ж — 11, неопр. — 4). 12 травм (М — 6, Ж — 4, неопр. — 2) бесспорно можно отнести к смертельным. В 5 случаях (М — 4, Ж — 1) поражение было нанесено рубящим оружием с острой тонкой поражающей поверхностью. Все нанесенные разрушения не имели следов облитерации. В двух случаях в результате удара была отделена часть кости черепа. 7 сквозных разрушений с образованием вторичных трещин, без признаков заживления, нанесе-

ны орудием с тонкой острой поражающей поверхностью (возможно стрела, клевец?). Отмечено 6 случаев так называемых тупых травм черепа с образованием вдавлений костной ткани, без признаков разрушения. Остальные травмы, отмеченные на костях лицевого скелета (травмы носа и челюстные травмы), вероятно, можно отнести к бытовым.

Переломы костей посткраниального скелета отмечены на мужских и женских костях, они немногочисленны. Переломы костей в три раза чаще фиксировались на женских костях, чаще страдали кости верхних конечностей. В половине случаев они срослись без смещений, что позволяет предполагать некоторые навыки при оказании медицинской помощи у населения. В одном случае перелом левой лучевой кости из женского погребения привел к образованию ложного сустава. В трех случаях в местах срастания костей отмечено образование мощной костной мозоли.

Стрессовые нагрузки на организм, проявляющиеся в виде определенных изменений надкостницы, характерных для холодового стресса (Бужилова 1998, с. 104–105), отмечены в 38 случаях. Более чем в три раза чаще данный маркер фиксировался на мужских костях. Уточненные наблюдения подтверждают ранее полученные результаты (Радочин 2011, с. 158). Проявления холодового стресса являются ответной реакцией организма не только на экстремальные температурные показатели, но и на длительное пребывание в условиях повышенной влажности при низких температурах выше нуля. Таким образом, данный фактор с учетом его гендерной направленности может говорить о некоторой специфике условий жизни части мужского населения (к примеру, дифференциация трудовой активности).

Нами отмечены 15 случаев искривления костей конечностей, выходящих за нормальные анатомические рамки. Большинство из них приходится на женские костяки. Наиболее вероятным условием,

провоцирующим эти изменения, может быть повышенная нагрузка на неокрепший костно-мышечный аппарат ребенка. Не следует исключать последствия рахита, но данное предположение нуждается в дополнительной проверке (Рабиновиц, Седикова, Хеннеберг 2009, с. 239). Интересно отметить, что деформации костей рук отмечены только на мужских костях, а большинство искривлений костей ног на женских.

На 8 черепах (М — 6, Ж — 2) фиксировался синдромом Морганьи-Стюарта-Мореля разной степени выраженности. В основе данной патологии может лежать гормональная дисфункция, в частности, снижение уровня мужских гормонов. Некоторые ученые связывают данное заболевание с нарушениями, вызванными сахарным диабетом, не исключается также генетическая составляющая (Бужилова 2005, с. 186–188; Бужилова, Козловская 2000, с. 36–38; Бужилова, Соколова 2006, с. 188–194; Перерва 2000, с. 182–188). Патология проявляется на костях в виде узловатых костных разрастаний на внутренней пластинке лобной кости. Возраст погребенных с данной патологией на нашем материале находился в пределах 32–45 лет.

\*\*\*

Анализ половозрастной структуры погребенных в могильнике позволил установить некоторое численное преобладание женской серии в популяции. Остается открытым вопрос заниженного числа детских погребений в особенности первых возрастных периодов.

Средний возраст захороненных составил 23,2 года. Без учета детской когорты — 28,9 года. Средний возраст детской серии составил 4,6 года.

Большой процент выявленных генетических маркеров может свидетельствовать о достаточно высокой степени родства населения, особенно в женской серии.

Наиболее частыми были патологии зубо-челюстного аппарата, среди которых преобладали зубной камень, утрата зубов и кариес. Процент зубных патологий в женской серии значительно выше.

Большая группа заболеваний приходилась на патологические изменения в позвоночнике и крупные суставы. Они позволяют говорить о систематических стрессовых ситуациях, связанных с перенапряжением костно-мышечного аппарата для молодого и среднего возрастов. Травматические поражения, холодовой стресс, чрезмерные нагрузки и как следствие патологические состояния, характеризуют мужскую часть населения, как наиболее мобильную группу сообщества в условиях оседлости. Характер травматических поражений позволяет предположить, что большая часть населения вела мирный образ жизни. В то же время некоторые разрушения на костях черепа можно отнести к боевым.

Отмеченные маркеры механического стресса на костях не позволяют сгруппировать их в какие-либо комплексы профессиональных заболеваний. Основная масса жителей по структуре нагрузок и стрессовым маркерам может быть отнесена к так называемому комплексному хозяйственному типу оседлого населения.

Изменения, связанные с воспалительными процессами, отмечены практически поровну у обоих полов. Это может быть маркером общего здоровья популяции. Частота анемических состояний достаточно высока и свидетельствует в пользу оседлого образа жизни.

Обычай искусственной деформации черепа, отмеченный в 22 случаях, не носил массового характера. Все виды деформации можно отнести к мягким или средневыраженным. Дифференциации по половозрастным критериям и типам погребальных сооружений не выявлено.

## Список использованной литературы

- Бужилова А. П. Палеопатологическая характеристика населения Маяцкого археологического комплекса // РА. 1995. № 4
- Бужилова А. П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования населения). М., 1995.
- Бужилова А. П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая археология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.
- Бужилова А. П., Козловская М. В. Были ли скифы тучными? (антропологический анализ кремнированных останков из скифского погребения) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология, археология. М., 2000.
- Бужилова А. П. *Homo sapiens*: история болезни. М., 2005.
- Бужилова А. П., Соколова М. А. Палеопатологический анализ серий с искусственно деформированными черепами (по материалам сарматского периода) // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2006.
- Добровольская М. В. Человек и его пища. М., 2005.
- Пежемский Д. В. Информативность скелетных останков плохой сохранности (по материалам некрополя Сиреневая бухта) // РА. 2000. № 4.
- Перерва Е. В. Палеопатология населения хазарского времени Северного Кавказа (по материалам могильников Горькая балка 1 и 2) // Материалы по археологии Северного Кавказа. 2004. № 4.
- Перерва Е. В. К вопросу о некоторых патологических особенностях поздних сарматов с искусственно деформацией черепа // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2006.
- Рабинович А., Седикова Л. В., Хеннеберг Р. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в южном районе Херсонеса // МАИЭТ. Вып. XV. Симферополь, 2009.
- Радочин В. Ю. Некоторые итоги исследования антропологического материала из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.
- Рохлин Д. Г. Болезни древних людей. М.; Л., 1965.
- Храпунов И. Н. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.
- Arthur C. Aufderheide, Conrado Rodrigues Martin. *Human paleopathology*.

## Palaeoanthropology of the Cemetery of Neyzats

### Abstract

This study presents some of the results of the analysis of palaeoanthropological materials discovered by archaeological excavations of the cemetery of Neyzats. Our research resulted in a demographic analysis of the population. Palaeoanthropological analysis of skeletal remains allowed us to discover the frequency and features of deceases with account to gender features. Genetic stigmas discovered probably indicate some sibling connections within the population, especially among the women. Acquired data of mechanical and physiological stress markers could be used for further reconstructions of the lifestyle and work activities of the population. The changes related to contagious deceases could testify to general health condition of the population in question. All the deliberately deformed skulls bore averagely pronounced features of deformation.

**Таблица 1. Средний возраст захороненных в различных погребальных сооружениях**

	Грунтовые		Подбойные могилы		Склепы		Грунтовые с пазами		Грунтовые с плитами	
	N	AA	N	AA	N	AA	N	AA	N	AA
Мужчины	32(28)	30,5	60(59)	31,4	43(41)	30,4	11(11)	34,0	2(2)	36,5
Женщины	51(48)	26,6	86(80)	29	35(31)	26,6	21(20)	29,4	9(9)	30,2
Дети	56(55)	4,1	55(52)	5,0	11(9)	6,2	9(9)	6,3	3(3)	3,3
Неопределенные	14(8)	28,3	28(19)	28,1	41(32)	29,1	7 (7)	26,3	1	-

(N — общее число погребенных. В скобках указано количество человек с достоверно определенным возрастом. AA — средний возраст погребенных)

**Таблица 2. Генетически детерминированные признаки**

Генетические маркеры	Грунтовые				Подбойные				Склепы				Другие констр.			
	М	Ж	Д	?	М	Ж	Д	?	М	Ж	Д	?	М	Ж	Д	?
Добавочные косточки на черепе	10	20	3	3	12	29	3	2	13	8	2	10	5	10		2
Метопический шов	4	7	1	1	5	8	6		1	1		2		2		1
Межмышцелковые отверстия	1	2			4	3		1		2		4	3	4		
Надмышцелковый отросток	1												1			
Spina bifida		1				1										
Аномалии развития грудины	1					2				1			2			
Нарушение зубного ряда	3	1				2	1			4						
Нарушение прикуса				1	1	2				1				2		
Ореховидные вздутия						1										
Микродонтия		1														
Гиперодонтия						1				1						
Адентия	6	6			3	11		1	5	5		2	3	3		
Остеома	4	3			1	3	1		5	1		1		1		

**Таблица 3. Зубочелюстные патологии**

Патологические изменения	Грунтовые				Подбойные				Склепы				Другие констр			
	М	Ж	Д	?	М	Ж	Д	?	М	Ж	Д	?	М	Ж	Д	?
Утрата зубов	9	21		3	18	22		6	11	8	2	6	5	12		
Разрушение эмали	4	5		1	8	6		1	5	2		1	1	2		
Зубной камень	14	20	2	4	20	33	3	4	18	15		9	11	13		1
Эмалевая гипоплазия	3	13	1		6	3		2	6	9			4	5		
Кариес	4	10	1	1	6	7		4	3	5		2	2	6		1
Абсцесс	4	8		1	5	5		1	5	1		3	2	4		
Пародонтоз	1		1						1			1	1	2		

**Таблица 4. Заболевания позвоночника**

Патологические изменения	Грунтовые				Подбойные				Склепы				Другие констр			
	М	Ж	Д	?	М	Ж	Д	?	М	Ж	Д	?	М	Ж	Д	?
Остеохондроз	8	7			12	11		3	4	4		2	7	5		
Спондилоз	3				4	3		1	3	1		1	2	1		
Узлы Шморля	4	2		1	6	3		2	2			2	2			
Синостоз позвонков	2	3			3	1			3	1		1		1		
Остеофитоз крестцовых кост.		1			3	1							1	1		
Деформация позвонков по типу рыбьих						2				1						
Болезнь Бехтерева	1	1														
Синостоз крестца и тазовых костей		1										1				
Болезнь Форестье									2			1				
Артроз суставн. площ. позвонков	1	2				1			1			1		1		

**Таблица 5. Заболевания суставов**

Патологические изменения	Грунтовые				Подбойные				Склепы				Другие констр			
	М	Ж	Д	?	М	Ж	Д	?	М	Ж	Д	?	М	Ж	Д	?
Артроз ключиц	1	2												1		
Артроз лопаток	3	2		1	1				2			5	1			
Артроз тазовых																
Артроз основания черепа		2			1				2			1		1		
Артроз костей рук	4	5		1	2	2			3			4				
Артроз ребер	1					1										
Артроз костей ног	1	3			3				1			2		1		1
Остеохондрит	1			1					1	1						
Остеоартрит		2			1	1										
Артроз мышц. отростка ниж. чел.									1							
Артроз тазовых костей	2	1	1		1											

**Таблица 6. Воспалительные процессы**

Патологические изменения	Грунтовые				Подбойные				Склепы				Другие констр			
	М	Ж	Д	?	М	Ж	Д	?	М	Ж	Д	?	М	Ж	Д	?
Cribriformis orbitalis	2	4	11		5	11	15	3	2	6	7	1	1	2	2	
Пороческий гиперостоз	6	4	1	1	10	6		1	8	4		1	5	1		
Синусит		2	2		2	3				2						
Остеомиелит	1				2	1			1				1			
Отит	5	5	2	1	5	8	3	1	5	3	1	2	2	3		1
Мастоидит													1			
Периостит	2	3	1	1	2	2		5		1		3	3	2		1

**Таблица 7. Травматические поражения**

Патологические изменения	Грунтовые				Подбойные				Склепы				Другие констр			
	М	Ж	Д	?	М	Ж	Д	?	М	Ж	Д	?	М	Ж	Д	?
Травмы черепа	6	4			4	5		1	1	1		2	4	1		1
Переломы ключиц												1		1		
Переломы ребер						1		1		1						
Переломы костей рук	1	3				1				1			1			
Переломы костей ног		1			1			2				1		1		
Травмы спины	1	1			1											
Травмы костей рук												1		1		
Травмы костей ног	1				1	1				1						

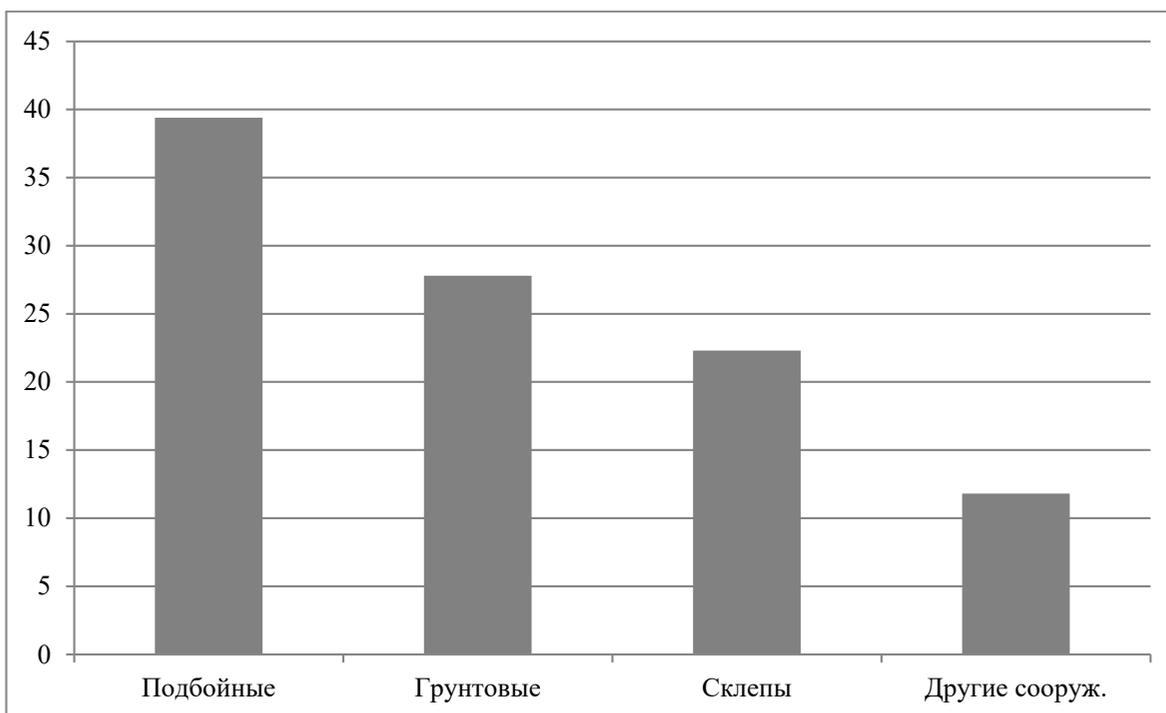


Рис. 1. Процентное соотношение захороненных по погребальным сооружениям

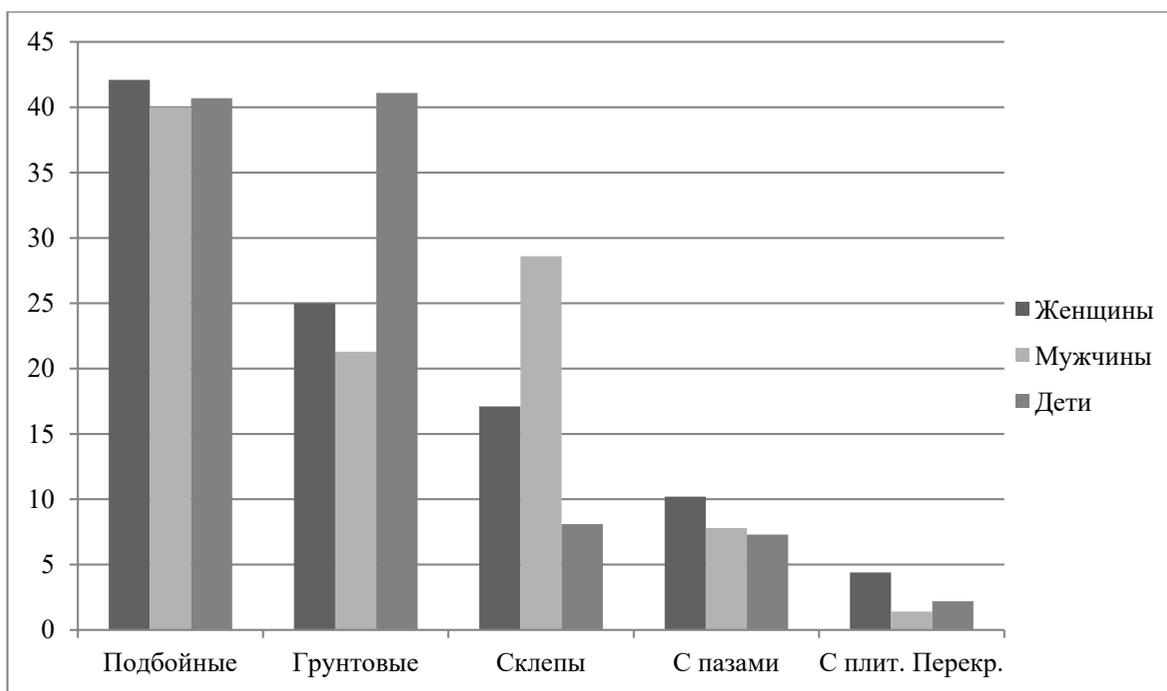


Рис. 2. Процентное соотношение захороненных по половому признаку в погребальных сооружениях

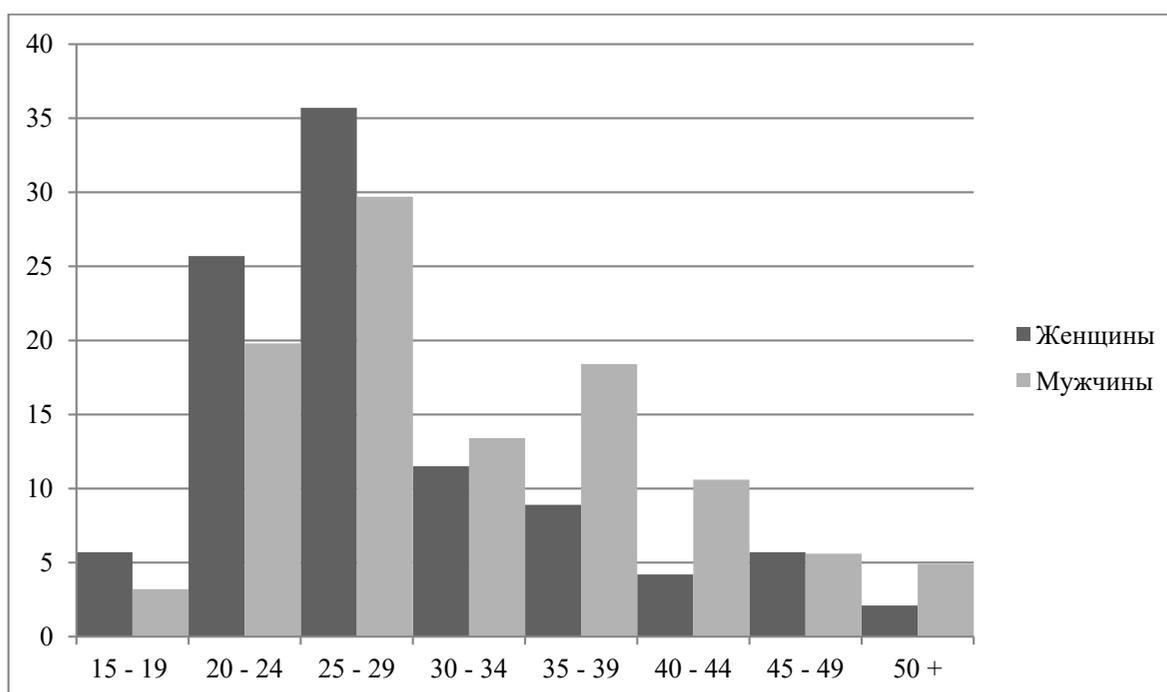
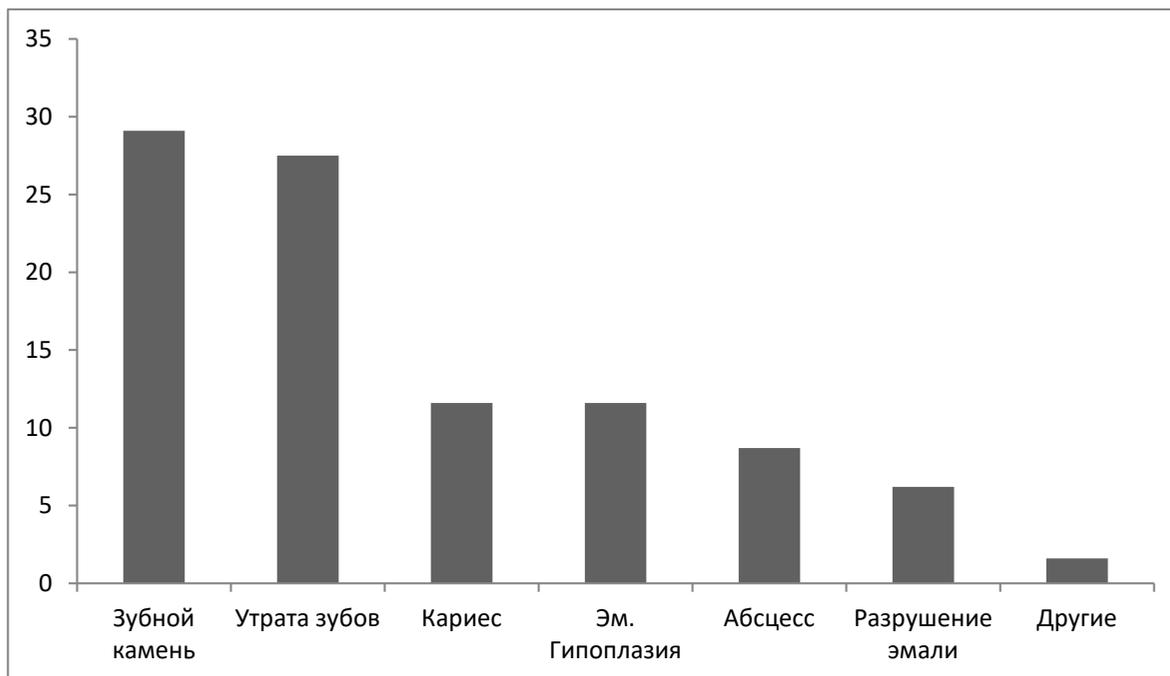


Рис. 3. Процент умершего взрослого населения по половозрастным интервалам



**Рис. 4.** Процентное соотношение зубочелюстных патологий

*И. Н. Храпунов, М. М. Казанский*

## Погребения эпохи переселения народов в могильнике Нейзац

**Ключевые слова:** *могильник Нейзац, переселение народов, погребения, склеп, погребальный инвентарь, гунны*

**Key words:** *cemetery of Neyzats, migration, graves, burial vault, grave goods, Huns*

Могильник Нейзац использовался непрерывно во II–IV вв. н. э. Наиболее поздние найденные в нем вещи, в частности маленькая двупластинчатая фибула черняховской традиции и несколько стаканов, украшенных каплями синего стекла, указывают на конец IV – начало V в. н. э. как на дату прекращения систематических захоронений (Храпунов 2005, с. 179; 2011, с. 17). Исключение составляют две могилы. Они относятся к явно более позднему времени и принадлежат культуре, отличной от той, что зафиксирована раскопками сотен погребений могильника. Об этих могилах и пойдет речь в данной статье. Предварительная информация о публикуемых могилах введена в научный оборот (Храпунов 2011, с. 17. рис. 6–8; Храпунов, Казанский 2015).

### **Могила № 586**

Могила № 586 представляет собой подземный склеп, выкопанный в песчанике. Прямоугольная в плане входная яма ориентирована с запада на восток. Ее размеры 3,4 x 0,8 м, глубина от уровня материка — 0,4 м, от уровня современной дневной поверхности — 2,0 – 2,8 м.

Дромос сделан в восточной стене входной ямы. Его размеры — 0,8 (ширина) x 0,35 м. Погребальная камера подпрямоугольная в плане, размерами 2,6 x 2,1 м. Длинная ось камеры расположена почти под прямым углом к длинной оси входной ямы. Пол погребальной камеры расположен на 0,2 м ниже пола дромоса, переход оформлен в виде ступеньки. В стене, противоположной входу на высоте 0,45 м от пола вырублена трапециевидная ниша. Ее размеры 0,28 x 0,2 x 0,1 м (рис. 1; 2, II).

В дромосе обнаружено необычное погребение (рис. 2, II). Придавленные кусками свода кости создают впечатление, будто погибший человек сидел на корточках. Скелет, по определению антрополога, мужской (см. Приложение).

В погребальной камере обнаружено захоронение женщины. Оно совершено вдоль северной стены на 0,05 м слое земли. Костяк находился в вытянутом положении на спине, головой на восток. Руки вытянуты вдоль тела, кисти находились под тазом. Ноги были плотно сведены в щиколотках (рис. 2, I).

В заполнении могилы обнаружен фрагмент детского черепа. Он принадлежал одному из погребенных в догуннское время.

Куча из 86 мелких полированных камней находилась у черепа, к востоку от него (рис. 2, I: 1; 6, 1). Три фрагмента бронзовых плоских рифленых пластинок прямоугольной формы с двумя сквозными отверстиями находились у черепа, около кучи полированных камней (рис. 2, I: 2; 4, 3). Размеры: 0,9 x 1,2, 1,1 x 1,4 и 1,1 x 1,7 см. Там же обнаружено керамическое плоское пряслице, биконической формы. Диаметр — 5,6 см, толщина пряслица — 2 см (рис. 2, I: 3; 3, 9; 4, 2). У полированных камней около черепа был положен разломанный на две части железный нож. Общая длина ножа 14,9 см (рис. 2, I: 4; 3, 4).

Слева от черепа найдена бронзовая пластина, представляющая собой, вероятно, щиток фибулы. Она обтянута с лицевой стороны фольгой из желтого металла, края которой загнуты на тыльную сторону. Лицевая сторона щитка обрамлена рельефным рубленным валиком. В центре расположено гнездо круглой формы, сделанное из напаянной ребром на щиток пластинки, со вставкой из прозрачного бесцветного стекла. Вокруг него размещены 12 сердоликовых вставок треугольной формы, обращенных вершинами к центру щитка. Гнезда для сердоликов образованы напаянными ребром на щиток пластинками из фольги

желтого цвета. С двух сторон по концам диаметра на щитке имеются по 2 сквозных отверстия для крепления иглы и приемника. Диаметр — 3,5 см (рис. 2, I: 5; 3, 1; 4, 1).

Справа от черепа обнаружен фрагментированный лепной горшок с овалоидным, вертикально вытянутым туловом, отогнутым наружу верхним краем и плоским дном. Плоский верхний край венчика украшен косыми врезными насечками. Внутренняя поверхность сосуда обожжена. Диаметр верхнего края — 7,0 см, диаметр дна — 6,1 см (рис. 2, I: 6; 5, 1, 2).

Гривна из бронзового, круглого в сечении массивного стержня, слегка сужающегося к краям, находилась на месте шеи. Один конец раскован, имеет форму круглой пластины со сквозным отверстием в центре, второй оформлен в виде крючка с конусообразным выступом на конце. Диаметр — 16,6 см (рис. 2, I: 7; 3, 2; 4, 5). На запястье правой руки обнаружен фрагмент браслета из круглой в сечении бронзовой проволоки. Один сохранившийся конец раскован и имеет сквозное отверстие. Длина фрагмента — 6 см (рис. 2, I: 8; 3, 3; 4, 4). У левого бедра найден точильный камень прямоугольной формы со скошенными торцовыми стенками. Размеры — 17,5 x 7,8 x 2,6-3,0 см (рис. 2, I: 9; 3, 10; 6, 2).

В ногах погребенной найдены бронзовые элементы обувной гарнитуры. Это наконечник ремня в виде прямоугольной пластины с закругленным нижним краем и со сквозным отверстием в верхней части, 3,8 x 0,8 см, справа от берцовых костей правой ноги, ближе к пятке (рис. 2, I: 10; 3, 8; 4, 9), два распределителя ремней в виде трехлопастной пластины с отверстием в центре, 3,1 x 3,2 и 3,2 x 3,2 см, справа и слева от берцовых костей левой и правой ноги, ближе к пяткам (рис. 2, I: 11, 12; 3, 5, 6; 4, 6, 7) и бронзовая пряжка с округлой рамкой и сильно загнутым за ее передний край язычком, справа от берцовых костей правой ноги, ближе к пяткам (рис. 2, I: 13; 3, 7; 4, 8). Щиток овальной формы, сделан из

согнутой пополам пластины с одной заклепкой (отсутствует) в тыльной части. Размеры рамки — 1,5 x 1,7 см, щитка — 1,4 x 1,8 см.

От погребального инвентаря предшествующих захоронений в погребальной камере и во входной яме сохранились фрагменты лепных сосудов (рис. 2, 1: 13; 5, 3, 4) и обломок стенки красноглиняной амфоры.

Сама по себе архитектура погребального сооружения и обычай ингумации являются типичными для населения предгорного Крыма в позднеримское время. Ничем не отличающиеся от публикуемого склепы хорошо известны на могильниках III – IV вв., принадлежавших оседлому населению (предположительно аланам)<sup>1</sup>, только в могильнике Нейзац их раскопано более 80. Подавляющее большинство склепов было сооружено в IV в. н. э., лишь единицы относятся к более раннему времени (Храпунов 2002, с. 73, 74; Храпунов 2011, с. 19). Типичным способом захоронения в таких камерах являются коллективные ингумации. Покойники, как и в могиле № 586, помещались в вытянутом положении на спине, как правило, ногами в сторону входной ямы. Похожие погребения известны в горном Крыму и в начале эпохи переселения народов (напр. Айбабин 1999, рис. 23, 2). Надо отметить, однако, что в гуннское время<sup>2</sup> погребения в подземных склепах-катакомбах, правда, существенно

отличавшихся от крымских конструктивно, зафиксированы также у алан в степях Украины — назовем такие памятники как Кубей или Кантемировка (Засецкая 1994, рис. 3,6; Казанский, Мастыкова 1999, рис. 2, 1; 3, 3; 4, 4; Kazanski 2009, fig. 20; 21).

Однако нигде в Крыму для позднеримского времени и эпохи переселения народов не зафиксировано никаких следов человеческих жертвоприношений. Не известно ничего подобного для этой эпохи и в других регионах Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Поэтому нахождение человеческого скелета в дромосе склепа № 586 является исключительным случаем и вряд ли связано с какими-то обрядовыми действиями. Скорее всего, речь идет о несчастье, когда под завалом оказался один из участников погребальных действий или же грабитель могил.

Погребение в склепе № 586 совершили в эпоху Великого переселения народов (о датировке см. ниже), в отличие от остальных захоронений в некрополе, относящихся к римскому времени. В данном случае реконструируемая последовательность событий сомнения не вызывает. Какая-то группа, оказавшаяся в долине Зуи в V в., очистила от аланских захоронений один из склепов на уже заброшенном кладбище и совершила там погребение своего соплеменника.

<sup>1</sup> Культура населения предгорного Крыма позднеримского времени по многим элементам, в том числе таким показательным как конструкция погребальных сооружений, погребальный обряд, некоторые типы лепной керамики, близка синхронным древностям предков средневековых кавказских алан. Поэтому большинство исследователей относит крымские могильники к аланам, мигрировавшим с Северного Кавказа. Письменные источники фиксируют алан в Крыму впервые в надписи из Пантикапея, которую исследователи датируют концом I – началом II в. н. э. (Виноградов, Шестаков 2005, с. 43; Сапрыкин 2005, с. 47–49; Сапрыкин, Парфенов 2012, с. 175–176) или концом II – началом III в. н. э. (Bowersock, Jones 2006, p. 127–128; Иванчик 2013, с. 62–64). Надпись 208 г. н. э. из Гермонассы, в "азиатской" части Боспора, упоминает главного аланского переводчика Нракас (КБН 1053). Далее, Анонимный перипл V–VI вв. (Псевдо-Ариан), дает для города Феодосия в Юго-Восточном Крыму его аланское или "таврское" название – Арбайβδα, Арбайβδα (Périples anonyme, § 51; цит. по: Bashmakoff 1948, p. 146, 147). Впоследствии аланы в Крыму фиксируются письменными источниками только в XIII в.

<sup>2</sup> Здесь и далее используется следующая археологическая периодизация эпохи Великого переселения народов (Мастыкова 2009, с. 19, 20; Казанский, Мастыкова 2010):  
— "гуннский" период: 360/370 – 470/480е гг., соответствующий периодам D1, D2 и D2/D3 хронологии средневропейского Барбарикума;  
— "постгуннский" (правильнее было бы "постаттиловский") период или горизонт Шипово: 430/470–530/570е гг., соответствующий периодам D2/D3, D3, D3/E1, MD 4 b MD 5 хронологии средневропейского Барбарикума. Название периода, конечно, условно, поскольку гуннские племена и после середины V в. продолжали удерживать понтийские степи.

### **Аналогии инвентарю и датировка погребения**

Набор предметов, составлявших погребальный инвентарь — обтянутая золотым листом бронзовая накладка со вставками из стекла (в центре) и сердоликовых камней, гривна, браслет, нож, обувная гарнитура, лепной сосуд — имеют параллели как у оседлого населения южной части Восточной Европы, так и у кочевников — гуннов и алан. Присутствие пряслица более типично в Северном Причерноморье для погребального инвентаря оседлых варваров.

**Круглая накладка** (рис. 3, 1; 4, 1). Особое внимание привлекает округлая пластина полихромного стиля, функциональное назначение которой не ясно. Вполне возможно, что это фибула. Хотя у публикуемого экземпляра застежка отсутствует, но можно предположить, что сломанную, но красивую и дорогую вещь положили рядом с погребенным в качестве престижного украшения. Ее отличает довольно небрежная обработка камней, имеющих подтреугольную форму. Можно назвать две наиболее близкие параллели. Одна из них происходит из коллекции А. Мерль де Массоно, включавшей вещи, происходящие из Южной России (Damm 1988, n° 19, Abb. 49). Вторая была обнаружена в могильнике Алмалык-Дере в юго-западном Крыму, в могиле № 65, вместе с вещами, типичными для периода D2 (т.е. приблизительно 400/410 – 440/450 гг.), согласно хронологической шкале европейского Барбарикума (Maćczyńska et alii 2011, fig. 10,1). В данном случае к тыльной стороне пластины была прикреплена застежка, так что изделие представляло собой фибулу. Отделка изделия небрежно обработанными камнями подтреугольной формы типична именно для гуннского времени и довольно часто встречается на украшениях той эпохи (напр. Засецкая 1982, рис. 3; 4,1,7; Kazanski 2009, fig. 9).

В могиле № 65 из Алмалык-Дере найдена еще одна фибула, но с округлыми камнями и рельефным ободком вокруг центрального камня (Maćczyńska et alii 2011, fig. 10, 2). Круглая фибула полихромного стиля обнаружена в могиле № 126, погребение 3 в могильнике Лучистое на Южном берегу Крыма. Здесь сохранились игла и приемник, щиток украшен, как и вторая фибула из Алмалык-Дере, круглыми камнями и дополнительным рельефным ободком вокруг центрального камня (Айбабин 2001, рис. 6, 3). Погребение в Лучистом также содержит инвентарь, типичный для периода D2. Еще одна бляшка с круглыми камнями, однако, богато украшенная зернью, найдена в Керчи, в погребении 9 склепа с многократными погребениями 154.1904 г. Речь, скорее всего, тоже идет о фибуле, поскольку пластина найдена на левом плече погребенной (Шкорпил 1907, с. 44). Она сопровождалась серьгами, характерными для периода D2 (Засецкая 1993, табл. 50, № 246).

Округлая бляха полихромного стиля, напоминающая найденную в Нейзаце, обнаружена в погребении Новопокровка, в Восточном Крыму (Гаврилов 1996, рис. 2, 7). Она располагалась на груди погребенной здесь женщины и, видимо, являлась фибулой. Однако камни на этом украшении обработаны иным образом, они овальные и более правильной формы. Погребение относится к постгуннскому воюмени (Засецкая и др. 2007, с. 15, 18).

На Тамани круглая бляха, близкая нейзацкой и новопокровской, идентифицирована как навершие меча эпохи переселения народов. Но она, как и бляха в Новопокровке, украшена хорошо обточенными овальными камнями, а кроме того имеет богатый декор из псевдозерни и филиграни (Damm 1988, n° 102, Abb. 187–188).

Наконец, упомянем круглые бляхи полихромного стиля, входившие в состав гуннских находок в Зеленокумске, на Северном Кавказе (Засецкая 1994, табл. 13,5),

Татарке, в том же регионе (Zaseckaja 1994, pl. 17,3)<sup>3</sup> и в могильнике Усть-Альма, могила 635 в юго-западном Крыму (Пуздровский и др. 1999, рис. 3,4), а также серию таких же блях в Верхней Рутхе, в Северной Осетии (Уварова 1900, табл. 101, 3–7).

**Гривна из гладкого металлического стержня с замком в виде округлой пластины с отверстием на одном конце и крючка с кнопкой на другом** (рис. 3, 2; 4, 5). Шейные гривны типичны для многих варварских культур эпохи переселения народов. Нередко они сделаны из золота и имеют статусный характер, указывающий на привилегированное положение их владельцев (последние работы: Tejral 2011, 195-199; Loskotova 2012). Гривны из металлического стержня или витой проволоки неоднократно встречены в степных находках Восточной Европы гуннского и постгуннского времени: Новая Маячка (Засецкая 1994, табл. 10, 1); Алешки-Кучугуры (Засецкая 1994, табл. 15, 9; Kazanski 2009, fig. 17.10); Татарка (Засецкая 1994, табл. 18,2); Совхоз Калинина (Засецкая 1994, табл. 22, 16); Шипово, кург. 2 (Засецкая 1994, табл. 42, 5), Беяус, погр. 3 (Дашевская 2014, табл. 174, 1). Известны они и в гуннском контексте Центральной Европы, в Сегед-Надьзекош (Szeged-Nagyszéksós) (Alföldi 1932, Taf. XVII, 2). Однако в гуннское время доминирует несколько иной, по сравнению с публикуемой, тип гривен, с завязкой или ее имитацией у замка (см. напр. Odobescu 1887-1900, fig. 133; Alföldi 1932, Taf. XVII, 2; Засецкая 1993, табл. 55, № 299; Harhoiu 1998, Taf. LXXXIV,2; L'Or des princes barbares 2000, n° 9,1; Tejral 2011, Abb. 102, 103, 149).

Что же касается типа гривны, представленного в могиле № 586 могильника Нейзац, то он известен уже в позднеримское время. Назовем находки в Пруссии, на могильнике Варникам (Warnikam)/Первомайское, могила № 28 (Nowakowski 1996, Taf. 75,11), а также на западной границе ареала

черняховской культуры, в Мунтении, в некрополе Драганешти-Олт (Drăgănești-Olt), могила № 11 (Trohanu, Zorzoliu 1983, fig. 7,1), в погребении Муслюмово на Урале (Засецкая 1994, табл. 43,1), относящемся к предгуннскому или раннегуннскому времени (о дате см. Kazanski 1995, p. 192). В крымских памятниках римского времени найдены четыре гривны с одним раскопанным, снабженным отверстием концом и другим концом, загнутым в виде крючка (Стоянова 2011, с. 121, 122). Одна из них (Перевальное, могила № 176) сделана из гладкой проволоки (Стоянова 2011, рис. 6,2), остальные (Дружное, могила № 20, Чатыр-Даг, могилы № 14 и № 21) тордированы (Стоянова 2011, рис. 6,3–5). Конец одной из тордированных гривен (Дружное, могила № 20) заканчивается кнопкой, как у публикуемого экземпляра (Стоянова 2011, рис. 6,3). Гривны с подобным замком и тордированным стержнем известны и на Тамани (Damm 1988, № 41, Abb. 86, 87).

Для гуннского времени гривна, аналогичная нейзацкой, представлена в Керчи, в могиле 165.1904, погребение 1 (Засецкая 1993, с. 81, № 276). Ее конец загнут в петлю и место соединения закрыто напаянной круглой пуговкой. В постгуннское время гривны с замком в виде круглой пластины с отверстием и крючка с кнопкой известны на Северном Кавказе, в могильнике Пашковский на Нижней Кубани, в могиле 1.1949 г., могиле 5.1949 г. (крючок без кнопки), в некрополе Байтал-Чапкан, могила 23 в бассейне Верхней Кубани (крючок также без кнопки), возможно, могила № 20 (сохранился обломок с пластиной) (Мастыкова 2009, 75, рис. 75,1, 76,1, 77,1,2), а также в дагестанском могильнике Паласа-Сырт, курган 91 (кнопка обломана) (Магомедов и др. 2006, рис. 2, 35). Подобные гривны представлены в Центральной России, в некрополях волжских финнов, например, Борок, могила 525 (Ахмедов, Казанский 2004, рис. 7, 2),

<sup>3</sup> Судя по найденной там же пряжке, находка из Татарки может принадлежать постгуннскому времени (Храпунов, Казанский 2015, с. 184).

Заречье-4, могила 1 (Ахмедов, Белоцерковская 1996, рис. 3, 2), Кошибеево, могила 6 и 70 (Спицын 1901, табл. 7,12). Они известны и в Среднем Поволжье, как свидетелствуют, например, находки на могильнике Коминтерн-II, в могиле 43 (Казаков 1998, рис. 32,26), а также в могилах № 10 и № 11, но в этих двух случаях крючок замка не имеет кнопки, в отличие от гривны из Нейзаца (Казаков 1998, рис. 14,13; 15,8). В раннемеровингское время гривны из стержня с замком в виде круглой пластины и крючка с кнопкой известны в Западной Европе, например в могильниках Базель-Кляйнхюнинген (Basel-Kleinhüningen), могила № 101 (Giessler-Müller 1992, Taf. 19,101.3) или Эшборн (Eshborn), могила 45 (Ament 1992, Taf. 18,2).

**Браслет из круглого в сечении стержня с расплюснутым концом с отверстием** (рис. 3, 3; 4, 4). Браслеты у степных кочевников гуннского и постгуннского времени встречаются нечасто. Тем не менее, такие находки известны в Покровске, курган 36 (Засецкая 1994, табл. 29,15), Морском Чулеке, могила № 2 (Засецкая и др. 2007, табл. III, 5, 6), Шипово (Засецкая 1994, табл. 40,12,14). Находка в гуннском погребении Ленинск на Нижней Волге представляет наиболее близкую параллель браслету из Нейзаца (Засецкая 1994, табл. 33,12; Kazanski 2009, fig. 13,22).

**Обувная гарнитура** (рис. 3, 5–8; 4, 6–9). Найденные в погребении металлические элементы обувной гарнитуры появляются в Европейском Барбарикуме, как считается, под алано-сарматским влиянием. Действительно, в позднесарматское время и в начале эпохи переселения народов обувные гарнитуры представлены в степных курганных погребениях в Молдавии и на Левобережной Украине (Tejral 2011, S. 285, 286). В Крыму в позднесарматское время обувные гарнитуры найдены в могильниках оседлого сармато-аланского населения, таких как Дружное и Нейзац. В то же время исследователи отмечают распростра-

нение обувной гарнитуры и на территории Римской империи (von Rummel S. 2007, 337-342; Eger 2015, S. 264–269). Обувная гарнитура в эпоху переселения народов хорошо известна в понто-кавказском регионе, как у оседлого населения (Хайрединова 2003; Мастыкова 2009, с. 59, 146, 148), так и у кочевников (Комар 2010). У кочевников она представлена, в основном, в мужских погребениях, хотя встречена и в предположительно женских могилах гуннского и постгуннского времени, напр. Лихачевка, Шипово, курган 2 (Комар 2010, с. 109).

В эпоху переселения народов элементы обувной гарнитуры встречаются в привилегированных варварских погребениях, как мужских (см. напр. Bóna 2002, fig. 143,3; 147,7; 152,4; von Rummel 2007, S. 337–342), так и женских (например, L'Or des princes barbares 2000, n° 22,9; Barbulescu 2008, pl. XIX,4). Видимо они становятся составной частью престижного костюма.

Остановимся сначала на типах обувной гарнитуры, которые представляют собой параллели для находок из могилы № 586 Нейзацкого некрополя в кавказко-понтондунайском регионе. В первую очередь внимание привлекает обувная гарнитура с трехчастными подвижными или цельными распределителями. Она отмечена в погребальном контексте оседлого населения гуннского времени. Процитируем находки в Лучистое, склеп 88, погр. 5; Танаис, могила 27.1985 (Хайрединова 2003, рис. 3), Ньиредьхаза-Рожретсёлё (Nyíregyháza-Rozsrétszölő), могила 69/1 (Pintye 2014, pl. III, 7-10); Фанагория, могила 34.2005 г. (Строков 2013). Во второй половине VI–VII вв. такие разделители ремней обувной гарнитуры также известны в Крыму (Хайрединова 2003, с. 130), в частности в гарнитурах так называемого геральдического стиля, Лучистое, склеп 43, погр. 3 (Хайрединова 2003, рис. 17,1,1-3); Лучистое, склеп 64, погр. 2 (Хайрединова 2003, рис. 12); Лучистое, склеп 77, погр. 3 (Хайрединова 2003, рис. 11); Лучистое, склеп 164, погр. 5 (Хайрединова 2003,

рис. 16); склеп 170, погр. 3 (Хайредино́ва 2003, рис. 14); Лучистое, склеп 189, погр. 3 (Хайредино́ва 2003, рис. 15).

Обувь с трехчастными распределителями хорошо известна и у степных кочевников. Назовем для V в. находки в Лихачевке на Левобережной Украине (Зарецкой 1888, табл. II,9,10,12,13), а также в могильнике Царский в 5 км от Танаиса, в кургане 51 (Ильюков 2004, рис. 10.2,3,5,6). Для VI–VII вв. наиболее достоверной находкой с трехчастным распределителем в степном контексте является находка в Христофоровке, курган 7, погр. 7 (Комар 2010, рис. 11). Хорошо известны обувные гарнитуры, в состав которых входят пряжки и гладкие наконечники ремней. У степных кочевников гуннского времени обувные наконечники ремней с пряжками встречены в кургане 1 уже упоминавшегося аланского могильника Кантемировка (Казанский, Мастыкова 1999, рис. 2,4,5). Для второй половины VI–VII вв., то есть для горизонта «геральдических» гарнитур, обувные гарнитуры с пряжками и наконечниками зафиксированы в таких степных погребениях Северного Причерноморья как Сивашовка, курган 3, погр. 2 (Комар 2010, рис. 7); Виноградный, курган 5, погр. 3 (Комар 2010, рис. 9), Дмитровка, курган 1, погр. 12 (Комар 2010, рис. 1), Васильевка, курган 2, погр. 1 (Комар 2010, рис. 13,1–8). У оседлого населения Крыма такие гарнитуры известны в IV–VII вв. в ряде памятников, Дружное, склеп 87, погр. С (Храпунов 2002, рис. 211,3,4; Хайредино́ва 2003, рис. 5,1,2), Карши-Баир, склеп 7 (Хайредино́ва 2003, рис. 6,II), Лучистое, склеп 77 (Хайредино́ва 2003, рис. 8,7,8); Лучистое, подбойная могила 99 (Хайредино́ва 2003, рис. 9, I,II, 1–5); Лучистое, склеп 105 (Хайредино́ва 2003, рис. 8,5,6); Лучистое, склеп 176 (Хайредино́ва 2003, рис. 8, I,II, 1–4); Лучистое, склеп 205 (Хайредино́ва 2003, рис. 7), Скалистое, склеп 499 (Хайредино́ва 2003, рис. 9, 6–9).

Теперь рассмотрим параллели каждому конкретному элементу обувной гарнитуры из погребения № 586. Малые пряжки (рис. 3,

7; 4, 8) с округлой рамкой, округлым щитком и длинным, загнутым язычком широко распространены в позднем IV–V вв. на юге Восточной Европы, а также, но в меньшей степени, на среднем Дунае и на Балканах (Beck *at alii* 1988, note 52; Мастыкова 2009, с. 58; Kazanski 2009, fig. 21,5,6,19; 103,1,9; 78,40; 79,18; 80,40,47; 89,18,19; 113,14; 119,6,7; Tejral 2011, Abb. 3,1; 20; 27,4; 88; 282, 2). Некоторые из них имеют одну заклепку в центральной части щитка. Назовем, в качестве примера, находку в могильнике Николаевка на Нижнем Днепре, могила 20 (Tejral 2011, Abb. 23,2), пряжки из керченской могилы 1918 г. (т.н. гробница Месаксуди, см. Beck *at alii* 1988, p. 68,69, fig. 1,11; Kazanski 2009, fig. 75,10,11), а также пряжки из Ново-Подкряж, курган 3, погр. 3 (Костенко 1977, табл. 3,3; Kazanski 2009, fig. 21,19); Сирмабешеньё (Szirmabesenyo) (Kazanski 2009, fig. 119,6,7; Tejral 2011, Abb. 282,2), из «княжеской» могилы некрополя Клинь-Яр 3 и из могил 500 и 517 могильника Дюрсо (Мастыкова 2009, рис. 41,6,9,10), из могильника Животинное, могила 4 (Комар 2010, рис. 4,1,2). Эти пряжки, вероятно, использовались как в поясной, так и в обувной гарнитуре, а равно и в воинской и конской экипировке.

Трехлепестковые цельные распределители ремней (рис. 3, 5, 6; 4, 6, 7) известных нам точных параллелей не имеют. Многочисленные трехлепестковые накладки-распределители похожих, но не идентичных, форм принадлежат поясным и обувным гарнитурам «геральдического» стиля второй половины VI–VII вв. Но на Северном Кавказе трехлепестковые накладки известны уже в V в., в частности в парном разрушенном погр. 118 некрополя Зарагидж в Кабардино-Балкарии (Мастыкова 2009, рис. 48, 10). Одна трехлепестковая накладка была найдена в женском погребении 30 некрополя Клинь-Яр 3 в надежном контексте постгуннского горизонта восточноевропейских древностей (Мастыкова 2009, рис. 48, 9). Подобные накладки известны и в других

погребениях V–VI вв., например, в катакомбе 4 некрополя Бердуть в Чечне, где они были найдены вместе с пряжкой шиповского горизонта (Мастыкова 2009, рис. 48,10).

Ременной гладкий наконечник с заклепкой (рис. 5, 8; 6, 9). Возможно, он состоял из двух соединенных заклепкой пластин, но тыльная пластина не сохранилась. Такие наконечники найдены в трех погребениях III в. н. э. могильника Нейзац, в погребениях позднесарматского времени, открытых близ г. Азова и в некрополе Танаиса (Храпунов 2008, с. 65). В предгорном Крыму наконечник ремня имеет параллели в контексте второй половины III – IV вв. в могильнике Дружное, могилы 3 и 9 (Храпунов 2002, рис. 73,14; 81,12). Подобные изделия обнаружены в склепе №23/11 некрополя Сиреневая Бухта в Крымском Приазовье с материалами III–V вв. (Маслеников 1997, 36, рис. 23–25). Такие же наконечники известны в Крыму в обувных гарнитурах V–VII вв. (Хайрединова 2003, 132, рис. 6.12–14, 9.2–5,7,9), а также в гуннское время, в степном контексте в Кызыл-Адыр (Засецкая 1994, табл. 37,15) и на Северном Кавказе в Паласа-Сырт (Гмыря 1993, рис. 35,16,17). В постгуннское время гладкие наконечники ремня с округлым концом известны на Северном Кавказе, например в женском захоронении п. 6 некрополя Клинь-Яр 3 (Мастыкова 2009, рис. 48,1), а также в Среднем Поволжье, в могильнике Коминтерн II, в могиле 46 (Казаков 1998, рис. 36,3,6). Находки из могильника Коминтерн II отнесены к т.н. предгеральдическому стилю по А. В. Богачеву и датированы им второй третью VI в. (Богачев 2010, табл. I, часть 2, 32,33). Вышеперечисленные наконечники могут относиться как к поясной, так и к обувной гарнитуре.

**Керамическое биконическое пряслице** (рис. 3, 9; 4, 2). Пряслица не характерны для степных кочевников. Для интересующего нас времени, можно, пожалуй, назвать две находки: из могильника Коби в Чечне, курган 7, могила 1 (Мамаев и др. 2011, рис. 3.2), и из могильника Старая Сарата,

в междуречье Днестра и Дуная, в могиле 7 (Гросу 1990, 94, рис. 29,5). Зато у оседлого населения Крыма помещение пряслица в погребальный инвентарь является традиционным уже в позднеримское время, как свидетельствуют находки в могильниках Дружное или Нейзац (Храпунов 2002, рис. 77,12; 81,5,19; 82,15,16 и т.д.; Храпунов 2011, рис. 37,12–14,16–18).

**Лепной сосуд** (рис. 5, 1, 2). Мы не можем указать на прямые ему аналогии среди керамики, которая не часто встречается в гуннских погребениях. Можно отметить лишь аналогичным образом украшенный венчик из кургана у с. Ровное в Саратовском Поволжье (Засецкая 1994, с. 187, табл. 29, 13). Специально следует подчеркнуть, что этот сосуд по форме, характеру обработки поверхности, обжигу, примесям к глине радикально отличается от сосудов римского времени, которых в могильнике Нейзац найдено более 1000, в том числе и от обломков лепных сосудов, обнаруженных в могиле № 586 (рис. 5, 3, 4).

В целом датировка предметов погребального инвентаря охватывает как гуннское, так и постгуннское время. Несомненно, к гуннскому времени относится округлая бляха полихромного стиля, и, видимо, браслет с расплюснутым перфорированным концом, в то время как трехчастные бляшки-соединители ремней обувной гарнитуры более типичны для постгуннского времени. Остальные предметы — пряжка, ременной наконечник, гривна, пряслице, — имеют более широкую дату. С учетом времени использования вещей из данного комплекса, оптимальной датой погребения является конец гуннского времени и начало постгуннской эпохи, т.е. вторая треть V в.

#### **Могила № 114**

Могила № 114 относится к числу подбойных (рис. 7; 8). Входная яма округлая в плане, ко дну она расширяется. Её диаметр на уровне материка — 0,9 м, по дну — 1,2 м, глубина — 1,5 м. Подпрямоугольный в плане подбой сделан в северо-восточной стене

входной ямы. Его размеры 2,15 x 0,7 м. Пол подбоя расположен на 0,1 м ниже дна входной ямы. В подбое, на земляной подсыпке (0,05 м) обнаружена ингумация (рис. 8). Костяк находился в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Правая рука была плотно прижата к телу и согнута в локте, кисть лежала на тазовых костях. Ноги плотно сведены в щиколотках. Погребена женщина приблизительно 20-летнего возраста. Ее череп искусственно деформирован, отмечено уплощение на уровне теменных и лобной костей. Череп имеет явные признаки монголоидности (см. Приложение). В головах обнаружено керамическое пряслице (рис. 8, 1; 9, 10), на черепе — две серьги (рис. 8, 2, 4). Одна серьга серебряная позолоченная калачевидная, с декором в виде напаянных проволок, имитирующих зернь (рис. 9, 4; 15, 2), другая — бронзовая с 14-гранником на конце (рис. 9, 2). На месте шеи найдено ожерелье, состоящее из шести круглых одинаковых серебряных подвесок, одной серебряной листовидной подвески, все со стеклянными вставками и серебряных спиралевидных трубочек-пронизок (рис. 8, 3; 9, 1; 15, 1). На левую руку были надеты два бронзовых браслета (рис. 8, 6, 13; 9, 7, 9), на правую — один (рис. 8, 7; 9, 8). На пальце левой руки обнаружен бронзовый перстень с круглым щитком, украшенным сердоликовой вставкой (рис. 8, 9; 9, 5), на пальце правой руки — еще один бронзовый перстень с круглым щитком со стеклянной вставкой (рис. 8, 8; 9, 3). На тазовых костях находилась железная пряжка (рис. 8, 11; 9, 11). У щиколоток лежала бронзовая пряжка с округлой рамкой утолщенной в передней части и с язычком, выходящим за пределы рамки (рис. 8, 10; 9, 6), слева от щиколоток — железный нож с выгнутыми спинкой и лезвием (рис. 8, 12; 9, 12). Обращает на себя внимание положение пряжки. Она найдена у плотно сведенных щиколоток погребенной. Ранее, по отношению к погребениям другой, более ранней крымской культуры, высказано

предположение, что детали ременной гарнитуры, найденные у костей ног, могли относиться к ремням, которыми связывали ноги (Луздровский 2007, с. 140). Это предположение на первый взгляд кажется несколько экзотическим, но, действительно, трудно иначе объяснить не обычное положение пряжки. Вряд ли она могла быть частью обувной гарнитуры, что предполагало бы наличие, по меньшей мере, второй такой же пряжки.

Во входной яме, на правом боку с подогнутыми ногами, захоронена лошадь. Головой она была ориентирована на север, шея вывернута на 161° (рис. 7, 1). У черепа и между ребрами найдено по железной пряжке (рис. 7, 2; 10, 5, 6). Около челюстей лошади лежали двучастные кольчатые удила, состоящие из железных и бронзовых деталей, таких как В-образные соединители псалий (сами псалии отсутствуют, видимо они были из дерева) с поводьями и закрепленные на них обоймы ремней миндалевидной формы (рис. 7, 1; 10, 1–3). В 0,2 м от черепа обнаружены лежавшие в ряд длиной 0,5 м серебряные позолоченные бляхи двух типов: крупные со стеклянными вставками (рис. 7, 3, 5, 9, 14, 18, 23, 27; 11, 1–7; 15, 4) и мелкие с пустыми гнездами для вставок (рис. 7, 6–8, 11–13, 15–17, 19–22, 24–26, 28–30; 11, 8–26; 15, 3). Завершался этот ряд железной пряжкой (рис. 7, 10; 10, 4). Вероятно, бляхи служили украшениями повода.

У передних ног лошади в стене входной ямы было сделано отверстие диаметром 0,3 м, которое пробило стену могилы № 102. В это отверстие на боку с подогнутыми ногами был помещен маленький жеребенок (рис. 7, 1).

#### **Аналогии инвентарю и датировка погребения**

**Калачевидная серьга** (рис. 9, 4; 15, 2). Подобные украшения встречаются достаточно редко и обнаружены почти исключительно в Северном Причерноморье. Две серьги происходят из кочевнического погребения № 1 в небольшом могильнике

Морской Чулек, близ дельты Дона. Здесь, в составе богатого убора, обнаружена пара золотых серег в виде калачика с двумя проволочными петельками, с лицевой и оборотной стороны серьги украшены рядами зерни (рис. 12, 1, 2). В 1905 г. пара аналогичных серег была найдена местным жителем около станицы Верхне-Курмоярской 2-ого Войско-Донского округа (рис. 12, 3, 4). Вместе с ними находчик представил типичную пряжку гуннского времени (приблизительно 360/370–470/480е гг.), но в архивных документах нет данных, указывающих на условия находки (или находок?) данных предметов<sup>4</sup>. Еще одна такая серьга, происходящая из Поднепровья, до революции находилась в коллекции древностей А. Н. Поля в Екатеринославе. Наконец, аналогичная золотая серьга была найдена в 1980-ых годах в одном из погребений могильника Лисьи Могилы на Херсонщине (рис. 12, 4). Это впускное погребение с конем, сопровождавшееся бронзовой поясной гарнитурой, относительно которой в публикации нет никакой информации (Засецкая и др., 2007, 12, 13; там же библиография по данным находкам). Похожие подвески (рис. 12, 5, 6) найдены и в раннеаварском могильнике Фелдьё (Felgyő), в погр. 6, которое венгерские коллеги датируют приблизительно 625–650 гг. (Balogh 2014, fig. 10, 2, 3; 11, 1). Они бронзовые, декор из двух напаянных проволочек, имитирующих зернь, отсутствует. Скорее всего, речь идет о позднем деривате понтийских украшений. В контексте аварского времени известна целая серия поздних дериватов височных подвесок, восходящих к украшениям типа Моорского Чулека (Balogh 2012). Создается впечатление, что серьга из могильника Нейзац занимает в типологии этих украшений промежуточное положение между донскими находками с одной стороны и аварскими подвесками с другой.

Аналогичные серьги никогда не встречаются в памятниках гуннской эпохи. Поэтому можно предположить, что они появляются только в постгуннское время и получают дальнейшее развитие в ювелирных изделиях VI–VII в. н. э. (см. подробнее, Засецкая и др. 2007, с. 12-18, 27, 28). Если принять во внимание хронологию погребения 1 в Морском Чулеке (о времени находок в Морском Чулеке см., Засецкая и др. 2007, 83-91) и аварского погребения в Фелдьё, то дата серьги из Нейзацкого некрополя, скорее всего, соответствует шиповскому горизонту.

**Серьга с полиэдрическим окончанием** (рис. 9, 2). Она относится к типу, широко распространенному по всей Европе в V–VII вв., в первую очередь у оседлого населения (см. напр., Kazanski 2009, p. 137, 138; Мастыкова 2009, с. 72–74; там же библиография; Богачев 2016). Однако такие же серьги найдены в погребениях гуннского времени в Беляусе, в северо-западном Крыму, скорее всего, принадлежавших кочевникам (Дашевская 2014, с. 91, табл. 174, 2, 3).

**Перстни** (рис. 9, 3, 5). Три золотых перстня подобной формы, украшенные гранатовыми вставками, происходят из уже упоминавшегося погребения 1 в Морском Чулеке. Эта форма отражает традиции античного ювелирного искусства, поскольку такие перстни хорошо известны в ранневизантийских и позднеантичных памятниках конца IV–VII вв. н. э. (Засецкая и др. 2007, с. 33) Несколько экземпляров перстней этого типа найдены на Боспоре (напр., Damm 1988. N° 76–78, Abb. 139–141).

**Круглые и миндалевидные инкрустированные подвески ожерелья с трубчатými спиралевидными пронизками** (рис. 9, 1; 15, 1). Вне всякого сомнения, речь идет об имитации престижного ранневизантийского костюма, для которого типичны кольца с круглыми или овальными бляхами (напр.: Vierck 1981, S. 90-93. Abb. 11; Gagam,

<sup>4</sup> В этом же районе, в 1892–1893 гг., у хутора Красноярского, близ станицы Верхне-Курмоярской, в размытом водой части холма или кургана была случайно найдена пара серег в виде калачика (Засецкая и др. 2007, с. 12).

2001, S. 44). Роскошные экземпляры кольца с круглыми и овальными подвесками обнаружены в женском «княжеском» погребении Михаэльсфельд на Тамани (Засецкая 2010, ил. 3, 4), у англо-саксов (Epsom, Milton) (Arrhenius 1985, fig. 10; 196), у авар (Vierck 1981, Abb. 15, 2). В Крыму такие подвески известны в Гурзуфе (место находки сомнительно, Damm 1988, № 49; Abb. 97–98), а также в коллекции А. Л. Бертъе-Делагарда (Andrási 2008, cat. 11. pl. 6).

**Браслеты из круглого в сечении стрегня без декора** (рис. 9, 7, 8). Такие браслеты имеют очень широкие временные и территориальные рамки (напр., Мастыкова 2009, 66, 67). Для постгуннского времени похожие браслеты в степной зоне отмечены в следующих пунктах: Шипово, курган 3 (Засецкая и др., 2007. рис. 41, 12), Ольвия (место находки сомнительно: Ross, 1965. pl. LXXXI, C), Ясырев, курган 2, погр. 1 (Мошкова, Федорова-Давыдова 1974, табл. II, 6,7).

**Браслет с уплощенными концами** (рис. 9, 9). В позднееримское время подобные браслеты известны в предгорном Крыму, могильнике Курское, погр. 4 (Труфанов, Колтухов 2001, рис. 1, 15). В целом, в эпоху переселения народов такие браслеты распространяются довольно широко, они известны, в частности, на Северном Кавказе, в Абхазии, в Египте, Малой Азии (Мастыкова 2009, с. 69, 70; там же библиография).

**Овальные бляхи конского убора** (рис. 11, 1–7; 15, 4). Округлые бляхи разных типов, принадлежавшие конскому снаряжению, довольно широко представлены в комплексах постгуннского времени. Назовем такие находки как Морской Чулек, погр. 2, Шамси (Киргизия), Боровое (Восточный Казахстан), Апахида (Aпахида), погр. 2 в Трансильвании, Былым-Кудинетово в Кабардино-Балкарии (Засецкая и др. 2007, с. 60-82; там же библиография). Из них наиболее близкими представляются овальные накладки из Шамси (Kožomberdieva et al. 1998, Abb. 10, 3,4). Похожие бляхи с кабошонами из Кры-

ма, однако меньшего размера, хранятся в коллекции А. Л. Бертъе-Делагарда (Andrási 2008, cat. № 30, pl. 20).

**Почковидные накладки узды** (рис. 11, 8–26; 15, 3). Почковидные бляхи со вставками сердолика в напаянных, сделанных из узкой полоски гнездах, окруженных ободками из зерни и расположенной между ними гладкой узкой полоской известны в уже упоминавшемся погребении Шамси (рис. 12, 13) (Kožomberdieva et al., 1998. Abb. 9, 2; 10, 7; Памятники культуры и искусства Киргизии 1983, кат. № 205, 208). Стоит упомянуть и почкообразные накладки на ремень, обнаруженные в погр. 4 аланского могильника Мокрая Балка в Пятигорье (Ковалевская 2005, рис. 90, 2; 103, 4, 5) (рис. 6, 15, 16), относящемся к шиповскому горизонту (Kazanski, Mastykova 1999, fig. 13, 15, 16). В составе конского снаряжения почковидные инкрустированные бляхи найдены в Цебельде, под стенами крепости. Данная находка не имеет контекста, позволяющего уточнить ее датировку (Воронов 2010, рис. 34, 6; Ахмедов 2005, рис. 4, 1). Необходимо вспомнить и происходящую якобы из Керчи золотую почковидную пластину с гранатовой вставкой, с резным спиралевидным декором на камне (Damm 1988, № 112, Abb. 214-215). Как показал А. К. Амброз, спиралевидный декор типичен для украшений постгуннского времени в Центральной и Восточной Европе (Амброз 1970, нис. 1, 1, 2, 6, 7; 2, 6). Итак, почковидные накладки, судя по приведенным параллелям, служат основанием для отнесения могилы № 114 в Нейзаце к шиповскому горизонту.

**Обоймы ремней узды** (рис. 10, 2, 3). Держатели ремней узды имеют ряд параллелей в контексте древностей V – первой половины VI вв. (рис. 13, 2, 5). Назовем лангобардские удила из Вескень<sup>5</sup> (Veszkeny) в Венгрии (Vona 1976, fig. 16; l. 77), уже упоминавшееся погр. 2 в Апахиде (Harhoiu 1998, Taf. LXV, 5), находку в Даллерупе (Dallerup), в Дании (Geisslinger 1967, Taf.

<sup>5</sup> Авторы благодарят Валерию Кульчар за помощь в работе над текстом данной статьи.

19, 36), аламанские удила в Альдингене (Aldingen), погр. 1969 г. и Плейдельсхайме (Pleidelsheim) (Oexle 1992, Taf. 1, 1.1; 71, 125), а также удила из погр. 9 в могильнике Деерсхайм (Deersheim) в Тюрингии (Schneider 1983, 220, Abb. 74, 1–3,8).

**В-образные элементы псалий** (рис. 10, 2, 3). В-образные петли псалий также хорошо известны на удилах V–VI вв. (рис. 13). Назовем такие находки, как уже упоминавшиеся Былым-Кудинетово, Апахида, Деерсхайм, а также Кустул (Qustul) в Нубии, Сарды (Sardis) в Малой Азии (Ахмедов 2005, рис. 4, 2–6), только что упомянутые Альдинген, погр. 1969 г., Плейдельсхайм и, наконец, Либенау (Liebenau), в Северной Германии (Oexle 1992, Taf. 1, 1.1; 71, 125; 199, 440.1; 200, 439.1). Интересно отметить, что в нубийском могильнике Кустул, на южной периферии Римской империи, в погр. 2, датированном 410–420 гг., обнаружены роговые псалии (рис. 13, 7) (Emery, Kirvan 1938, pl. 60A; дата по: Törok 1988, 108, 109, tabl. 1), что напоминает нейзацкие псалии, сделанные из органического материала.

Остальные вещи — пряжки, нож — имеют очень широкое распространение и не могут служить надежными индикаторами для уточнения датировки и культурной принадлежности данного погребения. Стоит, впрочем, отметить, что небольшая бронзовая пряжка со значительным утолщением рамки в передней части (рис. 9, 6) в крымском контексте скорее характерна для конца римского времени и эпохи переселения народов (см. напр.: Kazanski 2009, p. 117, 118).

Итак, судя по погребальному инвентарю, хронологические рамки могилы № 114 из могильника Нейзац более всего соответствуют шиповскому (постгуннскому) горизонту (430/470–530/570е гг.). Это одиночное, сопровождаемое конем погребение, совершенное на территории заброшенного могильника, по всей вероятности, принадлежало кочевнице. К постгуннскому времени в восточноевропейских степях относится

ряд погребений (рис. 14). Они немногочисленны, тем не менее, в этом материале можно указать параллели погребальному обряду могилы из Нейзацкого некрополя. Так, ориентировка погребенных головой на север отмечена в следующих степных могилах шиповского горизонта: Новопокровка, Шипово, курган 2, а также в Царева, курган 66, погр. 2, отнесенном к данному хронологическому периоду условно. Северо-восточная ориентировка зафиксирована в погребениях Шипово, курган 3 и Тугулук-3, курган 4, погр. 5, последнее, кстати, совершено в подбое, как и нейзацкое захоронение. Ту же северо-восточную ориентировку имеют костяки в Новой Одессе, курган 7, погр. 4 и в Айвазовском, отнесение которых к постгуннскому времени нуждается в подтверждении. Подбойным является и погребение Малай, курган 1, погр. 12, где скелет покойного имеет ориентировку на запад-северо-запад (подробнее: Храпунов, Казанский 2015, там же библиография).

Следы искусственной деформации черепа, распространенной у степных народов уже в сарматское время, зафиксированы в таких могилах как Шипово, курганы 2 и 3, возможно Морской Чулек, погр. 2. Интересно отметить, что обычай деформации головы и признаки монголоидности отмечены в детских погребениях, совершенных кочевниками гуннского времени на месте античного поселения Беляус в Крыму (Дашевская 1969, с. 53; Дашевская 2014, с. 89).

Конские кости и целые скелеты отмечены в следующих степных захоронениях шиповского горизонта: Чикаренко (конские кости, погребение разрушено), Дмитриевка «Вольная Вода» (скелет), Лисьи Могилы (видимо, скелет), Тамань, курган 1912 г. (видимо, скелет), Ясырев, курган 2, погр. 1 (скелет в насыпи кургана), Малай, курган 1, погр. 12 (скелет в верхней части подбойной ямы), Царева, кург. 66, погр. 2 (череп и кости конечностей коня).

Таким образом, датировка, а также аналогии погребальному обряду и инвентарю

только что описанных погребений указывают на то, что они принадлежали кочевникам, которых древние авторы называли гуннами. В это время они занимали крымские степи, где сохранились изолированные погребения (Аубабин 1995; Айбабин 1999, с. 71–73, 97, 173–178). Почему для публикуемых захоронений выбрали долину Зуи, сказать сложно. Вероятно, ко времени погребений еще сохранялись признаки ранее использовавшегося могильника. Например, над поверхностью земли могли возвышаться крупные камни, которые закапывали в заполнение многих сарматских могил как опознавательные знаки. Вероятно, кочевники эпохи переселения народов, как до них скифы, а затем сарматы, проникали иногда в предгорья из степей, где находились их кочевья. Больших усилий для этого не требовалось, могильник Нейзац расположен практически на границе степей и предгорий. Публикуемые погребения расположены на значительном расстоянии друг от друга и совершены в разное время. Значит, кочевники возвращались на место могильника неоднократно для того, чтобы совершить там погребальные обряды. Давно известно, что в Крыму гунны иногда использовали для захоронений погребальные сооружения предшествующего времени. На это указывают их погребения в античных каменных склепах Беяуса в северо-западном Крыму и Марфовки на Керченском полуострове. Кроме того, они хоронили в руинах Беяусского городища (Дашевская 2014, 76, 77, 89–92; Засецкая 1994, 177). В позднескифском Усть-Альминском могильнике гунны использовали для погребений в одном случае склеп, в другом случае подбойную могилу, предварительно очистив их от останков погребенных в этих могилах ранее (Пуздровский, Зайцев, Неневоля 1999; Пуздровский 2010). Благодаря ситуации с Нейзацким могильником в сочетании с ранее известными фактами

можно догадываться о неизвестных нам, но довольно устойчивых, вероятно, идеологических, представлениях, заставлявших гуннов выбирать для погребения своих соплеменников древние уже и для них или, по крайней мере, заброшенные места, ранее использовавшиеся людьми, предпочтительно, кладбища.

Обращают на себя внимание явные восточные элементы, проявляющиеся в наличии параллелей вещей из могилы № 114 с инвентарем погребения Шамси в Киргизии. Возможно, они не случайны, ведь те же параллели отмечаются и для находок в могильнике Морской Чулек, который можно связать с гуннами-оногурами, пришедшими около 463 г. откуда-то с востока (Артамонов 1962, с. 62; Засецкая и др. 2007, с. 103, 106, 107). Вслед за оногурами и их союзниками, сарагурами и урогами (уграми), также с востока приходят савиры. Может быть, всё-таки не случайно Иордан объединяет альциагир и савир как две ветви гуннов? Необходимо отметить и еще одну параллель между погребениями в Нейзаце и в Шамси — в обоих случаях входная яма в погребении имеет округлую форму (рис. 8, ср., Kožomberdieva et al. 1998, Abb. 1), в то время как у восточноевропейских кочевников постгуннского времени, входные ямы, когда они прослеживаются (Тугулук-3, курган 4, погр. 5; Малай, курган 1, погр. 12), имеют прямоугольную форму.

В костюме женщины из могилы № 114 сохранились элементы ранневизантийского костюма. Женская византийская престижная мода надежно фиксируется в богатых погребениях степных кочевников шиповского горизонта, в то время как она совершенно не характерна для предшествующего периода (Казанский, Мастыкова 2014). Видимо, эта новая мода показывает культурную, и, возможно, военно-политическую ориентацию гуннских племен, доминирующих в степях в это время.

\*\*\*

Для гуннского времени информации об этнонимах степных кочевников Крыма мы не имеем. В постгуннское время, если опираться на сведения Иордана (*Jordanes, Getica*, § 37), относящиеся ко времени между 480 и 527 гг. (Kazanski 2013), крымская степь была занята гуннским народом альтиагиры (*Jordanes, Getica*, § 37). Не исключено, что это тот же народ, что и ультидзуры Денгезиха, отступившие после 456 г. из Подунавья, потомки нижнедунайских гуннов Ульдиса (Засецкая и др. 2007, с. 101-107; Казанский, 2014, с. 76, 77). Вместе с тем, стоит обратить внимание и на указание Иордана о том, что крымские альтиагиры, вместе с савирами, составляют две ветви

гуннов<sup>6</sup>. Савиры не позднее 515 г. приходят из азиатских степей и оседают на Северном Кавказе (Прокопий, Война с персами, II.29.15; см. о них, Артамонов, 1962, с. 62, 65, 66, 69–78). Таким образом, речь может идти не о старожилах понтийских степей, известных здесь со времен Ульдиса, а о какой-то новой, продвинувшейся с востока уже после смерти Аттилы и краха его "империи" группе кочевников. Наконец, следует вспомнить и проход с запада на восток через крымские степи утигур, это событие имело место после 429 гг. (подробнее, Артамонов, 1962, с. 85; Засецкая и др., 2007, с. 102-105). Возможно, что и они оставили в Крыму какие-то археологические следы.

## Приложение

В. Радочин

# Антропологическое исследование костяков

### Могила № 586

*Погребение 1 (в дромосе)*. Предположительно, имело место непреднамеренное погребение. Череп умеренно массивный по форме овоид. Надбровье и надпереносье 3 балла. Орбиты квадратные. Верхний глазничный край округлый. Надглазничные отверстия закрыты. Передненосовая ость 2 балла. Сосцевидные отростки 4 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Прикус правильный. Затылочное отверстие овальной формы. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Облитерация черепных швов не отмечена. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 25 годами. Нижняя челюсть

массивная, квадратной формы. Хорошо выражен подбородочный край и жевательная бугристость.

Кости посткраниального скелета очень массивные. Суставная впадина, лопатки, лопаточная вырезка и форма лопаточной ости 2 варианта. Верхний край лопатки 3 варианта. Рельеф ключиц выражен средне. Рельеф плечевой кости и дельтовидная бугристость выражены средне. Очень хорошо выражен межкостный край локтевых и лучевых костей. Подколенная линия в виде гребня. Хорошо выражены линия аспера и большой вертел бедренных костей. Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 25–27 годами. Погребение мужское.

<sup>6</sup> Похоже, что к той же группе гуннов Иордан относит и оногур (*Иордан, Getica*, § 37).

**Эпигенетические варианты и патологические изменения.** Искривление носовой перегородки. Энтезопатия пяточных костей и надколенников. Добавочные косточки на черепе (*os suturae lambdoidea*). На правой теменной кости отмечена остеома 2 x 2 мм. Поротический гиперостоз по лобной и теменным костям. Зубной камень. Холодовый стресс. Поротизация в области слуховых проходов.

*Погребение 2 (в погребальной камере).* Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Сохранность плохая. Череп полностью разрушен. Фрагменты стенок черепа массивные. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Угол ветви нижней челюсти женский. Состояние зубной системы соотносится с 21–22 годами.

Кости посткраниального скелета массивные. Позвонки без патологических изменений. Кости лопаток массивные. Лопаточная вырезка, форма лопаточной ости и суставная впадина лопатки 2 варианта. Рельеф длинных костей рук выражен слабо. Основание крестца завышенное. Крестцовые кости женские. Тазовые кости женские. Бедренные кости массивные, рельеф выражен слабо. Угол шейки бедренной кости женский. Хорошо выражены большой и малый вертелы. Подколенная линия на большеберцовых костях «невидимая». Погребение женское.

**Эпигенетические варианты и патологические изменения.** Эмалевая гипоплазия (3 линии). Межмышцелковые отверстия на плечевых костях. На обеих плечевых костях отмечены следы от зубов мелких животных.

Также получен фрагмент лобной кости детского черепа. Верхний глазничный край острый. Возраст погребенного около 0,5 года.

#### **Могила № 114**

Череп грацильный, сфеноид. Искусственно деформирован. Отмечено уплощение на уровне теменных и лобной костей. Сосцевидные отростки 2,5 балла. Надбровье 0,2 балла. Верхний глазничный край округлый. Грушевидное отверстие лункообразное. Адентия третьих моляров вверху. Стертость зубов соотносится с 20 годами. Облитерирован весь венечный шов. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Альвеолярная часть параболическая. Затылочное отверстие круглое. Зубной камень. Нос широкий. Нижняя челюсть массивная. Отмечены ореховидные вздутия. Орбиты высокие квадратные. Передноросовая ость 2 балла. Кости посткраниального скелета грацильные. Рельеф плечевых костей выражен умеренно. Хорошо выражен дельтовидная бугристость. Хорошо выражен межкостный край на лучевых костях. Подколенная линия — гребень. Шероховатая линия выражена хорошо. Тазовые кости женские. Лопатка СВ-2, ВК-2. Крестец *huro-basal* — женский. Погребение женское.

## Список использованной литературы

- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А. И. Склеп эпохи «Великого переселения народов» на могильнике близ села Лучистое в Крыму // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж, 2001.
- Амброз А. К. Южные художественные связи населения верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи. М., 1970.
- Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
- Ахмедов И. Р. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины (к истории сложения «понтийского» стиля узды в эпоху Великого переселения народов) // II Городцовские Чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. М., 2005.
- Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. Вещевые комплексы могильника Заречье 4 // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань, 1996.
- Ахмедов И. Р., Казанский М. М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.
- Богачев А. В. В поисках стиля: состав и хронология комплексов с пряжками перед геральдического стиля // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия. Самара, 2010.
- Богачев А. В. Серьги с монгогранником V – VII вв. на Средней Волге и в Приуралье. К вопросу о готто-аланском присутствии в регионе // Вояджер: мир и человек. 2016. 6.
- Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А. Laudatio funebris из Пантикапея // ВДИ. 2005. № 2.
- Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины // Ю. Н. Воронов. Научные труды. Том третий. Сухум, 2010.
- Гаврилов А. В. Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996.
- Гмыря Л. Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1993.
- Гросу В. И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1990.
- Дашевская О. Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // Древности Восточной Европы. М., 1969.

- Дашевская О. Д. Некрополь Беляуса. Симферополь, 2014.
- Зарецкой И. А. Заметка о древностях Харьковской губернии Богодуховского уезда слободы Лихачевки // Харьковский сборник. 1888. 2.
- Засецкая И. П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи переселения народов V–VIII веков. М., 1982.
- Засецкая И. П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. // МАИЭТ. Вып. 3. Симферополь, 1993.
- Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994.
- Засецкая И. П. Михаэльсфельд — эталонный памятник раннего средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // Археологический Сборник Государственного Эрмитажа. 2010. Вып. 38.
- Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб., 2007.
- Иванчик А. И. Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре // ВДИ. 2013. № 1.
- Илюков Л. С. Курган из окрестностей Танаиса // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2003 г. Вып. 20. Азов, 2004.
- Казаков Е. П. Коминтерновский II могильник в системе древностей торкских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.
- Казанский М. М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М., 2014.
- Казанский М. М., Мастыкова А. В. Аланы на Днепре в эпоху Великого переселения народов: свидетельство Маркиана и археологические данные // РА. 1999. №4.
- Казанский М. М., Мастыкова А. В. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской Археологический Сборник. Вып. 5. Липецк, 2010.
- Казанский М. М., Мастыкова А. В. Женские могилы знати постгуннского времени в понтийских степях и константинопольская мода // IV Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2014.
- Ковалевская В. Б. Кавказ — скифы, сарматы, аланы I до н. э. – I н. э. Пушино, 2005.
- Комар А. В. Детали обуви восточноевропейских кочевников VI–VII вв. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб., 2010.
- Костенко В. И. Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ // Курганные древности Степного Поднепровья III–I тысячелетия до н. э. Днепропетровск, 1977
- Магомедов Р. Г., Гмыря Л. Б., Хангишев Г. Д., Бакушев М. А., Саидов В. А. Раскопки Паласа-Сыртского могильника в 2006 г. // Вестник Дагестанского Института Истории, Археологии и Этнографии. 2006. 3 (7).

- Мамаев Х. М., Нарожный Е. И., Ростунов Е. В. «Гуннское» погребение из Коби (Шелковский район Чеченской республики) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2011. 12.
- Масленников А. А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997.
- Мастыкова А. В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М., 2009.
- Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья. I. М., 1974.
- Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Каталог выставки. Л., 1983.
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
- Пуздровский А. Е. Воинское погребение гуннской эпохи из Усть-Альминского некрополя // Древняя и средневековая Таврика. Донецк, 2010.
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И. Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике // Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь, 1999.
- Сапрыкин С. Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. № 2.
- Сапрыкин С. Ю., Парфенов В. Н. ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод // ВДИ. 2012. № 1.
- Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы (Материалы по Археологии России № 25). СПб, 1901.
- Стоянова А. А. Гривны из памятников Крыма сарматского времени // МАИЭТ. Вып. XVII. Симферополь, 2011.
- Строков А. А. Обувь воина первой половины V в. н. э. из Фанагории // Восточноевропейские древности. Воронеж, 2013.
- Труфанов А. А., Колтухов С. Г. Могильник III–IV вв. у с. Курское на западной периферии Боспора // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001.
- Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа (Материалы по Археологии Кавказа, т. VIII). М., 1900.
- Хайрединова Э. А. Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin, 2002.
- Храпунов И. Н. Последние погребения в могильнике Нейзац // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь, 2005.
- Храпунов И. Н. Наконечники ремней из могильника Нейзац // МАИЭТ. Вып. XIV. Симферополь, 2008.
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011.

- Храпунов И. Н., Казанский М. М. Погребение № 114 на могильнике Нейзац (Предгорный Крым) и древности кочевников Северного Причерноморья второй половины V первой половины VI вв. // КСИА. 2015. Вып. 238.
- Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в Керчи в 1904 году // ИАК. 1907. Вып. 25.
- Ajbabin A. Les tombes de chefs nomades en Crimée de la fin du IVe siècle au VIe siècle // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Saint-Germain-en-Laye, 1995.
- Alföldi G. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest, 1932.
- Ament H. Das alamannische Graberfeld von Eschborn (Main-Taunus Kreis). Wiesbaden, 1992.
- Andrási J. The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material. London, 2008.
- Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery, emergence and social implications. Stockholm, 1985.
- Balogh C. A Mezőszilas. Type Pendant from Grave 14 of the Mélykút-Sánc-Dőlő Cemetery // Thesaurus Avarorum. Archaeological Studies in Honour of Éva Garam. Budapest, 2012
- Balogh C. Kora avar sírok Felgyő-Kettő dúblőben // Avarum Solitudines: Archaeological studies presented to Gábor Lőrinczy on his sixtieth birthday. Budapest, 2014.
- Bârbulescu M. Mormântul princiar germanic de la Turda. Cluj-Napoca, 2008.
- Bashmakoff A. La synthèse des périples pontiques. Méthode de précision en paléo-ethnologie. Paris, 1948.
- Beck F., Kazanski M., Vallet F. La riche tombe de Kertch du Musée des Antiquités Nationales // Antiquités Nationales. 1988. 20.
- Bóna I. A l'aube du Moyen Age. Gépides et Lombards dans le bassin des Carpates. Budapest, 1976.
- Bóna I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe IVe-Ve siècles. Paris, 2002.
- Bowersock G. W., Jones C.P. A New Inscription from Panticapeum // Zeitschrift für Papyrologie. 2006. 156.
- Damm I. G. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzenmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1988. Band 21.
- Eger C. Zum Deutung reich ausgestatteter Männergräber des mittleren 7. Jhs. in Mittelmeerraum // Romania Gothica II. The Frontier World Romans, Barbarians and Military Culture. Budapest, 2015.
- Emery W. B., Kirwan L. P. The Royal Tombs of Ballana and Qustul. Cairo, 1938.
- Garam E. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest, 2001.
- Geisslinger H. Horte als Geschichtsquelle. Neumünster, 1967.
- Giessler-Muller U. Das fruhmittelalterliche Graberfeld von Basel-Kleinhuningen. Solothurn, 1992.

- Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest, 1998.
- Kazanski M. Les tombes des chefs alano-sarmates du IVe siècle dans les steppes pontiques // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle. Saint-Germain-en-Laye, 1995.
- Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. Bucarest-Brăila, 2009.
- Kazanski M. The Land of the Antes according to Jordanes and Procopius // The Steppe Lands and the World Beyond Them: Studies in Honor of Victor Spinei on his 70th Birthday. Iași, 2013.
- Kazanski M., Mastykova A. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e-6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // Eurasia Antiqua. 1999. Band 5.
- Kožomberdieva E. I., Kožomberdiev I. K., Kožemjako P. N. Ein Katakombengrab aus der Schlucht Samsi // Eurasia Antiqua. 1998. Band 4.
- Loskotova Z. An early – 5th skeleton grave with gold neck-ring from Chraváty (Moravia) // The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration. Paris; Belgrade, 2012.
- Mączyńska M., Urbaniak A., Jakubczyk I. The Early Medieval Cemetery of Alamalyk-Dere near the Foot of Mangup // Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Kristiansand; Simferopol, 2011.
- Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa, 1996.
- Odobescu A. Le Trésor de Pétrossa. Étude sur l'orfèvrerie antique. Tome I–III. Paris, 1887–1900.
- Oexle J. Studien zu merwingerzeitlichem Pferdgeschirr am Beispiel der Trensen. Mainz am Rhein, 2010.
- L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.C. 2000. Paris, 2000.
- Pintye G. Hun Age single Graves at the trace of Motorway M3//Ephemeria Napocensis. 2014. XXIV.
- Ross M.C. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Volume Two. Washington, 1965.
- von Rummel Ph. Habitus barbarus. Kleidung und Repräsentation spätantiker Eliten im 4. und 5. Jahrhundert. Berlin; New York, 2007.
- Schneider J. Deersheim. Ein völkerwanderungszeitliches Gräberfeld im Nordharzvorland // Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte. 1983. Band 66.
- Tejral J. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno, 2011.
- Török L. Late antique Nubia. History and archaeology of the southern neighbour of Egypt in the 4th–6th. c.A.D. Budapest, 1988.
- Trohanu G., Zorzoliu T.O nekropolă din sec. Al IV lea e.n. descoperita la Drăgănești-Olt // Cercetări arheologice. 1983. VI.
- Vierck H. Imitatio imperii und interpretatio Germanica vor der Wikingerzeit // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance). Uppsala, 1981.

*I. N. Khrapunov, M. M. Kazanski*

## **Graves from the Great Migration Period in the Cemetery of Neyzatsu**

### ***Abstract***

The cemetery of Neyzats was continuously used from the second to fourth centuries AD. The latest of the artefacts discovered on the site, particularly a small radiate-headed brooch of the Chernyakhov Culture tradition and a few beakers with blue glass decoration, indicate the late fourth or early fifth centuries as the date when systematic burials ceased. Two graves make an exception. Both graves are of a definitely later period than the century, and they form a culture different from that documented by few hundreds of other graves excavated on the cemetery.

Grave no. 586 was a burial vault constructed probably in the fourth century AD. In the Hunnic Period, some population group that found itself in the Zuya River valley cleaned this structure off the burials and buried their tribesman there, accompanying him with varied grave goods.

All in all, the chronology of the grave goods embraces both the Hunnic and Post-Hunnic Periods. A polychrome-style circular badge and perhaps a bracelet with flattened and perforated terminal obviously date to the Hunnic Period, though three-partite badges connecting straps of a belt fitting are more typical for the Post-Hunnic Period. Other artefacts, such as a buckle, a strap-end, a neck-ring, and a spindle-whorl, possess wider chronologies. From the period of when the goods from the assemblage in question were used one may suppose the second third of the fifth century as the optimal dating for the burial.

Grave no. 114 belongs to the group of undercut structures. In the undercut there was a burial of a woman accompanied with varied grave goods, and in the entry pit there laid a horse with reins decorated with silver-gilt badges with glass insets. In a wall of the entry pit there was a hole to place a small foal. According to the grave goods, this grave's chronological frame is most parallel to the Shipovo ("Post-Hunnic") Horizon (430/470–530/570s AD). This isolated burial accompanied with the horse, located in the forgotten cemetery area, most likely belonged to a nomadic lady.

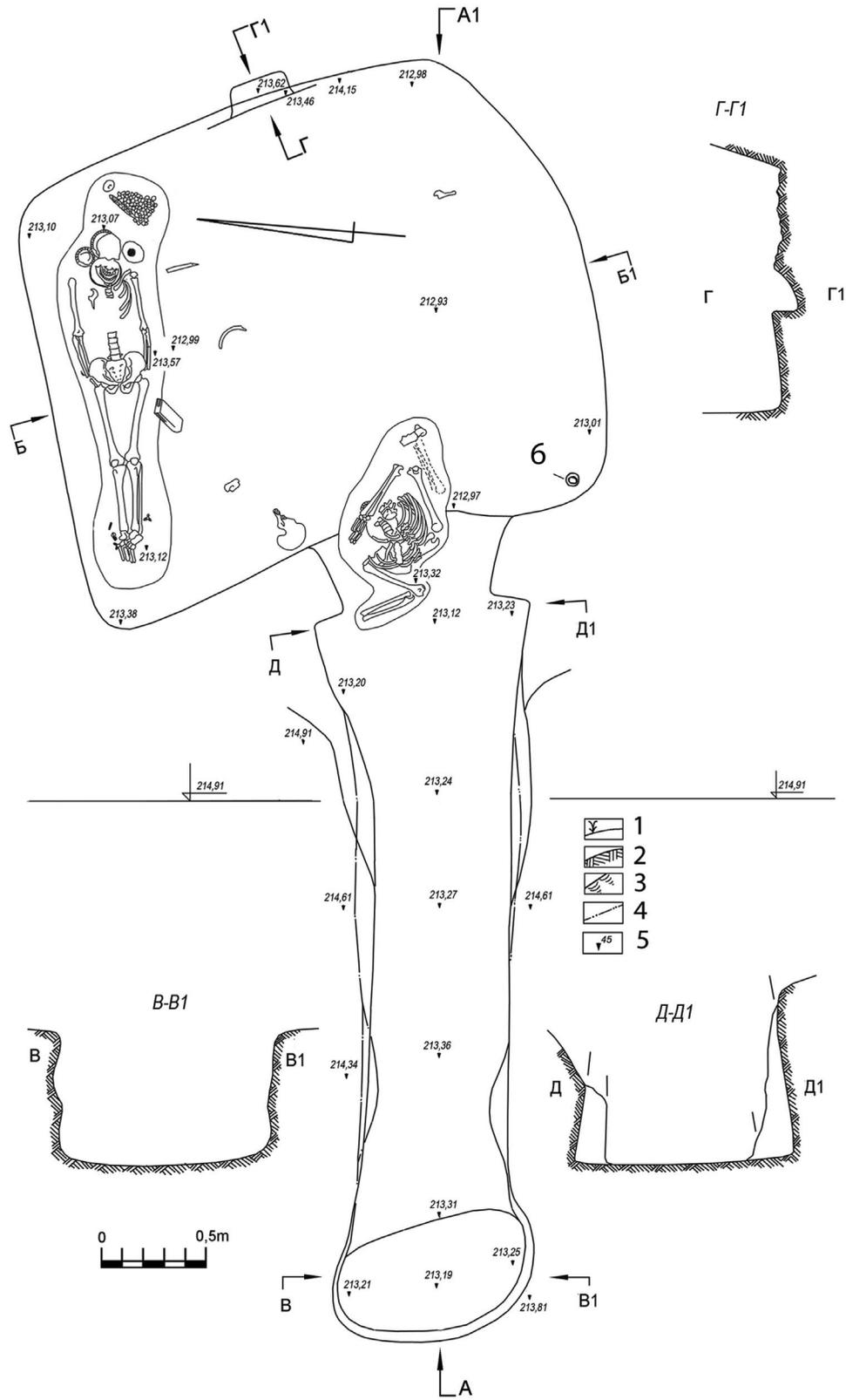


Рис. 1. Могила № 586. План и разрезы. Условные обозначения: 1 — дерн; 2 — материк; 3 — скала; 4 — контур максимального расширения 5 — высотные отметки; 6 — фрагменты лепного сосуда

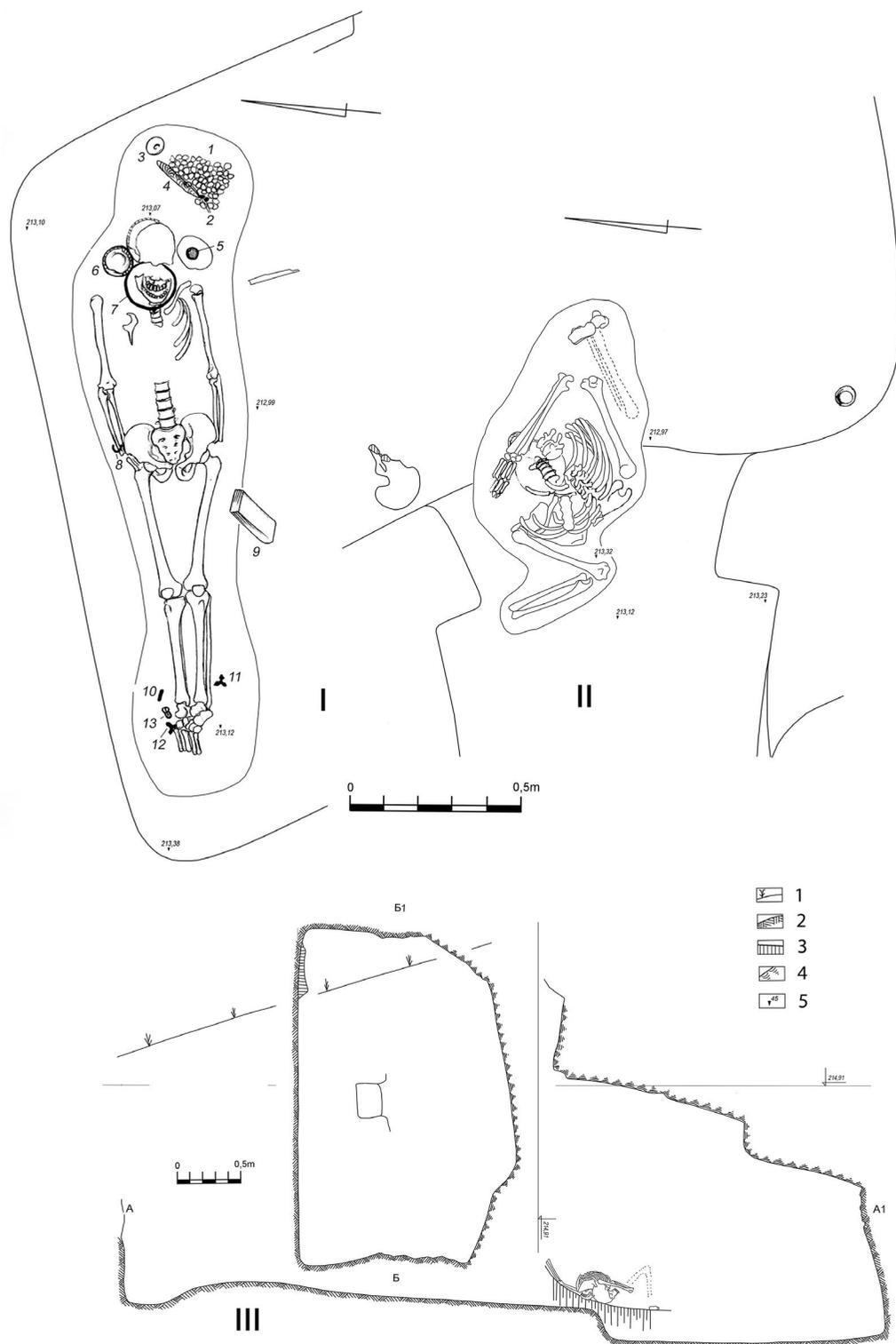


Рис. 2. Могила № 586. I, II — планы погребений; III — разрезы склепа  
 Погребальный инвентарь: 1 — галька; 2 — фрагменты бронзового предмета; 3 — керамическое  
 пряслице; 4 — железный нож; 5 — бронзовая округлая пластина с золотой фольгой и камнями;  
 6 — фрагмент лепного сосуда; 7 — бронзовая гривна; 8 — бронзовый браслет;  
 9 — точильный камень; 10 — бронзовый наконечник ремня; 11, 12 — бронзовые распределители  
 ремней; 13 — бронзовая пряжка; 14 — фрагменты лепного сосуда

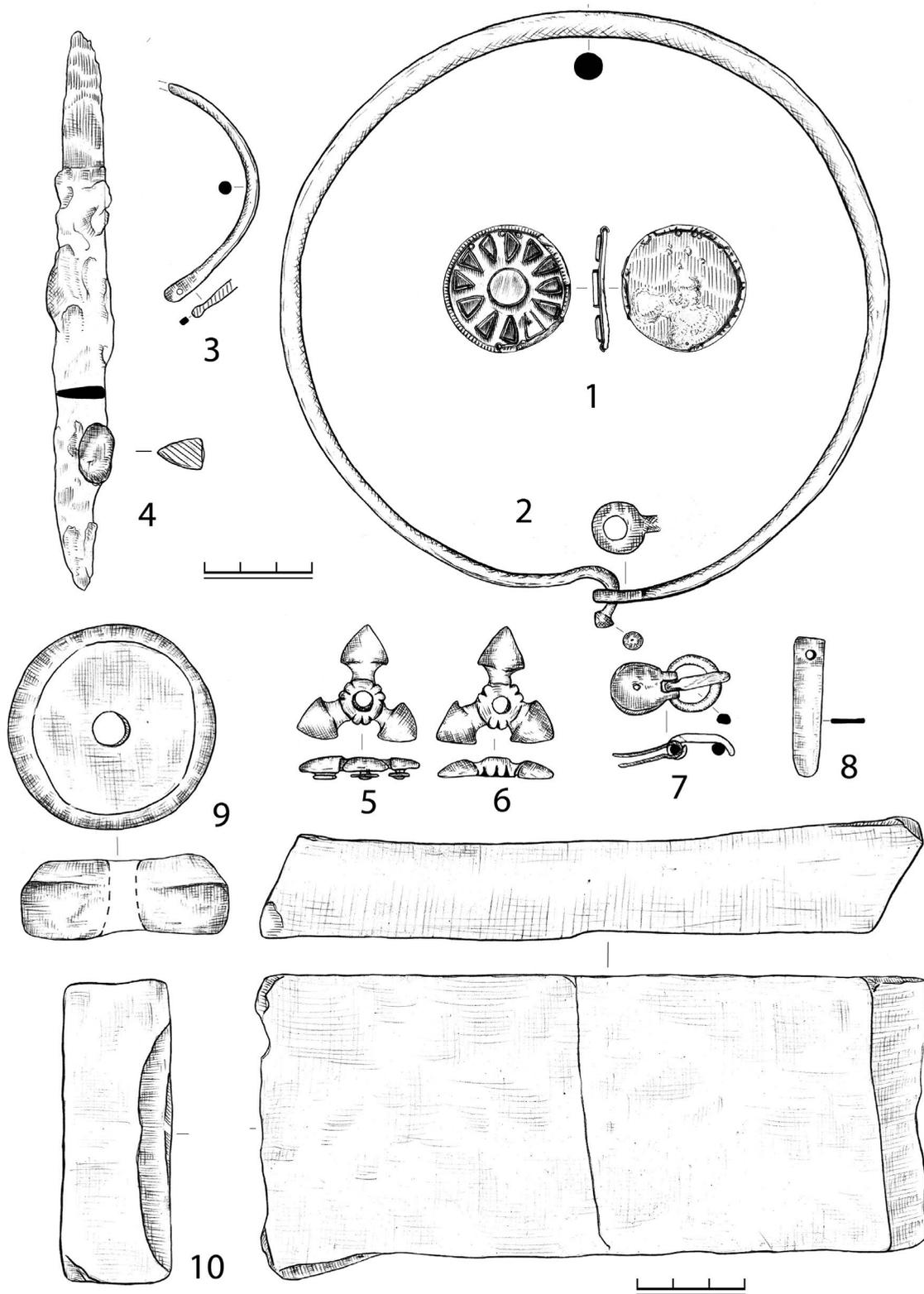


Рис. 3. Вещи из могилы № 586. 1 — накладка; 2 — гривна; 3 — браслета фрагмент; 4 — нож; 5, 6 — распределители ремней; 7 — пряжка; 8 — наконечник ремня; 9 — пряслице; 10 — точильный камень (1 — бронза, золото, сердолик, стекло; 2, 3, 5–8 — бронза; 4 — железо; 9 — керамика; 10 — камень)



Рис. 4. Вещи из могилы № 586. 1 — накладка; 2 — пряслице; 3 — пластинок фрагменты; 4 — браслета фрагмент; 5 — гривна; 6, 7 — распределители ремней; 8 — пряжка; 9 — наконечник ремня (1 — бронза, золото, сердолик, стекло; 2 — керамика; 3–9 — бронза)

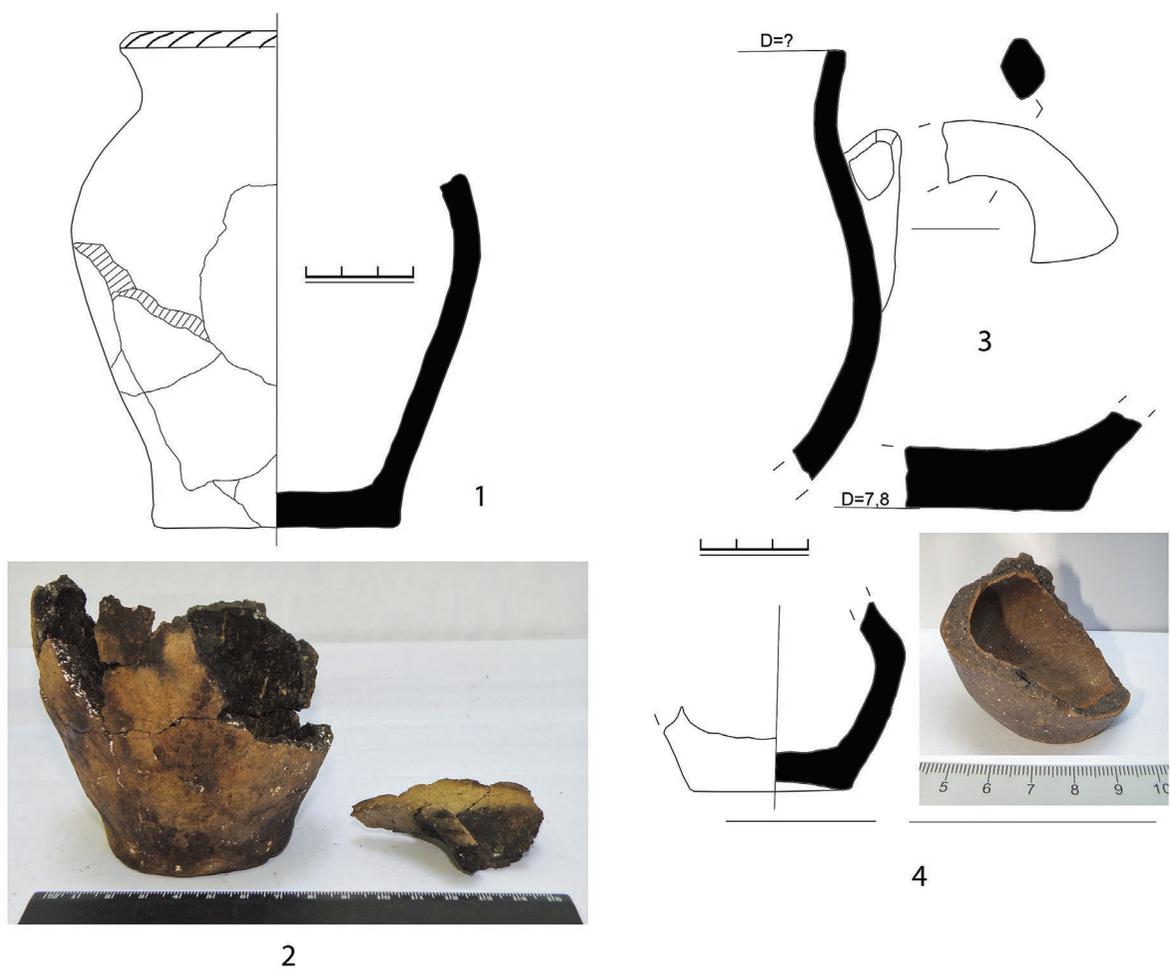


Рис. 5. Фрагменты керамических сосудов из могилы № 586



Рис. 6. Галька (1) и точильный камень (2) из могилы № 586

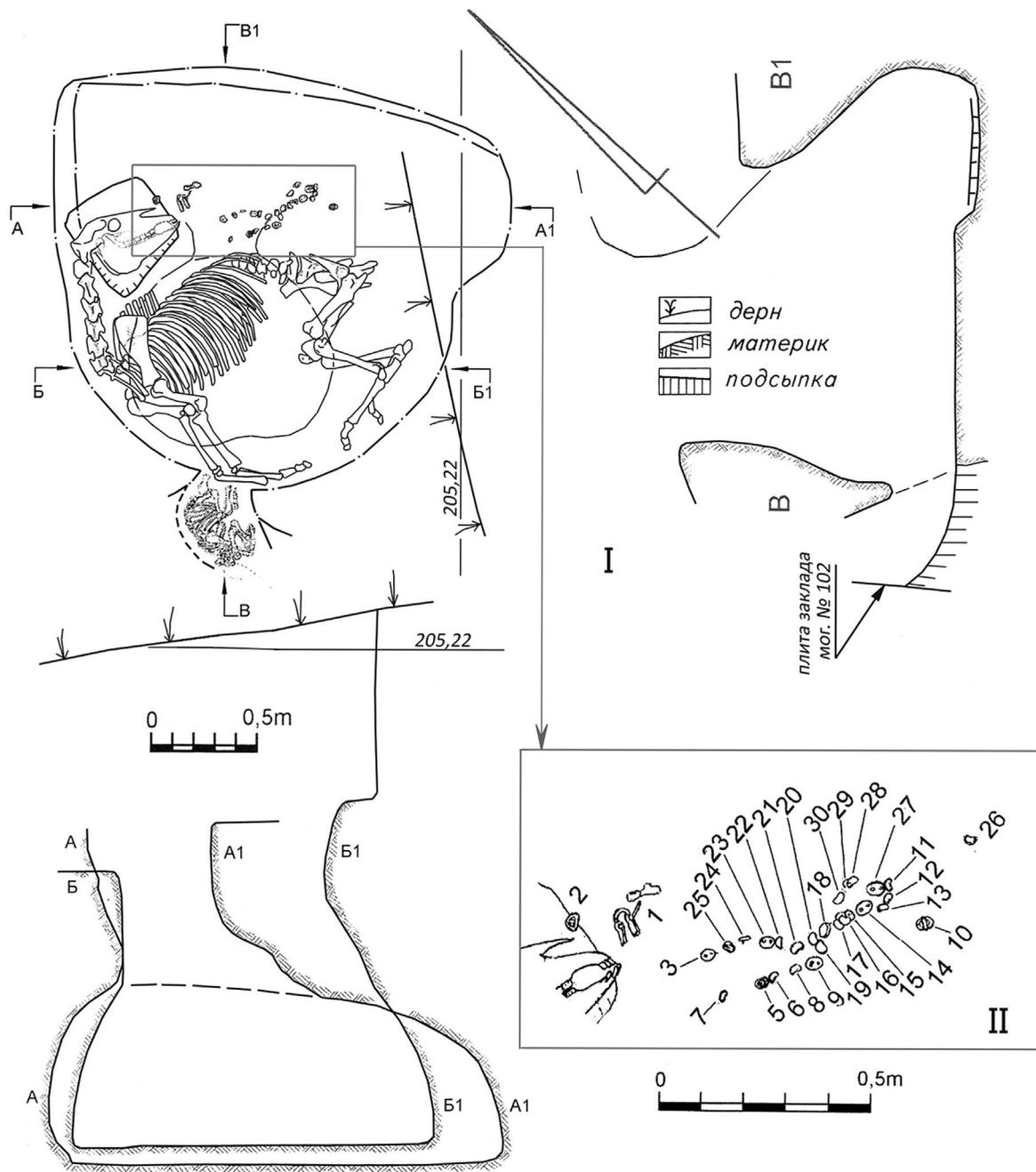


Рис. 7. Могила № 114. I — план и разрезы;  
 II — план расположения погребального инвентаря в погребении лошади:  
 1 — удила железные; 2, 4, 10 — пряжки железные,  
 3, 5, 9, 14, 18, 23, 27 — бляхи со стеклянными вставками,  
 6–8, 11–13, 15–17, 19–22, 24–26, 28–30 — бляшки серебряные

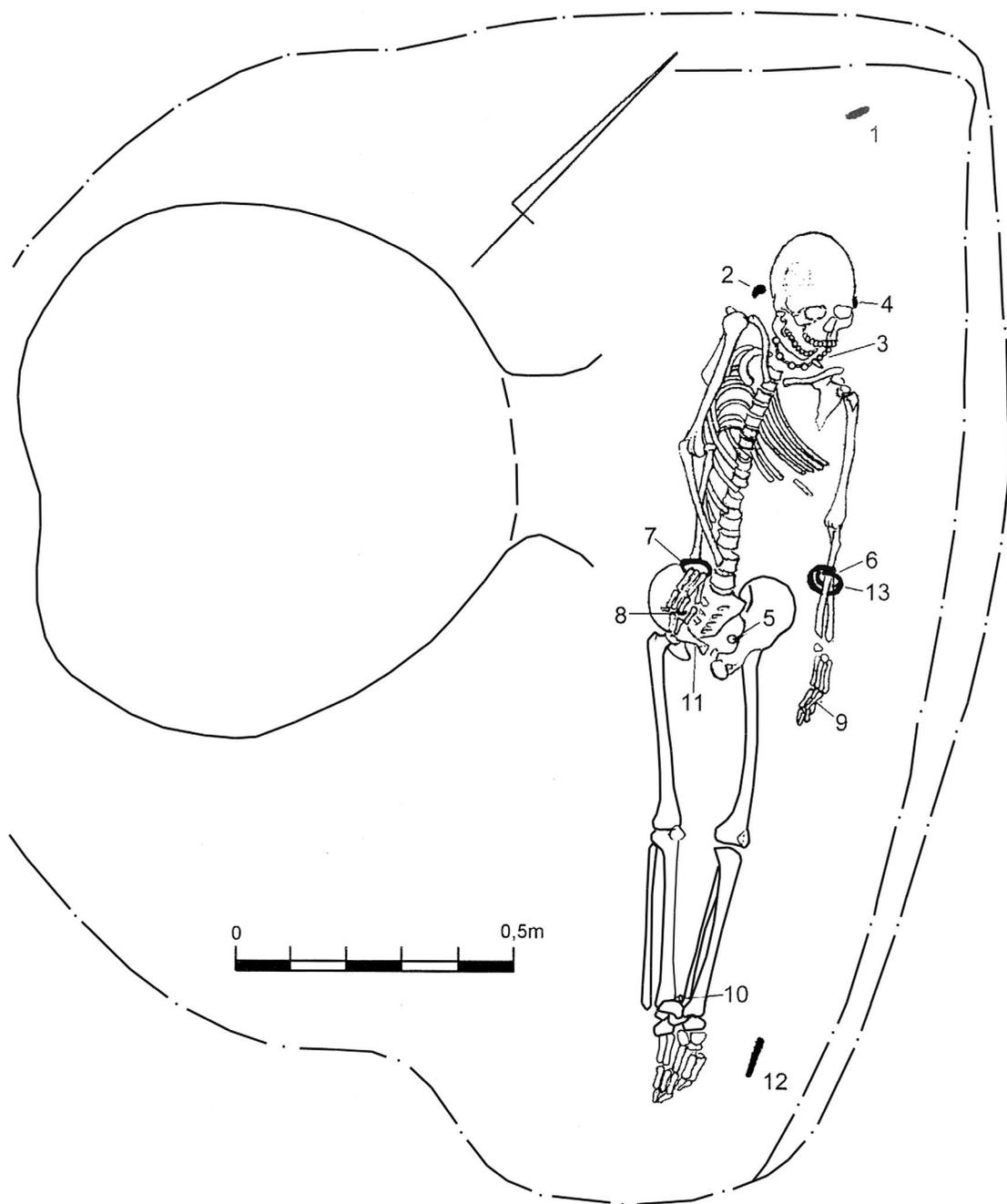


Рис. 8. Могила № 114. План погребения: 1 — пряслице из песчаника; 2 — серьга серебряная; 3 — ожерелье из металлических пронизей; 4 — серьга бронзовая; 5 — вставка от перстня; 6, 7, 13 — браслеты бронзовые; 8, 9 — перстни бронзовые; 10 — пряжка бронзовая; 11 — пряжка железная; 13 — нож железный

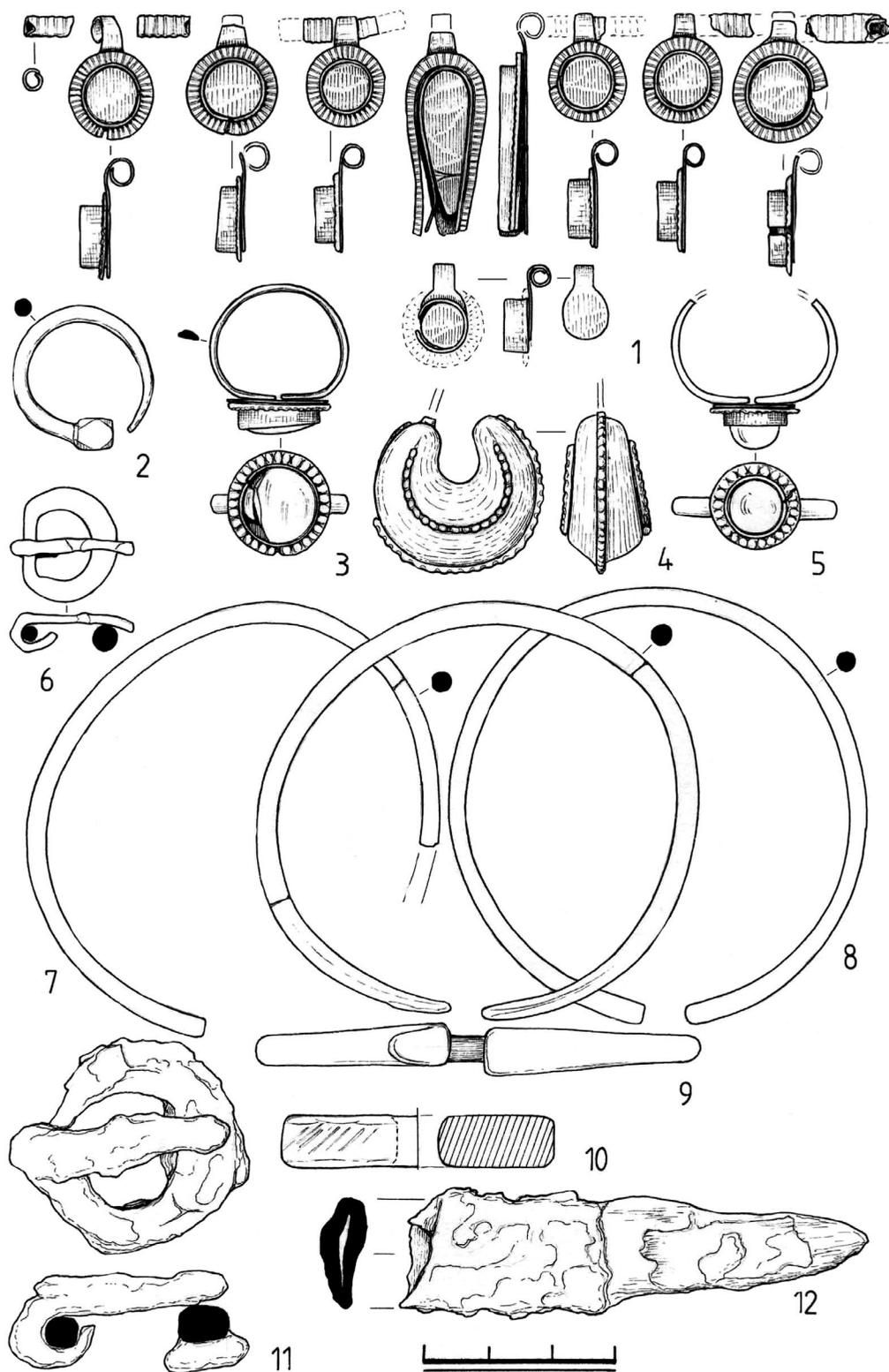


Рис. 9. Могила № 114. Погребальный инвентарь: 1 — ожерелье из серебряных подвесок со стеклянными вставками; 2 — серьга бронзовая; 3 — перстень бронзовый со стеклянной вставкой; 4 — серьга серебряная; 5 — перстень бронзовый с сердоликовой вставкой; 6 — пряжка бронзовая; 7–9 — браслеты бронзовые; 10 — пряслице из песчаника; 11 — пряжка железная; 12 — фрагмент железного ножа

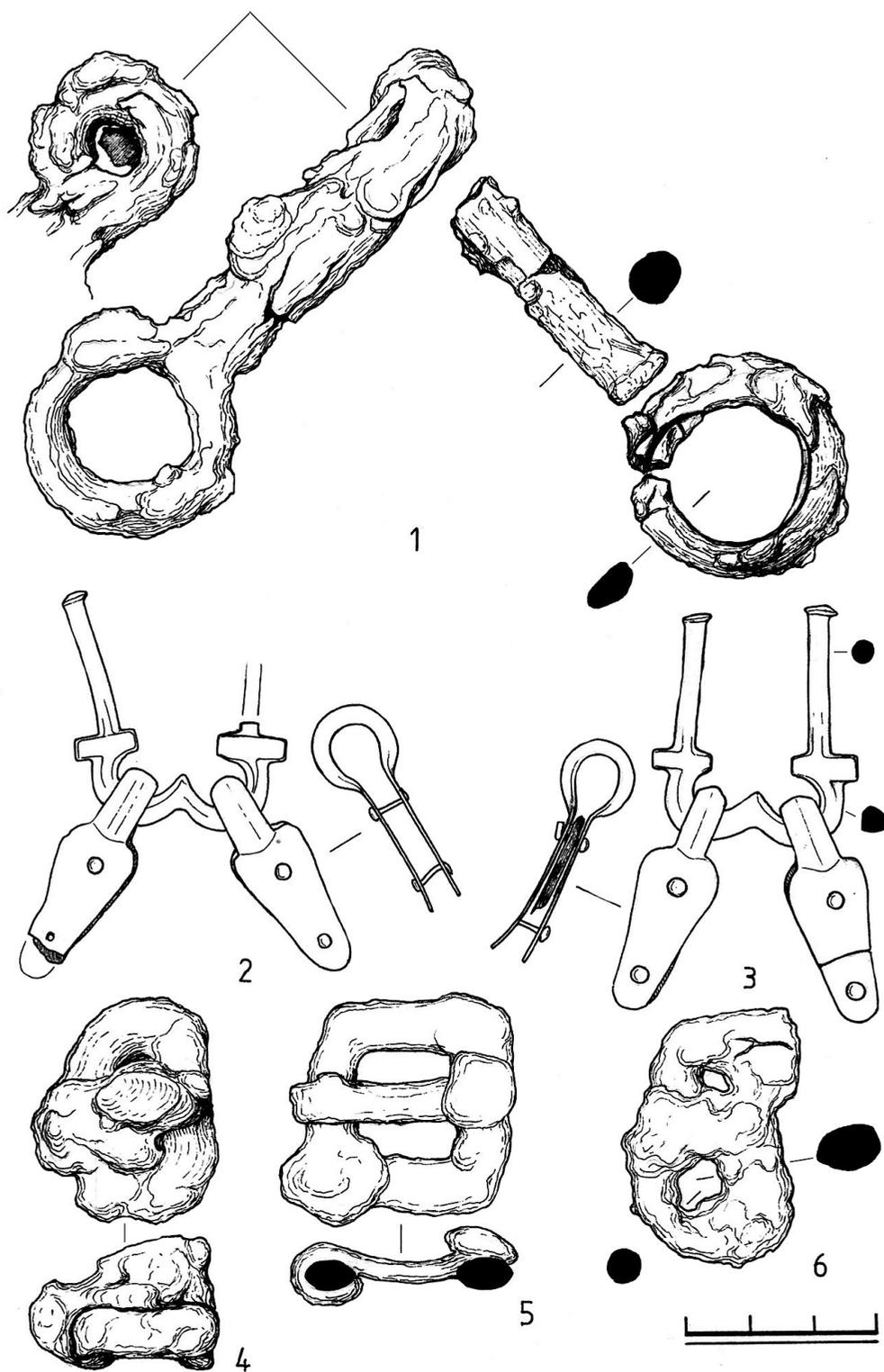


Рис. 10. Могила № 114. Погребальный инвентарь: 1 — фрагменты железных удил, 2, 3 — детали сбруи бронзовые, соединяющие удила с деревянными псалями, 4-6 — пряжки железные

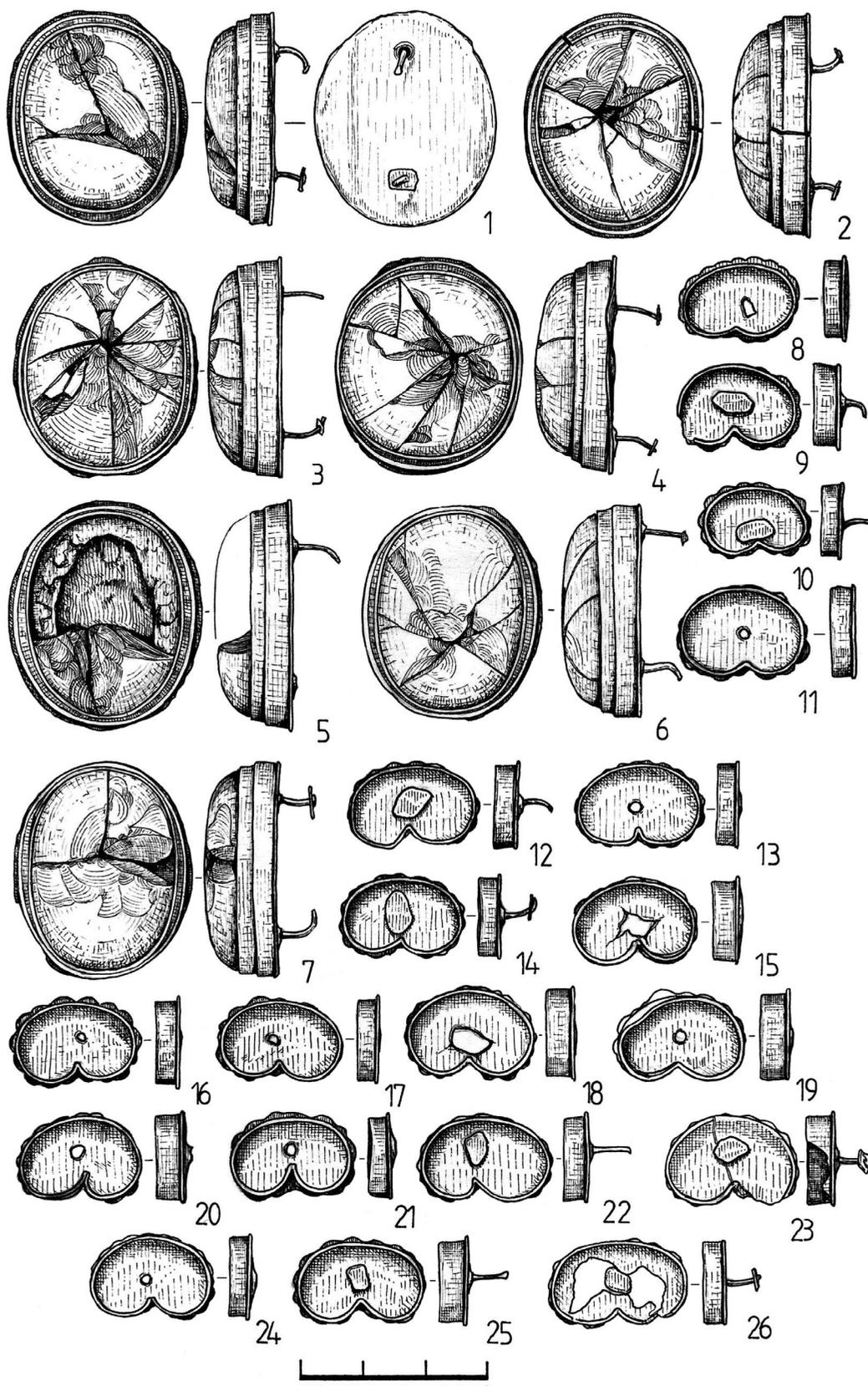


Рис. 11. Могила № 114. Погребальный инвентарь.  
Серебряные позолоченные бляхи со стеклянными вставками

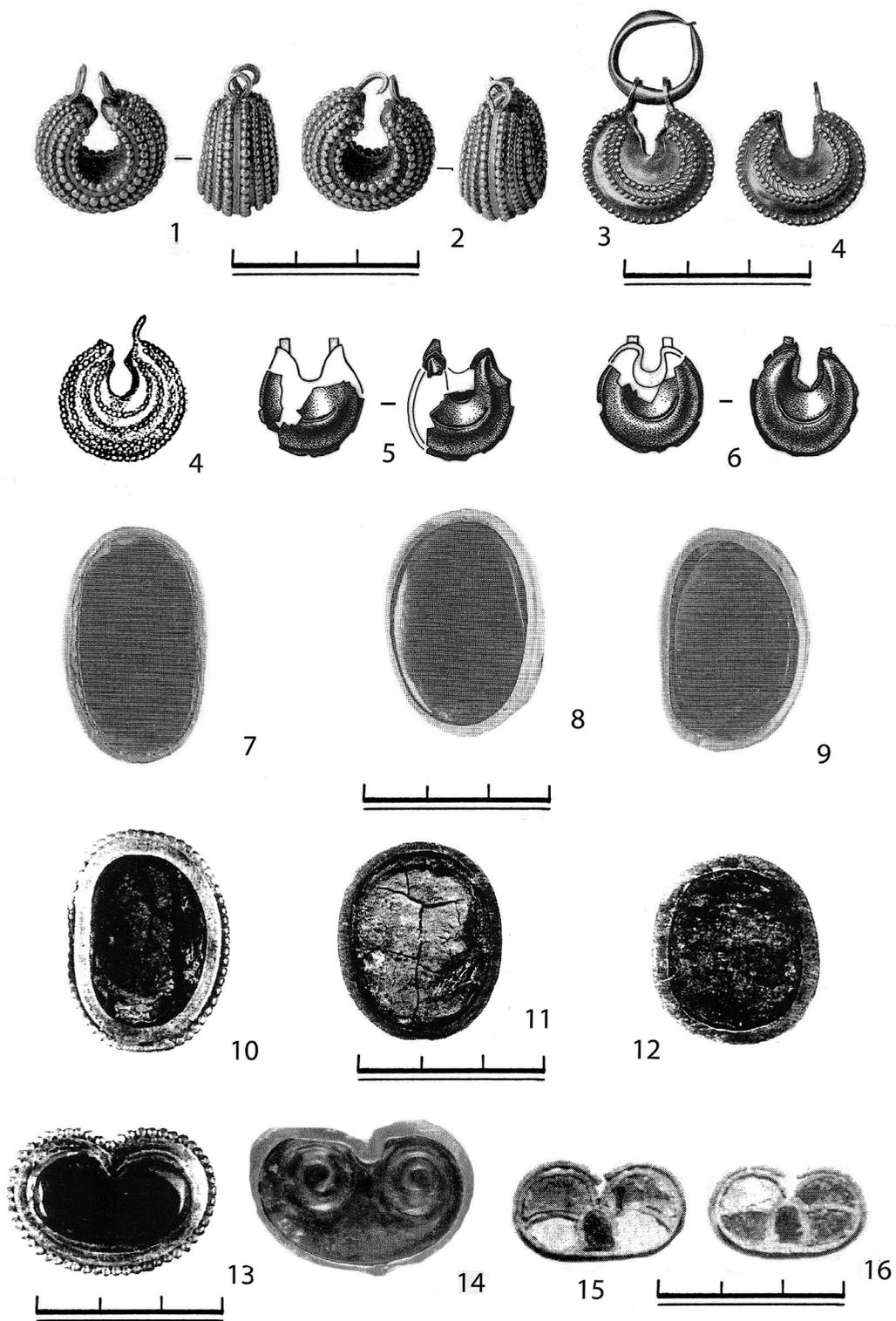


Рис. 12. Аналогии серьгам и элементам конского снаряжения из Нейзаца. 1, 2 — Морской Чулек; 3 — Верхне-Курмоярская; 4 — Лисьи Могилы; 5, 6 — Фелдьё; 7–13 — Шамси; 14 — Керчь; 15 — Мокрая Балка (1–3: по Засецкая и др. 2007, Табл. I, 1, 2, рис. 57, 3; 4: по Ратнер, Костюк 1989, рис. на стр. 77; 5, 6: по Valogh 2014, 10, 2, 3 кёр.; 7–13: по Kožomberdieva, Kožomberdiev, Kožemjako 1998, Abb. 10, 3, 4, 7; 14: по Damm 1988, Abb. 214; 15, 16: по Ковалевская 2005, Рис. 103, 4,5)

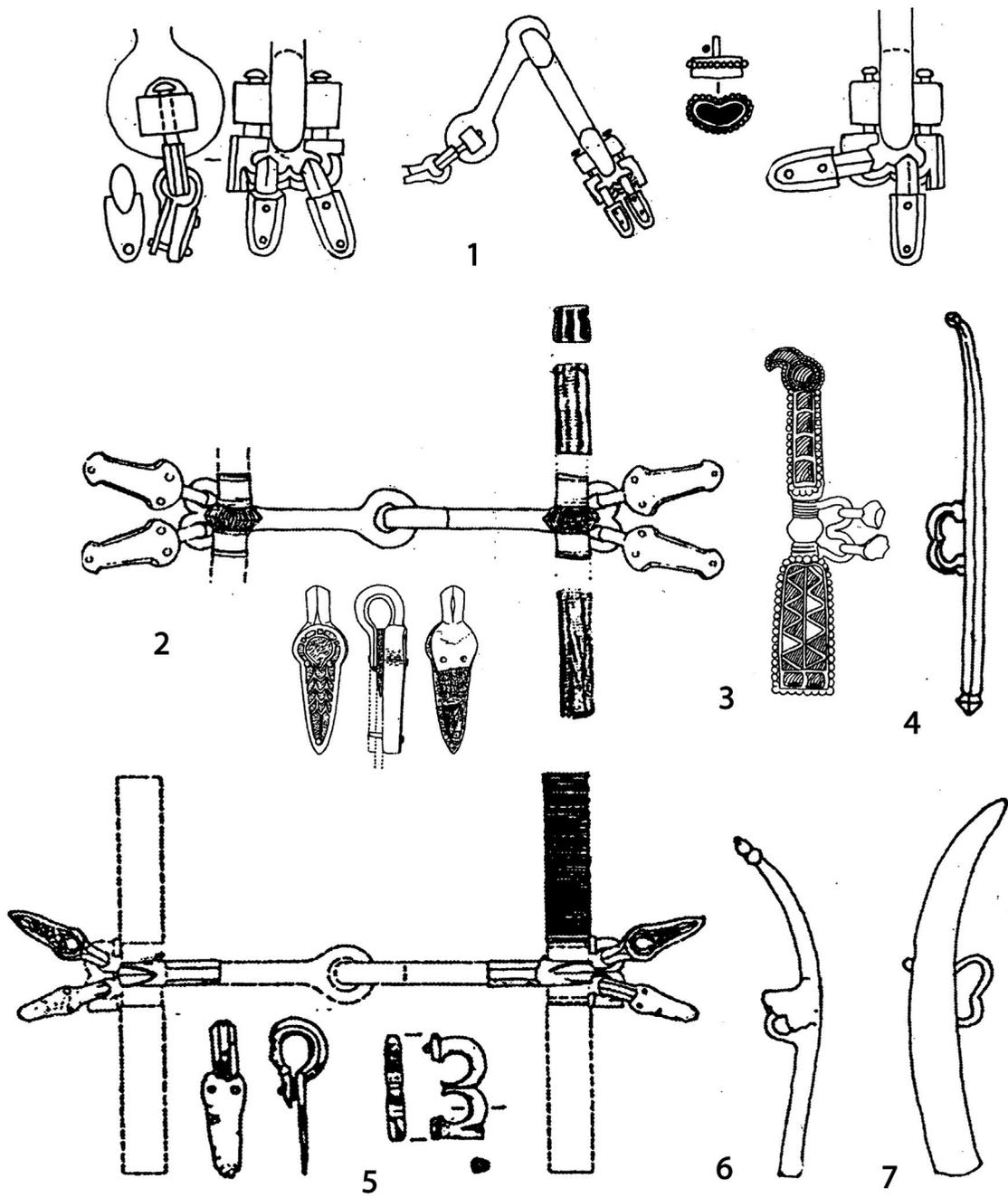


Рис. 13. Аналогии элементам конского снаряжения из Нейзаца. 1 — Цебельда; 2 — Апахида; 3 — Былым-Кудинетово; 4 — Сардис; 5 — Деерсхейм; 6, 7 — Кустул (по: Ахмедов 2005, рис. 4)

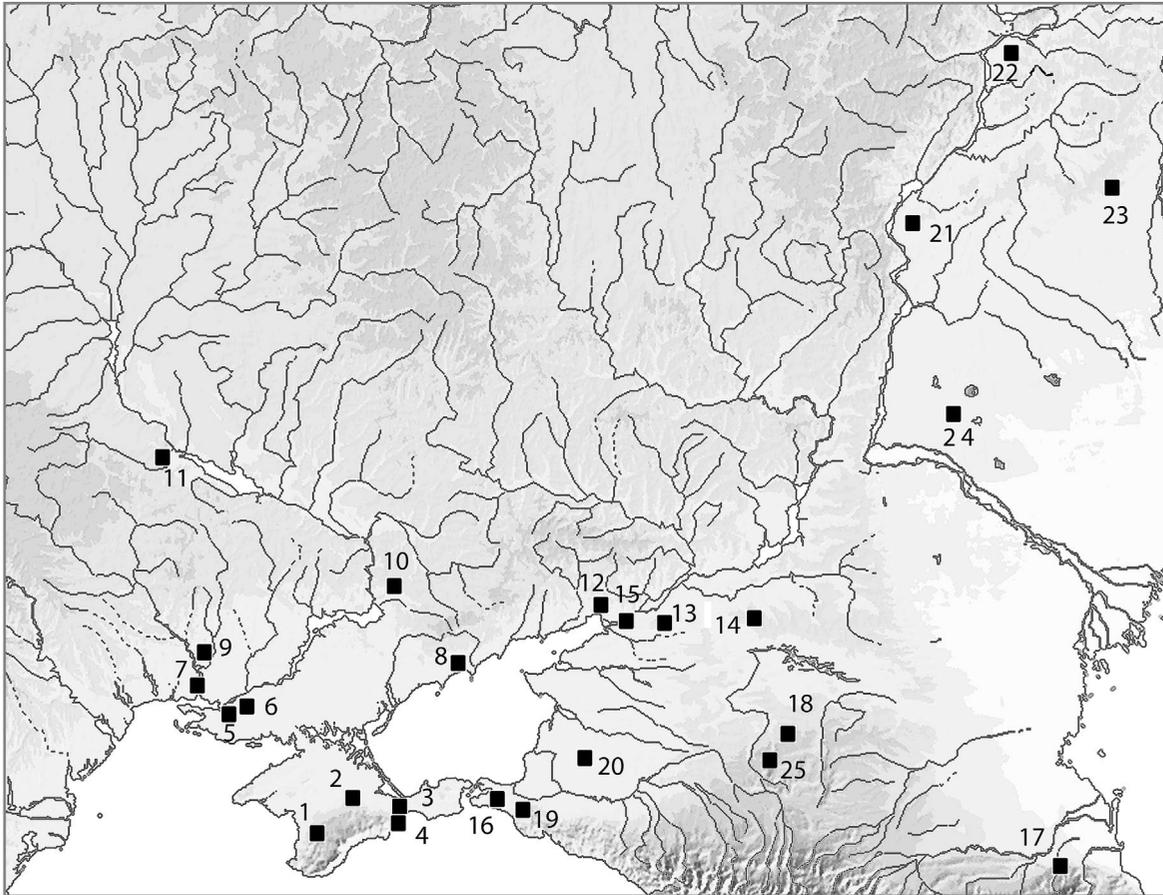


Рис. 14. Карта памятников кочевников шиповского (постгуннского) горизонта. 1 — Нейзац; 2 — Чикаренко; 3 — Новопокровка; 4 — Айвазовское; 5 — Лисьи Могилы; 6 — Малые Копани; 7 — Ольвия; 8 — Дмитриевка-Вольная Вода; 9 — Новая Одесса; 10 — Новогригорьевка; 11 — Бабичи; 12 — Морской Чулек; 13 — Ясырев I; 14 — Верхне-Курмоярская; 15 — Ливенцовский; 16 — Тамань; 17 — Хасав-Юрт; 18 — Тугулук; 19 — Михаэльсфельд; 20 — Малай; 21 — Покровск; 22 — Владимирское; 23 — Шипово; 24 — Царева; 25 — Татарка

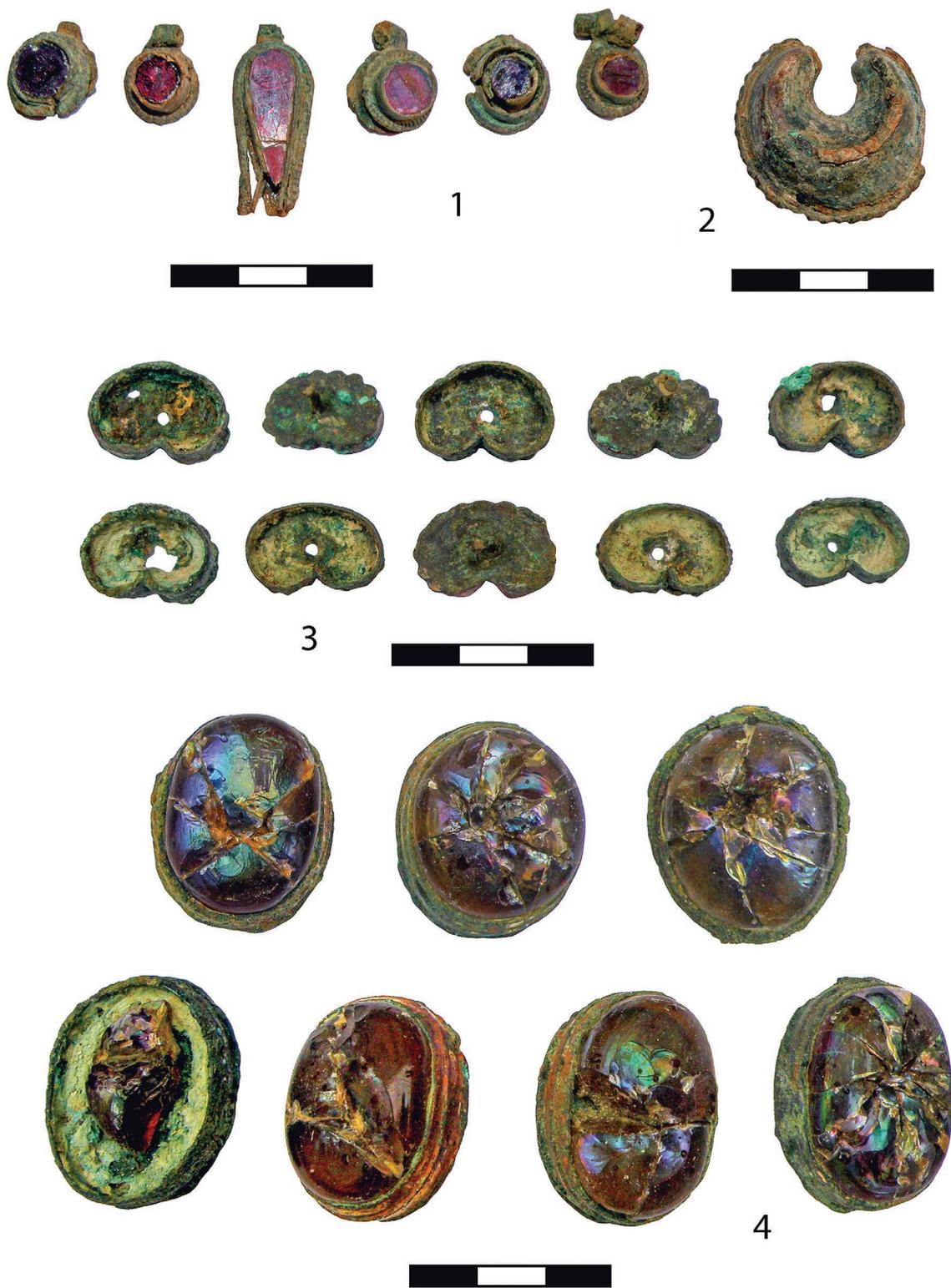


Рис. 15. Вещи полихромного стиля из погребения № 114 могильника Нейзац

## Библиография исследований могильника Нейзац

*В библиографический список включены публикации результатов раскопок могильника, а также статьи, целиком или в значительной степени написанные по его материалам.*

- Антипенко А. В. Реконструкция снаряжения верхового коня III в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. 2(48). С. 109–120.
- Власов В. П., Смокотина А. В., Храпунов И. Н. Культурный слой на могильнике Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2011. С. 179–249.
- Высотская Т. Н., Махнева О. А. Новые позднескифские могильники в центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев: Наукова Думка, 1983. С. 66–80.
- Журавльов О. П. Кістки тварин з могильників Лучисте та Нейзац в Криму // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. Київ; Запоріжжя: Дике Поле, 2007. С. 482–487.
- Журавлев О. П., Коржова И. Е. Напутственная пища священников? // Sacrum et profanum. III. Севастополь, 2007. С. 95–99.
- Кропотов В. В. Фибулы из могильников Дружное и Нейзац // Археологические вести. № 8. СПб., 2001. С. 175–187.
- Кропотов В. В. Погребение с фибулой среднелатенской схемы из могильника Нейзац // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. С. 182–189.
- Мульд С. А. Необычные конструкции и детали погребальных сооружений могильников первых веков нашей эры в центральном Крыму // Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь, 1999. С. 181–193.
- Радочин В. Ю. Некоторые итоги исследования антропологического материала из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2011. С. 153–177.
- Радочин В. Ю. К вопросу о взаимовлиянии культур на примере краниологического материала из могильников Крыма // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 306–310.
- Стоянова А. А. Бусы и подвески из могильника Нейзац // V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2002. С. 226–232.
- Стоянова А. А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. V. Симферополь; Керчь, 2004. С. 263–319.
- Стоянова А. А. Подбойная могила № 193 из могильника Нейзац в Центральном Крыму // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь, 2005. С. 153–168.

- Стоянова А. А. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2011. С. 115–151.
- Стоянова А. А. Плитовые могилы из некрополя Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). I. Симферополь; Бахчисарай: Издательство «ДОЛЯ», 2013. С. 77–92.
- Храпунов И. Н. Нейзац — могильник позднеримского времени в центральном Крыму // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции. Харьков, 1997. С. 34–35.
- Храпунов И. Н. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь: Таврия, 1998. С. 230–238.
- Храпунов И. Н. О позднесарматской археологической культуре в Крыму // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова). Запорожье, 1999. С. 262–268.
- Храпунов И. Н. О первых сармато–германских контактах в Крыму // V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2002. С. 246–252.
- Храпунов И. Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. Вып. III. Симферополь, 2003. С. 329–350.
- Храпунов И. Н. Подбойная могила позднеримского времени из некрополя Нейзац // Херсонесский сборник. Вып. XIII. Севастополь, 2004. С. 297–309.
- Храпунов I. M. Ніж з тамгообразним знаком з могильника Нейзац у Криму // Археологія. 2004. 3. С. 104–111.
- Храпунов И. Н. Последние погребения в могильнике Нейзац // МАИЭТ. Вып. XI. Симферополь, 2005. С. 169–191.
- Храпунов И. Н. Керамические сосуды в виде баранов из могильника Нейзац // Культ святых мест в древних и современных религиях. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2005. С. 57.
- Храпунов И. Н. Погребения детей в могильнике Нейзац // МАИЭТ. Вып. XII. Ч. 1. Симферополь, 2006. С. 161–250.
- Храпунов И. Н. Склеп III в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVI/1. М.; Магнитогорск, 2006. С. 104–118.
- Храпунов И. Н. Погребение воина IV в. н. э. из могильника Нейзац // Готы и Рим. Киев: Сталос, 2006. С. 42–51.
- Храпунов И. Н. Керамические сосуды в виде баранов из могильника Нейзац // РА. 2007. № 1. С. 167–175.
- Храпунов И. Н. Две могилы с погребениями женщин из некрополя Нейзац // МАИЭТ. Вып. XIII. Симферополь, 2007. С. 31–55.
- Храпунов И. Н. Ажурная плакетка из могильника Нейзац // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Керчь, 2008. С. 289–294.
- Храпунов И. Н. Склеп IV в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. С. 356–392.
- Храпунов И. Н. Наконечники ремней из могильника Нейзац // МАИЭТ. Вып. XIV. Симферополь, 2008. С. 61–79.

- Храпунов И. Н. Некоторые актуальные проблемы истории и археологии предгорного Крыма в позднеимское время // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 478–481.
- Храпунов И. Н. Оружие из могильника Нейзац // Terra Barbarica. Lodz; Warsawa, 2010. С. 535–555.
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2011. С. 13–113.
- Храпунов И. Н. Склеп с погребениями III–IV вв. н. э. из могильника Нейзац. Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2011. 72 с.
- Храпунов И. Н. Подбойная могила с двумя погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац // МАИЭТ. Вып. XVII. Симферополь, 2011. С. 192–214.
- Храпунов И. Н. Исследования могильника Нейзац // Археологічні дослідження в Україні 2011. Київ: Волинські Старожитності, 2012. С. 140.
- Храпунов И. Н. Особенности могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). I. Симферополь; Бахчисарай: Издательство «ДОЛЯ», 2013. С. 188–207.
- Храпунов И. Н. Исследования могильника Нейзац // Археологічні дослідження в Україні. 2012. Київ; Луцьк, 2013. С. 113.
- Храпунов И. Н. Исследования могильника Нейзац // Археологічні дослідження в Україні 2013. Київ, 2014. С. 92–93.
- Храпунов И. М. Подбойная могила с похоронениями III–IV ст. з могильника Нейзац // Археологія. 2014. Вип. 2. С. 80–90.
- Храпунов И. Н. Погребения II в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. Вып. 1(47). С. 216–240.
- Храпунов И. Н. Две подбойные могилы III в. н. э. из некрополя Нейзац (Крым) // РА. 2016. № 2. С. 132–149.
- Храпунов И. Н., Власов В. П., Мульд С. А., Стоянова А. А. Новые исследования могильников римского времени в центральном Крыму // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. Київ: Шлях, 2004. С. 335–336.
- Храпунов И. Н., Казанский М. М. Погребение № 114 на могильнике Нейзац (предгорный Крым) и древности кочевников Северного Причерноморья второй половины V – первой половины VI в. // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 170–194.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. Новые исследования могильников позднеимского времени в Крыму // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź: Wydawnictwo uniwersytetu Łódzkiego, 2000. S. 479–521.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. Склепы с захоронениями III в. н. э. из могильника Нейзац // V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 375 – 377.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. Склепы с погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь; Керчь, 2004. С. 299–326.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. Погребения женщин в могильнике Нейзац // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Oikos. Керчь, 2006. С. 323–326.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. 10 лет систематических исследований могильника Нейзац // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святые места и сакральные объекты. Керчь, 2007. С. 315–317.

- Храпунов И. Н., Мульд С. А. Исследования могильника Нейзац в 2009 г. // Археологічні дослідження в Україні. 2009. Київ; Луцьк, 2010. С. 451.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. Исследования могильника Нейзац // Археологічні дослідження в Україні. 2010. Київ; Полтава, 2011. С. 361.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Об имущественной и социальной дифференциации населения предгорного Крыма позднеримского времени // КСИА. Вып. 234. 2014. С. 176–199.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Ранние погребения в могильнике Нейзац // История и археология Крыма. Вып. III. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 200 - 234.
- Храпунов Н. И. Находки монет в могильнике Нейзац (1996–2008 гг.) // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 482–488.
- Храпунов Н. И. Монеты из могильника Нейзац (находки 1996–2008 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. М., Магнитогорск, Новосибирск, 2009. № 3. С. 55–82.
- Шабанов С. Б. Детское погребение с бальзамариями из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. XXIV. Симферополь; Керчь, 2010. С. 508–520.
- Шабанов С. Б. Стеклянные сосуды из могильника Нейзац (раскопки 1996–2010гг.) // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 421–427.
- Шабанов С. Б. Стеклянные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996– 2011 гг.) // МАИЭТ. Вып. XVII. Симферополь, 2011. С. 141–191.
- Эрнст Н. Л. Отчет об исследовании случайных и самовольных раскопок погребальных склепов у кол. Нейзац 13–15 июня 1927 г. // Исследования могильника Нейзац. Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2011. С. 7–11.
- Chrapunov I. N. Necropoli di Nezsac, distretto di Belogorsk // Dal mille al mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano: Electa, 1995. S. 153.
- Chrapunov I., Muld S. Das spätrömische Gräberfeld Nejsaz (Rajon Belogorsk) // Unbekante Krim. Heidelberg: Kehrer Verlag, 1999. S. 112–115.
- Ernst N. Report on the Examination of Accidental and Unauthorised Excavations of Burial Vaults near the Colony of Neyzats on 11-13 June 1927 // Exploring the Cemetery of Neyzats. Simferopol; Kristiansand: DOLYA Publishing House, 2013. P. 7–12.
- Khrapunov I. N. A New Account on the Contacts between the Sarmatians and the Germans in Crimea (on the materials of the excavations on the cemetery of Neyzats in 2001) // Europa Barbarica. Monumenta studia Gothica. IV. Lublin, 2005. P. 185–197.
- Khrapunov I. N. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea // The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. Lublin, 2008. P. 189–217.
- Khrapunov I. Germanic Artefacts in the Cemetery of Neyzats // Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea. Kristiansand; Simferopol: Dolya Publishing House, 2013. P. 177–195.
- Khrapunov I. Several Results of the Researches of the Cemetery Neyzats // Exploring the Cemetery of Neyzats. Simferopol; Kristiansand: DOLYA Publishing House, 2013. P. 13–123.
- Khrapunov I. Die Nekropole von Neizats // Die Krim. Golden Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Scythen — Goten. Bonn, 2013. S. 340–351.

- Khrapounov I., Mould S. La nécropole de Neizats // Archeologie de la Mer Noire. La Crimée á l'époque des Grandes Invasions IV–VIII siècles. Caen, 1997. P. 65–66.
- Khrapunov N. Coins in the Cemetery of Neyzats (1996–2008 finds) // Exploring the Cemetery of Neyzats. Simferopol; Kristiansand: DOLYA Publishing House, 2013. P. 270–298.
- Mączyński P. Kilka uwag o zabytkach krzemiennych pochodzących z cmentarzyska Nezac na Krymie // Badania archeologiczne w Polsce środkowowschodniej, zachodniej Białorusi i Ukrainie w roku 2013. Lublin, 2014.
- Radochin V. Some Results of the Investigation of Anthropological Material from the Cemetery of Neyzats // Exploring the Cemetery of Neyzats. Simferopol; Kristiansand: DOLYA Publishing House, 2013. P. 166–190.
- Shabanov S. Two Glass Beakers from the Late Roman Period in the Crimea // Materiały i sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. Tom XXXIII. Rzeszów, 2012. P. 339–349.
- Stoyanova A. The Second and the First Half of the Third Century AD Female Costume Accessories in the Cemetery of Neyzats // Exploring the Cemetery of Neyzats. Simferopol; Kristiansand: DOLYA Publishing House, 2013. P. 124–165.
- Vlasov V., Smokotina A., Khrapunov I. The Cultural Layer Overlying the Cemetery of Neyzats // Exploring the Cemetery of Neyzats. Simferopol; Kristiansand: DOLYA Publishing House, 2013. P. 13–123.

*Составил И. Н. Храпунов*

## Список сокращений

<b>ВА</b>	Вопросы антропологии
<b>ВДИ</b>	Вестник древней истории
<b>ГИМ</b>	Государственный Исторический музей
<b>ИАК</b>	Известия Археологической комиссии
<b>КБН</b>	Корпус боспорских надписей
<b>КСИА</b>	Каткие сообщения Института археологии РАН
<b>КСИИМК</b>	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
<b>МАИЭТ</b>	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
<b>МИА</b>	Материалы по истории и археологии СССР
<b>ПИФК</b>	Проблемы истории, филологии и культуры
<b>РА</b>	Российская археология
<b>РУДН</b>	Российский университет дружбы народов
<b>СА</b>	Советская археология
<b>САИ</b>	Свод археологических источников
<b>ТГЭ</b>	Труды Государственного Эрмитажа

## Сведения об авторах

**КАЗАНСКИЙ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ** (Париж, Франция), Docteur habilité, Directeur de Recherche au CNRS, CNRS-UMR 8167 "Orient et Méditerranée"  
E-mail: michel.kazanski53@gmail.com

**МОНЧИНСКИ ПЕТР** (Жешув, Польша), PhD student, Institute of Archaeology, University of Rzeszów.  
E-mail: archeolublin@gmail.com

**МУЛЬД СЕРГЕЙ АЛЬФРЕДОВИЧ** (Симферополь), научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.  
E-mail: muld@mail.ru

**ПОЛИТ БЕАТА** (Жешув, Польша), PhD student, Institute of Archaeology, University of Rzeszów.  
E-mail: polit.beata@gmail.com

**РАДОЧИН ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ** (Симферополь), старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.  
E-mail: radochin\_v@mail.ru

**СТОЯНОВА АНАСТАСИЯ АНЗОРОВНА** (Симферополь), кандидат исторических наук, президент Благотворительного фонда «Наследие тысячелетий», старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН.  
E-mail: ancient2008@mail.ru

**ХРАПУНОВ ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ** (Симферополь), доктор исторических наук, профессор Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.  
E-mail: igorkhrapunov@mail.ru

**ШАБАНОВ СТАНИСЛАВ БОРИСОВИЧ** (Симферополь), руководитель проектов и программ Благотворительного фонда «Наследие тысячелетий»  
E-mail: neizats2004@mail.ru

16+

Научное издание

КРЫМ В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ  
(II в. до н. э. – IV в. н. э.)  
II

**20 лет исследований  
могильника Нейзац**

*Утверждено к печати Ученым советом  
Института археологии Крыма РАН*

Перевод на английский язык: Н. И. Храпунов  
Оригинал-макет: Ю. И. Борозна

Подписано в печать 15.11.2016 г. Формат 60x84<sup>1/8</sup>  
Бумага офсетная, печать офсетная. Гарнитура Arial  
Тираж 300 экз. Заказ № \_\_\_\_\_

---

Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий»  
Тел.: +7 978 849 08 94, e-mail: heritage1000@mail.ru  
295051, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Чернышевского 10а

Отпечатано с оригинал-макета заказчика.  
ИП Бровко А. А. Республика Крым, г. Саки, ул. Тимирязева, 30

Оптовая и розничная реализация — книжный интернет-магазин "CrimeanBook"  
<http://crimeanbook.com>, e-mail: [book@crimeanbook.com](mailto:book@crimeanbook.com), тел.: +7 978 849 08 94